

ISSN 0042-8779

Вопросы Истории

12'90

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Уоррен Ф. Кимболл (США) — «Семейный круг»: послевоенный мир глазами Рузвельта 3
- Б. Н. Билунов, И. И. Лещиловская — Основные проблемы развития культуры славянских и балканских народов в XVIII—XIX веках 18

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

- С. В. Леонов — Советская государственность: замыслы и действительность (1917—1920 гг.) 29

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

- Иеромонах Никон — Век Крещения 47

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- П. П. Бачинский (Киев), Д. В. Табачник (Киев) — Афанасий Петрович Любченко 60

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Продолжение . . . 76

Выходит
с 1926 года

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты. Продолжение 98
А. Ф. Керенский — Россия на историческом повороте. Про-
должение 131

ПУБЛИКАЦИИ

- Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской
революции 154
Дневник великого князя Константина Николаевича 172
Алфавитный указатель материалов, опубликованных в жур-
нале в 1990 году 188

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

В. П. АЛЕКСЕЕВ, Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ, П. В. ВОЛО-
БУЕВ, А. С. ГРОССМАН, В. П. ДАНИЛОВ, А. П. ДЕРЕ-
ВЯНКО, В. А. ДЬЯКОВ, М. С. КАПИЦА, И. Д. КОВАЛЬ-
ЧЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, В. И. КУЗИЩИН, В. А. КУМА-
НЕВ, Б. В. ЛЕВШИН, А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ, О. А. РЖЕ-
ШЕВСКИЙ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редакто-
ра), К. И. СЕДОВ, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, А. Я. ШЕВЕЛЕНКО,
В. В. ШЕЛОХАЕВ, В. А. ШИШКИН, В. Л. ЯНИН

СТАТЬИ

«СЕМЕЙНЫЙ КРУГ»: ПОСЛЕВОЕННЫЙ МИР ГЛАЗАМИ РУЗВЕЛЬТА

Уоррен Ф. Кимболл

28 ноября 1943 г. Ф. Д. Рузвельт заявил на Тегеранской конференции, что он хочет пригласить в «семейный круг» новых членов. Он сказал, что встречи такого рода проводятся между друзьями с полной и всесторонней открытостью и все, что на них говорится, не подлежит огласке. Он добавил, что уверен в успехе этой встречи и что три великие державы не только будут поддерживать прочный союз во время войны, но тесное сотрудничество между ними сохранится также и на будущие поколения¹.

Как удалось американскому президенту создать атмосферу «семейного круга», пригласив в него все еще внушающего страх Сталина и одновременно предприняв экономические и военные меры сдерживания, чтобы обеспечить его хорошее поведение? Равноправные партнеры не должны подчиняться дисциплине, как дети, однако совет У. Буллита (в сжатом виде в форме меморандума выразившего подобные советы других личных консультантов президента и тревожные предостережения чиновников из госдепартамента²) наталкивал именно на такой подход. Президенты не оставляют добровольно сильных международных позиций, однако мечта Рузвельта о преобразовании военной коалиции в «семейный круг» мирного времени опиралась на необходимость убедить Советы в том, что их интересы не окажутся под угрозой, несмотря на экономическую и военную мощь США. Это означало убедить советского лидера в том, что Рузвельт способен стоять во главе Соединенных Штатов, а Соединенные Штаты — во главе западного мира. Это предполагало также принятие мер, чтобы вновь и вновь убеждать СССР в том, что он может доверять президенту, а президент может доверять Советам.

В связи с этим вставала другая дилемма. Как можно было задобрить Сталина, не нанося вреда главенствующему положению Рузвельта в США и Европе? Конфиденциально президент мог признать печальную реальность оккупации Красной Армией Восточной Европы и советского

КИМБОЛЛ Уоррен — профессор истории Рутгерского университета (США), автор трехтомного труда, посвященного переписке Ф. Рузвельта и У. Черчилля в годы второй мировой войны, и ряда других работ.

¹ Foreign Relations of the United States. Conferences of Cairo and Tehran, 1943. Washington, 1961 (далее — FRUS, 1943), p. 487; Bryant A. Triumph in the West. Garden City — N. Y. 1959, p. 61.

² Имеются в виду А. Гарриман, посол в Советском Союзе с октября 1943 г., а также такие специалисты из Госдепартамента, как Л. Гендерсон и Дж. Кеннан (см. FRUS, 1943).

влияния там³. Но обещание отдать Сталину прибалтийские государства навлекло бы ожесточенные нападки и обвинения в предательстве со стороны конгресса и прессы. Публичное согласие на советское господство в Восточной Европе, в частности в Польше, отказ от противодействия военной оккупации вызвали бы взрыв негодования дома и за границей. Прежде всего как мог бы он поделиться со Сталиным секретом производства атомной энергии в военных и мирных целях? Рузвельт и его помощники называли своих оппонентов в стране «изоляционистами», но это слово только сбивало с толку. Унилатерализм, то есть представление американцев о своей «исключительности», намерение американцев действовать в одиночку в случае, когда другие не соглашаются с их требованиями,— вот с чем должен был бороться Рузвельт у себя в стране.

Рост советской политической и военной мощи в сочетании с ослаблением революционной риторики угрожал привлечь некоторых европейцев на сторону Москвы. Лидер Франции Ш. де Голль, по-видимому, склонялся к этому в 1944 г., и даже английский премьер-министр Черчилль добивался позднее геополитического примирения. Если США откажутся от будущего сотрудничества с Европой, как они сделали в 1919 г., европейцы будут вынуждены обратить свои взоры на Восток — вряд ли такая послевоенная ситуация устраивала американцев или Черчилля.

Еще до того как концепция президента относительно послевоенного устройства мира была представлена в октябре 1943 г. в Москве на совещании английского, американского и советского министров иностранных дел госсекретарем К. Хэллом, а затем в Тегеране самим Рузвельтом, президент в общих чертах обрисовал ее основы. Во время первой встречи с Черчиллем в августе 1941 г. Рузвельт предложил, чтобы Великобритания и США осуществляли «полицейский контроль» мира в переходный период, после которого могла бы быть создана международная организация. К этим двум вскоре были добавлены Советский Союз и Китай.

В начале 1942 г. Рузвельт неопределенно говорил о «четыре полицейских», а затем в мае того же года, во время визита в Вашингтон советского министра иностранных дел В. М. Молотова президент прямо заявил, что «Соединенные Штаты, Англия и Россия, а также, возможно, Китай должны будут контролировать мир и в принудительном порядке проводить контроль за разоружением». Когда Молотов спросил, является ли это суждение «продуманным и окончательным», Рузвельт ответил утвердительно. На вопрос русских, какова будет роль других держав, президент сказал, что слишком большое число «полицейских» может начать борьбу между собой, и предложил, что другие дружественные государства могут быть «номинально» частью системы. Когда Рузвельт выдвинул идею международной системы опеки над «многими островами и колониальными владениями, которые ради нашего же блага должны быть отобраны у слабых государств», Молотов ответил, что Сталин уже выразил полное согласие с идеей «четыре полицейских» и, вероятнее всего, также поддержит концепцию опеки⁴.

Наряду с размышлениями о политической структуре послевоенного мира Рузвельт коснулся второго этапа плана послевоенного устройства мира — мер восстановления экономики. На этот раз президент постарался избежать упоминания о том, что он прежде называл «жалким, глупым старым долларом», и предложил «новое мышление, основанное на старом опыте». Оно было замечательно простым: выплата займов только

³ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. N. Y. 1950, p. 709.

⁴ См. Wilson T. The First Summit. Boston. 1969, pp. 198—199; The War Diaries of Oliver Harvey. Lnd. 1978, p. 32; Sherwin M. A World Destroyed: The Atomic Bomb and the Grand Alliance. N. Y. 1975, p. 88; FRUS, 1942, III, pp. 573—574; см. также: Woodward L. British Foreign Policy During the Second World War. Vol. I—V. Lnd. 1970—1976. Vol. V, ch. 61—62.

главными должниками и с большей рассрочкой; проценты взиматься не должны; все закулисные банковские инвестиционные сделки должны заключаться на льготных условиях, хотя Рузвельт ограничивал это тревожащее условие только займами, предоставленными во время войны. Однако когда советник президента Г. Гопкинс намекнул, что, возможно, настало время выдвинуть идею «особого послевоенного фонда» под международным контролем, Рузвельт на это ничего не ответил⁵. Молотов сухо ответил, что все это будет возложено на Большую Четверку, и затем вернулся к тому, что он рассматривал как неотложное решение, — ко второму фронту. (Рузвельт не забывал о своем плане послевоенного устройства и в конце того же года дал указание военным советникам разработать планы создания сил международной полиции.)

Таким образом, к середине 1942 г. на стол переговоров была положена большая часть плана Рузвельта по устройству послевоенной политической системы. Великие державы должны были выступить в роли «гарантов» мира, колониальные империи — расформироваться, послевоенное восстановление должно было финансироваться, а остальные страны мира — разоружиться (есть высказывание Рузвельта, что «малые государства могут иметь винтовки, но никакого более опасного оружия»)⁶.

Во время визита в Вашингтон британского министра иностранных дел А. Идена в марте 1943 г. президент конкретизировал свои идеи. Как докладывал Иден Черчиллю, «первый вопрос, поднятый президентом, касался послевоенной структуры Организации Объединенных Наций. Основная мысль — что должно быть три организации. Первой стала бы Генеральная Ассамблея, на которой были бы представлены все Объединенные Нации. Эта ассамблея могла бы собираться только раз в год, чтобы выпустить пар. На другом конце лестницы был бы исполнительный комитет, состоящий из представителей четырех держав. Этот орган принимал бы все наиболее важные решения и ему подчинялась бы полиция Объединенных Наций. Между ними располагался бы совет консультантов из представителей четырех держав и, скажем, еще шести — восьми государств. Этот совет собирался бы от случая к случаю, по мере необходимости, для разрешения каких-либо международных вопросов, представляемых на его рассмотрение»⁷.

Рузвельт был не единственным, кто предлагал создать международную полицию. Его главный соперник на выборах 1932 г. Г. Гувер заявлял, что проведенные им исследования общественного мнения в США показали, что большинство поддерживает идею создания после войны англо-американских полицейских сил⁸.

Итак, перед Рузвельтом стояла дилемма: мир и сохранение его зависели от великих держав, но кто будет наблюдать за наблюдателями? Кто заставит участников Большой Четверки со своей стороны воздерживаться от нарушения мира? Он твердо выступал за сотрудничество с Англией, особенно учитывая открытую поддержку Черчиллем послевоенного согласия между обеими странами и приоритет США в их отношениях. Рузвельт признавал мощь Китая, отмечая, что лучше иметь китайцев «в качестве друзей, чем в качестве потенциального источника опасности». Но сразу после войны слабый и дезорганизованный Китай находился бы под опекой США, даже если Чан Кайши оказался бы все

⁵ Гопкинс, видимо, имел в виду план Финансового департамента о создании странами — членами ООН фонда валютной стабилизации и Международного банка реконструкции и развития. Рузвельт одобрил эту идею в мае 1942 г. (см. Eckes A., Jr. A Search for Solvency. Univ. of Texas Press, 1975, pp. 42—57; см. также: Gardner R. Sterling-Dollar Diplomacy in Current Perspective. N. Y. 1980, ch. 5).

⁶ FRUS, 1942, III, pp. 580—581; Woodward L. Op. cit., vol. V, p. 32.

⁷ Eden A. The Reckoning. Boston, 1965, pp. 436—437.

⁸ См. War Diaries of Oliver Harvey, p. 235.

менее послушным опекаемым⁹. Проблему представлял Советский Союз. На нее прямо указал Иден: «Важным вопросом, особенно беспокоившим Рузвельта, был вопрос о том, можно ли иметь дело с Россией теперь и после войны»¹⁰.

Результатом этих опасений было секретное решение, принятое вместе с Черчиллем в августе 1943 г., о том, чтобы не раскрывать русским секрета производства атомного оружия. За несколько месяцев до этого советник Черчилля по науке лорд Черуэлл говорил Рузвельту, что англичане рассматривают бомбу прежде всего как средство сдерживания Советского Союза после войны. Принял Рузвельт этот аргумент или нет, но он, по-видимому, не попытался разубедить Черчилля¹¹. Это решение вполне могло подорвать усилия президента по установлению атмосферы доверия между ним и Сталиным. Советский лидер к началу 1942 г. был осведомлен о программе создания атомной бомбы (Манхэттенском проекте), и эта осведомленность могла породить сомнения в искренности Англии и США.

Нам неизвестно, в полной ли мере осознавал Сталин революционное значение нового оружия. Он проявлял личную заинтересованность в создании советского атомного оружия, но в то же время его ученые уверяли, что для этого потребуется 10—20 лет. Кроме того, некоторые американские военные эксперты были склонны видеть в новом оружии всего лишь бомбу чуть большей мощности, и адмирал У. Ли предупреждал Рузвельта, что «чертова штуковина не сработает». Как бы то ни было, если Сталин и недооценивал значения атомной бомбы, то его подозрения могло укрепить полное молчание англичан и американцев о проекте. Но если Сталин так или иначе осознавал истинное значение бомбы, то мечта Рузвельта о «семейном круге» с самого начала была обречена.

Это возвращает нас к геополитической установке Буллита: конфронтация Советского Союза с Англией и США в военной и экономической сферах. Неудивительно, что в деталях взгляды Рузвельта были неустойчивы и неопределенны. Эта неопределенность была порождена вставшей перед ним дилеммой.

Конечно, в своем меморандуме Буллит исходил из невероятной перспективы обратить Советский Союз в либеральную экономическую и политическую демократию либо из представления о коварном, расчетливом, строящем интриги Сталине, который создавал иллюзию готовности к сотрудничеству. Президент отвергал обе крайности, был согласен с конечной целью, но не был уверен в тактике, несмотря на свой интерес к мнению, высказанному Иденом, — о призраке советского экспансионизма¹². Буллит вспоминал, что во время их беседы президент держался той наивной точки зрения, что Сталин — не «кавказский бандит», как представил его экс-посол. Во всяком случае, видимо, аргументы Буллита укрепили Рузвельта в намерении избегать преждевременной открытости в отношениях с Советами¹³.

Однако Буллит продолжал свою линию, настаивая в мае и августе 1943 г. на проведении политики, которую мы теперь называем «холодной войной». Он предложил, чтобы Рузвельт перенес основные усилия США на войну с Японией, пока англичане и русские не договорились разбить Японию, и принять американские планы вторжения в Европу — планы, основанные на предположении, что «наши политические цели тре-

⁹ FRUS, 1943, p. 532.

¹⁰ Eden A. Op. cit., p. 432.

¹¹ Существует предположение, что в Ялте Рузвельт обдумывал возможность сказать Сталину об атомной бомбе (см. Gilbert M. Road to Victory, 1941—1945. Vol. VII. Boston. 1986, p. 1265).

¹² FRUS, 1943, III, p. 22.

¹³ For the President, Personal and Secret. Boston. 1952, pp. 554—555; Bullitt W. How We Won the War and Lost the Peace.— Life, 1948, № XXV, pp. 82—97.

буют ввода английских и американских сил на Балканы, а также в Восточную и Центральную Европу». Предвидя то, что за этим последует, Буллит настаивал: первый шаг к предотвращению советского господства в Европе — создание англо-американской границы в Восточной Европе; второй — установление демократических правительств за этой границей и предупреждение коммунистических переворотов¹⁴.

11 ноября 1943 г. в 9.30 вечера по вашингтонскому времени Рузвельт отправился из Белого дома в Каир, а затем в столицу Ирана Тегеран, хотя состояние его здоровья вряд ли позволяло предпринимать такое путешествие. С начала второй мировой войны он не совершал столь дальних вояжей для обсуждения вопросов, которые могли быть решены в переписке или через его подчиненных. Военная стратегия всех уровней — важная проблема, но это дело генералов и адмиралов. То же можно сказать и о Черчилле, который все больше выглядел как посредник между Москвой и Вашингтоном, и о Сталине, убежденном, что конференция будет посвящена политике: он взял с собой лишь одного военного советника — маршала К. Е. Ворошилова, который был скорее политической фигурой, чем военной¹⁵. Помимо всего, Рузвельт был не единственным лидером, который во время войны стремился залезть в чужой политический карман¹⁶. Даже такой глобальный вопрос, как открытие второго фронта, не требовал присутствия Большой Тройки. Открытие второго фронта — план «Оверлорд», захват Северной Франции — могло быть согласовано по почте¹⁷.

В Тегеране Сталин спокойно, но твердо заявил Черчиллю и Рузвельту в начале их первой пленарной встречи, что он считает вторжение на север Франции лучшим способом разбить Германию и ждет твердого решения от англо-американской стороны; все остальное — это детали. Черчилль продолжал в ходе конференции выдвигать возражения и аргументы, направленные на отсрочку наступления через Ла-Манш, но новый рузвельто-сталинский блок проявлял все большую настойчивость¹⁸.

То, что Рузвельт, в сущности, отдал Сталину решение об открытии второго фронта, иллюстрирует лишь недооценку его политического значения. Хотя Рузвельт воспринял стратегию разгрома Германии, выработанную Объединенным командованием, и несмотря на то, что он снова и снова стремился дать отпор Черчиллю и англичанам, когда они покушались на эту стратегию, он также был склонен слушать Сталина, когда тот высказывал беспокойство по поводу плана «Оверлорд». Главным был разгром Германии, и если Советский Союз, который вынес основную тяжесть войны в Европе, предлагал путь, который он считал наилучшим, это должно было приниматься во внимание. Рузвельт все еще поддерживал стратегию наступления через Ла-Манш, но к декабрю 1943 г. основ-

¹⁴ For the President, pp. 591—594, 595—599.

¹⁵ Как сказал Сталин, он не привез свой военный штаб, но «Ворошилов постарается» (FRUS, 1943, p. 496). Гарриман позже предположил, что Сталин держал своих генералов на расстоянии, чтобы самому «контролировать дискуссию» (Haggiman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. N. Y. 1975, p. 266). Доказательства существования в Форин оффис мнения о Великобритании как о посреднике см.: Thorne C. Allies of a Kind. N. Y. 1978, pp. 141, 381, 384.

¹⁶ М. Джилас в книге «Разговоры со Сталиным» цитирует характеристику Сталиным Черчилля как «типа, который, если не следить за ним, выудит копейку из твоего кармана... Боже мой, копейку из твоего кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой. Он ищет только крупные монеты» (Цит. по: Stoler M. The Politics of the Second Front. Westport. 1977, p. 158).

¹⁷ См. Sainsbury K. The Turning Point: Roosevelt, Stalin, Churchill and Chiang-Kai-Shek, 1943, N. Y. 1985, pp. 97—99.

¹⁸ Конференции в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Документы. М. 1969, с. 7—16; FRUS, 1943, pp. 487—508, 535—539; Бережков В. История в развитии: мемуары о дипломатии времен второй мировой войны. М. 1983, с. 265—282.

ным стал вопрос о создании стабильной политической обстановки после войны.

Формирование «семейного круга» в решениях конференции имело более важное значение, чем военная стратегия. Об этом говорит и попытка Рузвельта провести встречу один на один со Сталиным. Победивший Советский Союз мог стать после войны могучей геополитической силой, встав в один ряд с Соединенными Штатами. У США было экономическое и идеологическое превосходство. На этой оценке основывалась неудавшаяся попытка Рузвельта скрыть от Черчилля предложение о двух беседах со Сталиным. Рузвельт должен был оказаться в неловком положении, но не оказался. По словам двух его личных представителей, Дж. Дэвиса и Гарримана, целью встречи Рузвельта со Сталиным было показать, насколько не нужно было Британии становиться «дружеским посредником» в делах между США и СССР¹⁹.

Этот имидж независимости являлся частью продуманной стратегии со стороны Рузвельта. Президент искал встречи со Сталиным задолго до получения от Буллита его бесплатного совета. В послании Черчиллю от 2 декабря 1943 г. Рузвельт признал, что встреча Большой Тройки необходима. Интересно, что он вычеркнул из черновика подсказанные советниками слова, чтобы Черчилль и Рузвельт «отправились на конференцию только после самого полного обмена мнениями и достижения полного взаимопонимания». Вместо этого президент попросил советников «создать у Сталина впечатление, что мы обо всем между собой договорились перед встречей с ним»²⁰.

Рузвельт был неодинок в своих опасениях. Даже у англичан один раз, в 1942 г., планы визита Идена в Вашингтон возникли частично из опасений, что советская сторона заподозрит существование секретных англо-американских договоренностей, что вызывало беспокойство Рузвельта и Гопкинса. Сталин мог быть уверен, что англичане и американцы действовали в тесном сотрудничестве — он выражал удивление желанием Рузвельта беседовать один на один, — но также искал пределы этого сотрудничества, предполагая, что договор СССР с Англией помешал бы англо-американской договоренности по послевоенному устройству мира.

Однако именно американцы уклонялись от предварительных соглашений с Лондоном по этим вопросам. И это намерение держать англичан на расстоянии Черчилль с болью осознал ко времени конференций в Каире и Тегеране. Премьер-министр увидел, что президент не хочет встречаться для предварительных переговоров. Извинения Рузвельта были многословны и сложны. То он не мог уехать из Вашингтона, пока Хэлл не вернется из Москвы, то он отклонял предложение Черчилля (поддерживаемое Гопкинсом) о другой встрече в Касабланке, жалуясь, что гавань слишком мелководна, то он хотел, чтобы на всех штабных переговорах между США и Англией присутствовал советский представитель, то он предлагал встретиться после переговоров в Тегеране. Даже его полет из Алжира в Каир был отсрочен. Что бы Черчилль ни предлагал, Рузвельт уходил от этого. Врач Черчилля, лорд Моран, отметил в своем дневнике: «Я вижу, и это шокирует, что для американцев премьер-министр — главный злодей; они гораздо более скептичны по отношению к нему, чем к Сталину. Во всяком случае, кого бы ни винить в этом, ясно, что мы едем в Тегеран, не имея общего плана»²¹.

¹⁹ См. MacLean E. Joseph E. Davies and Soviet-American Relations, 1941—1943.— Diplomatic History, Vol. 4, Winter 1980, pp. 73—93; Harriman A., Abel E. Op. cit., pp. 216—219.

²⁰ Kimball W. Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Princeton, 1984, II, R-224.

²¹ Lord Moran [Charles Wilson]. Churchill: Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966, p. 142; см. также: The Diaries of Sir Alexander Cadogan. N. Y. 1972, p. 581.

Президент немедленно устроил встречу один на один со Сталиным, чем вызвал возмущение Черчилля (он пробормотал что-то о подчинении приказам, затем риторически пригрозил дать завтра обед по случаю своего дня рождения, выпить и покинуть конференцию). Рузвельт отклонил приглашение премьер-министра на ленч. Затем, во время своей третьей частной встречи со Сталиным, Рузвельт вновь отступился от англичан, сказав, что «было преждевременным» обсуждать с Черчиллем идеи о послевоенной международной организации, даже несмотря на то, что президент уже обрисовал их во время своей первой встречи со Сталиным²².

Частью проблемы был сам Черчилль. Как определил один из английских чиновников в августе 1943 г., «русские дела сейчас нисомверно сложны. [Черчилль] — настоящий путаник. Его высказывание о том, что он посоветуется с американцами и информирует русских — это не оговорка. Это его сознательная политика, и она втянет нас в беду»²³.

Однако то, чего хотел Рузвельт, было сложнее, чем просто убедить советского лидера, что англичане и американцы «не сговариваются» против него. Цель была в том, чтобы создать советско-американские рабочие отношения, и эта цель требовала освободить англичан и русских от заблуждения, что Великобритания — желанный посредник в делах между США и СССР. В начале войны президент заметил Черчиллю, что «Сталин ненавидит всю вашу пузатую знать. Я ему больше нравлюсь, и я надеюсь, и дальше так будет». Через год он сказал премьер-министру, что частная встреча между ним и Сталиным — хорошая мысль, потому что советский лидер будет «более свободен» в отсутствие Черчилля.

В Тегеране в беседах Рузвельта с его советниками об англичанах говорили как о препятствующих советско-американскому сотрудничеству. Гопкинс выразил раздражение и недоверие, узнав о попытке англичан поладить с русскими. Когда он спросил Дж. Дэвиса, как раз перед встречей в Каире и Тегеране, об отношениях между союзниками, Дэвис сообщил, что англичане имеют сильнейшее влияние на русских, хотя Хэлл передавал, что во время встреч в Москве Молотов больше склонялся обсуждать предложения американцев, чем англичан. Гопкинс, опасаясь, что англичане ведут игру с Соединенными Штатами против Советского Союза, предпринял шаги, чтобы убедиться, что англичане ничего не могут противопоставить ленд-лизу. В действительности личное восхищение Гопкинса Черчиллем как человеком никогда не рассеивало его недоверия к английской политике и политическим деятелям. Моран сердито сообщал, что, когда он встретил Гопкинса в Каире, тот был «полон насмешек и колкостей» относительно попыток Англии отсрочить план «Оверлорд»²⁴.

Не вопросы военной стратегии, а послевоенная политика собрала их вместе в Тегеране. Каковы же были методы Рузвельта? После Московской конференции министров иностранных дел политический обозреватель У. Липпман поздравил Рузвельта с результатами переговоров. Ответ президента был сдержан, даже циничен: «Порой, однако, я чувствую, что миру здорово повезет, если он получит 50% ожидаемого после войны успеха. И этого было бы много». Как отмечал Липпман спустя десятилетие, Рузвельт был слишком циничен и недоверчив, чтобы рассчитывать

²² Harriman A., Abel E. Op. cit., p. 265; Lord Moran. Op. cit., p. 136; FRUS, 1943, p. 595.

²³ The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941—1945. Cambridge. 1984, p. 134.

²⁴ McJimsey G. Harry Hopkins. Cambridge. 1987, pp. 299—301, 305—306; The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr. 1943—1946. N. Y. 1975, p. 14; Lord Moran. Op. cit., p. 140.

очаровать Сталина в Тегеране. «Он считал возможным,— пишет журналист,— лишь перехитрить Сталина, а это совершенно другое дело»²⁵.

Это ли подразумевал президент под «семейным кругом»? Были ли провозглашенные им цели в Тегеране и на протяжении войны большей частью показными? Или он всерьез надеялся и стремился вовлечь Советский Союз в своего рода широкую, эффективную международную систему, которая бы несла мир малым народам и охраняла бы его, предотвращая конфронтацию между великими державами? Президент, возможно, в большей степени, чем Черчилль или Сталин, был склонен отступить, лавировать, идти на компромиссы в тактике, чтобы добиться успеха в том, что он считал жизненно важным стратегическим вопросом. Тегеран — только часть этой мозаики, но ее центральная часть. Эта конференция ознаменовала собой четкую переориентацию приоритетов Рузвельта от военных целей на вопросы послевоенного устройства мира. Его предложения имели характер неопределенных намеков, как это часто бывало, однако намеченные им основные положения впоследствии изменялись лишь в формулировках, но не по существу²⁶. Но прежде чем Рузвельт сыграл свою роль в Тегеране, его госсекретарь подготовил сцену в Москве.

Встречи на высшем уровне времен второй мировой войны оставляли в тени важное значение других конференций и участвовавших в них менее крупных фигур — в данном случае Хэлла и московскую встречу министров иностранных дел, состоявшуюся за месяц до Тегерана. Хэлла часто игнорируют как не игравшего большой роли в американской политике. В Тегеран в качестве главного советника Рузвельт взял с собой Гопкинса. Но этому могла быть иная причина. По словам адмирала Ли, исполнявшего при Рузвельте обязанности начальника штаба, госсекретарь телеграфировал из Москвы, что состояние здоровья не позволяет ему быть в Каире и Тегеране²⁷. Правда, президент хотел иметь, особенно на встрече в верхах, рядом с собой «альтер эго», а для этой роли Гопкинс подходил гораздо больше, чем Хэлл. Однако это не означает, что госсекретарь не мог выступать от имени президента по некоторым общим вопросам.

В Москве Хэлл представлял не только свою собственную точку зрения на организацию послевоенного мира, он говорил от имени Рузвельта. Хэлл, старый последователь Вильсона, и Рузвельт, молодой последователь Вильсона, которому легче было избежать вильсоновских ошибок, по-видимому, все более расходились между собой с течением времени, но осенью 1943 г. Хэлл был превосходным исполнителем этой миссии. Он и Рузвельт встретились 5 октября 1943 г. и договорились о том, «что может быть сделано для достижения более или менее прочного международного соглашения» после войны²⁸. Хэлла не интересовали дебаты о наступлении через Ла-Манш и другие военные вопросы, поэтому в таких предметах он мог следовать просто инструкциям. Он рассматривал обещание Советского Союза вступить в войну на Дальнем Востоке в большей мере как политический, нежели военный фактор сотрудничества. Он, как и президент, видел в Восточной Европе пучину, способную поглотить любую послевоенную всемирную организацию.

Как и Рузвельт, Хэлл считал Китай противовесом для США, которые втягивают в привычный круг мелких европейских свар из-за этнических и исторических границ — в Восточной ли, или в Западной Европе. Знаменитое восклицание Рузвельта: «Я совершенно не намерен вести

²⁵ Divine R. *Second Chance: The Triumph of Internationalism in America During World War II*. N. Y. 1967, p. 157.

²⁶ См. Бережков В. Ук. соч., с. 261.

²⁷ Leaky W. *I was There*. N. Y. 1950, p. 207.

²⁸ FRUS, 1943, I, pp. 541—543.

полицейский надзор над Францией, и, возможно, Италией, а также над Балканами!», выражает также и мнение Хэлла. Оба они с подозрением относились к претензиям Англии на роль посредника между Востоком и Западом. И подобно Рузвельту, Хэлл считал, что задача создать для американского народа мир по образцу вильсоновского требует особой заботы, чтобы сенат США и электорат не повторили своих ошибок 1919 и 1920 годов. Каким бы странным это ни показалось для американских глобалистов после второй мировой войны, но в 1943 г. отступление к унилатерализму (неизменно ошибочно именуемому «изоляционизмом») было вполне реальной возможностью²⁹.

В Москве дилемма «определенность или общая картина» достигла предельной остроты, которую усиливали проблемы Китая и Восточной Европы. Хэлл настаивал, что проблемы Восточной Европы — это детали, которые СССР и Великобритания могут урегулировать между собой. Такова же была позиция Рузвельта в Тегеране. Гарриман выразил недовольство тем, что Хэлл и Рузвельт стремились включить Китай в число так называемых четырех держав. Посол считал, что «надо было также посоветовать Хэллу использовать значительные русские рычаги, чтобы попытаться выработать соглашения, охраняющие независимость Польши и других стран Восточной и Центральной Европы, чье освобождение было вопросом нескольких месяцев». Когда Гарриман подталкивал Хэлла к разговору с Молотовым о Польше, госсекретарь сказал: «Я не хочу обсуждать такие пустяки. Мы должны вести речь о главных вопросах»³⁰.

А какие вопросы были «пустяками»? Был ли Хэлл просто глуп, как позднее предположил Гарриман? «Главный вопрос,— пишет Гарриман в своих воспоминаниях,— как его представлял Хэлл, была его собственная декларация о четырех державах, документ, внушавший уверенность, что четыре державы будут соблюдать безупречный декорум после победы в войне»³¹. Нежелание Хэлла увязнуть в «пустячных вопросах» отражает его решимость сосредоточиться на более широкой концепции послевоенного устройства мира. Его (и Рузвельта) план, провозглашенный в Декларации четырех держав, призывал США, Великобританию, Советский Союз и Китай продолжить их сотрудничество военного времени «для организации и поддержания мира и безопасности»³². Для достижения этой цели требовалось добровольное и конструктивное сотрудничество с Советским Союзом. Поэтому Хэлл согласился на просьбу Молотова снять пункт о «совместных» акциях и консультациях в оккупированных и освобожденных районах.

Твердая настойчивость, с которой Хэлл включал Китай в число четырех держав, отражала его веру в то, что послевоенные взаимоотношения между США и СССР будут связаны не только с Восточной Европой. В этом смысле он и президент шли даже дальше Сталина. Хэлл и Рузвельт на всем протяжении войны настаивали на том, что послевоенное устройство должно быть согласовано в мировом масштабе, если даже каждый из участников Большой Четверки в конце концов станет или будет считаться стражем одного региона. Весной 1943 г. Иден докладывал Черчиллю, что задуманный Рузвельтом исполнительный комитет Организации Объединенных Наций — это просто Большая Четверка, хотя президент сопровождал это определение следующим предостережением: «Было существенно... организовать все эти органы Объединенных Наций на общемировой, а не на региональной основе... Единственное об-

²⁹ См. *The Memoirs of Cordell Hull*. Vol. 1—2. N. Y. 1948.

³⁰ *Harri man A., Abel E. Op. cit.*, pp. 236, 244. Хэлл также говорил о советско-польском пограничном вопросе как о «ящике Пандоры, порождающем бесконечные проблемы».

³¹ *Ibid.*, p. 236.

³² *FRUS*, 1943, I, pp. 600, 756.

ращение к мировому сообществу, которое реально может иметь все, должно основываться на концепции мирового масштаба»³³.

Чем будет отличаться такой регион от Пакс Британика, Российской империи или доктрины Монро? Это было одно из многих явных противоречий, которое Рузвельт никогда не освещал. Позднее, осенью 1944 г., когда он узнал о планах переговоров между Сталиным и Черчиллем относительно европейского урегулирования, первоначальной реакцией президента было желание подбодрить премьер-министра — ведь США не волновали детали восточноевропейских дел. Только после того, как Гопкинс и Гарриман с беспокойством заговорили об ужасных последствиях, президент все же сказал Черчиллю, что США интересуется все происходящее. Тогда, в 1943 г., Рузвельт не рассматривал Польшу в качестве лакмусовой бумажки, какой она стала для участников «холодной войны» как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах. Как признал Сталин, Рузвельта не удовлетворяли одна-две копейки. Получить в качестве выигрыша Восточную Европу — для него это было слишком мало, если ставкой был весь мир.

Именно мир был той темой, которую Рузвельт был намерен обсуждать в Тегеране. Каирская интерлюдия с Черчиллем и китайским лидером Чан Кайши во многом послужила утверждению Китая в качестве законного послевоенного лидера, пусть даже обещанные китайскому руководителю военные кампании вскоре натолкнулись на проблемы военной техники и стратегии, а также на политику колониализма.

Но в Тегеране президент столкнулся лицом к лицу с главным препятствием своим послевоенным планам — Сталиным и Советским Союзом. Рузвельт вступил в войну, думая, что, когда Германия и Япония будут побеждены, политика европейских держав и колониализм будут представлять собой наибольшую угрозу демократическим, миролюбивым народам — и этого представления он не менял. Он не верил в способность Англии или других западных демократий привести Европу к миру. Но к этим страхам скоро добавилось понимание того, что Советский Союз стал новой фигурой на мировой арене, и такое развитие событий сильно усложнило дело. По этой причине беседы Рузвельта со Сталиным в Тегеране — встречи, сугубо частного характера которых взбесил Черчилля, — имеют особое значение.

Рузвельт четко выразил советскому лидеру свое желание обсуждать «великое множество других вопросов, относящихся к будущему мира». Когда Сталин сказал, что они могут обсуждать все, что захотят, Рузвельт принялся описывать, как он представляет себе послевоенную международную организацию. Сталин затронул самую сердцевину проблемы, спросив, будет ли этот орган (исполнительный комитет, состоящий из Большой Четверки и шести других государств) «принимать решения, обязательные для мира?». Тогда Рузвельт заговорил о «четыре полицейских», которые будут противостоять чрезвычайной угрозе миру, но Сталин вновь поставил перед президентом этот вопрос, сказав, что малые народы могут возражать против того, чтобы Большая Четверка им приказывала. В частности, они могут протестовать против того, чтобы в этом качестве выступал Китай.

Это дало Рузвельту возможность избежать вопроса о власти Большой Четверки и взамен представить свою концепцию региональных комитетов, включая его сомнения по поводу того, могут ли американские войска использоваться в Европе. Сталин поинтересовался, как может быть поддержан порядок в Европе без американских войск, и дискуссия свелась к практическим вопросам типа: как предотвратить возрождение германской армии? Сталин считал этот вопрос гораздо более насущным, чем глобальный план Рузвельта, хотя президент упомянул о том, что в да-

³³ E d e n A. Op. cit., pp. 436—437.

лекой перспективе мощным потенциалом будет обладать Китай. Как определил один обозреватель, Рузвельта больше интересовал мир, чем война, тогда как Сталин хотел заниматься конкретными делами³⁴.

Рузвельт был крайне чувствителен к угрозе, которую представляли малые государства для достижения согласия между членами Большой Тройки. Память о первой мировой войне, начавшейся на Балканах, не только подогревала беспокойство относительно вмешательства в дела Восточной Европы, но также вызывала страх повторения не прямой, через столкновение других стран, войны, которая могла начаться на Балканах и снова втянуть великие державы в борьбу друг с другом. Сталин понимал, что Рузвельт не считал малые государства фигурами в большой политической игре, но, по всей видимости, не почувствовал опасений президента, что эти государства могут нарушить его грандиозный международно-политический план. В беседе после встречи в Тегеране на вопрос о том, что после войны Греция и Югославия будут, возможно, претендовать на обладание военными силами, Рузвельт ответил: «Будет ли необходимо этим государствам защищать себя после этой войны?» Сделав вывод, что президент думает, что ему «удалось благое дело — изгнать войну, во всяком случае, из Европы», его собеседник замечает скептически: «Но почему нужно оспаривать веру работника в свою работу?»³⁵.

Разоружение, которому подлежали бы почти все, оставляло без ответа вопрос о том, кто будет стражем самих стражей порядка, и одно замечание, сделанное Рузвельтом позднее, — «поддержание морального престижа великих держав является основным элементом любой эффективной системы международного сотрудничества» — вскрывает трудность воплощения мечты в действительность. Когда С. Уэллес поставил перед ним этот вопрос, Рузвельт «отбросил как не имеющий большого значения тот аргумент, что ни одно ответственное правительство малой страны нельзя принудить уничтожить свою военную машину, на которую оно возлагает обеспечение безопасности народа, если только узурпировавшие свои функции стражи порядка не приготовятся оккупировать эту страну силой». Через 14 месяцев в Ялте президент согласился с заявлением Сталина, что хотя права малых стран должны быть защищены, эти государства не должны выступать судьями действий великих держав. Рузвельт добавил, что мир должен диктоваться Большой Тройкой. Черчилль подхватил эту мысль, цинично заметив: «Орел может разрешить мелким птичкам петь, не заботясь о том, отчего они поют»³⁶.

Крепнущее в США общественное мнение в пользу участия в какой-то послевоенной международной организации, целью которой будет сохранение мира, давало Хэллу в Москве и Рузвельту в Тегеране растущее чувство свободы действий, направленных на послевоенное международное сотрудничество. Но изоляционистские и унилатералистские голоса в США раздавались громко и часто, и резолюция Коннели, принятая сенатом США 5 ноября 1943 г., отклонила вопрос об использовании силы для поддержания международного мира³⁷. Частично по этой причине, но отчасти и по личному убеждению президент вновь и вновь настаивал, чтобы военные силы США были выведены из Европы как можно скорее. Он сказал адмиралу Маршаллу, что необходимо будет сохранить в Европе армию в 1 млн. человек только в течение одного-двух лет. Даже Министерство обороны, планируя администрацию в послевоенной Германии,

³⁴ См. FRUS, 1943, pp. 529—533.

³⁵ Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933—1947. Princeton. 1980, p. 397. Рузвельт также предполагал существование разоруженной Польши и удивлялся, почему Франции нужны большие вооруженные силы, раз Германия будет разоружена (FRUS, 1943, III, p. 17).

³⁶ FRUS, Yalta Conference, pp. 589, 590.

³⁷ Divine R. Op. cit., pp. 136—155.

исходило из того, что оккупация будет краткосрочной³⁸. Возможно, это отражало понимание Рузвельтом пределов американской мощи. Но каковы бы ни были причины, это исходное положение было основным определяющим элементом в его послевоенной схеме.

Но и это не разрешало одной из основных дилемм, стоящих перед президентом. Европейское соперничество — иногда в странах Европы, иногда в их колониальных владениях — втягивало остальной мир в череду глобальных конфликтов, берущих начало в такой дали, какой американцы называют Французскую или Индийскую войны. Европа породила две мировые войны в одном только XX столетии. Что можно было сделать, чтобы предотвратить повторение этого? Одним из шагов была деколонизация империй, но этим не разрешались внутриевропейские споры, концентрировавшиеся в Восточной и Центральной Европе, где Советский Союз столкнется с другим европейским стражем порядка — Великобританией. Но если Англия не сумеет договориться с Советским Союзом, как может быть поддержан мир? Рузвельт сделал следующее: поставил США и особенно самого себя в позицию посредника между СССР и Англией, хотя эта роль и не требовала присутствия американских войск в Европе. Более того, Рузвельт предполагал, что раздел богатства — одна из вечных тем Черчилля — плюс экономическая мощь США не оставят Великобритании ни самостоятельного курса, ни желания действовать независимо.

Но сотрудничество с Советским Союзом — это было другое дело. Рузвельт настойчиво поддерживал идею об использовании экономического давления для того, чтобы воздействовать на Сталина, но неожиданно отступал, когда приходило время прибегнуть к такой политике. Слишком просто было бы приписывать это его склонности к промедлению, пусть даже промедление было тактикой Рузвельта. Президент отказался избрать конфронтацию с обидчивым, подозрительным, революционным государством, обладающим огромной и возрастающей мощью. Игра в буллитовскую «щедрую леди» с советскими «нищими» могла привести к неожиданному результату. Как сказал однажды президент Черчиллю: «Со Сталиным необходимо обращаться с осторожностью. Мы всегда должны держать в уме личность нашего союзника, а также очень трудную и опасную ситуацию, в которой он находится. Ни от одного человека, чья страна оккупирована, нельзя ожидать, что он будет рассматривать войну с общечеловеческой точки зрения»³⁹.

Два момента ставили под угрозу планы Рузвельта относительно послевоенного развития отношений великих держав: 1) судьба Восточной Европы, рассматриваемой некоторыми как лакмусовая бумажка, как испытание намерений СССР и 2) сотрудничество с Советским Союзом в рамках международной системы сохранения мира. Рузвельт отдавал себе отчет в том, что первого испытания СССР не выдержит, и это может поставить под вопрос высокую цель сотрудничества великих держав⁴⁰. Поэтому Рузвельт (и Хэлл) избегали и игнорировали проблемы, касающиеся Восточной Европы, в надежде уберечь более важную цель — долговременное сотрудничество.

Хотя один из английских участников Тегеранской конференции раздраженно заметил, что «президент у Сталина в кармане», советский лидер вряд ли с этим согласился бы. Липпман был прав, делая вывод, что Рузвельт надеялся перехитрить Сталина. Гопкинс говорил, что президент был убежден: «Даже если он не сумеет обратить Сталина в хорошего демократа, он сможет прийти к рабочему соглашению с ним». Рузвельт

³⁸ См. FRUS, 1943, p. 256.

³⁹ Цит. по: Kimball W. Op. cit., I, R-171.

⁴⁰ См. FRUS, 1943, I, p. 542.

приехал в Тегеран, чтобы «найти общий язык со Сталиным»⁴¹. Президент не был слеп. Им владела идея соединить вместе в качестве партнеров в послевоенном мире Великобританию, США и СССР, и в то же время он не поддерживал стремлений Черчилля установить особые англо-американские отношения.

Участник Тегеранской конференции историк Г. Фейс размышлял, почему после Тегерана у Рузвельта не было «мрачных предчувствий» относительно Европы под господством советской военной и политической власти. Одна из причин, рассуждал Фейс, могла заключаться в том, что президент думал: Сталин удовлетворится безопасным существованием СССР в своих собственных границах. Второй причиной могло быть допущение, что Сталина заботят интересы страны, а не интересы коммунистической экспансии. Третье предположение Фейса можно свести к замечанию: «Эти вопросы размеров, границ, относительной мощи государств континентальной Европы могут считаться малозначительными. Если, как можно думать, три главных участника военной коалиции совместно создадут новую международную политическую организацию, подобные вопросы смогут быть разрешены удовлетворительным образом; тогда как, если они вступят в конфликт и не смогут быть верными своей спасительной цели, перед Европой встанет мрачное будущее, что бы и как бы они сейчас ни решили»⁴².

Если мы подумаем о «международной политической организации» как о чем-то гораздо более широком, чем Организация Объединенных Наций, и представим себе границы европоцентризма Фейса, тогда его третье предположение окажется очень близким к правде.

Через несколько месяцев после окончания войны (некоторые считают, что раньше) началась «холодная война», но она оставалась «холодной» только в Европе, где политические стены, сдерживание, эгоистические интересы и этноцентризм способствовали сохранению мира стилизованной формы, и стала «горячей» за пределами Европы — в Китае, Корее и особенно в бывшем колониальном мире — задолго до срока, предсказанного Рузвельтом. Действительно, по мере того как продолжалась война и продолжалось сотрудничество Большой Тройки, президент был настроен все более оптимистично. В 1942 г. он сказал Молотову, что «мир может быть установлен и гарантирован по крайней мере на 25 лет или на такое время, какое может прожить поколение, к которому принадлежит он, Сталин и Черчилль». Позднее, во время Ялтинской конференции, он сказал, что «пятьдесят лет [мира] достижимы и возможны»⁴³.

Крах плана Рузвельта относительно послевоенного сотрудничества показывает, что недопустимо игнорировать мелкие, мучительные проблемы границ и привилегий; что великие концепции слишком расплывчаты и аморфны, чтобы их можно было реализовать. Либо президент, как считают некоторые, прятал амбиции своего государства за фасадом идеализма, либо, что более вероятно, все — от Рузвельта и Черчилля до Сталина — вели нечестную игру. Верх взяло соперничество в экономике, военной сфере, идеологии (борьба за сердца и умы народов), и, как боялся Рузвельт, Восточная Европа стала родиной нового шторма.

Но тогда, при закрытии Тегеранской конференции, и позднее, в Думбартон-Оксе и на переговорах в Ялте, рузвельтовская концепция послевоенного сотрудничества еще имела шанс на успех. Тревога президента по поводу чисто внешнего урегулирования восточноевропейских полити-

⁴¹ Lord Moran. Op. cit., p. 143. Это замечание принадлежит генералу А. Бруку, начальнику имперского Генерального штаба.

⁴² Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton. 1957, pp. 275—276.

⁴³ Цит. по: Sherwood R. Op. cit., p. 560; Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., p. 242.

ческих споров не означала, что он оставил свою главную цель — создание либерального, демократического мира. Интересно его высказывание о короле Греции Георге II: «Мне очень нравится Георг — я в самом деле называю его по имени — но, конечно, он не является очень сильной или внушительной личностью, поскольку у него нет опыта ведения президентской предвыборной кампании»⁴⁴.

Столь же любопытным примером взглядов Рузвельта на политические игры было его предложение установить, как он это называл, «три информационных порта». Используя преимущества современных средств связи, такие центры, находящиеся под международным контролем и учрежденные в ключевых точках земного шара, обеспечили бы доступ ко всем народам мира информации, которую диктаторы не могли бы подвергать цензуре. И это исходило от человека, который постоянно приказывал Федеральному бюро расследований раскрывать пути утечки информации и который пытался манипулировать новостями. Но это все вопросы, связанные с его положением. Для него вся свободная пресса была частью политической игры⁴⁵. Он предпочел бы, чтобы «три информационных порта» в большой степени зависели бы от информации, контролируемой государством. Важно именно тогдашнее согласие Рузвельта с тем, что информация и демократические институты взаимозависимы.

Такой же подход лежал в основе его надежд относительно Восточной Европы — что «открытые зоны» дадут поток культуры, торговли и информации. Чем бы ни была его юношеская склонность к политике силы, когда он во время первой мировой войны служил помощником министра флота, он, по-видимому, воспринял от Вильсона понимание общественной дипломатии — использование общественных установок и пропаганды для воздействия на электорат либеральных государств. Это была либо дань Рузвельта популистской демократии, либо признание, что в конечном счете власть принадлежит народу⁴⁶.

Заклячая обед Большой Тройки в британской миссии, Рузвельт уподобил отношения между тремя великими державами разноцветной радуге: «Здесь, в Тегеране, мы доказали, что различные идеалы наших народов могут слиться в гармоническое целое, совместно продвигаясь ко всеобщему благу — нашему и всего мира. Итак, покидая эту историческую встречу, мы можем впервые увидеть в небе традиционный символ надежды — радугу»⁴⁷.

Каков же был после закрытия Тегеранской конференции взгляд Рузвельта на послевоенный мир? Чего он добивался? Были ли цели президента достаточно ясны ему самому? Как он собирался осуществлять на практике замыслы, подобные «четырем полицейским» и региональной ответственности? По-видимому, он хотел и стремился к тому, чтобы великие державы впредь руководствовались рядом общих политических принципов, которые лучше всего могут быть охарактеризованы как либерализм или, возможно, американизм. Священный Союз, созданный после наполеоновских войн, был основан на общей идеологии и был, вероятно, более эффективным, чем рузвельтовские «четыре полицейских», у которых не было такой общей основы. Но президент, по-видимому инстинктивно, понял, что баланс власти (как бы он ни назывался) не будет действенным, если не будет твердо держаться на политическом равновесии.

Выраженные в словах и поступках Рузвельта в Тегеране взгляды на международную политическую структуру, одновременно желаемую и возможную, определяются в большой степени в негативном плане. То, чего

⁴⁴ Ambassador MacVeagh Reports, p. 444.

⁴⁵ См. Schlesinger A., Jr. War and the Constitution: Abraham Lincoln and Franklin D. Roosevelt. Gettysburg. 1988, pp. 22—24.

⁴⁶ См. Clark J. Reform and Resistance in the International Order. Cambridge. 1980, pp. 180—183.

⁴⁷ FRUS, 1943, p. 585.

он не хотел, гораздо более ясно, чем то, что он хотел. Он не хотел войны, а для этого необходимо было избежать конфронтации между крупнейшими державами. Он не хотел вовлекать США в европейские споры, особенно в Восточной Европе. Малые народы в этом и любом другом регионе не должны быть участниками мировой политики, иначе они помешают сотрудничеству великих держав. Он не признавал Англию в качестве посредника между США и СССР. Он не желал старомодных отношений, основанных на политике силы и исключительных сферах влияния; под такими отношениями он подразумевал как коалицию Меттерниха против перемен, так и геополитический союз Бисмарка. Он не хотел повторять ошибок, допущенных Вильсоном после первой мировой войны, не позволивших Соединенным Штатам играть соответствующую роль на международной арене. Он не хотел, чтобы поддержка, оказываемая ему американцами, ставилась под вопрос такими проблемами, как доктрина Монро или использование американских войск за океаном.

Два первоначальных заявления о целях США в войне — Атлантическая хартия и «четыре свободы» — были достаточно неопределенными и неоформленными, чтобы служить практическим руководством. Экономический и политический аспекты мышления Рузвельта становились все более четкими в течение последующих месяцев. Но политическая суперструктура, предложенная в Тегеране, оказалась слишком хрупкой, чтобы выдержать все здание.

Спустя 13 месяцев на конференции в Ялте Рузвельт попытался расставить все по местам в плане устройства мира, который он набросал в Тегеране. Сталин и Черчилль тоже сделали попытку выдвинуть свои собственные концепции. Конечным результатом явилось то, что получило название «ялтинской системы», вызвавшей из небытия призрак структуры, основанной на балансе власти и сферах влияния, которые были характерны для «европейского концерта» XIX столетия. Но это был обманчивый образ. Десятилетия «холодной войны» оказались далеко не мирными, пусть даже вооруженная борьба велась великими (сверх) державами не непосредственно друг против друга.

Опасения Рузвельта оправдались: колониализм и национализм привели к обнищанию народов, а крупные державы попытались разделить мир на две громадные сферы влияния. Но это была всего одна из деталей, оставленных Рузвельтом без внимания в Тегеране. Более важно то, что ему не удалось или он оказался не способен объяснить Сталину и Черчиллю, как и большинству своих сторонников, каким образом будет работать система Рузвельта. Английский экономист Дж. Мид, участник команды Д. М. Кейнса на переговорах в Вашингтоне о послевоенной валютной политике, определил это так: «Американцы уже решили быть против изоляционизма, но никто из них не знает, какой интервенционизм применить. (И кто их за это осудит?)»⁴⁸.

Дилемма Рузвельта состояла в примирении его идеалов с требованиями практических решений, которые выдвигала реальная политика. Его манера действий в этом затруднительном положении состояла в том, чтобы затягивать, избегать, уходить и уклоняться. Он часто делал три шага назад, два в сторону, а затем стоял на месте, обдумывая один гигантский шаг вперед. Проблема заключалась в том, что детали всегда кажутся значительными. Черчилль однажды написал Рузвельту, что «когда война гигантов заканчивается, начинается война пигмеев»⁴⁹. Его время кончилось. Войны пигмеев начались даже раньше, чем гиганты сделали последнее усилие.

⁴⁸ James Meade Diary. [British Library of Political and Economic Science, Lnd.], file 1/1.

⁴⁹ Kimball W. Op. cit., III, C-914.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В XVIII— XIX ВЕКАХ

Б. Н. Билунов, И. И. Лещиловская

В настоящее время происходит выделение истории культуры в самостоятельную отрасль исторической науки, что требует уточнения параметров этой дисциплины и определения ее соотношения со смежными гуманитарными науками. В странах Западной Европы ведется, хотя и с разной степенью интенсивности, широкомасштабное исследование истории культуры, материальной и духовной, профессиональной и бытовой. Предприняты первые попытки такого освещения культуры и в СССР¹. История культуры призвана изучать явления, черты и компоненты, объединяющие в целостную систему духовный процесс, представляющий собой осознание обществом себя и освоение окружающего мира (разные формы общественного сознания); деятельность по материализации результатов познания и отражения жизни, а также их распространению в обществе (издательское дело, периодическая печать, школа, музеи, библиотеки и другие учреждения); преобразование типа личности как цель такой деятельности, итог ее воздействия на людей.

В литературе есть множество определений культуры, взаимоисключающих или дополняющих друг друга. При всей полноте мнений четко обозначилось понимание духовной культуры как сложной, многогранной, но внутренне целостной системы. Такое видение культуры остается, однако, в пределах абстрактно-теоретических построений и не получило должного развития в практических исследованиях. В конкретно-исторических работах используется традиционная схема изучения истории культуры «по видам». Подобный метод неоднократно подвергался критике со стороны историков культуры². «Повидовой» подход, по существу, дублирующий предмет и методику исследования других наук — литературоведения, искусствоведения, музыковедения и т. д., — не позволяет показать целостность культуры, выделить в ней главный, системообразующий компонент и раскрыть взаимодействие всех структурных элементов.

БИЛУНОВ Борис Николаевич — кандидат исторических наук; **ЛЕЩИЛОВСКАЯ Инна Ивановна** — доктор исторических наук, Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ См.: Очерки русской культуры XIII—XV веков. Чч. 1—2. М. 1970; Очерки русской культуры XVI века. Чч. 1—2. М. 1977; Очерки русской культуры XVII века. Чч. 1—2. М. 1979; Очерки русской культуры XVIII века. Чч. 1—3. М. 1985, 1987, 1988.

² См.: Ким М. П. О культуре как предмете исторического изучения. — Вопросы истории, 1974, № 11, с. 33; Краснобаев Б. И. О некоторых понятиях истории русской культуры второй половины XVII—первой половины XVIII века. — История СССР, 1978, № 1, с. 59.

В последнее время наблюдается повышенный интерес к духовному развитию различных народов в переходные исторические эпохи. Появилось немало работ и о состоянии отдельных видов культуры или их совокупности у славянских и балканских народов в XVIII—XIX веках³. В то время с изменением социально-экономического характера общества у славянских и балканских народов происходила смена исторических типов культуры. Духовная культура этих народов, представляя особую сферу жизни, характеризовалась сочетанием социальных, национальных и общечеловеческих черт.

Периодизация развития культуры опирается на общен историческую, но имеет и относительно самостоятельный характер; при этом ее рубежи еще более условны, чем, например, политических процессов. Показателем зарождения в рамках феодальной формации исторического типа культуры, свойственного начавшему складываться капитализму, было возникновение нового, отличного от феодальных стереотипов, мировоззрения. У славянских и балканских народов в XVIII в. начавшиеся перемены давали о себе знать в зарождении на первых порах робких и бессистемных рационалистических идей (так было у сербов в 60-е годы XVIII в.), в первых проблесках национального сознания, которое получало выражение в разных формах от выступлений в защиту родного языка (знаменитые «защиты» чешских мыслителей) до страстных призывов к «пробуждению» своего народа (1762 г.— «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского).

Показателем утверждения исторического типа культуры, свойственного капитализму, у славянских и балканских народов было принципиальное расширение социального состава культуры (в том числе появление рабочей печати, литературы, просветительных обществ и т. д.). В Центральной и Юго-Восточной Европе⁴ 70—80-е годы XIX в.— рубеж, означавший утверждение здесь капитализма. Содержание культуры в указанные годы отразило реальную социальную структуру общества. Правда, общественно-политические условия жизни некоторых изучаемых нами народов были таковы, что они сложились в нации много позднее. Хорватская нация, например, из-за обособленности Далмации и особенно Истрии окончательно оформилась только в годы первой мировой войны. В таких условиях завершение складывания национальной общности хорватской культуры протекало уже в XX веке.

В Центральной Европе смена общественных формаций произошла в ходе буржуазных революций 1848—1849 годов. Победа капитализма в историко-культурном развитии означала превращение буржуазной культуры из подчиненной и подавляемой в господствующую. Закрепив экономические позиции, молодая буржуазия старалась сделать духовные формы своей жизни — интеллектуальные ценности, этические нормы, право и т. д.— всеобщими. У славянских и балканских народов развитие культуры было тесно связано с этапами национально-освободительной

³ Культура и общество в эпоху становления наций. М. 1974; Львова Е. П. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального возрождения. М. 1975; Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М. 1976; Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 1977; Титова Л. Н. Чешский театр эпохи национального возрождения. М. 1980; Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в чешских землях. М. 1977; его же. Культура чешского возрождения. Л. 1982; Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М. 1982; Софронова Л. А. Театр польского Просвещения. М. 1986; Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М. 1988; и др.

⁴ Историческое развитие славянских и балканских народов, охватываемых в статье понятием «Центральная и Юго-Восточная Европа», при всех существенных различиях имело характерные общие черты: достаточно позднее вступление на путь капитализма, многовековое национальное угнетение или угроза утраты независимости, замедленность инноваций в духовной жизни в докапиталистический период.

борьбы и в конечном счете определялось ими: менялись социальные основы профессиональной культуры⁵, ее общественное наполнение, решаемые ею задачи. На историческую арену выступали новые слои населения, которые в результате социальной активности не только косвенно влияли на культурный процесс, оживляя его, но и вносили с помощью «своей» интеллигенции прямой вклад в профессиональную культуру.

Особенно отчетливо это проявилось с оформлением революционной демократии — идеолога и руководителя трудящихся масс города и деревни. В польских условиях ее отряды сложились в 30—40-х годах, в Венгрии и Дунайских княжествах революционная демократия появилась в 40-е годы, а в Сербии, Боснии и Герцеговине, Болгарии — в 60—70-е годы XIX века. Революционные демократы на теоретическом уровне оформили интересы, запросы и вкусы трудящейся части населения и обогатили принципиально новыми положениями общественную мысль, науку, эстетику, дали импульс дальнейшему развитию периодической печати; талантливые поэты и прозаики создали высокохудожественные образцы литературы. Национальные культуры поднялись на новый уровень, возросло воздействие народных масс на культурный процесс.

В рассматриваемое время борьба угнетенных народов за освобождение переживала подъемы и спады, мирные периоды и годы вооруженных конфликтов и столкновений. Столь же неравномерно протекало культурное развитие. Национальный подъем давал импульсы процессам во всех сферах жизни, особенно в духовной. У чехов, хорватов, словаков, словенцев национально-освободительные движения на начальной стадии во второй четверти XIX в. имели культурно-просветительную форму. Эти народы добивались укрепления национальных позиций в сфере культуры. У других народов, а в дальнейшем и у чехов, словаков, хорватов и словенцев культурно-просветительная деятельность являлась важным, но не единственным направлением национально-освободительных движений.

В Сербии в ходе освободительной борьбы 1804—1813 гг. тема героизма получила дальнейшее развитие в фольклоре, был создан цикл песен о народном восстании. В революционные 1848—1849 гг. в славянских землях Австрийской империи утвердились позиции национальных литературных языков, настоящий расцвет получила прогрессивная публицистика, появились новые литературные жанры и т. д. И все же не духовные достижения в конечном итоге определяли участь народов.

Судьбы самой культуры зависели от успехов освободительной борьбы. Следствием поражения революций 1848—1849 гг. в Центральной Европе было закрытие национальных газет и журналов, падение издательской деятельности, прекращение работы многих культурных учреждений и т. д. Что же касается Балкан, там поражение освободительных восстаний вообще влекло за собой разгул османского террора и насилий. Вооруженные конфликты оказывали на культуру разрушительное влияние. В сражениях и стычках гибли лучшие представители интеллекта наций. Военные действия не щадили памятников искусства, архитектуры и иные культурные ценности.

Теснейшая связь культуры и национально-освободительных движений особенно наглядно проявлялась в том, что видные деятели культуры, как правило, были одновременно руководителями или активными участниками национально-освободительной борьбы. Достаточно назвать имена поляка И. Лелевеля, чехов Ф. Палацкого и П. Й. Шафарика,

⁵ Ю. В. Бромлей относил понятие «профессиональная культура» «к специализированному производству, отделенному от потребления в пространственно-временном отношении», и включал в него «как способы деятельности специалистов-профессионалов, так и ее «результаты» (продукцию) (Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. 1983, с. 136—137).

словака Л. Штура, венгра Ш. Петефи, словенцев Ф. Прешерна и Ф. Левстика, хорватов Л. Гая, И. Кукулевича-Сакцинского и Ф. Рачки, сербов И. Суботича и И. Йовановича Змая, болгар Х. Ботева и Л. Каравелова, румын Н. Бэлческу и М. Когелничану, грека К. Ригаса Велестинлиса.

Освободительные восстания и революции даже в случае их поражения потрясали душу и поднимали самосознание народов на новый уровень, способствуя их освобождению от исторически изживших себя идеалов и продвижению по пути более глубокого познания актуальных задач. В этой связи трудно согласиться с периодизацией историко-культурного развития славянских народов в XVIII—XIX вв., данной В. И. Злыдневым в работе «Типологическая близость культур западно- и южнославянских народов в эпоху формирования наций»⁶. Он датирует начало формирования национальных культур у славян серединой — 70-ми годами XVIII в., завершение — 60—70-ми годами XIX в. и при этом внутри переходного периода выделяет «эпоху Просвещения» и «эпоху Романтизма», граница между которыми — 30-е годы XIX века. Такая периодизация не принимает во внимание смену формаций, а также революционные события национального и общеевропейского масштабов.

В литературе высказаны разные мнения о временных рамках национального возрождения, о соотношении его с Просвещением и вообще о правомерности употребления этого понятия применительно к историко-культурному развитию поляков, греков, венгров и некоторых других народов. Национальное возрождение или, точнее, национальное пробуждение славянских и балканских народов имеет в основе развитие капитализма, формирование наций и подъем национально-освободительных движений. Большинство исследователей ограничивают национальное возрождение для подавляющего числа народов временем с конца XVIII в. до середины XIX в., в некоторых конкретных случаях — до 70-х годов XIX века. Албанцы переживали этот процесс в начале XX века. Причем задачи, свойственные этой фазе капитализма, решались в рассматриваемых землях на протяжении всего XIX и начала XX века.

В. А. Дьяков, сопоставляя Ренессанс и национальное возрождение в Центральной и Юго-Восточной Европе, подчеркнул, что «речь идет о явлениях, которые хотя и не синхронны, но однотипны по своей основной социальной сущности и по некоторым проявлениям в социально-экономической сфере и имеют определенное сходство в области политики, идеологии и культуры»⁷. В то же время попытка провести аналогию между «национальным возрождением» и классическим Ренессансом встретила возражение в печати⁸. В статье В. А. Дьякова и В. И. Фрейдзона «Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX веке» сформулировано положение об аналогичности основного содержания исторического процесса в период западноевропейского Возрождения и Просвещения и «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе⁹.

Культура западноевропейского Ренессанса и формирующиеся новые культуры славянских и балканских народов эпохи национального пробуждения принадлежат к одному историческому типу, а именно, к типу культуры капитализма. В этом широком смысле они имеют общие типологические черты. Однако культура Ренессанса возникла на раннекапиталистической стадии развития, в некоторых странах — на обрати-

⁶ Советское славяноведение, 1983, № 4.

⁷ Дьяков В. А. Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе. В кн.: Формирование национальных культур, с. 26.

⁸ См.: Танананева Л. И. Особенности польского изобразительного искусства в эпоху Просвещения. В кн.: Формирование национальных культур, с. 156—157; Никольский С. В. Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения. В кн.: Литература эпохи формирования наций, с. 98.

⁹ Советское славяноведение, 1984, № 2.

мой ее стадии, в то время как становление национальных культур в Центральной и Юго-Восточной Европе протекало с самого начала в условиях необратимости развития капиталистических отношений в самих этих землях, на базе формирования капиталистического уклада, в обстановке победы капитализма в наиболее продвинувшихся странах Запада. Кроме того, Польша, Венгрия, Чехия прошли ренессансный этап, хотя и с разной степенью выразительности, еще в XV—XVI веках. В Чехии всенародный размах получила Реформация, тогда же гуманистические черты проявились в общественной мысли и других народов Центральной Европы. Умеренные реформационные движения затронули Польшу, Венгрию, Словению, Хорватию. Несмотря на победу контрреформации, они тем не менее оставили след в культуре.

В отличие от культуры Ренессанса с ее нерасчлененностью основных сфер и моностилем культура национального возрождения характеризовалась разделением науки, искусства и религии, дифференцированностью научных знаний, стилевой многоликостью. Это были разные гуманитарные системы: в центре первой стоял индивидуализированный человек, в центре второй — судьбы народов. Культура Ренессанса при всем ее величии по своему содержанию, решаемым задачам и адресату носила элитарный характер, новая профессиональная культура в Центральной и Юго-Восточной Европе по целям деятельности, ценностным категориям и воздействию была ориентирована на все общество, на весь этнос. Все это не отрицает сознательного обращения славянских и балканских деятелей XVIII—XIX вв. к великим достижениям западного и отечественного Ренессанса и воскрешения некоторых его черт.

В силу конкретных условий, не в последнюю очередь благодаря общеевропейской общественной и культурной ситуации, славянские и балканские народы, пробудившись в XVIII в. к национальной жизни, стали создавать свои культуры на общеевропейском, более высоком уровне развития (их питала уже идеология просвещения), нежели западные народы в XIV—XVI веках. Поэтому уже к концу XVIII в. стало возможным синхронное сближение стадий культурного процесса в Западной и Восточной (в широком значении слова) Европе. В дальнейшем процесс синхронизации развития культур европейских народов стал еще более очевидным.

В научной литературе понятия: «эпоха Просвещения», «эпоха романтизма» нередко отождествляются с понятиями «Просвещение», «Романтизм». Представляется, однако, что первые дефиниции по содержанию шире вторых. Просвещение и романтизм как идейно-художественные системы были показателями обновления духовной жизни общества, но в эти же годы не только наличествовали, но и развивались традиционные и переходные формы.

Социальная многоукладность культуры, с точки зрения выражения в ней разных потребностей и интересов, отнюдь не означает, что она распадается на социально изолированные комплексы. Не говоря уже о взаимодействии классовых компонентов, в культуре всегда существуют межклассовые, межнациональные и общечеловеческие ценности — научные истины, художественные открытия, определенные нравственные нормы, культурные институты. Духовное достояние, выработанное многовековым опытом человечества при всех антагонизмах и конфронтациях, выполняло связующую роль между людьми в пространстве и во времени.

Вопрос о соотношении классового, общенационального и общечеловеческого в культуре требует углубленного изучения. Представляется, что это соотношение зависит от конкретно-исторической ситуации, поэтому в рассматриваемое время в землях Центральной и Юго-Восточной Европы, в условиях формирования наций и их борьбы против феодализма (или его остатков), абсолютизма и национального угнетения, особое

звучание получил лозунг национальной культуры, который тогда имел широкий общедемократический, общенациональный освободительный смысл. Деятельность по защите и созданию национальной культуры стала доминантой культурного процесса.

В новых условиях последовательно возрастал объем светской профессиональной культуры и расширялась ее социальная адресованность. Процесс формирования национальных культур протекал путем преодоления регионального сознания, провинциальных различий в литературном языке, локальной обособленности художественных школ в искусстве и т. д. Творческие деятели, движимые национальным самосознанием, в своей ориентации на нацию поднимались до общенациональных задач, и их культурная практика получала общенациональное значение.

Но вопрос о социальном адресате творческой деятельности имел и другой аспект. Наиболее дальновидные представители новой культуры уже на стадии Просвещения стремились выйти на путь прямого общения с широкими кругами читателей и зрителей в соответствии с просвещенческой доктриной «воспитания» общества в духе новых идей и интеллектуального развития. Выдающийся представитель сербского Просвещения Д. Обрадович призывал современников писать «для сербов-крестьян, для которых мы должны много стараться и трудиться, потому что в каждом народе крестьян большинство, и подавляющее большинство»¹⁰. Этому служили и языковые средства, и литературные жанры (моралистическая притча, басни и т. д.), и доходчивый характер изложения с использованием народных пословиц, поговорок, изречений. В период национального подъема (30—40-е годы XIX в.) с возникновением и развитием романтизма простой народ стал привлекать пристальное внимание прогрессивных общественных деятелей в контексте национальной идеи. На широкую демократическую аудиторию был ориентирован, например, чешский театр, занявший особое место в культуре национального возрождения¹¹.

С новых позиций подошли к проблеме «культура — общество» революционные демократы. Они видели задачи периодической печати, литературы, искусства в подготовке трудящихся к революционной борьбе за социальное и национальное освобождение, причем в своей деятельности они сознательно обращались к трудящимся массам разных национальностей. Этими принципами руководствовались сербы Св. Маркович и В. Пелагич, болгары Х. Ботев и Л. Каравелов¹². Реформы литературных языков, развернувшиеся в конце XVIII—XIX в. у сербов, хорватов, словенцев, словаков, болгар, греков и объективно проистекавшие из процесса складывания наций, субъективно были направлены на приближение литературы к широким слоям населения.

В рассматриваемое время христианская церковь разных конфессий продолжала апеллировать к массам, церковная дидактика была направлена прежде всего на поддержание в прихожанах в новых условиях христианских идеологических, этических и эстетических норм, которые включали, однако, и выработанные веками общечеловеческие ценности, а также в обстановке национального угнетения, там, где церковь занимала патриотические позиции, — на поддержание в народе исторического сознания. Но положение церкви и, следовательно, ее влияние в культуре в разных ситуациях не были одинаковыми. В Болгарии развернувшееся в середине XIX в. церковное движение за отделение от Константинопольской патриархии стало важным направлением национально-

¹⁰ Обрадович Д. Сабрана дела, Т. II. Београд. 1981, с. 281.

¹¹ Титова Л. Н. Ук. соч., с. 3, 4.

¹² «Журналистика — одно из первых средств революции» — так определил Ботев ее содержание и задачи (цит. по: Унджиев И., Унджиева Ц. Христо Ботев. Жизнь и творчество. М. 1976, с. 286; см. также Поплыко Д. Ф. Васа Пелагич и Россия. М. 1983, с. 80—81).

освободительного движения. В Венгрии католическая церковь была одним из оплотов Габсбургов.

Религиозность понижала обыденное сознание, бытовую культуру, но если в Центральной Европе она оставалась фактом обыденно-бытовой жизни, то на Балканах в условиях османского насилия и произвола религиозные чувства были одним из факторов, побуждающих к общественным действиям. На протяжении переходного периода шел процесс модернизации церковной культуры, идеологическую сердцевину которой составляла религия. Если в условиях феодализма церковная культура воплощала господствовавшие в нем интеллектуальные и нравственные установки, то с победой капитализма религиозный комплекс все больше приспособлялся к потребностям национальной буржуазии, однако лишь в той мере, в какой это допускалось условиями инонационального господства.

В условиях Центральной и Юго-Восточной Европы при отсутствии у ряда этносов дворянства, протекавшей денационализации части имущих классов народный (по существу, крестьянский) слой нес не только социальную, но и основную этническую нагрузку в культуре вообще. До смены формаций в тех обществах, где имелось национальное дворянство — на польских землях, в Венгрии, Хорватии и в Дунайских княжествах, — господствовала феодальная дворянская культура. Во второй половине XIX в. сохранившийся от прежних времен, но изменившийся в условиях капитализма помещичий класс тормозил развитие духовной жизни.

В Польше, Венгрии, Хорватии и в Дунайских княжествах буржуазия в начале переходного периода не была самостоятельно представлена на профессиональном уровне духовной культуры. Существовал буржуазно-дворянский или буржуазно-шляхетский слой культуры, в котором, постепенно усиливаясь, в конечном итоге возобладало буржуазное содержание. Так, М. Когельничану — мыслитель, историк, публицист — в 50-е годы XIX в. во всех сферах деятельности выступал как яркий представитель буржуазной румынской культуры времени ее формирования. В культурах других этносов с начала переходного периода последовательно возрастала роль буржуазного слоя.

Как уже отмечалось выше, в духовной сфере революционно-демократическая интеллигенция представляла интересы трудящихся масс на профессиональном уровне, в результате чего содержание профессиональной культуры в большей степени стало соответствовать социальному составу общества и отражать его. Но и до появления революционной демократии черты духовного облика трудящихся масс проникали в профессиональную культуру. Процесс формирования наций, большинство которых составляло крестьянство, размах, особенно на Балканах, народных волнений и восстаний, участие хотя в разных конкретно-исторических условиях и в неодинаковой степени в национально-освободительных движениях крестьян и ремесленников — все это заставляло передовых представителей культуры проявлять интерес к жизни и настроениям простого народа, а наиболее дальновидных — в какой-то мере и выражать его чаяния.

Но даже при искреннем желании сделать для крестьян доступными достижения мировой культуры, при всем понимании значимости крестьянского вклада в духовную жизнь общества представители прогрессивного направления ввиду их исторической ограниченности и сохранявшихся идейных связей с имущими классами были способны отразить лишь некоторые аспекты жизненных запросов и вкусов трудящегося населения, включая их в общую гамму настроений национальных сил.

В переходную эпоху от феодализма к капитализму в Центральной и Юго-Восточной Европе шел процесс складывания национальной общности культуры каждого этноса. Формирование этой общности проявля-

лось в развитии общенационального литературного языка и утверждении его в разных сферах общественной жизни. В различной ситуации этот процесс протекал не одинаково — от обновления архаичных норм литературного языка, сложившегося в предшествующие эпохи, до его создания на основе народной речи. Преодоление раздробленности духовной культуры находило выражение также в создании институций и учреждений с общенациональными функциями — школы, основанной на единых принципах учебного процесса, периодической печати, разного рода культурных заведений.

Переходная эпоха характеризовалась наличием в профессиональной культуре старых и новых форм. В условиях национального угнетения в разных ситуациях и на разной стадии развития отношения между ними были неоднозначными — от открытого противоборства до сосуществования, и в результате частичной трансформации старой культуры — до их взаимопроникновения. Духовная жизнь прогрессивных сил, в свою очередь, была наполнена противоборством. В основе его лежали реальные, земные интересы людей, групповые, локальные, отражающие разную степень зрелости их носителей. Социальные коллизии иногда получали достаточно завуалированную форму и протекали в разных плоскостях, то в виде столкновения различных концепций языкового развития, то в виде литературной борьбы, то в виде противостояния абстрактным общественным доктринам и т. д. Идеи славянской общности находили прямое отражение в литературной и шире — в культурной практике. Борьба, которая развернулась в славянской публицистике 40-х годов XIX в. по вопросу о структуре славянства и в связи с этим о праве народов на самобытную духовную жизнь, отразила противоречия в процессе поступательного развития славянских национальных культур.

В переходную эпоху, когда борьба против феодализма сочеталась с борьбой за обеспечение самой возможности национального существования, культура славянских и балканских народов развивалась под знаком приоритета общенациональных задач, общенациональных интересов и ценностей. Угнетенное положение народов создавало определенный социально-психологический фон, который налагал отпечаток на внутренние духовные коллизии, порой смягчая и сглаживая их.

Общая культурная ситуация особым образом преломлялась в эстетической сфере, в стилевом облике художественной культуры славянских и балканских народов в последних десятилетиях XVIII — 70-х годах XIX в., который характеризовался сложным сплетением и взаимным дополнением разных направлений, хронологически сменявших и взаимоисключавших друг друга в Западной Европе. Представители романтизма при всем их новаторстве и отрицании рационализма XVIII в. находили в художественном наследии Просвещения принципы и формы, созвучные потребностям общественного подъема первой половины XIX века. С Просвещением было связано зарождение идей раскрепощения мысли и свободы духа, защиты родного языка, возрождения и обогащения или создания литературного языка на народноречевой основе, гражданственности, национального единства и т. д.

В условиях жизни славянских и балканских народов в рассматриваемое время, при нерешенности или недостаточном разрешении актуальных общественных задач, смена разных стадий в развитии национальной культуры проходила не только путем преодоления исторически пройденных, но и углубленной переработки достигнутых форм. Литература южных славян 60—70-х годов XIX в. пережила новую волну романтизма при зарождении реалистической эстетики. В творчестве выдающихся поэтов болгарина Х. Ботева, сербов Й. Йовановича Змая и Дж. Якшича сочетались романтические и реалистические черты. Эти особенности эстетического сознания коренились в общественной атмосфере тех лет, от-

меченной взлетами и драматизмом национально-освободительной борьбы, ее героическими и социальными идеалами.

В исследованиях о литературе славянских и балканских народов в XIX в. широкое распространение получило положение об ее ускоренном развитии, в котором усматривается причина «параллелизма» художественных форм¹³. Конечно, складывание капиталистических отношений вообще означало повышение темпов общественного прогресса в сравнении с предшествующей эпохой. И в этом отношении тезис об ускоренном развитии литературы в XIX в. является правомерным. Однако становление капиталистических отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе было замедленным и тяжелым, изменения в социальной структуре общества накапливались с трудом. По существу, даже в первой половине XIX в. национальная буржуазия нигде не выступала в «чистом» виде. Социальная жизнь представляла собой смешение полуфеодалных и полубуржуазных форм с перевесом тех или других на разных этапах истории и в различной конкретной обстановке. Общественная ситуация опосредованно сказывалась на национальной духовной сфере, в которой происходило столкновение и перемалывание разных в социальном смысле культурных слоев, взаимопроникновение различавшихся между собой не только локальными чертами, но и уровнем развития региональных пластов.

В период формирования национальных культур важное общественное значение получили отношения профессионального и народного, «фольклорного», комплексов. Они существенно различались между собой. Речь идет не об уровнях, высшем или низшем, а о разных типах видения мира, его освоения и художественного воспроизведения. Если первый по социальному наполнению был достаточно сложным, отражая состав общества, то второй в рассматриваемое время, по существу, являлся крестьянским. Они различались характером творческого процесса — индивидуальным или коллективным. Профессиональное творчество отличалось сознательным эстетическим освоением мира, стилевым многообразием, в то время как фольклор пронизывала стихийная художественность. Профессиональная культура была письменной, народное творчество — устным. И в плане взаимодействия с иномациональными культурами в профессиональной сфере действовал принцип избирательности, в фольклорной контакты устанавливались стихийно.

В рассматриваемое время в Центральной и Юго-Восточной Европе крестьянская культура, хотя она имела познавательные и образно-выразительные пределы, включала достижения непреходящей ценности. Это касалось песенной поэзии, устной прозы, а также жилой архитектуры, прикладного искусства и т. д. Но как профессиональный комплекс располагал не только духовными ценностями, но и продукцией, находившейся в противоречии с интересами прогресса, так и народный слой наряду с духовными достижениями был отмечен также консерватизмом и патриархальностью.

В процессе общественно-экономического развития отличавшаяся вообще большой устойчивостью народная культура все же медленно менялась, однако не столько под воздействием профессионального слоя, хотя и это имело место, сколько под влиянием крупных событий, национально-освободительной борьбы. Но перспектива была такова, что с ростом урбанизации, подрывавшей устой патриархальной жизни с ее социальными и героическими идеалами народного эпоса, с расширением

¹³ См.: Г а ч е в Г. Д. Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX века). М. 1964; Н е у п о к о е в а И. Г. О типах романтической литературы. В кн.: Неизученные страницы европейского романтизма. М. 1975, с. 18, 22; Н и к о л ь с к и й С. В. Славянские литературы эпохи национального возрождения. В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М. 1978, с. 201—202; и др.

профессионального слоя культуры, а также усилением влияния культурных центров Запада шел процесс «размывания» крестьянской культуры, снижения удельного веса фольклора в общей массе культуры общества и сужения сферы его функционирования. Общий строй народной зоны культуры при феодализме был иным, нежели в условиях утверждения капитализма.

При всем различии профессиональной и «фольклорной» зон культуры они еще в предшествующие периоды находились во взаимосвязи. Применительно к славянским и балканским народам это выражалось в функционировании у ряда этносов литературных языков на речевой основе, стихийном проникновении элементов сельского быта и искусства в повседневную городскую жизнь и письменную литературу, бытовании фольклорных произведений за пределами крестьянской среды. С формированием национальных культур изменился характер взаимодействия профессионального творчества и фольклора. Связи между ними не только расширились, но обращение деятелей культуры к народному творчеству стало осознанным и целенаправленным.

Этот процесс всюду в Европе особенно отчетливо проявился с развитием романтизма. В первой половине XIX в. в рассматриваемых землях обостренные национальные чувства вызвали подлинный взрыв общественного интереса к фольклору. Особенностью отношения к фольклору славянских деятелей было и то, что они имели в поле зрения не только отечественный, но и весь славянский фольклор. Это было связано с широким распространением в то время идеи славянской взаимности¹⁴. В консервативной среде фольклор воспринимался и использовался как свидетельство феодальной старины, подтверждение ее незыблемости, как материал для мистических конструкций.

С иных позиций подошли к народному творчеству революционные демократы. Ботев, Каравелов, не отрицая задачи сохранения и развития национального облика отечественной культуры, обратили внимание на социальное содержание фольклора. С развитием наций резко возросло влияние субъективного фактора в отношениях между профессиональной культурой и фольклором. На новом уровне развернулся широкий процесс восприятия городской культурой элементов сельской.

Переходная эпоха от феодального строя к капиталистическому характеризовалась предельно напряженным состоянием общества. Его потрясали социально-политические события европейского, регионального и локального масштабов, войны, террор и насилия. Сосредоточенные на решении острейших жизненных проблем народы нуждались в идее, слове. Шла напряженная работа мысли. Эту потребность была призвана удовлетворить идеологизированная культура. Иногда эстетическая функция литературы, искусства вообще отходила на второй план. Революционные демократы Маркович, Ботев, Каравелов в концентрированном виде идейно оформили духовные запросы южных славян в требовании общественного содержания искусства¹⁵.

Одной из закономерностей изучаемого периода было расширение контактов между народами. Глубина и интенсивность культурных общений Центральной и Юго-Восточной Европы с внешним миром, связи внутри нее в разных ситуациях были неодинаковы. Сказывались и степень удаленности общества от «центра» новой формации, и уровень его подготовленности к усвоению современных ему идей. Но общей была линия на укрепление позиций прогрессивных сил путем обогащения достижениями других народов. Некоторые особенности межнационального

¹⁴ См. Гусев В. Е. Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов. В кн.: Формирование национальных культур.

¹⁵ Маркович Св. Избранные сочинения. М. 1956, с. 57, 60, 166, 167; Каравелов Л. Събрани съчинения. Т. 6. София. 1966, с. 177.

культурного взаимодействия применительно к отдельным народам происходили из самого характера их расселения. Так, жизнь сербов и хорватов в тесном взаимном соприкосновении и при общности разговорной речи облегчала бытование у них одних и тех же фольклорных произведений. У греков, поляков, болгар важную роль в поддержании внешних контактов играла эмиграция.

В переходный период взаимодействие культур славянских и балканских народов между собой, а также с культурами Запада и России основывалось на избирательном принципе, но в сравнении с предшествующим временем характер его изменился. Если раньше культурные связи развивались в рамках конфессионального ареала, то с ростом капитализма и наций решающее значение получила адекватность идей потребностям развития общества, а в сфере искусства — общеевропейские художественные формы. Убедительным свидетельством этого было распространение в Центральной и Юго-Восточной Европе основополагающих идейных и художественных принципов западного Просвещения.

Длительный культурный застой, в котором пребывали славянские и балканские народы, обусловил тот факт, что в новое время у них параллельно протекало диахронное и синхронное освоение мировых ценностей. У сербов Обрадович и его последователи, ведомые идеей веротерпимости, «открыли» соотечественникам необозримый культурный мир античности, католического и протестантского Запада прошлых времен и современности. При этом сохранялись и приобретали новые черты традиционные связи сербов с Россией.

Угнетенное положение славянских и балканских народов создавало особые сложности в их общении с культурами угнетающих этносов. В Центральной Европе это прежде всего касалось немецкой культуры. Исторически сложилось так, что народы Австрийской империи тысячами нитей были связаны с немецким языком. Это был язык администрации, деловых сношений, а в городах даже в первой половине XIX в. и семейной жизни. На заре национального пробуждения видные чешские и хорватские деятели лучше владели немецким, нежели родным языком. Поэтому важной общественной задачей угнетенных народов тогда было преодоление господства немецкого языка и утверждение родного языка во всех сферах жизни. Вместе с тем когда не было факта насильственного навязывания, немецкий язык выполнял общественные функции как связующий элемент между разноязычными нациями в государстве и как средство приобщения к великим культурным ценностям.

На Балканах, несмотря на постоянное противодействие христианских народов исламу, в течение веков исламская культура оказывала большое влияние на внешний вид городов, характер ремесел и быт. В Боснии и Герцеговине сложилась особая культурная ситуация в связи с тем, что значительная часть местного славянского населения исповедовала ислам и его культура представляла сложный симбиоз мусульманских и югославянских черт.

Влияние внешних культурных факторов на духовное развитие славянских и балканских народов было сложным и значительным. Культурная политика государств-угнетателей, насильственная или скрытая линия на денационализацию была серьезным препятствием на пути становления национальных культур угнетенных этносов. Кроме того, темпы культурного развития в конкретно-исторических условиях их жизни во многом зависели от использования прогрессивными силами инонационального культурного опыта. Мощное культурное воздействие Запада и России на западно- и южнославянские и балканские народы, которое было возможно благодаря тому, что они были подготовлены к творческому восприятию мировых достижений на новом уровне ходом внутренней истории, сыграло роль ускорителя национального культурного процесса.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ЗАМЫСЛЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ (1917—1920 гг.)

С. В. Леонов

Происходящие ныне беспрецедентные изменения в политической системе советского общества, которые означают разрыв не только с традиционными механизмами, но и с важными положениями марксистско-ленинской теории государственности (об исторической «пройденности» парламентаризма, разделения властей, правового государства и т. д.), заставляют задуматься над причинами неудачи в реализации исходной модели советской государственности, об истоках деформаций политических структур и демократии в стране. Однако советская историография, несмотря на накопленный ею опыт изучения новой, рожденной Октябрем государственности в России¹, не дает пока исчерпывающих ответов на выдвинутые жизнью вопросы об утопических элементах в представлениях К. Маркса, В. И. Ленина, большевиков о пролетарском государстве и демократии, о трансформации этих взглядов в ходе революции, о реальном соотношении теории и практики государственного строительства в Советской России, демократии и социализма, о существовавших альтернативах.

К 1917 г. у большевиков, равно как и в целом у российской социал-демократии, не было крупных заделов в разработке теорий будущей государственности диктатуры пролетариата. Это обуславливалось спецификой революционного процесса в России (нерешенностью буржуазно-демократических задач), а также определенной недооценкой данных проблем, порожденной распространенными в социал-демократии представлениями об относительно быстром отмирании пролетарского государства, которое начнется, как полагали классики марксизма, сразу после победы социальной революции и завершится уже при социализме².

Развернувшаяся в 1916 г. полемика между В. И. Лениным и Н. И. Бухариным, в центре которой оказались первые, весьма общие тезисы о пролетарской государственности, сформулированные в связи с разработкой теории империализма и социалистической революции, вскрыла отсутствие четких представлений на этот счет и подтолкнула Ленина к тщательной проработке наследия Маркса, Энгельса, К. Ка-

ЛЕОНОВ Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина.

¹ Ирошников М. П. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Л. 1974; Гимпельсон Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. М. 1982; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства 1917—1918 гг. М. 1987; и др.

² См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 17, с. 344, 345, 548; т. 34, с. 103—104.

утского и других социал-демократов по вопросам государственности. В результате этой работы Ленин в начале 1917 г. признал в основном справедливость отстаивавшихся Бухариным марксовых положений о необходимости разрушения победившим пролетариатом буржуазной государственной машины, а в перспективе и о полном уничтожении государства³. На основе данного Марксом анализа Парижской коммуны, переосмысления опыта первой российской революции и собственных выводов о революционно-демократической государственности в России Ленин еще до Февральской революции сформулировал идеи, заложившие фундамент его концепции пролетарской государственности⁴.

Победа Февральской революции, поставив в повестку дня практические проблемы создания буржуазно-демократического государства в России, вызвала широкий интерес к теории государственности. Стали активно издаваться и переиздаваться брошюры, в популярной форме знакомившие с воззрениями российской социал-демократии на буржуазно-демократическое государство⁵. Существенных различий в представлениях большевиков и меньшевиков о форме и принципах буржуазно-демократической государственности в России не было. Это наглядно продемонстрировало, в частности, решение Петербургского комитета большевиков об издании массовым тиражом брошюры Ф. И. Дана об Учредительном собрании⁶. Поскольку стратегия всех социал-демократических партий и групп, все более сближавшихся между собой, предусматривала дальнейшее развитие буржуазно-демократических преобразований (переход к социализму представлялся «делом завтрашнего дня» (Дан) и связывался с мировой революцией), проблемы пролетарской государственности практически не разрабатывались.

Ленин, сформулировав курс на социалистическую революцию, выдвинул два принципиально новых тезиса: республика Советов как форма будущей диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства; Парижская коммуна как прообраз типа нового государства⁷. Л. Д. Троцкий, который независимо от Ленина 6 марта 1917 г. высказал идею о перерастании буржуазно-демократической революции в России в пролетарскую при опоре на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁸, а также некоторые большевики, уже в марте склонявшиеся к мысли о переходе к диктатуре пролетариата, используя Советы⁹, в отличие от Ленина не связывали свои идеи с новой концепцией пролетарской государственности.

Меньшевики, считая, что Россия не готова к переходу к социализму, к диктатуре пролетариата, отвергли тезисы Ленина. Г. В. Плеханов полагал, что в случае перехода власти к Советам «эта диктатура явится... в самом несовершенном виде» и «вместо диктатуры рабочего класса перед нами будет диктатура нескольких десятков лиц (что еще менее

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 28, 31, 80, 81, 112, 114, 115; т. 49, с. 388, 390, 391. В советской историографии с конца 20-х годов под влиянием внутрипартийной борьбы утвердилась искаженная оценка этой дискуссии. Заслуга в восстановлении истины в этом вопросе принадлежит американским исследователям С. Хейтману и С. Коэну см.: С. Хейтман. Введение к книге Бухарина «Путь к социализму в России» (Нью-Йорк. 1967), с. 56; Коэн С. Бухарин. Политическая биография. М. 1988, с. 66—71).

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 155, 229, 231.

⁵ См.: Дан Ф. Всенародное Учредительное собрание. М., 1917; Мартов Л. Свободное народное государство. Киев. 1917; Милютин В. П. О демократической республике. Пг. 1917; его же. Зачем нам нужна демократическая республика. Саратов, 1917; и др.

⁶ См. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.—Л. 1927, с. 33.

⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 38—40, 99, 107—109, 114—116,

⁸ См. Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 1. М. 1925, с. 13.

⁹ См. Вопросы истории КПСС, 1962, № 6, с. 121—122.

уместно, чем диктатура пролетариата)»¹⁰. Даже Ю. О. Мартов, выступавший за создание однородного социалистического правительства и признававший огромное значение Советов в создании «новой ткани революционной государственности», был против абсолютизации их роли и идеи республики Советов. Уже после Октября, назвав Советы общественной формой, «вырастающей из доведенных до крайней остроты классовых противоречий», он охарактеризовал советскую систему как средство «поставить и утвердить у власти революционное меньшинство»¹¹.

В РСДРП(б) курс на социалистическую революцию и ленинская концепция будущей государственности также вначале встретили непонимание и не были поддержаны большевиками — участниками Всероссийского совещания Советов, а 8 апреля — и Петербургским комитетом¹². На Петроградской общегородской, а затем на VII (Апрельской) Всероссийской конференции Ленину удалось в основном убедить большевиков взять курс на социалистическую революцию и выдвинуть лозунг «Вся власть — Советам». На Апрельской конференции было решено «исправить» содержащиеся в Программе партии положения «в духе требования не буржуазно-парламентарной... а демократической пролетарско-крестьянской республики (т. е. типа государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества)»¹³. Тем самым был сделан важный шаг к признанию партией большевиков идеи государства-коммуны.

Однако Апрельская конференция не приняла в целом ленинский тезис о республике Советов. Многие делегаты (С. А. Багдатов, Л. Б. Каменев, В. П. Ногин, П. Г. Смилович, П. И. Эйланд и др.), отстаивая традиционную точку зрения (разделявшуюся и меньшевиками), рассматривали Советы скорее как временные, переходные органы, предназначенные прежде всего для овладения властью. В резолюциях конференции Советы были названы лишь как один из возможных, альтернативных органов будущей власти наряду с Учредительным собранием и органами местного самоуправления¹⁴.

Причинами, в силу которых Апрельская конференция не приняла в целом лозунг республики Советов «снизу доверху», были не только недоверие большевиков к политике тогдашних Советов и не преодоленная до конца инерция усвоенных с первой российской революции оценок роли и функций этих органов¹⁵. Сыграл свою роль и феномен недоверия к самим Советам, который, возникнув у части большевиков еще в 1905 г., вновь проявился после Февральской революции: Советы, осуществлявшие в ходе революции политическое руководство массами, рассматривались некоторыми большевиками как конкурент партии¹⁶. Опасения по поводу «полустихийного, полусознательного стремления Совета замещать... левые партии» разделялись и меньшевиками¹⁷.

На Апрельской конференции принципиальная проблема, сформулированная Лениным еще в 1905 г.: как разъединить и как соединить фун-

¹⁰ Плеханов Г. В. Год на Родине.— Полное собрание статей и речей. 1917—1918 гг. Т. 1. Париж. 1922, с. 19, 81, 82, 218.

¹¹ См. Мартов Ю. О. Мировой большевизм. Берлин. 1923, с. 29, 39.

¹² См.: Залужский В. Н. Из воспоминаний подпольщика. Харьков. 1931, с. 178—180; Шляпников А. Г. Семнадцатый год. Кн. 3. М.—Л. 1927, с. 260, 261, 263; Первый легальный ПК большевиков, с. 85—89.

¹³ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. М. 1958, с. 196.

¹⁴ Там же, с. 80, 81, 90, 92, 102, 103, 144, 196, 206, 259, 244, 245.

¹⁵ См. Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л. 1976, с. 42.

¹⁶ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), с. 129, 130; Каганович Л. М. Партия и Советы. М.—Л. 1928, с. 28.

¹⁷ См. Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП 6—12 мая в Петрограде. Пг. 1917, с. 16, 41—42.

кции Советов и партии, была поставлена вновь¹⁸. Однако неопределенность перспектив взаимоотношений партии и Советов, Советов и Учредительного собрания, различных государственных органов затруднила процесс преодоления недооценки Советов и недоверия к ним, свойственных некоторым большевикам. На VI съезде РСДРП(б) А. С. Бубнов и П. А. Залуцкий по-прежнему рассматривали Советы как временные организации¹⁹. И даже в начале сентября, когда бурно шел процесс большевизации Советов, отдельные партийные работники предлагали создать вместо Советов «новые полновластные учреждения»²⁰.

Выбор большевиками форм государственности (Советская или парламентская республика) был тесно связан с классовым содержанием будущего государства. Лозунг Учредительного собрания, парламентаризма объективно предполагал опору на более широкую социальную базу за счет слоев, отсутствовавших или слабо представленных в Советах, а также за счет крестьянства, которое в демократическом и едином (в отличие от Советов) Учредительном собрании получило бы, как предвидели некоторые большевики, большинство голосов. Это означало более длительный, более «демократичный» путь углубления буржуазно-демократической революции, за что и выступали Л. Б. Каменев, В. П. Ногин, А. И. Рыков и другие большевики, не согласные с новым курсом Ленина²¹.

Ленин, будучи сторонником по возможности скорейшего перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и понимая, что «сила революционного пролетариата... несравненно больше во внепарламентской борьбе, чем в борьбе парламентской»²², ориентировался прежде всего на Советы. Однако он не мог исключить вероятность и более медленного пути. Считаясь с инерцией сложившихся в обществе и у большевиков стереотипов, Ленин не выступал против лозунга Учредительного собрания. Но тот комбинированный тип государства (Советы плюс Учредительное собрание), который как переходную ступень не исключал Ленин и который впоследствии отстаивали Каменев и Зиновьев²³, мог возникнуть лишь в результате мирной победы революции, компромисса между социалистическими партиями и не означал бы достижения большевиками намеченной цели — установления диктатуры пролетариата, «власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс»²⁴. Объективно Учредительное собрание, избранное всеобщим и равным голосованием в мелкобуржуазной по преимуществу стране, не вписывалось в пролетарскую республику Советов «снизу доверху»²⁵, и, по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича Ленин в начале 1918 г. назвал «глупостью» обещание большевиков созвать Учредительное собрание²⁶.

Идейные разногласия между двумя внутренне неоднородными течениями в партии большевиков (названными Троцким «пролетарским», ко-

¹⁸ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), с. 102, 103, 130, 133, 136.

¹⁹ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М. 1958, с. 130, 139.

²⁰ Заорская Ю. И., Обичкин О. Г. От подполья до победы Октября. М. 1987, с. 68, 69.

²¹ Правда, 12.IV.1917.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 219.

²³ См.: Зиновьев Г. Соч. Т. 7, ч. 1, Л. 1925, с. 434, 435; Протоколы ЦК РСДРП(б). М. 1958, с. 87, 88.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 26.

²⁵ «Если мы не отвергали формально Учредительное собрание заранее, — писал Троцкий, — то потому лишь, что оно противопоставлялось не власти Советов, а власти самого Керенского... При этом нами было решено заранее, что, если бы в Учредительном собрании большинство оказалось за нас, то Учредительное собрание должно было распустить себя, передав власть Советам, как это сделала впоследствии Петроградская городская дума» (Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Пг. 1920, с. 43).

²⁶ Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931, с. 245.

торое возглавлялось Лениным и было ориентировано на скорейшую, по возможности, социалистическую революцию в России и мировую революцию, и «демократическим», отражавшим влияние социал-демократических традиций в партии и наиболее ярко представленным Каменевым²⁷) не были ликвидированы на Апрельской конференции. Вплоть до разгона Учредительного собрания эти разногласия обострялись при каждом новом стратегическом или тактическом повороте, проявляясь, в частности, в дискуссиях по вопросам государственности на VI съезде РСДРП(б), в большевистской фракции Предпарламента и т. д.

Неопределенность представлений и разногласия в партии большевиков по вопросам будущей государственности уже в июне 1917 г. подтолкнули Ленина к мысли о необходимости завершения начатой до Февральской революции работы по теории государства. В книге «Государство и революция» и в статьях, написанных осенью 1917 г., он углубляет и конкретизирует свою концепцию пролетарской государственности на основе всемерного развития марксовской идеи «полугосударства», «отмирающего государства» с широчайшим самоуправлением трудящихся. Последнему призваны были способствовать уничтожение постоянной армии и традиционного чиновничества; простая, нерасчлененная структура власти, соединяющая законодательные, исполнительные и контрольные функции (принцип «работающей корпорации»). Обращают на себя внимание весьма незначительные функции аппарата власти, полностью выборного, сменяемого в любое время, получающего зарплату не выше среднего рабочего. По существу, функции аппарата власти возлагались на народ, объединенный Советами. Таким образом, пролетарское государство должно было обеспечить высочайший уровень демократических прав и свобод для большинства населения — трудящихся и быть диктаторским только по отношению к явному меньшинству — эксплуататорам²⁸. Буржуазная парламентарная республика представлялась Ленину диктатурой меньшинства.

В этой концепции, однако, имелись противоречия: между предполагаемым широчайшим демократизмом в политической сфере и централизмом в управлении экономикой; между самоуправлением трудящихся и колоссальной ролью рабочей партии, которая была призвана «взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся»²⁹. Наличие противоречий создавало предпосылки для трансформации в дальнейшем ленинских представлений о пролетарской государственности и демократии.

Насколько позволяет судить нынешний уровень разработанности источников, накануне Октября концепция Ленина была единственной оригинальной и разработанной концепцией пролетарской государственности в России. Такое положение отчасти объяснялось узостью круга теоретиков-большевиков необходимого уровня, а также занятостью вождей партии многочисленными вопросами текущей политики. К тому же внимания требовали и другие важные аспекты теоретической модели будущего общества. Троцкий, в числе прочих проблем, разрабатывал теорию государственности на «макроуровне», активно развивая идею Соединенных Штатов Европы³⁰. Бухарин, сознавая сложность предстоящих задач управления экономикой, пытался, в частности, наметить структуру хозяйственных органов будущего государства³¹. Каменев и Зиновьев, считая преждевременным практическое осуществление диктатуры пролетариа-

²⁷ См. Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 1, с. XXI—XXV, XXXI, LXII.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 41—44, 46, 84—91, 109, 115.

²⁹ Там же, с. 26; см. также: с. 49, 50; т. 34, с. 317, 318, 320.

³⁰ См. Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 1, с. 84—92.

³¹ См. Бухарин Н. И. На подступах к Октябрю. М.—Л. 1926, с. 33, 34, 49, 50, 66, 67, 131, 132.

та, уделяли главное внимание конкретным проблемам буржуазно-демократической и революционно-демократической государственности. Неблагоприятным фактором в формировании представлений о пролетарской государственности являлось и слабое знакомство подавляющей части большевиков с международной социал-демократической мыслью (трудов Каутского не читал даже Каменев)³². Между тем накануне Октября вопросы, связанные с организацией пролетарской власти, все более стали интересовать рядовых партийцев³³.

Позднее Ленин в полемике с Каутским подчеркивал настоятельную потребность в «марксистской критике нашего анализа со стороны». Но ни Плеханов, ни другие теоретики меньшевизма, считая гибельной идею практического осуществления пролетарской власти, не предложили оригинальных концепций государственности в России (кроме общих тезисов о необходимости парламентаризма, всеобщего избирательного права и других демократических прав и свобод) и не дали развернутой, фундаментальной критики теории государства-коммуны³⁴. Жесткая, но во многом подтвержденная последующей практикой критическая оценка некоторых принципов Советского государства-коммуны, высказанная отошедшим от большевиков А. А. Богдановым, долго оставалась не замеченной их руководством. В мае 1918 г. Бухарин дал рецензию на работу Богданова, но воздержался от разбора его аргументов по этой проблеме, сославшись на то, что лучший ответ ему даст сама жизнь³⁵. Лишь в 1919 г. Мартов критически проанализировал ленинскую интерпретацию взглядов основоположников марксизма на пролетарскую государственность, а также самое концепцию государства-коммуны Маркса³⁶ (который был для большевиков неприкосновенен для критики).

Тем не менее, критикуя курс на социалистическую революцию, меньшевики и представители других партий затрагивали некоторые тезисы ленинской концепции государственности, пытаясь, в частности, доказать несостоятельность власти Советов, неспособность трудящихся к самоуправлению³⁷. По-видимому, отчасти благодаря этой полемике Ленин в августе — сентябре 1917 г. начинает глубже осознавать сложность практической реализации задуманной им модели государства. Он делает акцент на необходимости обучения масс управлению, отмечает, что Советы представляют собой организацию не всех трудящихся, а лишь их авангарда. Однако намечавшийся у Ленина поворот от преимущественно непосредственной демократии к представительной не был завершен и не повлек за собой существенного пересмотра других положений его концепции.

Острейшие вопросы, касающиеся способов и форм управления в период, когда массы еще не могут взять на себя основную тяжесть управленческой деятельности (как это предусматривалось в концепции Маркса — Ленина), особенно проблема квалифицированных управленческих

³² Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), с. 108.

³³ По свидетельству В. Н. Каюрова, рабочие Выборгского района Петрограда, ознакомившись с письмом Ленина о подготовке к вооруженному восстанию, дружно выразили недоумение, а некоторые — и возмущение из-за того, что никто не мог им объяснить «содержания и последствий» захвата власти. Раньше большинство из нас, писал Каюров, «не вдавались глубоко» в эти проблемы. Но теперь «у каждого встал в голове вопрос — что мы будем делать с властью?». Вопросы остались без ответа, вместо этого было предложено обсуждать мероприятия по захвату власти (Пролетарская революция, 1924, № 3, с. 35, 36).

³⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 277—279.

³⁵ См. Богданов А. А. Государство-коммуна. В кн.: Вопросы социализма. М. 1918, с. 91—99; Коммунист, 1918, № 3, с. 19, 20.

³⁶ См.: Мартов Ю. О. Мировой большевизм, с. 29—94; Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП и партийных совещаний. Владивосток. 1921, с. 96—101. Значительная часть высказанных Мартовым положений по проблемам государственности увидела свет лишь в начале 20-х годов.

³⁷ Новая жизнь, 23, 27.IX.1917.

кадров и стимулирования их труда, были намечены Лениным лишь в самом общем виде. В качестве универсальных средств, рычагов управления новым государством он рассматривал революционный энтузиазм, сознательность масс и революционное насилие³⁸. Таким образом, партия большевиков вступила в социалистическую революцию с концепцией, рассчитанной главным образом на непосредственный (ускоренный) переход к самоуправлению.

Октябрьская революция, высвободив веками копившуюся в народе жажду социальной справедливости и ненависть к угнетателям, обостренную изнурительной войной, крахом возникших было надежд на формирующуюся после Февраля государственность, так и не давшую ни мира, ни земли, не ослабившую тягот и лишений трудящихся, породила колоссальный всплеск энергии народных масс. Важнейшей формой, концентрировавшей в себе активность трудящихся и направлявшей ее против прежних общественных отношений, старого госаппарата, на строительство новой государственности, стали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Без Советов, объединявших, по приблизительным оценкам большевиков, более трети населения страны³⁹, победоносная социалистическая революция в России, как и предвидел Ленин, была бы невозможной.

Власть в первые послеоктябрьские месяцы была крайне децентрализованна и опиралась главным образом на революционный порыв масс, их творческую инициативу. Через фабзавкомы и профсоюзы (их численность только с октября по декабрь 1917 г. увеличилась почти в 1,5 раза, составив около 3 млн. человек) входили в жизнь начала производственного самоуправления. Демобилизуемая старая армия заменялась добровольческой Красной гвардией. Принципы государства-коммуны начали, казалось, обретать плоть и кровь в Советской России.

Однако, несмотря на мощный подъем революционной активности масс и развертывание многообразных форм самоуправления трудящихся, уже вскоре после Октября стало ясно, что народ не может полностью заменить собою старый чиновничий аппарат, огромную роль которого наглядно продемонстрировал развернувшийся саботаж государственных служащих. За счет старой партийной гвардии, составлявшей накануне революции около 7% численности большевиков, оказалось невозможным удовлетворить потребности даже в руководителях многочисленных центральных и местных органов⁴⁰. Да и сама партийная гвардия, за редким исключением, не обладала управленческими знаниями и навыками, что затруднило даже формирование правительства. По свидетельству Г. И. Ломова, многие видные большевики буквально шарахались от предлагавшихся им наркомовских должностей из-за боязни не справиться с ответственными и незнакомыми им функциями⁴¹.

С трудом подавив саботаж чиновников, партия большевиков тем не менее вынуждена была взять курс на массовое привлечение их к управлению государством. В результате, как писал Бонч-Бруевич, «не прошло и нескольких месяцев нового бытия, как Петроград и Москва, а за ними все города и веси необъятной России битком были набиты новым чиновным людом. Кажется, от самого сотворения мира до наших дней не было нигде под солнцем такого колоссального, вопиющего числа чиновников, как в дни после Октябрьской революции»⁴². К осени 1918 г. удельный вес «старослужащих» среди руководящего состава аппарата дости-

³⁸ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 156, 160, 161, 168, 177, 181, 223, 224, 307—314.

³⁹ Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 2, М. 1925, с. 115.

⁴⁰ Ирошников М. П. Рожденное Октябрем. М. 1987, с. 83.

⁴¹ См. Ломов Г. И. В дни бури и натиска.— Вопросы истории КПСС, 1987, № 11, с. 113.

⁴² Бонч-Бруевич В. Д. Ук. соч., с. 356.

гал в Наркомате финансов 97,5%, в Наркомате госконтроля — 80%, в Наркомате путей сообщения — 88,1%⁴³. Неизбежным следствием этих тенденций явилась отмена выборности, сменяемости управленцев, а отсюда — и подконтрольности их непосредственно трудящимся. 18 ноября 1917 г. СНК установил принцип оплаты труда служащих не выше средней зарплаты рабочего, а уже с 29 апреля 1918 г. была введена повышенная оплата труда специалистов.

Процесс государственного строительства значительно осложнялся резким неприятием новой власти меньшевиками и правыми эсерами (не говоря уже о кадетах), а также кризисом в большевистском руководстве, разразившимся в связи с ультиматумом Викжеля. Возникшая в большевистском руководстве оппозиция выступала за создание однородного социалистического правительства не только вследствие неверия в социалистическую перспективу в России, но также из-за того, что, видя только один путь сохранения чисто большевистского правительства («средствами политического террора»), отвергала его⁴⁴. Это было расхождение по вопросу не только о содержании, но и о способах осуществления власти, границах насилия, формах новой государственности (поскольку практически все остальные социалистические партии были против «чисто Советской власти»). Однако критическая острота момента, жесткость требований меньшевиков и эсеров и надежды на мировую революцию не позволили «большинству ЦК» прислушаться к поставленным оппозицией принципиальным вопросам о мере допустимого насилия, об обратном влиянии форм и средств осуществления власти на ее содержание.

В условиях конфронтации между большевиками, левыми эсерами и остальными партиями, получившими подавляющее большинство голосов на выборах, роспуск явно запоздавшего Учредительного собрания был, по-видимому, предрешен. Большевики, которые в отличие от меньшевиков отнюдь не собирались откладывать осуществление диктатуры пролетариата на неопределенно долгий срок (видя в ней способ решения всех острейших общественных проблем) и во многом контролировали ключевые механизмы реальной власти в стране, вряд ли могли допустить существование враждебного им высшего государственного органа, способного свести на нет их завоевания. Выборы в Учредительное собрание в принципиальном плане показали неготовность большинства населения страны принять социалистическую программу большевиков. Поэтому Ленин сформулировал вывод о несовместимости Учредительного собрания и в целом форм буржуазно-демократического парламентаризма (с всеобщими равными выборами) с задачами социалистического строительства: «Не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества»⁴⁵. Левые эсеры (в отличие от меньшевиков) одобрили роспуск Учредительного собрания и признали Советскую власть «как единственно органическую форму государства трудящихся»⁴⁶.

Дальнейшее развитие событий зимой и особенно весной 1918 г. все более обнаруживало невозможность практического воплощения исходной модели пролетарской государственности, мыслившейся как «*непосредственная власть вооруженных и организованных рабочих*»⁴⁷. Уже в декабре 1917 г. Военная организация ЦК РСДРП(б) пришла к выводу

⁴³ Ирошников М. П. К вопросу о сломе буржуазной государственной машины в России. В кн.: Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л. 1973, с. 54.

⁴⁴ См. Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 136.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 236.

⁴⁶ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стеногр. отч. М. 1918, с. 100.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 76, прим.

о необходимости создания постоянной армии. Декрет об ее организации был принят 15 января 1918 г., а с 29 мая Красная Армия перешла от добровольного к принудительному принципу комплектования. В промышленности рабочее самоуправление не смогло остановить нарастающий кризис (в 1917 г. продукция фабрично-заводской промышленности сократилась на 36,4%) и все более обнаруживало свою некомпетентность в управлении воспроизводственными процессами⁴⁸. Это заставило Ленина отказаться от прежней мысли, что «можно и должно тотчас же», «с сегодня на завтра» перейти от бюрократического к широкому демократическому рабочему управлению и сформулировать новые лозунги: учиться у организаторов трестов, беспрекословно подчиняться распоряжениям лиц, наделенных «неограниченными полномочиями диктаторов»⁴⁹. Поскольку стабилизировать положение в народном хозяйстве не удавалось, попытки рационализации управления производством быстро вытеснялись централизацией, административными рычагами. Контроль за деятельностью новых «диктаторов» все более перемещался от самих масс к вышестоящим инстанциям.

Наращение продовольственного кризиса и продолжавшееся падение промышленного производства («с одной стороны, деревня дает городу все меньше необходимых ему товаров, а с другой стороны, городу все меньше остается, на что их купить»⁵⁰) затрудняли налаживание свободного товарооборота и осуществление товарообмена между городом и деревней. Тем не менее важную роль в запрещении свободной торговли и в целом в формировании политики большевиков по отношению к деревне сыграла, пользуясь выражением М. А. Спиридоновой, «диктатура теории» — стремление (не всегда, по признанию Ленина, открыто высказывавшееся) непосредственно перейти к социализму «без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к новой»⁵¹. В результате «мелкобуржуазная стихия», основным носителем которой выступало крестьянское хозяйство, превратилась для большевиков в «главного врага социализма»⁵². Совокупность этих объективных и субъективных факторов подтолкнула большевиков к насильственным мерам по изъятию продовольствия у крестьян и созданию комбедов.

В таких условиях нарастающая централизация управления, ограничение демократии и все более широкое использование военно-административных мер по отношению к деревне не только являлись способом предотвращения надвигающейся хозяйственной катастрофы, но все более превращались объективно в попытку компенсировать сужение социальной базы нового строя, вызванное расколом крестьянства (которое ранее — с Октябрьской революции — шло в целом за пролетариатом) и обозначившейся усталостью рабочих масс⁵³.

В результате указанных выше тенденций к весне 1918 г. на гребне дальнейшего развития Советов наметилось относительное (пока) снижение их роли в политической системе за счет опережающего расширения функций центрального госаппарата, появления военных и чрезвычайных органов, не контролировавшихся местными органами власти. В марте была сформулирована официальная установка на частичное перераспределение функций от Советов к партии. Выступая на VII съезде

⁴⁸ См.: Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, 25 мая — 4 июля 1918 г. Стеногр. отч. М. 1918, с. 57, 83, 88, 305; А у з а н А. А. Социалистическое самоуправление в экономике. М. 1987, с. 15, 16.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 49; т. 36, с. 137, 198 сл.

⁵⁰ Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, с. 57.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 197, 199.

⁵² Там же. Т. 36, с. 235, 295—299, 369.

⁵³ «После небывалого в истории нашей страны октябрьского подъема к февралю 1918 г. в настроениях масс чувствовалась некоторая усталость». Заседания Петроградского Совета к этому времени «стали приобретать нудный характер» (Б о н ч-Б р у е в и ч В. Д. Ук. соч., с. 262, 263).

РКП(б), председатель ВЦИК Я. М. Свердлов отметил, что «теперь перед партией... стоят задачи проделать значительную часть работы, которую проделывали до сих пор Советы». Это положение было продублировано в циркулярном письме ЦК РКП(б)⁵⁴. Новый курс был обусловлен не только тем, что в результате отвлечения лучших сил на советскую работу «партийные организации захирели», но и тем, что Советы, как признал в одном из своих выступлений Свердлов, не всегда могут «проводить» решения «так резко и так открыто». Этим предстояло заняться партии⁵⁵.

Постепенный отход от первоначальных демократических лозунгов встречал определенное сопротивление части большевиков. Весьма острые дискуссии возникли в связи с принятием декрета о печати (некоторые члены руководства партии расценили это как покушение на принцип свободы печати) и введением смертной казни. Политика в отношении Учредительного собрания привела в декабре 1917 г. к открытому конфликту ЦК РСДРП(б) с Временным бюро большевистской фракции Учредительного собрания, настаивавшим на том, чтобы рассматривать его созыв как завершающий этап революции⁵⁶. По свидетельству Я. Х. Петерса, «многие», не понимая «разницы между репрессиями в прошлом и настоящем», неохотно шли работать в только что созданную ВЧК, неохотно участвовали в обысках и арестах⁵⁷.

Однако главными поборниками демократических прав и свобод, самоуправления трудящихся выступили меньшевики и левые эсеры. Особый размах и остроту их выступления приобрели весной 1918 г., когда процессы централизации, свертывания демократии стали затрагивать трудящихся. Причину нарушения «трудового народовластия», «когда наибольшая трудовая часть населения (крестьянство.— С. Л.) почти устранена с политической арены», левые эсеры видели в том, что им не удалось противопоставить установлению диктатуры пролетариата отстаивавшуюся ими «диктатуру пролетариата и трудового крестьянства»⁵⁸. О неизбежности свертывания демократии в случае установления в России диктатуры пролетариата еще до Октября говорили и меньшевики. «Не могло быть ни малейшего сомнения, что попытка применить этот лозунг (диктатуры пролетариата.— С. Л.) на деле приведет только к диктатуре над пролетариатом»,— писал П. Б. Аксельрод⁵⁹.

С других позиций, но чуть ли не с той же остротой, против усилившейся централизации и ограничения демократических прав трудящихся выступили «левые коммунисты». Уже в апреле 1918 г. они с тревогой говорили о том, что «пролетариат как класс делается пассивным объектом, а не субъектом организации» производства и что «форма государственного управления развивается в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных Советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющегося с низов государства-коммуны»⁶⁰. В резолюции IV Уральской областной партконференции стратегия партии, осуществлявшаяся весной 1918 г., была расценена как «попытка бюрократического строительства социализма сверху руками чиновничества»⁶¹. Считая, что дальнейшее развитие этих тенденций неизбежно приведет к перерождению Совет-

⁵⁴ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стеногр. отч. М. 1962, с. 171; Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 150, 151.

⁵⁵ Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 106.

⁵⁶ См. Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 160, 161.

⁵⁷ Петерс Я. Х. Из воспоминаний о работе в ВЧК в первый год революции. В кн.: Утро Страны Советов, Л. 1988, с. 250, 251.

⁵⁸ Знамя труда, 20.IV.1918.

⁵⁹ Аксельрод П. Б. Кто изменил социализму? Нью-Йорк. 1919, с. 27.

⁶⁰ Коммунист, 1918, № 1, с. 8.

⁶¹ Там же, № 4, с. 13.

ской власти, Н. Осинский уже тогда склонялся к мысли, что строится не тот, не настоящий социализм⁶².

Однако, требуя самостоятельности Советов и всемерного развития «классовой самодеятельности широких масс», «левые коммунисты» даже теоретически не смогли выработать жизнеспособную модель, сочетавшую широкую демократию для трудящихся с эффективными мерами по стабилизации экономики, и надеялись главным образом на помощь мировой революции⁶³. Кроме того, в самом понимании демократии, самодеятельности масс среди «левых коммунистов» (как, впрочем, и в партии в целом) все более стали проявляться противоречия. Самодеятельность трудящихся постепенно сводилась ими лишь к самодеятельности пролетариата, отсюда — и двойственное отношение к Советам. Будучи, по их словам, «самыми яркими приверженцами Советской власти», «левые коммунисты» тем не менее являлись таковыми лишь постольку, «поскольку эта власть неуклонно гнет пролетарскую линию»⁶⁴. После победы социалистической революции, писал Е. А. Преображенский, «Советы из органов объединения самого пролетариата превращаются в органы подчинения пролетарской власти всех других классов и групп страны»⁶⁵.

В дальнейшем под влиянием резко обострившейся обстановки и собственного радикализма, требовавшего «быстрых» средств для реализации своего идеала, многие из «левых коммунистов» превратились из ярких сторонников пролетарской демократии и «полугосударства» в апологетов централизма, государственного принуждения и милитаризации труда рабочих. Трансформация представлений большинства «левых коммунистов» в контрастной форме отразила общую эволюцию взглядов большевиков на проблемы пролетарской государственности и демократии, подтвердив обреченность попыток сохранения в Советской России 1918—1920 гг. демократических форм организации власти.

По мере дальнейшего развития советского строительства объективно все более возрастала потребность хотя бы в сколько-нибудь стабильном законодательстве, закреплявшем и определявшем полномочия, соподчиненность различных государственных органов, упорядочивавшем революционное законотворчество, обеспечивавшем гарантии хотя бы части провозглашенных прав и свобод трудящихся. Однако укрепление революционной законности затруднял правовой нигилизм широких масс, являвшийся естественным следствием революционного разрушения старой политико-правовой системы и неразвитости правовой культуры населения. На V Всероссийском съезде Советов отмечалось, что у трудящихся существует скептическое и даже враждебное отношение к самому понятию «Конституция»⁶⁶.

Концепция государства-коммуны, признавая необходимость права в переходный период, отнюдь не выделяла его в качестве важнейшего регулятора жизнедеятельности диктатуры пролетариата и предполагала относительно быстрое отмирание государства и права при социализме. Более того, отрицание парламентаризма и правового государства (за которое ратовали кадеты), жесткая критика буржуазного права и в целом «формально-юридического» подхода к общественным процессам не могли не породить недооценки роли права большевиками. Ленин порой характеризовал диктатуру пролетариата как «власть, опирающуюся непосредственно на насилие, не связанную никакими законами»⁶⁷. Даже П. И. Стучка, занимавший в марте — августе 1918 г. пост наркома юсти-

⁶² Там же, № 1, с. 15, 16.

⁶³ Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, с. 60.

⁶⁴ Коммунист, 1918, № 4, с. 7, 8.

⁶⁵ Преображенский Е. А. Анархизм и коммунизм. М. 1918, с. 17.

⁶⁶ Пятый Всероссийский съезд Советов, с. 184.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 245.

дии, считал, что переход от капитализма к социализму не укладывается в твердые рамки писаного закона. Эти настроения проявились и в ходе создания Конституции.

Впервые идея о необходимости ее разработки была выдвинута на III Всероссийском съезде Советов левыми эсерами. Но, несмотря на соответствующее решение съезда, никаких официальных поручений Наркомюсту дано не было, и его работники в феврале 1918 г. начали разработку проекта по своей инициативе. Лишь 30 марта на заседании ЦК РКП(б) неожиданно, в связи с обсуждением проблемы ликвидации Совнаркома Московской области, возник и был рассмотрен вопрос о создании советской Конституции⁶⁸. Свердлов, многие другие большевики и левые эсеры понимали важность этой задачи и в рамках созданной Конституционной комиссии внесли значительный вклад в разработку проектов Конституции РСФСР. Тем не менее на V Всероссийском съезде Советов принятие Основного закона республики не вызвало большого интереса делегатов. Неоднократные напоминания Свердлова об отсутствии записавшихся для выступления в прениях не повлияли на аудиторию: после доклада Ю. М. Стеклова выступил лишь один делегат съезда — максималист Полянский.

Конституция РСФСР законодательно закрепила новый тип государственности и демократии. В отличие от всех существовавших в то время конституций буржуазных республик она открыто и четко провозгласила классовый принцип организации власти и демократических прав. Основная задача советской Конституции, как отмечалось в ст. 9, заключалась в «установлении диктатуры... пролетариата и беднейшего крестьянства... в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Конституция наделяла широкими демократическими правами трудящихся, особенно рабочий класс, но резко ограничивала в них «эксплуататоров». По признанию Мартова, Конституция РСФСР «давала точное выражение идеи «Вся власть Советам»⁶⁹.

Принятие Конституции объективно создавало предпосылки для совершенствования государственного строительства. Однако разгоравшаяся гражданская война, правовой нигилизм общества резко снижали роль конституционного регулирования. Некоторые большевики считали, что решения съездов Советов (высших органов власти по Конституции) не обязательны для партии⁷⁰. Большинство лиц, отбывавших наказание в трудовых лагерях в 1919—1920 гг., были помещены туда не в судебном, а в административном порядке⁷¹. В результате одним из постоянных требований резолюций меньшевиков на VII и VIII Всероссийских съездах Советов являлось «возобновление действия Советской Конституции».

Огромное деформирующее влияние на советскую государственность оказала гражданская война⁷². Она резко ускорила свертывание демократических норм, приведя к господству «чрезвычайщины», к обескровливанию Советов. Таким образом, не успев окончательно утвердиться в качестве единой и всеобщей системы органов новой власти и управления (последние земства были ликвидированы летом 1918 г.), Советы стали стремительно терять свое влияние. Их функции переходили к партии большевиков, а также к комбедам, ревкомам и другим чрезвычайным,

⁶⁸ См.: Чистяков О. И. К истории разработки первой Советской Конституции в комиссии ВЦИК.— Советское государство и право, 1988, № 7, с. 4, 5; Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 106, 107.

⁶⁹ Мартов Ю. О. Мировой большевизм, с. 36.

⁷⁰ См. Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М. 1972, с. 157.

⁷¹ Социалистическое правовое государство. М. 1989, с. 151.

⁷² См. Гимпельсон Е. Г. Влияние гражданской войны на формирование советской политической системы 1918—1920 гг.— История СССР, 1989, № 5.

военным и хозяйственным органам. Гражданская война наложила сильный отпечаток и на общественное сознание, придав ему еще большую жесткость, бескомпромиссность, веру во всемогущество насилия и военных методов управления, породив тем самым своеобразную «военно-советскую культуру»⁷³.

Фактором, сопоставимым по своему разрушительному воздействию на советскую государственность и демократию с гражданской войной, явилась политика «военного коммунизма». Продразверстка окончательно поставила за грань каких-либо законов большинство населения страны — крестьянство. Немногим лучше было и положение рабочих, труд которых все более милитаризировался. Не отрицая отчасти вынужденного характера «военного коммунизма», следует признать, что во многом эта политика была обусловлена приобретенной большевиками верой в всемогущество государственного принуждения, в то, что именно велениями пролетарского государства можно непосредственно перейти к социализму и коммунистическому распределению⁷⁴.

Неизбежным следствием такой веры явились тотальное огосударствление, сверхцентрализация управления и — как своеобразная расплата за это — быстрая бюрократизация. Стремление насадить в деревне новые общественные отношения, коллективные формы хозяйства способствовало увеличению численности аппарата Наркомзема с ноября 1918 по декабрь 1920 г. более чем в 2,8 раза. В промышленности доля служащих в 1920 г. возросла по сравнению с 1917 г. почти в 2 раза, а по сравнению с 1913 г. — в 2,1 раза. В 1920 г. около 40% трудоспособного населения Москвы и Петрограда составляли служащие различных учреждений⁷⁵. Центральные ведомства, наркоматы и главки перестали считаться с Советами. Отдельные наркомы за неисполнение своих приказов не только угрожали арестом целым губисполкомам, отмечал Т. В. Сапронов, но «иногда и приводили в исполнение свои угрозы»⁷⁶.

Функции партии все более сливались с функциями госаппарата, и сама партия все более «обюрокративалась». Согласно сведениям, собранным к IX съезду РКП(б), 53% большевиков являлись служащими советских учреждений; на фабриках и заводах работало лишь 11% коммунистов⁷⁷. Ярко проявилось стремление к «окоммунистичиванию» Советов. Среди делегатов VI—VIII Всероссийских съездов Советов большевики составляли свыше 96—98%, а в составе отдельных губернских съездов Советов — до 99% (в среднем на губернских съездах в 1920 г. — 78,6%)⁷⁸.

Советское государство 1919—1920 гг. обладало лишь некоторыми, во многом внешними признаками «государства-коммуны». С весны, особенно с лета 1918 г. шло свертывание ростков самоуправления, происходившее как по «вертикали» — путем все большего перераспределения управленческих полномочий «снизу — вверх», так и по «горизонтали» — путем сужения «сферы» демократии: от демократии для всех трудящихся — преимущественно к пролетарской (что отразилось в Конституции РСФСР, закрепившей определенное неравноправие рабочих и крестьян), а затем и к внутрипартийной. Однако и в РКП(б) усиливается централизация, начинаются преследования коммунистов за критику. IX Все-

⁷³ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М. 1960, с. 115.

⁷⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 151.

⁷⁵ В 1910 г. в Петербурге служащие составляли 6,7% (см.: Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М. 1986, с. 196, 200; Крицман Л. Геронческий период великой русской революции. М. 1925, с. 193, 194; Гимпельсон Е. Г. Влияние гражданской войны, с. 7).

⁷⁶ Девятый съезд РКП(б), с. 51.

⁷⁷ Там же, с. 573.

⁷⁸ Известия ЦК РКП(б), 1919, №№ 1—11; Приложение к Известиям ЦК КПСС, 1989, № 12, с. 54; Гимпельсон Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством, с. 166—169.

российская партконференция вынуждена была подчеркнуть недопустимость каких бы то ни было репрессий «против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решенным партией»⁷⁹.

Централизация управления и отсутствие четкого разделения управленческих функций способствовали сосредоточению широких полномочий в руках отдельных лиц. Уже в 1918 г. ЦК РКП(б) обратил внимание на возникновение «микрокультов» личности в отдельных парторганизациях и старался разъяснить недопустимость подобных явлений⁸⁰. Но и в самом ЦК с 1919 г. некоторые большевики подмечали тенденцию к существенному усилению роли вождей. Возросла роль Ленина, который все более превращался как бы в самостоятельный, хотя и не выделенный формально элемент политической системы, в «своеобразный организационный центр, непосредственно связанный с миллионами»⁸¹.

Таким образом, к 1919 г. в стране сложилась та форма политического устройства, которая на XII съезде РКП(б) получила название «диктатура партии»⁸² (сам термин активно использовался уже с 1918 г.). Новая политическая система превратилась из «демократии для большинства» в диктатуру, выражавшую некоторые стратегические интересы рабочего класса, отчасти крестьянства, но осуществлявшуюся авторитарными методами партией большевиков. В какой-то мере это было проявлением подмеченной А. Н. Яковлевым общей для всех революций закономерности — разделения субъекта социальных преобразований и субъекта реальной власти⁸³. В силу наметившегося отчуждения трудящихся от власти (что признавалось делегатами IX Всероссийской конференции⁸⁴) именно массовые мятежи и забастовки 1920—1921 гг., а не решения съездов Советов или других органов политической системы, призванных выражать интересы масс, подтолкнули Ленина, большевиков к отмене продрозверстки и переходу к нэпу.

Указанные выше тенденции в развитии советской политической системы давали богатый материал для критики ее меньшевиками. «Стремление навязать трудящимся во что бы то ни стало диктатуру одной партии,— говорил Дан на VIII съезде Советов,— привело к параличу всей советской системы и к замиранию всякой жизни во всех организациях трудящихся, превращая в то же время гражданскую и военную бюрократию в самодовлеющий аппарат, не только оторванный от трудящихся масс, но действующий зачастую прямо вразрез с их насущнейшими интересами и законнейшими революционными правами»⁸⁵. Меньшевики требовали гарантий демократических прав и свобод для трудящихся, дальнейшей демократизации Конституции и равенства рабочих и крестьян, отмены «правительственного террора», организации действительной ответственности и подотчетности всех органов власти перед трудящимися.

Некоторые из этих тезисов были близки первоначальным взглядам большевиков на пролетарскую государственность. Но, все еще надеясь на мировую революцию, РКП(б) не могла пойти на радикальную демократизацию общества как в силу приверженности «военному коммунизму», так и из-за реальной опасности утраты с таким трудом отстоявшейся ею диктатуры пролетариата. Перед успехом социальной революции, еще со II съезда РСДРП признанным «высшей ценностью»,

⁷⁹ Девятая конференция РКП(б), с. 279.

⁸⁰ Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 165, 166.

⁸¹ Преображенский Е. А. Ленин. М. 1924, с. 40, 41.

⁸² См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 3, с. 53.

⁸³ См. Яковлев А. Н. Реализм — земля перестройки. М. 1990, с. 493.

⁸⁴ Девятая конференция РКП(б), с. 145, 156, 172.

⁸⁵ Социалистический вестник, 1921, № 2, с. 10.

противоречие между реальной советской государственностью и первоначальными идеалами большевиков отходило на задний план.

Несовпадение исходных представлений с полученными на практике результатами, характерное в той или иной мере для всех революций («все революции были основаны на мифах», — афористично писал Н. А. Бердяев⁸⁶), было в целом закономерным и для России. Разрыв между теорией и практикой пролетарской государственности объяснялся как объективными условиями России 1917—1920 гг., «неблагоприятными» для демократии, так и выявившейся утопичностью ряда посылок, на которых строилась концепция государства-коммуны. Среди них — представления об относительной простоте подавляющего большинства функций управления, ставших в результате развития крупного капиталистического производства «вполне доступными всем грамотным людям»; о высочайшей революционной сознательности масс, не требующей материального стимулирования (отсюда и предполагавшийся уравнительный принцип оплаты труда, в том числе и управленческого). Ускоренный переход к самоуправлению, ожидавшаяся легкость подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов⁸⁷, отсутствие постоянной армии объективно предполагали поддержку пролетарского государства в России со стороны мировой революции.

Неожиданные для большевиков тенденции в государственном строительстве после Октября заставили их вначале скорректировать, а затем и принципиально изменить свои взгляды на пролетарскую государственность и демократию. Руководство партии не сразу увидело нарастание негативных явлений в советской государственности. Хотя Ленин уже весной 1918 г. заметил появление бюрократических извращений в работе различных органов, тем не менее до весны 1919 г. он считал, что в целом «в России уже вполне разрушены твердыни бюрократизма»⁸⁸. Однако предсъездовская дискуссия и полемика на VIII съезде РКП(б) заставили Ленина и партию признать не только «частичное возрождение бюрократизма»⁸⁹, но и другие деформации политической системы.

С 1919 г. на съездах и конференциях РКП(б), съездах Советов многие большевики с тревогой говорили о едва ли не полной подмене Советов партийными органами, главками и наркоматами, о том, что Советы устраняются от непосредственного руководства, бюрократизируются и «начинают медленно умирать». Однако меры по разграничению функций партийных и советских органов, по борьбе с бюрократизмом, принимавшиеся с 1919 г., не принесли заметных результатов и сами стали приобретать «бюрократический характер».

Подтвердив неудачу в развертывании широкого самоуправления масс через Советы (которые на деле превратились в органы «для трудящихся», но не «через» них), Ленин на VIII съезде партии подчеркнул, что «слой рабочих, которые управляли фактически Россией,.. невероятно тонок». Этот слой исчислялся всего лишь сотнями, тысячами человек⁹⁰. По существу, слова Ленина означали признание неудачи в реализации концепции государства-коммуны, но от большинства ее принципов он еще не отказался (хотя реже стал употреблять этот термин). Принятая на съезде Программа РКП(б), зафиксировав некоторые отступления от норм государства-коммуны (признание постоянной армии), по-прежнему ориентировала партию на реализацию этой концепции. Хотя некоторые большевики, в частности Н. Осинский, и видели, что государство-коммуна является весьма отдаленной перспективой, а существую-

⁸⁶ Бердяев Н. Судьба России. М. 1990, с. 299, 300.

⁸⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 44, 49, 101, 90, 91.

⁸⁸ Там же. Т. 38, с. 93; см. также: т. 36, с. 204; т. 50, с. 190, 209; т. 43, с. 229, 230.

⁸⁹ КПСС в резолюциях. Т. 2, с. 79.

⁹⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 145, 170.

щая политическая система представляет собой «военно-командную форму пролетарской диктатуры»⁹¹, они не смогли в 1919 г. разработать концепцию реально существовавшей государственности.

Это обстоятельство порождало противоречивость теоретических воззрений большевиков. «Децисты», прежде всего Осинский и Сапронов, а также многие большевики, не входившие в эту группу, осознавали опасность бюрократизации, падения роли Советов, свертывания коллегиальности и т. д. Они выдвинули множество (в том числе и ряд ценных) предложений по совершенствованию политических структур. Отчасти благодаря их усилиям в 1919—1920 гг. внимание большевиков было привлечено к угрозе бюрократизации, к необходимости разделения функций партии и Советов. Однако сложнейшая обстановка гражданской войны, проявившаяся первоначально со стороны большинства вождей партии недооценка опасности нарастающих деформаций в обществе препятствовали осуществлению их программы. Такие предложения, как необходимость разграничения функций центральных и местных органов, разработки административного права и т. д., были названы «мелочами»⁹².

В то же время подавляющая часть большевиков некоторые деформации пролетарской государственности стала воспринимать как должное и, более того, позитивное явление. Государственное принуждение в переходный период не ограничивается рамками господствующих классов, писал в 1920 г. некогда страстный борец против «государства-левнафана» Бухарин, оно «переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс»⁹³. Одним из первых свертывание демократических институтов и резкое повышение роли аппарата управления подметил И. В. Сталин. Уже 15 января 1918 г. в речи на III Всероссийском съезде Советов он сделал вывод: «Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят». В 1920 г. он высказался еще откровеннее: «Страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезды Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые на деле овладели исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами»⁹⁴.

В условиях кризиса теоретических представлений большевиков о способах управления обществом (его рельефно отразила дискуссия о профсоюзах) у Ленина начинают складываться контуры новой концепции не только собственно пролетарской государственности, а всей политической системы. Придя к выводу, что трудящиеся смогут непосредственно управлять обществом лишь после ликвидации классовой борьбы и классовых различий (то есть фактически при социализме), он подчеркнул, что осуществление диктатуры пролетариата в России возможно только через Коммунистическую партию. Советы, профсоюзы, другие организации выполняют главным образом лишь функции «системы зубчатых колес», «приводов» от партии к массам. Эта концепция предусматривала не «отмирающее», а сильное централизованное государство, не непосредственную, а представительную демократию⁹⁵.

Новая ленинская концепция, получившая развитие в его работах 1921—1923 гг., призвана была рационализировать складывавшуюся во многом путем проб и ошибок политическую надстройку, чтобы обеспечить (через Коммунистическую партию) бесспорный приоритет интересам рабочего класса в условиях капиталистического окружения и прео-

⁹¹ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М. 1959, с. 190.

⁹² См. там же, с. 303—324.

⁹³ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М. 1989, с. 162—164.

⁹⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 4, с. 37, 366.

⁹⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 42, 55, 94, 99; т. 42, с. 203—205 и др.

бладания крестьянского населения внутри страны, а также попытаться уменьшить негативные последствия неизбежной при данных обстоятельствах жесткой централизации власти и ограничения демократии.

Октябрьская революция, представлявшаяся большевикам как путь к подлинной демократии, как антибюрократический переворот, оказалась на деле дорогой к диктатуре, к установлению бюрократической системы еще более мощной, чем в царской России. Причины этого парадокса заключались прежде всего в объективных условиях. Война, хозяйственный кризис, небывалое обострение социальных противоречий (и как следствие, поляризация политических сил), низкий культурный уровень масс, уставших от лишений и жаждавших немедленного решения острейших социально-экономических проблем,— все эти факторы не способствовали выживанию в России демократических форм власти.

Этим в конечном счете была обусловлена неудача меньшевистской альтернативы Октябрю, ориентированной на парламентскую буржуазную (Плеханов) или революционно-демократическую (Мартов) государственность в России. К тому же задержка с созывом Учредительного собрания, боязнь меньшевиков и эсеров разорвать коалицию с кадетами привели к тому, что критическая точка, на которой еще возможно было реформировать послефевральскую Россию, была пройдена. Меньшевистско-эсеровский блок, и без того страдавший организационной рыхлостью, недостатком решимости и политической воли, все более раздирался внутренними противоречиями, терял популярность в массах. На выборах в Учредительное собрание за меньшевиков было подано лишь 2,6% голосов.

Учитывая раскол эсеровской партии, лояльность крестьянства по отношению к большевикам, обеспеченную, особенно до лета 1918 г., Декретом о земле, можно понять причины, вследствие которых меньшевики не смогли найти социальных сил для реализации своей альтернативы, а затем и для радикальных предложений по демократизации Советской республики. Как показала гражданская война, основная масса трудящихся поддержала, хотя и далеко не безусловно, большевиков, с их продрозверсткой и диктатурой, поскольку выбирать приходилось не между «демократией» и «авторитаризмом», а между диктатурой пролетариата и контрреволюционной диктатурой буржуазии и помещиков.

Трагедия России заключалась в том, что страна в силу ряда объективных и субъективных причин была подведена к попытке поисков некапиталистического, альтернативного пути развития в условиях невызревших предпосылок для этого. Ленин, видя недостаточность формационных предпосылок социализма (невысокий уровень производительных сил, низкий удельный вес пролетариата в общей численности населения, неграмотность подавляющей части трудящихся), понимал, что «русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистической революции» и возлагал надежды на мировую революцию («мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию»,— подчеркивал он в 1920 г.)⁹⁶. Ее отсутствие неизбежно привело к тому, что именно государство, советская политическая система в целом послужили фактором, призванным компенсировать недостаточность предпосылок социализма в России через максимальную мобилизацию всех внутренних ресурсов, сверхконцентрацию сил и власти.

Революционное насилие, облеченное в государственные формы, внедряло и поддерживало (нередко с помощью террора) новые общественные отношения, для которых не сложились еще объективные условия. Все это не могло не привести к свертыванию демократии, к формализации самой диктатуры пролетариата. Соединить социализм и демокра-

⁹⁶ Там же. Т. 31, с. 93; т. 42, с. 1.

тию не удалось (именно в этом обстоятельстве Дан видел причины того, что «мартовское течение русской социал-демократии» так и не могло слиться с большевиками⁹⁷). Р. Люксембург была недалеко от истины, считая осуществление диктатуры пролетариата в России при отсутствии мировой революции «квадратурой круга»: «В таких фатальных условиях даже самый огромный идеализм, самая безграничная революционная энергия способны осуществить не демократию и не социализм, а лишь бессильные, искаженные их попытки»⁹⁸.

Глубокое противоречие между теорией и практикой новой государственности в России объяснялось не только не предусматривавшимися ранее условиями, в которых победила социальная революция. Оно как бы в концентрированном виде отразило иллюзорность исходных представлений о социализме, о возможности его осуществления через диктатуру пролетариата, новый тип государства и демократии. Исторический опыт подтвердил правоту Каутского, подчеркивавшего в 1919 г., что «диктатура ведет лишь к социализму такого рода, который называют азиатским»⁹⁹. Объективная логика событий, усугубленная стремлением большевиков непосредственно перейти к социализму, привела к постепенному свертыванию самоуправленческих начал, к гипертрофированию органов государственного принуждения, что повлекло за собой коренное изменение взглядов на пролетарскую государственность.

Опасность этих тенденций не была своевременно осознана руководством большевиков, а острота ситуации снижала «восприимчивость» к конструктивным предложениям внутрипартийной оппозиции и тем более меньшевиков, которых считали «худшими врагами социализма»¹⁰⁰. Имевшиеся, по-видимому, небольшие возможности для демократизации Советского государства в 1918—1920 гг. не были использованы. В новом государстве, все более сливавшемся с партийным аппаратом, в трансформированном виде возрождались некоторые традиции дореволюционной российской государственности с ее централизацией, бюрократизмом, персонификацией высшей власти, обширными и слабо регламентированными функциями госаппарата, почти не подконтрольного трудящимся. Не случайно уже в 1919—1920 гг. меньшевики обращали внимание на угрозу 18 брюмера, бонапартизма в Советской России¹⁰¹.

Сложившиеся в первые послеоктябрьские годы деформации новой государственности и их отражение в теории послужили в дальнейшем одной из важнейших основ сталинизма.

⁹⁷ Дан Ф. И. Итоги и перспективы развития большевизма.— Коммунист, 1990, № 7, с. 73.

⁹⁸ Люксембург Р. Рукописи о русской революции.— Вопросы истории, 1990, № 2, с. 13.

⁹⁹ Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин. 1919, с. 225.

¹⁰⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 168.

¹⁰¹ Дан Ф. И. Письма (1899—1946). Амстердам. 1985, с. 318; Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП, с. 37.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ВЕК КРЕЩЕНИЯ

Иеромонах Никон

Условные мерки, употребляемые в нашем летосчислении для разделения исторического времени на отрезки, оказываются порой ознаменованными глубокой духовной значимостью, которая ясно обнаруживает себя в судьбах как отдельных людей, так и целых народов. Именно таким для Русской земли стал X век. Происшедшее в самом конце его Крещение Руси св. Владимиром было не только началом великой перемены в строе народной жизни, но и завершением предшествовавшей эпохи исканий, векового стремления утолить жажду высшей истины, которая охватила тогда народную душу.

Восточнославянский этнос испытывал тогда воздействие исторических законов, определяющих путь европейской цивилизации. Как справедливо отмечал Ф. И. Успенский, «Россия в X веке не могла не быть вовлеченной в общий исторический поток; для всех народов представлялась одна и та же альтернатива: или принять христианство и тем положить начало созданию государственности, или уступить место другому»¹. Свое место и вес имели, конечно, условия политического и экономического характера. Однако не низким расчетом и не «объективной необходимостью», будь она «слепой» или «осознанной», определялся великий выбор, совершенный Русью в X столетии. Его основа — духовное самоопределение, которое происходит в жизни отдельной личности или народа как личности соборной при соприкосновении с духовной реальностью.

После крещения русов при патриархе Фотии, между 860 и 867 гг., относительно долгий срок — несколько десятилетий — христиане, живущие в пределах формирующегося в то время Древнерусского государства со столицей в Киеве, были духовно окормляемы епископской кафедрой России. В списке епархий Константинопольского патриархата, составляющем приложение к церковному уставу императора Льва VI Мудрого (886—912), кафедра России поименована как митрополия². Она стоит на одном из самых последних в списке, 61-м месте, что говорит о ее недавнем основании.

Город Русия (Россия) был дружинным центром, одной из главных опорных баз сложносоставного в этническом отношении консорциума, включавшего готский, иранский, тюркский, славянский и скандинавский элементы, именуемого греками «народ рос», арабскими писателями —

Иеромонах НИКОН (ЛЫСЕНКО) — преподаватель Московской духовной академии.

¹ Успенский Ф. И. Русь и Византия в X в. Одесса. 1888, с. 32.

² Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956, с. 82.

«русы», а автором Повести временных лет «русь — варяги». Автор X в. Лиутпранд Клермонский писал: «Греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Normannos — по месту жительства» и тут же перечисляет народы «печенеги, хазары, русы, которых мы зовем норманнами»³. Это и другие свидетельства с достаточной определенностью указывают, что этнонимы «норманны», «варяги» и «русь» в контексте источников, повествующих о событиях IX—X столетий в Восточной и Южной Европе, не следует понимать чрезмерно узко, видя под этими именами одних только скандинавов. Нельзя считать русов чистыми скандинавами еще потому, что последние начали свои походы в конце VIII в., в то время как первые упоминания о росах встречаются у Захарии Ритора, автора VI века.

Как показывают данные археологических раскопок последних двух десятилетий, к 30-м годам IX в. Волховско-Днепровская магистраль вошла в систему трансевропейских водных путей под именем «путь из варяг в греки». Первооткрывателями и хозяевами его были не кто иные, как русы. Знаменитое свидетельство Бертинских анналов 839 г. сообщает, что «свеи» послы «хакана росов» рассчитывали вернуться к нему кружным путем, почему и направились из Константинополя далеко на запад, в Идельгейм. Археологический материал свидетельствует о том, что Балтийско-Черноморская магистраль широко использовалась в торговых и военно-политических целях, связывая дружинные центры Швеции — Бирку, Готланд и др. — и военно-торговые базы на берегах «Русского» (Черного) моря. Крупнейшим из этих последних была Русия, по имени которой, как сообщают некоторые восточные источники, и получило свое название море.

Середина IX в. ознаменовалась возникновением по пути из варяг в греки крупных узлов торговых и политических связей. Они становятся центрами формирования военных дружин, купеческих объединений, ремесленных организаций, обретающих международный статус⁴. Это Старая Ладога, Рюриково и Труворово городища, Гнездовское поселение, Киев. Тогда-то и происходит легендарное призвание варягов новгородцами. «Путь из варяг в греки» становится военно-политической магистралью, имеющей первостепенную значимость для объединения славянских земель. Дружинные центры русов превращаются в опорные базы формирования славяно-русской государственности.

Однозначно определить, какую роль играла «крещеная русь» в процессе образования Древнерусского государства с центром в Киеве, довольно трудно. Данные археологических исследований определенно подтверждают не раз высказывавшиеся предположения, что инициаторы набега русов на Константинополь в 860 г., Аскольд и Дир, принявшие вскоре затем крещение от миссионеров, посланных в Русию патриархом Фотием в середине 60-х годов IX в., принесли христианство в Киев, и оно получило там довольно широкое распространение. Однако прямых оснований считать, что в Киеве при Аскольде и Дире была епископская кафедра, нет.

Судя по всему, к началу 80-х годов IX в. между христианскими правителями Киева и варяго-русскими князьями-язычниками, утвердившимися в Новгороде, стал назревать конфликт. В том, что разнородная в этническом отношении военно-торговая корпорация хозяев «пути из варяг в греки» по мере превращения дружинных баз в государственные центры стала разваливаться, и распад этот был сопряжен с борьбой за гегемонию на великой водной магистрали, нет ничего удивительного. И все же роль религиозного антагонизма в конфликте Новгорода и Кие-

³ Цит. по: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1915, с. 65.

⁴ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985, с. 229—231.

ва нельзя не принимать во внимание, особенно рассматривая его в свете дальнейших событий.

Автор Повести временных лет ясно указывает, что Аскольд и Дир ушли от Рюрика в Царьград вместе со всем своим родом около 862 года. Как отмечает С. М. Соловьев: «В некоторых списках летописи встречаются также подробности о неприязненных отношениях Аскольда и Диры к Рюрику: так, есть известие, что они по неудовольствию оставили северного князя... Также есть известие о бегстве новгородцев, недовольных Рюриком, в Киев к Аскольду и Диру»⁵.

Интересный взгляд на подоплеку конфликта между Новгородом и Киевом высказывает Л. Н. Гумилев. Он пишет: «Рюрик был варяг (это профессия) из этноса «руси». Не ужившись дома, он принял предложение «Гостомысла» (или партии «гостомыслов») и укрепился в Новгороде... Под его контролем была небольшая и редконаселенная территория: Ладога, Белоозеро, Изборск, Полоцк и Смоленск в 863—869 гг. были подчинены Киеву, где сидели враги Рюрика Аскольд и Дир. Пополнять свое войско Рюрик мог только одним способом — наймом варягов из заморья⁶. Они-то и завоевали Киев для его сына... И тут возникает новая неясность: почему хитрый захватчик, убив только двух правителей города, не встретил сопротивления в народных массах? Очевидно, у варягов была столь мощная поддержка, что (киевские) славяно-русы не рискнули повторить попытку Вадима Храброго, пытавшегося в 864 г. выгнать Рюрика из Новгорода. Летопись об этом молчит. Лакуну отчасти восполняет краткая справка Масуди, что «русы и славяне составляют прислугу хазарского царя».

Гумилев приводит довольно весомые свидетельства источников и данные исторического анализа, доказывающие, что корпорации еврейских торговцев и финансистов «рахдонитов», уже в VIII столетии полностью взявшие в свои руки контроль над важнейшими торговыми путями, связывающими Азию, Европу и Северную Африку, наладили тесную связь с шайками викингов, часто грабивших в то время побережья Западной и Южной Европы. «Мы привыкли видеть в евреях и норманнах антагонистов, ибо они в самом деле весьма непохожи друг на друга,— пишет Гумилев,— но в политических коллизиях, особенно диктуемых элементарной алчностью,— симпатии, основанные на сходстве психологических складов, уступают место расчету... И поэтому рахдониты спокойно использовали викингов, оставляя тех в уверенности, что они не являются игрушкой в руках опытного партнера»⁷.

Усиление скандинавского элемента в Новгороде и других северных дружинных центрах русов приводит в конце концов к тому, что новгородская «русь» втягивается в орбиту еврейско-норманнского симбиоза и становится союзником хазарских иудеев. Она стала резко враждебна «крещеной руси», владевшей Русией и Киевом. Вполне естественно предположить, что новгородские скандинавы стремились уничтожить независимость Киева и Русии, чтобы подчинить власти рахдонитов «путь из варяг в греки». Возможно, что поворот кагана русов, которым, по-видимому, в то время был Рюрик, к союзу с каганом Хазарии нашел отражение в притче, содержащейся в анонимном персидском «Сборнике историй», датированном XII столетием. Там говорится: «Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как он не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и по-

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1, т. 1. М. 1988, с. 132.

⁶ Именно потому, возможно, что христианизированная Русия уже не поддерживала кагана-язычника.

⁷ Гумилев Л. Н. Русь и Великая степь. М. 1989, с. 174—175.

просил у того часть его страны, чтобы там обосноваться»⁸. Указание на родство Руса и Хазара может быть истолковано как дополнительное свидетельство того, что титул кагана, присваиваемый рядом источников правителю русов в IX в. и киевским князьям в X—XI вв., говорит о родственной связи между династией Ашина и Рюриковичами. Под «частью страны Хазар» можно подразумевать землю полян, жители которой до того, как Киевом овладели крещеные русы во главе с Аскольдом и Диром, платили дань хазарам⁹.

В 882 г. Киевом овладел Олег, заманивший Аскольда и Дира в ловушку и коварно расправившийся с ними. Сравнительная легкость захвата Киева Олегом может быть вполне объяснена помощью, оказанной ему язычниками — киевскими славянами. В Иоакимовской летописи упоминается, что Олег «слыша от киевлян жалобы на Оскольда». Несколькими строками далее в том же тексте сказано: «Блаженный Оскольд предан киевляны и убиен»¹⁰.

Вопрос о том, как после этого сложились отношения между Киевом и Русией, остается неясным. Возможно, разгадку его следует искать в связи с событиями на Каспии между 884 и 910 годом. В это время, по свидетельству ряда восточных авторов, русы совершают частые набеги на мусульманские города Каспийского побережья. Последний из них, описанный Масуди, закончился для войска русов трагически. С дозволения хазарского царя (бека) Вениамина огромный русский флот — 500 кораблей — прошел Азовским морем и Доном до Волго-Донской перемычки и спустился по Волге в Каспийское море. Русы подвергли опустошению побережья Гиляна, Табаристана и Ширвана и с богатой добычей, долю от которой выделили хазарскому царю, возвратились в низовья Волги. Узнав об этом, мусульмане, составлявшие гвардию хазарского царя, потребовали у него разрешения отомстить русам за кровь своих единоверцев. Получив его, мусульмане врасплох напали на отдыхавшее после похода русское войско и истребили его. Масуди сообщает, что в трехдневном кровавом бою пало 30 тыс. русов¹¹.

Скорее всего отправной базой этого неудачного похода была Русия. Видимо, после описанных событий этот дружинный центр теряет свое значение, а Олег обретает монополию на «путь из варяг в греки». Очевидно, каспийская катастрофа имела своим следствием и упадок митрополии Русии. За захватом Киева следует поход Олега на Царьград, который русский летописец датирует 907 годом. Он сопровождался жестокостями по отношению к греческому мирному населению. Явно чувствуется особая ненависть языческого войска Олега к христианам. «И много убийства сотвори... греком, и разбиша много полаты и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнники, овех посекаху, другие же мучаху, инья же растреляху, а другыя в море вметаху и много зла творяху русь греком»¹², — гласит летопись. Текст договора между Русью и Византией, заключенного около 911 г., явно показывает, что христиане с русской стороны в переговорах не участвовали. Христиане (греки) здесь отчетливо противопоставлены руси-язычникам.

Эти факты дают основания полагать, что с приходом Олега в Киев положение «крещеной руси» достаточно серьезно осложнилось. След епископов Русии теряется именно в это время. Однако бросается в глаза одно существенное обстоятельство. Текст договора Руси с греками со-

⁸ Цит. по: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965, с. 401.

⁹ Повесть временных лет (ПВЛ). Ч. 1. М.—Л. 1950, с. 16, 18.

¹⁰ Цит. по: Татищев В. Н. История Российская. Т. 1, кн. 1. СПб. 1768, с. 35.

¹¹ См. Гаркави А. Я. Известия мусульманских писателей о славянах русских. СПб. 1870, с. 130—135.

¹² ПВЛ. Ч. 1, с. 24.

держит одно весьма ценное свидетельство. От имени русских послов в договоре говорится: «Бывший мир сотворихом Ивановым написанием на двою хартью, царя вашего и своего рукою»¹³. Это говорит о том, что договор был подписан послами собственноручно. Более того, исследователи по аналогии с процедурой заключения мирных договоров Византии с Персией, описание которой сохранилось в источниках, полагают, что из двух экземпляров договора, о которых идет речь, один был на греческом, другой — на русском языке¹⁴.

Был ли это тот язык, на котором написаны тексты Псалтири и Евангелия, найденные в 861 г. в Херсонесе св. Кириллом, или текст одной из хартий договора был написан на славянском языке кириллицей? Сравнительный анализ языка договора 911 г., договора Игоря 944 г. и авторского текста летописца, приводящего тот и другой акты, проведенный С. П. Обнорским, доказал, что договоры представляют собой два различных памятника, два одновременных перевода с греческого языка на славянский. Оба договора и текст летописи значительно различаются по типу языка, ими представленного¹⁵. Нет каких-либо причин предполагать, что русский текст договора был записан с использованием какой-либо другой азбуки, а не кириллицы.

«Это значит,— писал А. В. Карташев,— что запрещенная в своем открытом существовании именно Олегом новорожденная Русская церковь, лишенная даже епископского возглавления, в течение пятидесятилетия со времени ее создания славянскими апостолами уже культурно завоевала русский народ, его государственную головку. Хотя большая часть имен, подписавших договоры представителей Олегова войска и звучит чисто по-скандинавски,.. но государственным языком и разговорным, и письменным уже является литературный язык, подаренный русскому народу в 861—862 гг. святыми Солунскими братьями. Через это духовная власть Церкви над начавшейся историей русской государственной культуры складывается со всей исторической наглядностью»¹⁶.

Враждебность новых хозяев Киева и «пути из варяг в греки» к христианам не могла стать непреодолимой преградой для всевозрастающего влечения пробуждающегося к исторической жизни славяно-русского народа к восприятию византийской культуры, которая была пронизана христианской духовностью. Что касается Византии, то она хорошо сознавала преимущества своей культуры и образованности и силу их духовно-нравственного влияния. Нелепо представлять себе византийцев коварными поработителями, пытающимися — по недостатку военных сил — подчинить себе молодые славянские народы через своекорыстное использование христианской миссии.

«По преимуществу именно на долю Византии выпала роль воспитания новоевропейских народов,— писал Ф. И. Успенский.—... Мало того, что, устояв против врагов, она долгое время оставалась очагом и светочем просвещения, она старалась частью убеждением, частью проповедью христианства и цивилизирующим влиянием укротить и облагородить дикарей, приучить их к выгодам гражданской жизни... Восточные народы обязаны ей верой, литературой и гражданственностью»¹⁷. Именно этого рода влияние старались оказать византийцы и при заключении договора 911 года. Это ясно уже из того, что «Царь Леон почти послы руськие дарми, злотом и паволоками... и пристави к ним мужи свои показать им церковную красоту,.. и страсти Господни,

¹³ Там же, с. 28—29.

¹⁴ Там же. Ч. 2, М.—Л. 1950, с. 279.

¹⁵ Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками. В сб.: Язык и мышление. Т. VI—VII. М.—Л. 1936, с. 101—102.

¹⁶ Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. Париж. 1959, с. 94.

¹⁷ Успенский Ф. И. Ук. соч., с. 32—33.

и венец, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, и учаше я к вере своей показующе им истиную веру»¹⁸.

Важным фактором в приобщении славяно-русов к христианской культуре Византии в тот период, помимо торговых связей, была служба их в качестве наемников в византийских войсках. Ряд византийских источников содержит сведения о «росах», служивших в императорской армии и флоте, реже в гвардии — гетерии.

Свидетельством постепенной христианизации дружины киевских князей являются договор между Русью и Византией, заключенный в 945 г., и рассказ о его ратификации в Киеве, приведенные в Повести временных лет. В тексте договора не только упоминается «крещеная русь», но, судя по тому, как он составлен, ее представители в дружине Игоря занимают первое, преимущественное положение. Послы Игоря, согласно летописи, возвратились после заключения договора из Царьграда в Киев вместе с послами греческими. Здесь совершилась ратификация договора. При этом языческая русь клялась в верности договору на холме, где стоял идол Перуна, на своем оружии, «а хрестияную русь водиша роте в церкви святого Ильи иже есть над Ручаем, конец Пасыньче беседы: се бе сборная церкви, мнози же бяша варязи христиане и козаре»¹⁹. Таким образом, и текст договора, и обстоятельства его ратификации указывают на то, что к середине X в. христиане стали в Киевской Руси реальной общественной и политической силой.

На основании упоминания в летописи о христианах — хазарах И. И. Малышевский и Г. М. Барац выдвинули гипотезу о ведущей роли в деле распространения христианства в Киеве «хазарских иудеохристиан»²⁰. При этом Барац развивал высказанный в ряде других его работ тезис о еврейской культурной гегемонии в Киевской Руси X—XI веков. Как представляется, упоминание о христианах — варягах и хазарах — на самом деле является очень важным свидетельством, указывающим на то, откуда проникало христианство в Киев. Современными исследованиями доказано, что термин «варяги» — не этноним. Им обозначаются служившие в византийской армии воины-наемники, выходцы с севера — русы, славяне и скандинавы. Что касается хазар, то, по-видимому, под ними подразумеваются именно те русы, которые были выходцами из Руси, потомками «хазар», крещенных св. Кириллом и Мефодием в 862 году. Этой точки зрения придерживался В. В. Мавродин, связывавший название одного из районов Киева — «Казаре» с поселением здесь русов — выходцев из Хазарии²¹.

Вопрос о том, был ли князь Игорь, как считали Е. Е. Голубинский и М. Д. Приселков²², «внутренним христианином», за недостатком данных остается открытым. Ясно, однако, что во время его правления христианство в Киеве обретает статус официально признанного вероисповедания. Достаточно указать на признание присяги крещеных русов, принесенной в соборной церкви наряду с клятвой язычников на холме Перуна, необходимым условием ратификации договора. О многом говорит и само упоминание соборной церкви св. Ильи. Очевидно, предположение митрополита Макария (Булгакова), что титул «соборная» означает наличие в Киеве и других церквей, между которыми церковь св.

¹⁸ ПВЛ. Ч. 1, с. 29.

¹⁹ Там же.

²⁰ Малышевский И. И. Евреи в Южной России.— Труды Киевской духовной академии. 1876, кн. III; Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев. 1910, с. 255—256.

²¹ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л. 1945.

²² Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1, ч. 1, М. 1901, с. 37; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб. 1913, с. 6.

Ильи считалась главной²³, разделяемое современными исследователями²⁴, является вполне резонным.

Укрепление христианства в Киеве, сопровождавшееся появлением «христианской партии» при великокняжеском дворе, происходит скорее всего внезапно, как бы в результате какого-то переворота. И византийские хронисты, и русский летописец отмечают, что всего за три года до заключения договора, при подписании и ратификации которого «крещеная русь» играла столь заметную роль, отношение русов к христианам и их святыням было самое враждебное. «Их же емше, овех распинаху, другия аки странъ поставляюще и стреляху в ня, изимахуть, опаки руце связывахуть, гвозди железные по среди главы вбивахуть им. И много же святых церквей огневи предаша, монытвере и села пожгоша и имения немало взяша», — рассказывает летописец, повествуя о походе Игоря на Царьград в 941 году.

Поход этот, однако, завершился сокрушительным разгромом русов на суше и на море. Особенно трагичной была судьба русского флота, против которого византийцы применили «греческий огонь». Это небывалое оружие христиан навело на язычников-русов такой ужас, что, по словам летописца, уцелевшие, вернувшись на родину, рассказывали: «Яко же молонья иже на небесех греци имут у собе, и се пушающе жегаху нас, сего ради и одолехом им»²⁵. Страшное бедствие, постигшее русов, могло быть осознано ими как кара свыше, воздаяние за зверство и святотатство, каковым, думается, оно и было на самом деле.

Гибель наиболее ревностных язычников и особое впечатление, произведенное пережитым бедствием на прочих участников похода 941 г., могли весьма существенно способствовать тому, что дотоле почти незаметные киевские христиане становятся силой, активно влияющей на ход общественно-политической жизни Древнерусской державы. Вполне возможно, что договор 945 г. был подписан уже после смерти Игоря, который, как считает Д. С. Лихачев, был убит во время сбора дани осенью 944 года²⁶. Пошатнуть веру в языческих богов и усилить страх перед Богом христиан могла, между прочим, и сама ужасная смерть князя-язычника, который, как сообщает Лев Диакон, был привязан древлянами к вершинам двух предварительно пригнутых деревьев и разодран на части.

Обращает на себя внимание гипотеза, которую для объяснения событий, происходивших в Киевской Руси после смерти Игоря, предлагает Гумилев. По его мнению, сама жадность князя, переполнившая чашу терпения древлян, была вызвана необходимостью добыть достаточно средств для того, чтобы оплатить услуги варяжских отрядов и собрать дань, которую киевский князь был обязан платить хазарскому царю. Гумилев считает, что за гибелью Игоря последовала резкая перемена политического курса Киева: «Ольга и Свенельд восстановили славяно-русскую традицию и вернули Русь на тот путь, по которому она двигалась до варяжской узурпации. И последствия оказались самыми благоприятными для Русской земли и весьма тяжелыми для еврейской общины Хазарии»²⁷. Действительно, анализируя события 945 г. и последующие, трудно не согласиться с тем, что союз с Византией, сопровождавшийся дальнейшим распространением христианства на Руси, и война с Хазарией, окончившаяся полным разгромом последней, являются следствием резкой перемены курса внешней политики Киева.

²³ Макарий (Булгаков). История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира. СПб. 1868, с. 242.

²⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв. М. 1982, с. 142.

²⁵ ПВЛ. Ч. 1, с. 33.

²⁶ ПВЛ. Ч. 2, с. 295.

²⁷ Гумилев Л. Н. Ук. соч., с. 205.

Следующей важной вехой на пути Руси к восприятию истины Христовой было крещение великой княгини Ольги. Вопрос о его времени и месте довольно запутан, как, впрочем, и вопросы, связанные с ее происхождением, а также и возрастом, в котором она крестилась. На основании данных источников, которые весьма между собой разнятся, были предложены очень разноречивые версии. Наиболее подробное описание поездки Ольги в Царьград осенью 957 г., содержащееся в трактате Константина Багрянородного о церемониях византийского двора, не упоминает о крещении русской княгини. Там вообще прямо не говорится, кто она — христианка или язычница.

Ряд косвенных обстоятельств, однако, может быть использован в качестве аргументов в пользу того, что, по крайней мере, ко времени, когда «архонтисса росов» прибыла во дворец Константина VII Багрянородного, она уже была христианкой. Об этом свидетельствует описание приема, как сказали бы теперь, «на высшем уровне», который был ей оказан, и упоминание о наличии в свите княгини православного священника Григория. Сопоставление данных ряда источников, произведенное О. М. Раповым, позволяет предположить, что Ольга приняла крещение в Константинополе во время первого своего путешествия, имевшего место в правление императора Романа I, но после смерти Игоря²⁸, по-видимому, еще в конце 944 года. В этом случае рассказ Повести временных лет о сватовстве императора к русской княгине после ее крещения оказывается не столь уж баснословен. Императором этим, конечно, не мог быть Константин VII, который принимал русскую княгиню в 957 г. в присутствии своей супруги и детей, но им вполне мог быть Роман I Лакапин, овдовевший в 937 году²⁹.

Достаточно часто в современных исследованиях, касающихся вопроса о крещении Ольги, можно встретить пространные рассуждения о его политических причинах и следствиях. Путь княгини ко крещению, каким нам он представляется из рассказа летописца, является свидетельством того, что истинная вера обретается только прозрением сердца, горящего жаждой постижения Совершенного и единения с Ним. «Блаженная Ольга с малых лет искала мудростью, что есть лучшее в свете этом, и нашла многоцветный жемчуг — Христа». Но что могло послужить непосредственным толчком к раскрытию ее сердца для восприятия благодати Божией? «На этот вопрос, — пишет современный церковный писатель, — дает ответ сама княгиня Ольга. В разговоре с сыном Святославом она свидетельствует о себе: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь: если и ты познаешь, тоже станешь радоваться». Значит, до познания Бога в душе Ольги не было радости! Трагическая гибель мужа, кровавая месть древлянам должны были еще более омрачить ее сердце»³⁰. Озарение Божественной истиной переменяло в душе княгини скорбь на радость.

«Радуйся, русское познание к Богу»³¹, — восклицает летописец, завершая свое повествование о жизни св. Ольги. Не открывается ли в этих словах духовная истина о природе русской веры, о том, как русская народная душа ощущает свое соприкосновение с Божественной реальностью? Христианство для русского человека — это отнюдь не «идеология» или «нравственное учение», а подлинное преображение жизни, происходящее от обретения живой связи с самим источником бытия.

Вернувшись из Константинополя, св. Ольга начинает миссионерскую деятельность, но существенным препятствием на ее пути оказывается непреклонная позиция ее сына, Святослава. «Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не приняли совета Моего,

²⁸ Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. М. 1988, с. 166.

²⁹ Там же, с. 168—169.

³⁰ Лебедев Л. Крещение Руси. М. 1987, с. 87.

³¹ ПВЛ. Ч. 1, с. 49.

презрели обличения Мои», — обличает летописец словами книги Премудрости Соломона противление Святослава и его окружения увещанию княгини. «Како аз хочу ин закон прияти един? А дружина моя сему смеяться начнут», — говорит Святослав. «Аще ты крестишися, вси имут то ж створити», — отвечала ему св. Ольга. Эти слова показывают, между прочим, что мысль о крещении Руси, которое должно было последовать за крещением князя, являлась для 60-х годов X столетия вполне естественной. А это значит, что христианство без труда уже могло стать религией всего народа, если бы было устранено главное препятствие к тому — государственный статус языческой религии.

Крещение св. Ольги и ее миссионерская деятельность еще более укрепили положение христиан в Киеве, но упорное неприятие новой веры Святославом и его дружиной создали все же довольно сложную религиозную и политическую ситуацию в Древнерусской державе. Победоносная война 964—965 гг., окончившаяся полным разгромом Хазарии, прекратившей после этого свое государственное существование, принесла князю и его дружине громкую славу, однако это не ослабило позиции христиан, составлявших окружение св. Ольги, являвшейся реальной правительницей во время постоянных отъездов Святослава на войну.

Не успели закончиться военные действия на Северном Кавказе, как Святослав, подталкиваемый византийским послом Калокиром, предпринял поход на Дунайскую Болгарию, в результате которого к осени 968 г. стал хозяином большей части этой страны. Когда Калокир, сопровождавший русского князя в походе, узнал о смерти императора Никифора II Фоки, он решился, опираясь на помощь Святослава, поднять мятеж и захватить власть в империи. Святослав, в свою очередь, рассчитывал сохранить власть над Болгарией, сделав Переяславец (Преслав) столицей своей державы, раскинувшейся от Новгорода до Филиппополя и от Саркела и Руси до Доростола. Как отмечает Гумилев: «Святослав представляется в этой коллизии отнюдь не викинг-головорезом, а трезвым и предусмотрительным политиком, решившим перенести столицу в удобное для себя место»³². Причина того, что Святославу «не любо есть в Киеве быти», заключалась, возможно, в его нежелании делить власть с христианским правительством Ольги.

Св. Ольга скончалась в 969 г., завещав «не творить тризны над собою», но похоронить себя по-христиански. Отпевание совершил некий «презвутер», имени которого летописец не упоминает. Вскоре после этого над молодой христианской общиной Киева нависла серьезная опасность. Война с императором Иоанном Цимисхием, в которую втянула Святослава авантюра Калокира, оказалась для русов неудачной. В битве под Доростолом пал Икмор, по словам Льва Диакона, второй, после Святослава, предводитель русского войска. Тризна по нему и другим павшим в битве сопровождалась человеческими жертвоприношениями: было зарезано множество пленных христиан — мужчин, женщин и младенцев³³.

Согласно Иоакимовской летописи, тогда же произошла расправа язычников над входившими в войско Святослава русами-христианами: «Диавол възмьте сердца вельмож нечестивых, начаша клеветати на христианы, сущия в воинстве, яко сие падение вой (т. е. понесенные в битве потери.— *И. Н.*) приключилось от прогневанья лжебогов их христианами. Он же (Святослав.— *И. Н.*) толико рассвирепе, яко и единого брата своего Глеба не посчаде, но разными муки томи, убиваше. Они же с радостию на мучение идяху, а веры Христовы отречеся и идолом поклонитися не хотяху, с веселием венеч мучения приимаху. Он же, видя их непокорение, наипаче на презвитеры яряся, яко тии чарованием не-

³² Гумилев Л. Н. Ук. соч., с. 232.

³³ Лев Диакон. История. М. 1988, с. 78.

ким людям отвращают и в вере их утверждают, посла в Киев, повеле храмы христиан разорити и сожесчи и сам вскоре поиде, хотя все христиане изгубити. Но Бог весть, како праведныя спасти, а злыя погубити, он бо вся воя отпусти подем ко Киеву, а сам не со многими иде в лодиах, и на Днепре близ проторча (порогов) обступиша печенези и со всеми бывшими при нем избиша. Тако приат казнь от Бога»³⁴.

Свидетельство о разрушении храмов в Киеве подтверждается данными раскопок. По мнению Я. Е. Боровского, языческое капище, остатки которого были обнаружены на территории «города Владимира», было воздвигнуто в начале 80-х годов X столетия на месте каменного христианского храма, разрушенного по приказу Святослава за десять лет до этого³⁵. Гибель Святослава и его дружины нанесла славяно-русскому язычеству смертельный удар, однако его агония продлилась еще около полутора десятков лет.

Во время правления Ярополка Святославича (972—980) христианская община продолжала оказывать на жизнь Киева и всего Поднепровья, по-видимому, не меньшее, а гораздо большее влияние, чем в княжение Ольги. Иоакимовская летопись сообщает: «Ярополк же бе муж кроткий и милостивый ко всем, любяще христианы, и асче сам не крестися народа ради, но никому не претяше»³⁶. В 979 г. он вел в Киеве переговоры с византийским посольством, в результате которых был заключен новый мирный договор, безусловно, более почетный, чем мир Святослава с греками, подписанный после поражения в Болгарии, так как за год до этого Ярополк победил традиционно союзных Византии печенегов и наложил на них дань. Вслед за византийским посольством Киев посетила миссия, посланная римским папой. Все это свидетельствует о превращении Киева в 70-е годы X в. в христианский центр европейского значения.

Но у киевской общины был враг, обладавший еще достаточной силой, чтобы нанести ей жестокий удар. Однако то, что произошло веком раньше, когда Олег со скандинавской дружиной, перешагнув через трупы Аскольда и Дира, с триумфом вошел в Киев, а упоминание о русах-христианах исчезло со страниц исторических хроник на целых полстолетия, уже не могло повториться. Если новгородские и скандинавские язычники, поддерживавшие Владимира Святославича против Ярополка, и были врагами киевских христиан, то сила эта была в тот момент лишь грубой внешней силой, временное преобладание которой определялось уже случайными обстоятельствами. Сила истинная, вырастающая из внутренних, духовных основ человеческой жизни, и сила Божественной правды была за киевлянами.

Владимир в 977 г. был вынужден даже, «убоявшись» Ярополка, бежать «за море к варягам», настолько ослабла в тот момент позиция языческой партии. Однако на второй год после того он вернулся во главе варяжского войска, нанятого, надо полагать, не без помощи новгородцев, прогнал из Новгорода ярополковых посадников и двинулся на Киев. С помощью силы и коварства Владимир одерживает победу. Ярополк погибает, став жертвой предательства своего воеводы. Победа языческой партии и на сей раз, как столетие назад, была достигнута благодаря привлечению сторонней военной силы и использованию самых низких средств. Наемники после взятия Киева предъявили далеко не скромные требования: «Реша варязи Валодимеру: «Се град наш; мы прияхам и, да хочем имати откуп на них, по 2 гривны от человека»³⁷. Только умение Владимира играть на противоречиях между разными

³⁴ Цит. по: Татищев В. Н. Ук. соч. Т. 1, кн. 1, с. 36.

³⁵ Боровский Я. Е. Мифологический мир древних славян. Киев. 1982, с. 48.

³⁶ Цит. по: Татищев В. Н. Ук. соч. Т. 1, кн. 1, с. 111.

³⁷ ПВЛ. Ч. 1, с. 56.

группировками внутри варяжского корпуса позволило ему избежать бунта наемной рати.

Владимир немало усердствовал в усовершенствовании внешних форм языческого культа, возможно, еще и для того, чтобы угодить тем же варягам. Судя по всему, это усердие в язычестве не было только следствием политического расчета. Одаренная способностью к сильному религиозному переживанию, натура молодого князя искала в древнем культе удовлетворения потребностей духа. Однако нарочитое возвышение и украшение языческой обрядности и быта неожиданно обнаружили религиозную несостоятельность язычества. «У нас на Руси, в Киеве, в малых размерах случилось то же самое, что некогда имело место в Риме при императоре Юлиане: его ревность всего более способствовала падению язычества, он истощил все средства, которые могло дать язычество для умственной и нравственной жизни общества», — писал С. М. Соловьев³⁸.

Событие, имевшее переломное значение в развитии религиозного сознания князя Владимира, произошло, согласно повествованию летописи, в 983 г., когда в благодарение за удачу в войне с ятвягами киевские язычники решили принести своим богам человеческую жертву. В этом можно видеть не только проявление обыкновенной языческой жестокости, но и стремление подкрепить авторитет «национальных богов» выразительной антихристианской и антигреческой акцией. Вероятно, совсем не случайно жребий «указал» именно на Иоанна, сына варяга-христианина, «пришедша от грек». Его отец, Феодор, на требование выдать сына смело ответил: «Ваши боги суть дерево, ныне есть оно, а завтра сгниет; один только Бог, Ему служат греки и поклоняются; сотворил Он небо и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны»³⁹. Разъяренная толпа язычников растерзала Феодора и Иоанна. Они стали первыми русскими мучениками за веру, имена которых сохранила история.

Слова «ваши боги — дерево» продолжали, однако, звучать в памяти свидетелей и участников кровавого события, в числе которых был и князь Владимир. Согласно летописному повествованию, вскоре после событий, имевших место в Киеве в 983 г., он начинает вдруг «испытывать» разные веры, беседуя с проходящими к нему миссионерами. Среди них были магометане, римо-католики, иудеи. Последним является ко двору Владимира посланный из Константинополя православный проповедник, именуемый летописцем «философ».

Несмотря на весьма скептическую оценку летописного сказания о выборе веры князем Владимиром в трудах представителей критического направления научной мысли конца XIX в. и последующего времени⁴⁰, опыт серьезного изучения проблемы, в ходе которого были привлечены малоизвестные исторические свидетельства, показывает, что в его основе лежат реальные факты⁴¹. Возможность выбора веры, представившаяся в тот момент народам Древнерусской державы, — уникальная особенность их судьбы. Большинству языческих народов Европы в эпоху раннего средневековья возможности избрать одну из мировых религий история не предоставила. У Руси этот выбор был.

Чем же он определялся? По мнению Рапова, характер выбора веры был обусловлен тем, что тогда как от магометанства русов отталкивала «специфическая восточная обрядность», а от иудаизма то, что «еврейское вероучение не давало ничего нового верхушке феодального общест-

³⁸ Соловьев С. М. Древняя Россия. В кн.: Соловьев С. М. Собрание сочинений. СПб. Б. г., стб. 825—826.

³⁹ ПВЛ. Ч. 1, с. 256.

⁴⁰ Голубинский Е. Е. Ук. соч., с. 86; Шахматов А. А. Корсунская легенда и крещение Владимира. СПб. 1906, с. 75—103; и др.

⁴¹ Мавродин В. В. Ук. соч., с. 319; ПВЛ. Ч. 2, с. 329.

ва», христианство привлекло их тем, что, как пишет Рапов, согласно Ф. Энгельсу, «отрицая все национальные религии и общую им всем обрядность, обращаясь ко всем народам без различия, оно становится первой возможной мировой религией»⁴². Рассуждение это не кажется убедительным уже потому, что христианская, в особенности православная, обрядность не менее специфична, чем восточная, не говоря уже о том, что Евангелие требует от верующего самой радикальной перемены во всем строе его жизни. Конечно, в обращении Руси сыграли свою роль особенности национального характера, обусловившие выбор именно православия.

Великое деяние Владимира, следствием которого стало признание его церковью святым и равноапостольным, явилось началом переворота во всем строе народной жизни Древней Руси. Неудивительно, что оно стало достоянием множества сказаний и легенд. Эпическая память народа бережно хранила образ «ласкового князя», «Владимира Красное Солнышко». Из всех правителей старого времени он особо выделен народным историческим сознанием. Это само по себе говорит уже о масштабе и значении деятельности св. Владимира как истинно христианского государя, князя — крестителя Руси.

Один из современных светских авторов пишет: «Как свидетельствуют древнерусские источники, во времена Владимира Святославича... была христианизирована — да и то внешне, в значительной мере формально — лишь малая часть Древней Руси»⁴³. На самом деле все источники, в той или иной мере освещающие ход Крещения Руси, подчеркивают всеохватывающий, упорный и настойчивый характер вдохновлявшей волей св. Владимира христианской миссии. Мних Иаков в «Памяти и похвале Владимиру» многократно повторяет: «Крести же всю землю Русскую от конца и до конца», «всю землю Русскую исторже из уст дьявола и к Богу приведе и к свету истинному»; «блаженный князь Володимер, бысть апостол в князех, всю землю Русскую приведе к Богу святым крещением... и вси людие Русския земли познаша Бога»⁴⁴. В Церковном уставе князя Владимира также определено подчеркивается: «Се аз, князь великий Василей, наречаемый Володимер,... восприял есмь крещение святое... сузях первого митрополита Михаила на Киев и на всю Русь, иже крести всю землю Русскую»⁴⁵. Иоакимовская летопись повторяет то же: «Владимир... приат кресчение сам и сынове его, и всю землю Русскую крести»⁴⁶. Наконец, о крещении Владимиром «всех, кого обнимали его земли»⁴⁷, писал арабский автор Яхья Антиохийский.

При жизни св. Владимира христианство утвердилось во всех русских городах, а это значило, что миссионерской сетью были охвачены все земли Киевской Руси. Особое значение имело для ее христианизации влияние Киева. В то время по богатству и значению он считался третьим городом в Европе, после Константинополя и Кордовы⁴⁸. Согласно хронике Титмара, епископа Мерзебургского, описывающей Киев в 1048 г., в нем насчитывалось 400 церквей⁴⁹. Никоновская же летопись сообщает, что во время пожара, происшедшего за год до этого, в Киеве сгорело 700 церквей⁵⁰.

Главное, однако, состоит в том, что за годы своего христианского правления Владимир не только выполнил план внешней христианиза-

⁴² Рапов О. М. Ук. соч., с. 215.

⁴³ Гордиенко Н. С. Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Л. 1984, с. 83.

⁴⁴ Крещение Руси в трудах русских и советских историков. М. 1988, с. 287.

⁴⁵ Там же, с. 294.

⁴⁶ Там же, с. 296.

⁴⁷ Там же, с. 300.

⁴⁸ Гумилев Л. Н. Ук. соч., с. 269.

⁴⁹ Рапов О. М. Ук. соч., с. 252.

⁵⁰ Полное собрание русских летописей. Т. IX. СПб. 1862, с. 75.

ции Руси. «Всего удивительнее, он сделал попытку реально, можно сказать, материально выполнить свое исключительное служение, как главы христианского народа, чтобы воплотить осветившее его душу евангельское откровение в собирательную социальную жизнь народа»⁵¹, — писал Карташев. Попытки представить эту, неотделимую от христианского преображения его собственной личности деятельность в качестве «стараний задобрить население Руси» и «устранить его недовольство, вызванное насильственным крещением»⁵², довольно характерные для современной светской историографии, выглядят неубедительно.

Св. Владимир поразил народное воображение не только тем, что устраивал щедрые пиры для всего Киева. Им были заложены принципы христианской государственности и основы христианской общности, которые на долгие века стали идеалом для русского народа. Святость Владимира в глазах населения Древней Руси была очевидной, и явлена она была не в посмертных чудесах, а в прижизненных деяниях.

В стремлении воплощения в жизнь евангельского идеала обнаруживают себя духовный радикализм, жажда преображения жизни, являющиеся важнейшими типическими чертами русской религиозности. Подобного рода порывы можно найти, правда, и у сектантов средневековья и нового времени, причем не только русских. Однако всегда оказывалось, что человеческая гордыня, уводившая искателей идеала из лоно церкви, извращала эту высокую жажду, порождала деспотию фанатизма, изгоняя дух мира и любви. Не то было в молодой христианской общине Киева во времена св. Владимира и в последующую за тем эпоху преподобных Антония и Феодосия Печерских. «Святой князь не преткнулся на своем пути, — пишет Карташев. — ...За 1000 лет до новейших соблазнительных хлебами он сделал все, что мог для помощи меньшей братии, как устроитель и реформатор государства. И не пролил рек крови, и не заковал народ «во имя равенства и братства» в цепи рабства, подобно антихристианским народолюбцам наших дней»⁵³. Итак, X век — век поисков Русью религиозной истины, веры и правды как основ жизни — завершился ее Крещением.

⁵¹ Карташев А. В. Ук. соч. Т. 1, с. 124.

⁵² Введение христианства на Руси. М. 1987, с. 120; Рапов О. М. Ук. соч., с. 253.

⁵³ Карташев А. В. Ук. соч., с. 129.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

АФАНАСИЙ ПЕТРОВИЧ ЛЮБЧЕНКО

П. П. Бачинский, Д. В. Табачник

Вечером 30 августа 1937 г. в Киеве оборвалась жизнь одного из руководителей Советской Украины, блестящего оратора и талантливого государственного деятеля, члена Политбюро ЦК КП(б)У и кандидата в члены ЦК ВКП(б), члена ЦИК СССР и УССР, Председателя Совета Народных Комиссаров Украины Афанасия Петровича Любченко¹. Сфабрикованная тогда версия событий повлекла за собой несправедливое забвение его имени. О Любченко имеются в литературе скудные и отрывочные сведения. При написании данного очерка использованы некоторые редкие издания, периодика, архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот, и записи бесед с участниками событий.

Панас родился 2(14) января 1897 г. в селении Кагарлык Киевской губ., в бедной многодетной крестьянской семье бывших крепостных помещика Трощинского. Успешно окончив местную двухклассную сельскую школу и воспользовавшись льготой, предоставленной его отцу как ветерану русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и участнику боев на Шипке, он поступил в 1909 г. на казенный кошт в Киевскую военно-фельдшерскую школу при окружном госпитале, где уже учился его старший брат Андрей. Школа давала познания по специальным и общеобразовательным предметам, а преподавали в ней хирурги — ученики Н. И. Пирогова. Афанасий учился легко, много читал, особенно усердно и увлеченно изучая латынь, французский язык, отечественную историю. В числе его товарищей был Коля Щорс, будущий участник гражданской войны на Украине, погибший в 1919 году. На каникулах Панас и Николай вместе отдыхали у родителей первого.

В 1912 г. подросток впервые познакомился с запрещенной политической литературой, в следующем году начал посещать подпольный кружок, организованный эсерами, и вскоре был принят в их партию, считавшуюся тогда крестьянской. Летом 1914 г. по окончании военно-фельдшерской школы Панас получил рекомендацию для поступления в Петербургскую военно-медицинскую академию. Однако за хранение нелегальной литературы и выступления против только что начавшейся мировой войны 17-летнего юношу послали на фронт помощником лекаря. Он служил в 33-м Елецком пехотном полку на Юго-Западном фронте, постоянно находился в окопах, был дважды ранен, а после выздоровления (хромота осталась у него на всю жизнь) работал фельдшером

БАЧИНСКИЙ Петр Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры научного коммунизма Киевского технологического института легкой промышленности, заслуженный деятель науки УССР;

ТАБАЧНИК Дмитрий Владимирович — младший научный сотрудник Института истории АН УССР, член Союза журналистов СССР.

¹ Афанасий по-украински — Панас. Поэтому в источниках той поры встречаются инициалы Любченко и А. П., и П. П.

в Киевском окружном военном госпитале. Там он вел революционную агитацию среди раненых, распространял нелегальную литературу, а одновременно упорно учился.

В начале 1917 г., сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, Любченко поступил на медицинский факультет Киевского университета, параллельно посещая лекции на юридическом факультете. Избрание им этих двух специальностей было (по свидетельству его сестры Варвары Петровны) не случайным, так как именно профессии врача и юриста позволяли, как он считал, принести наибольшую пользу народу. Панас успел сдать экзамены за второй курс, но дальнейшую учебу пришлось отложить. Началась Февральская революция. Любченко почти ежедневно выступал среди солдат Киевского гарнизона. В марте его избрали депутатом Киевского городского Совета рабочих и солдатских депутатов, через несколько дней — членом исполкома.

В апреле оформилась Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР) во главе с М. С. Грушевским, В. А. Голубовичем и др. Социальной базой и активной ее частью являлись выходцы из крестьянства, сумевшие получить образование и работавшие в городе и деревне. В дальнейшем УПСР стала одной из основательниц Центральной рады Украины. Чтобы придать ей вид всенародного выборного органа, лидеры партии во главе с Грушевским ввели в ее состав некоторое число представителей крестьян, солдат и рабочих. Был избран членом Центральной рады и Любченко. Вскоре в УПСР сформировались два крыла — правое, готовое служить Временному правительству и требовавшее автономии для Украины и властных полномочий для Центральной рады, и демократическое левое. Между правыми и левыми развернулась острая борьба.

Когда 7 ноября 1917 г. Центральная рада, Генеральный секретариат которой возглавил В. К. Винниченко, объявила о создании Украинской народной республики и начала сближение с австро-германским блоком, левое крыло 75-тысячной УПСР осудило прогерманскую, антинародную ориентацию и потребовало радикальных социально-экономических реформ. В ЦК УПСР произошел раскол: 12 левых его членов (Н. С. Бачинский, В. М. Блакитный (Еланский), А. П. Любченко, Г. П. Михайличенко, М. И. Полоз, П. А. Сиверов-Одоевский и др.) не согласились с политикой правой части ЦК партии и Центральной рады и потребовали отставки правительства Винниченко. Почти все они, в том числе Любченко, были арестованы и приговорены вчерашними коллегами к расстрелу. Лишь вступление в Киев частей Красной Армии 26 января 1918 г. спасло обреченных. После этого раскол в УПСР усилился, и в мае левое крыло, выйдя из партии, создало самостоятельную организацию, которая до августа 1919 г. носила название УПСР-коммунистов, а затем, объединившись с левым крылом Украинской социал-демократической рабочей партии (независимых), стала называться Украинской Коммунистической партией (УКП), а чаще — «боротьбистами» (от газеты «Боротьба»). Любченко вошел в состав ее руководящего ядра.

Во время гетманщины и оккупации Украины кайзеровскими войсками Любченко принимал самое активное участие в подпольной работе, входил в состав военного штаба и ревкома Киевской губернии, тесно сотрудничал с членом ЦК КП(б)У С. В. Косиором, председателем Всеукраинского центра военно-революционных комитетов А. С. Бубновым. Хорошо зная город и губернию, он выполнял ответственные задания ревкома, готовил революционные выступления в селах и проявил себя способным организатором. После разгрома петлюровской Директории и нового освобождения Киева 5 февраля 1919 г. Любченко назначили секретарем Киевского губисполкома и членом губревтрибунала.

Он много работал над укреплением органов Советской власти, боролся с контрреволюцией.

Во время деникинской оккупации Любченко оставался в Киеве для подпольной работы. Он организовывал диверсии против белогвардейцев на железной дороге, вел агитацию среди солдат и крестьян, занимался сбором разведывательной информации для Красной Армии. Деникинская контрразведка назначила за его голову крупное денежное вознаграждение. Чтобы ввести врага в заблуждение, в газетах опубликовали сообщение о «гибели» Любченко при переходе через линию фронта.

К 1920 г. многие боротьбисты под влиянием хода гражданской войны убедились, что трудящиеся идут не за ними, а за большевиками, и что только сплочение всех революционных сил может обеспечить победу Советской власти на Украине. Любченко был одним из лидеров движения за роспуск партии боротьбистов и вхождение ее в КП(б)У. При его активном участии конференция боротьбистов в марте 1920 г. приняла решение о самоликвидации. А 24 марта ЦК УКП принял постановление о вхождении членов УКП в состав КП(б)У². 1 апреля Киевский губком КП(б)У образовал губернскую комиссию по приему в партию бывших боротьбистов. В рядах комиссии был и Любченко, партийный стаж которому засчитали с мая 1918 года. Всего из 15 тыс. бывших боротьбистов свыше 4 тыс. были приняты в КП(б)У. Многие из них впоследствии были выдвинуты на высокие партийные и государственные посты, возглавляли наркоматы Украины и областные партийные организации, отдавая все свои силы делу строительства социализма.

28 апреля 1920 г. в Киеве прошла губернская партконференция КП(б)У, на которой в связи с наступлением польских войск обсуждались задачи текущего момента и состав губпарткома. Любченко был избран его секретарем³. Он вел напряженную работу по укреплению тыла Красной Армии, почти ежедневно выступал на предприятиях, уездных съездах Советов и перед воинскими частями, руководил заготовкой хлеба, формированием продотрядов и созданием комитетов неземных селян (комнезамов). После освобождения Киева 12 июня от польской оккупации губком возглавил мобилизацию в Красную Армию членов партии и профсоюзов. На митинге в Киеве 3 сентября Любченко записался в нее добровольцем и предложил всем последовать его примеру. Это произвело на присутствующих сильное впечатление: писари не успевали регистрировать новых добровольцев. За этот поступок Любченко был вызван к секретарю ЦК КП(б)У С. В. Косиору на «разговор», но все же добился назначения заместителем начальника политотдела 2-й Конной Армии. В ее рядах он участвовал в разгроме войск Врангеля в Северной Таврии, освобождении Мелитополя и форсировании Сиваша, включая кавалерийские атаки 14 октября возле Ушалки, которые возглавил легендарный командарм Ф. К. Миронов. В результате Заднепровская операция врангелевцев закончилась провалом⁴.

В январе 1921 г. Любченко возглавил Черниговский губисполком. Экономическое положение края было тяжелым. В ряде районов бесчинствовали бандиты. Главной задачей являлось восстановление разрушенного войной хозяйства, на что и была направлена деятельность губисполкома. Укреплялись советские органы на местах, шла ликвидация банд, бедноте раздавались земля, скот, инвентарь и семена. Любченко возглавил также губернское экономическое совещание и Комиссию по борьбе с бандитизмом, особенно активно действовавшую против крупных отрядов Галаки, Иващенко, Головача, Дзюбы-Коршуна и Маруси.

² Коммунист, 27.III.1920.

³ Більшовик, 29, 30.IV.1920.

⁴ Белое дело. Летопись белой борьбы. Кн. 2. Берлин. 1927, с. 206.

Он выезжал в уезды и волости для создания отрядов самообороны из бедноты и проведения посевной кампании, на железные дороги, в места добычи топлива, занимался организацией помощи голодающим Поволжья после того, как 10 августа 1921 г. губернская газета «Известия» опубликовала воззвание Ленина к крестьянам Украины с просьбой прийти на помощь голодающим. Черниговщина заняла тогда второе место по Украине в оказании этой помощи.

Особой заботой губисполкома являлись ликвидация неграмотности и создание детских учреждений. За год в губернии было создано 40 детских домов на 3 тыс. детей и 32 детсада⁵. В этой работе активно помогала Любченко его жена Мария Николаевна Крупеник, революционерка, педагог и общественный деятель. На Черниговщине родился их единственный сын.

Принимая активное участие в социалистических преобразованиях на селе, Любченко выступил одним из организаторов I съезда комнезамов губернии в марте 1921 г., а в декабре на губернской партконференции сделал доклад «Комнезамы в условиях нэпа», где, в частности, пришел к выводу, что «главным заданием является подведение под незаможную часть села экономической базы и внедрение методов хозяйственного соревнования. Основное внимание необходимо уделять сельскохозяйственной кооперации и организации из незаможников производственных артелей»⁶.

С февраля по октябрь 1922 г. Афанасий Петрович работал в Донбассе заместителем председателя губисполкома. Здесь он прошел хорошую школу организации крупной промышленности. Первым секретарем губкома КП(б)У работал тогда Э. И. Квиринг, председателем Центрального правления каменноугольной промышленности был В. Я. Чубарь, предгубисполкома М. Л. Рухимович. Поскольку Любченко вырос на селе и хорошо знал сельское хозяйство, Политбюро ЦК КП(б)У вскоре поручило ему возглавить кооперативное движение на Украине и 27 октября утвердило его председателем правления сельскохозяйственной кооперации⁷. Последующие три года стали одной из ярких страниц его жизни. Если к 1923 г. на Украине насчитывалось 3784 сельхозкооператива, то в 1925 г. — уже свыше 5,5 тыс., из них 2924 специализированных. К 1924/25 г. их общий товароборот увеличился по сравнению с 1922 г. в 12 раз. Сельхозкооперация Украины выросла в многоотраслевой хозяйственный комплекс, имевший свыше 800 мельниц, более 400 масло-, сыро- и спиртозаводов, много кожевенных, кирпичных, стекольных и черепичных предприятий⁸. Для обслуживания беднейшего крестьянства кооперация создала в те годы около двух тыс. станций по прокату сельхозинвентаря.

Неутомимости «главного кооператора республики», как называли Афанасия Петровича, можно было удивляться: не было тогда на Украине района, где бы он не побывал, агитируя за кооперативное хозяйствование на земле. Перед 1926 г. сельхозкооперация на Украине объединяла 1385 тыс. хозяйств (28,4%)⁹. За этими цифрами стояли огромная организаторская работа и серьезная, детально разработанная Любченко и его помощниками программа развития, кредитования и технического оснащения кооперации.

⁵ Розтальний В. М. До біографії Панаса Любченко.— II Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства. Тези доповідей. Вып. I. Чернігов. 1988, с. 21.

⁶ Там же, с. 22.

⁷ Партийный архив Института истории партии (ПА ИИП) при ЦК Компартии Украины, ф. 1, оп. 145-а, д. 18, л. 161.

⁸ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) УССР, ф. 337, оп. Э, д. 10820, л. 24; ф. 290, оп. 4, д. 31, л. 3.

⁹ Там же, ф. 290, оп. 4, д. 31, лл. 10—14.

В октябре 1925 г. Любченко принимал участие в пленуме Центрального международного кооперативного объединения (Париж). Советская делегация сумела не допустить принятия резолюции о сокращении представительства СССР с 14 до 7 мандатов¹⁰. Любченко выступал на пленуме и вел переговоры с французскими и бельгийскими кооператорами о расширении сотрудничества, о создании консорциума кооперативных банков СССР и Бельгии и советско-бельгийской кооперативной сельскохозяйственной выставки. Когда осенью 1925 г. на Украине была завершена административно-территориальная реформа и вместо губерний созданы округа (самым большим по территории и по населению стал Киевский округ), Совнарком УССР рекомендовал Любченко председателем окрисполкома и Киевского горсовета. 14 декабря он был избран на эти посты¹¹. 19 января 1926 г. новый окружной голова выступил на пленуме Киевского горсовета с программой выборов в горсовет и дальнейшей широкой отчетности органов власти и каждого работника¹².

С деятельностью Любченко в Киевском округе связаны реконструкция и создание сотен предприятий города и области, ликвидация безработицы, начало широкого благоустройства Киева, возведение Социалистического городка на левом берегу Днепра, постройка кинофабрики (ныне киностудия им. А. Довженко), моста через Днепр, электростанции и нового железнодорожного вокзала, открытие Дома ученых и первого за послевоенные годы кинотеатра, строительство учебных корпусов ряда вузов, приведение в порядок дорожной сети. Любченко многое сделал для повышения роли Киева как крупного экономического, научного и культурного центра. В 1926 г. он обосновал необходимость перевода в Киев из Харькова ряда центральных управлений, предприятий, научных учреждений и драматического театра им. И. Франко. При его участии были организованы новые газеты «Вечерний Киев» и «Литературная Украина», журнал «Жизнь и революция», укрепилось кооперативное издательство «Рух».

Накануне и после XIV съезда ВКП(б) Сталин активно заменял руководство крупнейших республиканских и губернских парторганизаций, направляя туда своих людей. В мае 1925 г. появилось сообщение об освобождении от должности Генерального секретаря ЦК КП(б)У Квиринга «по собственному желанию». На эту должность Сталин направил своего приспешника Л. М. Кагановича, работавшего прежде секретарем ЦК РКП(б). Уже осенью 1925 г. нарком просвещения УССР А. Я. Шумский в беседе со Сталиным пожаловался на грубость Кагановича, на то, что тот медленно проводит украинизацию государственного и партийного аппарата республики, предложил заменить его кем-либо другим и даже назвал кандидатуры: политсекретарем ЦК КП(б)У он рекомендовал избрать В. Я. Чубаря, работавшего тогда главой правительства УССР, выдвинув на должность премьера Украины бывшего боротьбиста Г. Ф. Гринько, возглавлявшего Госплан УССР. Шумский попытался убедить Сталина в том, что Каганович, упирающийся на организационный нажим в работе, не годится в политические руководители украинской парторганизации, ибо он «оттирает» и подавляет всех других.

Спустя полгода выявился результат этого разговора: 26 апреля 1926 г. Сталин написал письмо членам Политбюро ЦК КП(б)У, в котором подчеркнул, что Шумский неверно понимает украинизацию, и назвал одного из видных деятелей культуры, писателя М. Хвылевого, сторонником «отчуждения» Украины от России¹³. Вскоре Гринько переве-

¹⁰ Правда, 8, 9.X.1925.

¹¹ Вісті, 15.XII.1925.

¹² Киевский пролетарий, 20.I.1926.

¹³ Сталин И. В. Соч. Т. 8, с. 149—154.

ли на должность заместителя председателя Госплана СССР, Хвылевого и Шумского объявили национал-уклонистами, а для «уравновешивания» выдвинули на более высокие посты Любченко и некоторых других боротьбистов.

Возможность опереться на КП(б)У в борьбе с Л. Д. Троцким и Г. Е. Зиновьевым весьма привлекала Сталина. На X съезд КП(б)У 20—29 ноября 1927 г. представителем ЦК ВКП(б) был направлен глава правительства СССР А. И. Рыков, а от ЦК ВКП(б) — Я. А. Яковлев. Первый обладал высоким авторитетом у коммунистов Украины; хорошо знали здесь и Яковлева, который в 1918—1920 гг. возглавлял Харьковский ревком, был председателем Екатеринославского, Киевского и Харьковского губкомов партии, членом Политбюро ЦК КП(б)У. Открывая съезд, Г. И. Петровский во вступительной речи не упомянул имени Сталина. Но был избран почетный президиум во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б). Вошел в его состав и Любченко. С речью о деятельности ЦК ВКП(б) на съезде выступал Рыков, уделивший значительное внимание борьбе с оппозицией. Каганович в отчетном докладе ЦК КП(б)У заявил, что оппозиция «пытается изобразить нынешний режим в партии как режим... личной диктатуры», а в заключительном слове — что оппозиция называет «Сталина самодержцем, диктатором и т. п.»¹⁴. Как известно, в историко-партийной литературе оппозиционеров изображали лишь как капитулянтов, ренегатов ленинизма и противников строительства социализма. А сейчас стало ясно, что именно оппозиция первой справедливо указала на опасность сталинщины для партии и социализма.

Любченко был избран тогда в состав комиссии для подготовки резолюции по докладу правительства УССР, с которым выступал Чубарь. В своей речи Афанасий Петрович, остановившись на национальной политике в УССР, тоже резко критиковал националистов и оппозиционеров. На съезде еще никто из руководящих работников Украины не упоминал специально имени Сталина, не цитировал его и не провозглашал здравий в его честь. Однако по инициативе Кагановича группа его сторонников уже тогда начала скандировать «Да здравствует товарищ Сталин!» Съезд избрал Любченко в состав ЦК КП(б)У, а на организационном пленуме — и секретарем ЦК: ему поручили идеологическую работу. Кроме того, секретарь ЦК КП(б)У впервые стал тогда и председателем Всеукраинского кооперативного совета. На руководящую работу был выдвинут тогда и ряд других бывших боротьбистов. Но не изменилась линия Кагановича, и дело дошло до того, что Чубарь и Затонский подняли вопрос о немедленном переводе их на работу за пределы Украины, а Петровский ездил к Сталину с просьбой отозвать Кагановича с Украины. В июле 1928 г. вместо него Генсеком становится С. В. Косиор. Станислав Викентьевич, сам трагически погибший позднее, тоже недооценивал местные кадры и не раз выступал против тех, кто ему представлялся националистом.

Работая секретарем ЦК КП(б)У по идеологии, Любченко проявил себя настойчивым сторонником того, чтобы коммунисты глубоко изучали революционную теорию и применяли ее положения на практике. Идеи ленинизма пронизывали его выступления. В статье, посвященной четвертой годовщине со дня кончины Владимира Ильича, он писал: «Никто так, как Ленин, не знал роли партии в организации рабочего класса, в организации революции. Никто так, как Ленин, не знал, что только идейная монолитность пролетарской партии может гарантировать ей роль вождя пролетариата. Никто так ясно, как Ленин, не пред-

¹⁴ Десятый з'їзд Комуїстичної партії (більшовиків) України. Стен. звіт. Харків. 1928, с. 14.

ставлял себе, что именно с размагничивания пролетарской партии может начаться распад революции»¹⁵.

Много внимания уделял Любченко осуществлению культурной революции на Украине, ликвидации неграмотности, созданию народной интеллигенции, опровергая выдумки врагов СССР, будто большевики «уничтожают культуру»: «Нас упрекают в том, что мы, большевики, несем гибель достижениям дореволюционной культуры,.. что мы разрушаем культуру. Верные науке Ленина, мы берем из старой культуры все, что представляет ценность и необходимо для трудящихся масс, и не сомневаясь отбрасываем все чуждое и враждебное революции»¹⁶. Он принимал непосредственное участие в разработке мероприятий партии и правительства по культурному строительству на Украине, возглавлял различные комиссии, которые готовили материалы для Политбюро ЦК КП(б)У и правительства УССР по вопросам развития образования, печати, книгоиздательского дела, подготовки научных, учительских, инженерных, сельскохозяйственных и медицинских кадров, установки памятников. Любченко был активным участником большинства республиканских, областных и окружных съездов учителей, выступал перед работниками искусства и писателями, врачами и студентами. Это был блестящий оратор, прекрасно владевший искусством риторики.

Как кооператор он уделял много внимания созданию различных форм сельскохозяйственной кооперации, машинно-тракторных, животноводческих и свекловичных товариществ. Между прочим, он был тогда единственным в руководстве республики, кто считал, что в сельскохозяйственные кооперативы можно принимать и зажиточных крестьян, чтобы использовать с успехом для дела их хозяйственное умение.

В конце 20-х годов развернулась насильственная коллективизация сельского хозяйства. Выступления крестьян против нее квалифицировались как антисоветские и жестоко подавлялись. В разгар этой кампании, 5 июня 1930 г., начал работу XI съезд КП(б)У. На нем обсуждались вопросы хозяйственного строительства. Республиканские руководители С. В. Косиор, П. П. Постышев, В. А. Балицкий, Г. И. Петровский, В. П. Затонский, Л. И. Картвелишвили, А. Г. Шлихтер в своих речах наперебой хвалили Сталина. Не отставал от них и Любченко. Несмотря на это, на съезде прозвучали и нелестные слова в адрес вождя. Так, Ф. И. Зайцев из Луганска заявил, что в их округе при обсуждении перегибов в колхозном движении коммунисты говорили о вине Сталина; член партии Кожевников заметил: «Нашей вины меньше всего, в этом виноват наш твердый большевик товарищ Сталин. Где он был раньше? Когда начались повсеместные искривления, лишь тогда он и начал писать?» (имелась в виду статья «Головокружение от успехов»)¹⁷.

Штурмовщина на новостройках и в осуществлении принудительной коллективизации продолжалась и в 1931 году. Тогда Любченко можно было видеть и слышать и на строительстве Харьковского тракторного завода, и на Днепрогэсе, и на шахтах Донбасса, и на металлургических заводах Приднепровья. Он выезжал для организации хлебозаготовок в Полтавский, Уманский и другие округа. При этом из каждого округа высылались в «отдаленные места» крестьянские семьи. Этот метод хлебозаготовок применял и Любченко. По его распоряжению из Полтавского округа было отправлено в Сибирь 700 семей. У крестьян забирали все запасы продовольствия. На III конференции КП(б)У 6—9 мая 1932 г. Любченко был среди тех, кто бурно хвалил Сталина.

¹⁵ Вісті, 21.I.1928.

¹⁶ Там же, 12.IV.1928.

¹⁷ XI з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. Стен. звіт. Харків. 1930, с. 9—10, 85, 355, 434, 531.

О бедствиях крестьян говорили в своих выступлениях Скрипник, Петровский, Шлихтер и другие делегаты. Дело в том, что уже весной 1932 г. во многих селах Украины начался голод, достигший огромных размеров зимой 1932/33 года. Вина за эти события лежала и на руководителях республики. Весь партийный и советский актив ее, в том числе и Любченко, занимался экспроприацией у крестьян зерна.

В самый разгар массового голода, 25 февраля 1933 г., Любченко становится первым заместителем председателя СНК УССР, одновременно оставаясь секретарем ЦК КП(б)У. Во второй половине февраля, учитывая масштабы голода, республике была выделена помощь хлебом. Любченко в те дни находился на периферии, организуя доставку семян и продовольствия, общественное питание и спасение детей. Но эту помощь в условиях бездорожья получили лишь населенные пункты, находившиеся близ железных дорог, до глубинки она не дошла. Вымирали целые села, в крестьянских дворах исчезали скот и птица, кошки и собаки, в пищу шло все вплоть до мяса павших от сапа лошадей и трупов умерших от истощения односельчан. Всю посевную, уборочную и заготовительную кампании 1933 г. Любченко провел в областях и округах, приезжая в Харьков только по вызову.

Вину за голод Сталин свалил на местные партийные органы, а также на националистов, кулаков и врагов народа. Толчок очередным репрессиям на Украине дали решения июньского (1933 г.) Пленума ЦК КП(б)У. Поводом явилось самоубийство 13 мая обвиненного в национал-уклонизме молодого писателя-коммуниста Николая Хвелевого. Национал-уклонистом был объявлен и член ЦК ВКП(б) Скрипник. Тон Пленуму задали Косиор и Постышев, который направил огонь критики на «ошибки» Скрипника. И Косиор, и Чубарь, и Петровский, и Затонский, и Любченко, вместо того, чтобы стать на защиту Скрипника, обрушились на него. 7 июля Николай Алексеевич Скрипник, член партии с 1897 г., член Политбюро ЦК КП(б)У с 1925 г., член Исполкома Коминтерна, застрелился. После Пленума члены и кандидаты в члены Политбюро разъехались по областям с докладами о националистическом уклоне в КП(б)У, призывая выискивать и громить его последователей. Развернулись массовые аресты в Наркомпросе, вузах и научных учреждениях, среди писателей. В ту же пору прошлись молотками и топорами по сотням памятников материальной культуры — соборам, монастырям, костелам, синагогам.

И вот завершилась первая пятилетка. Было чем гордиться: созданы тысячи предприятий, новые промышленные отрасли, ликвидирована безграмотность миллионов людей, новые кадры выдвинуты на руководящую работу. Но наряду с этим отброшено назад сельское хозяйство, миллионы людей оплакивали своих близких, погибших от голода или в системе лагерей, утвердился культ личности Сталина, оппозиция поставлена на колени. В этой обстановке начался 18 января 1934 г. XII съезд КП(б)У. Приветственную телеграмму Сталину зачитал Любченко. С отчетным докладом о деятельности ЦК ВКП(б) выступил Косиор. Политический отчет ЦК КП(б)У сделал Постышев. В докладе Любченко «Десять лет без Ленина» содержался специальный раздел «Сталин — великий продолжатель дела Ленина». На XVII съезде ВКП(б) Любченко не выступал: он работал в секретариате съезда, но зато подбрасывал по ходу прений резкие реплики в адрес бывших оппозиционеров. Съезд избрал его кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Косиор стал членом Политбюро ЦК ВКП(б).

28 апреля 1934 г. ЦИК УССР утвердил Любченко главой правительства республики, он был избран членом Политбюро ЦК КП(б)У. Вскоре столица Украины была переведена из Харькова в Киев. Новому Предсовнаркома республики досталось тяжелое «наследство». К то-

му же у него сразу объявились недоброжелатели. Их возглавили нарком внутренних дел УССР Балицкий, Постышев и секретарь ЦК КП(б)У по идеологии Н. Н. Попов. Балицкий презрительно говорил в открытую: «Любченко бывший боротьбист». Любченко рассказывал об этом Косиору и спрашивал: почему его открыто компрометируют?¹⁸ Ответа не последовало.

Совнарком УССР под руководством Любченко приступил к восстановлению сельского хозяйства республики, особенно животноводства, пострадавшего во время коллективизации больше всего. Развернулось стахановское движение. Любченко выступал на съездах передовиков разных отраслей народного хозяйства, участвовал в составлении планов экономического развития Украины, посещал заводы, колхозы и совхозы, часто встречался с комсомольцами. К началу 1936 г. стали заметны определенные успехи в развитии экономики и культуры УССР, улучшилось материальное положение трудящихся. 20 декабря 1935 г. ЦИК СССР наградил орденами Ленина за перевыполнение государственных планов по сельскому хозяйству Косиора, Любченко, Постышева и других руководителей республики.

В 1936 г. Любченко выступал в Георгиевском зале Кремля на закрытии декады украинского искусства в Москве. Затем Афанасия Петровича слышали на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов при обсуждении проекта Конституции СССР. Следующий год он встречал в семейном кругу. Очень нервничал. Его сестра Варвара рассказывала, что в тот вечер Панас сказал: «Дай бог нам всем пережить 1937 год». На Украине инициаторами и организаторами судебных процессов над «врагами народа» были два главных палача республики — народный комиссар внутренних дел УССР, комиссар госбезопасности 1-го ранга Балицкий и сотрудник НКВД УССР И. М. Леплевский (не путать с заместителем прокурора Белорусской ССР, а затем СССР Г. М. Леплевским). В это время в связи с претензиями на посты лидеров республики резко обострились отношения между Любченко, с одной стороны, Балицким, Постышевым и Поповым — с другой. Последний состряпал дело на Любченко, поехал с ним к Сталину с просьбой освободить Предсовнаркома УССР от работы и арестовать. Балицкий собирал материалы и доносы на Любченко еще с 1933 года. Ездил по этому вопросу к Сталину и Косиор и тоже просил разрешения на арест Любченко, что потом открыто поставил себе в заслугу. На Пленуме ЦК КП(б)У в августе 1937 г., говоря о раскрытии в республике организаций правых и троцкистов, Косиор подчеркнул: «Нам всем казалось странным,.. что в этой цепи контрреволюционных организаций не видно одной очень существенной организации, одного существенного звена — украинской националистической организации. Она должна быть. И вот только теперь работой органов НКВД под руководством тов. Леплевского на Украине мы это звено вскрыли, вытащили»¹⁹.

Осенью 1936 г. было состряпано дело на начальника Управления искусств при Совнаркоме УССР, члена Оргбюро ЦК КП(б)У А. А. Хвылю, в прошлом боротьбиста. Любченко проявил тогда исключительную порядочность и смелость. По словам Косиора, «Любченко тогда спас Хвылю своим заступничеством и самого себя подставил. Ездил к Сталину и такой был разговор: «Если Вы мне верите, то это неправда»²⁰. Хвылю приказали отпустить. То была пощечина органам НКВД. И Любченко почувствовал, что этим дело не кончится. 16 января 1937 г. Пленум Киевского обкома партии освободил Постышева от обязанностей первого секретаря обкома и горкома, обвинив его в «вож-

¹⁸ ПА ИИП, ф. 1, оп. 85, д. 5014, лл. 125, 138.

¹⁹ Там же, оп. 1, д. 536, лл. 3—5, 58.

²⁰ Там же, д. 535, л. 184.

дизме» и развале работы в Киевской городской и областной парторганизации. 18 марта 1937 г. печать сообщила, что Постышев освобожден от обязанностей второго секретаря ЦК КП(б)У в связи с переходом на другую работу.

После февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) за всеми бывшими боротьбистами, занимавшими руководящие посты (зампредсовнаркома, наркомы, замнаркомы), был установлен надзор. Не миновал его и Любченко. Как явствует из протокола допроса в прокуратуре Киевского Особого военного округа от 6 июля 1956 г. порученца Афанасия Петровича, чекиста с 1923 г. Д. В. Коновалова, сводки наружного наблюдения за Любченко и его семьей направлялись в НКВД. В них упоминались все лица, посещавшие его квартиру и дачу²¹. Любченко об этом знал, в частности, от замнаркома внутренних дел УССР по милиции, своего товарища и тоже бывшего боротьбиста Н. С. Бачинского, который в свое время вместе с Любченко был приговорен Центральной радой к расстрелу.

25 января 1937 г. Любченко выступил на внеочередном XIV съезде Советов республики с докладом о проекте Конституции УССР. Той зимой и весной за его подписью увидели свет десятки постановлений об уходе за посевами зерновых и технических культур. Он посетил ряд областей, беседовал с колхозниками и рабочими совхозов, выступал перед учителями, принимал делегацию испанских республиканцев, участвовал в работе XIII съезда КП(б)У (27 мая — 3 июня). В его приветствии Сталину, зачитанном Любченко, говорилось о том, что коммунисты Украины приложат все усилия, «чтобы выявить, вскрыть, до конца добить правотроцкистскую и националистическую гадину, агентов гестапо и польских панов». В отчетном докладе, с которым выступил Косиор, основное внимание также было уделено «врагам народа». Этому примеру следовали и другие ораторы. Правда, в выступлении Любченко «Вывести Украину на первое место в СССР» прозвучали и такие слова: «Холуйство и подхалимничество способствуют головокружению, особенно переоценке некоторыми руководителями своих личных качеств»²².

В последующие месяцы по всей стране развернулись массовые репрессии. По-разному вели себя в тех экстремальных условиях руководящие работники республиканского масштаба. Вот часть письма арестованного тогда командующего войсками Киевского военного округа, командарма 1-го ранга и члена ЦК ВКП(б) И. Э. Якира Ежову от 7 июня 1937 г.: «Я должен сообщить о специфическом, чтобы не сказать сознательно фальсифицированном подходе к некоторым делам со стороны Балицкого и его людей. Наряду с большой работой по борьбе с контрреволюцией, проведенной на Украине, были и такие дела. Я имею в виду дело Любченко — Хвыли. Я не берусь говорить с полной определенностью об этих людях, хотя думаю, что, будучи людьми «другого сорта», они всерьез связали свою судьбу с Советской властью. Но не об этом я хотел сказать, это надо всегда проверять, а о том, что материалы на них готовились примерно по такому принципу: мало пяти последних сводок и показаний — пошлем еще пять, а их окажется мало — еще добавим. Говорилось это тогда, когда неизвестно было: будут ли еще и откуда такие сводки. В этом вопросе, как мне всегда казалось, решающее значение имели отношения в пределах республики и ЦК; как это Любченко вылезет вперед Балицкого по положению как Председатель Совнаркома Украины. Я знаю, что в этом вопросе с Балицким был и Постышев, мало того, проявлял большую активность и настойчивость»²³.

²¹ Там же, оп. 85, д. 5014, л. 48.

²² Комуніст, 27.V, 3.VI.1937.

²³ ПА ИИП, ф. 1, оп. 85, д. 5014, л. 48.

Секретарь ЦК КП(б)У Н. Н. Попов, арестованный 17 июня 1937 г., дал уже 22 июня показания, что Якир еще в 1935 г. завербовал его и большую группу людей в «военно-фашистскую организацию» с целью убийства Сталина и свержения Советской власти. В числе этой группы лиц названы Балицкий, Любченко, второй секретарь ЦК КП(б)У М. М. Хатаевич, многие другие. Попов указал также, что с «поляками» связаны Косиор, Постышев и Любченко. Балицкий был арестован в служебном вагоне 7 июля 1937 г. на Дальнем Востоке по ордеру без даты за подписью Ежова. На допросах он сказал, что в конце 1935 г. был завербован Якиром, а потом заявил, что сам завербовал для участия в заговоре своих заместителей, Бачинского, В. Т. Иванова, начальников многих управлений наркомата и областных управлений НКВД УССР²⁴. Однако фамилию Любченко Балицкий не назвал.

Назначенный в июне 1937 г. наркомом внутренних дел УССР И. М. Леплевский рьяно принялся за разработку «боротьбистского дела». 13 августа вторично арестовали Хвылю, через несколько дней — многих бывших боротьбистов. Не выдержав многочасовых тяжелейших пыток, эти пожилые люди стали оговаривать себя. Следствию потребовался вождь «организации». Хвыля и некоторые другие заявили: их руководителем является Любченко. Сталин вызвал Любченко и Косиора на очную ставку с арестованными. Хвыля так отвечал на вопросы Сталина: «Я налгал на себя и на Любченко»²⁵. На очной ставке Афанасий Петрович встал на защиту Хвыли и других, заявив, что они честные люди и что никакой контрреволюционной организации не существовало. 23 августа Сталин передал вопрос об «организации бывших боротьбистов» и принадлежности к ней Любченко на рассмотрение ЦК КП(б)У.

Пленум ЦК КП(б)У состоялся 29 августа и проходил в нервной обстановке. Это был, пожалуй, самый трагический в истории Компартии Украины Пленум. За месяц до этого Леплевского наградили за организацию массовых расправ орденом Ленина. Произошли перемены в составе ЦК КП(б)У. Были арестованы многие из тех, кто в него входил, в частности Хатаевич (второй секретарь ЦК), Попов (секретарь ЦК) и еще 5 членов Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У. За их исключение из состава ЦК Пленум проголосовал единогласно²⁶. Значит, «за» голосовал и Любченко. Затем секретарь Киевского обкома партии С. А. Кудрявцев предоставил слово Косиору, который объявил: «Товарищи, я должен доложить всем о раскрытой органами НКВД украинской националистической организации, руководство которой состояло главным образом из бывших боротьбистов, а также о связях с этой организацией члена Политбюро ЦК КП(б)У и председателя Совнаркома Украины тов. Любченко, во всяком случае, по тем материалам, которые у нас на этот счет имеются»²⁷. Характеризуя Афанасия Петровича, Косиор говорил: «Первый аргумент, что тов. Любченко работал честно. Я не могу ничего сказать такого, что порочило бы его работу. Скорее, наоборот. Говоря по совести, должен сказать, что мое глубочайшее убеждение было, что он честно работал и линию вел большевистскую»... Любченко бросил реплику: «Честным до конца остался!»²⁸.

Противореча себе, Косиор заявил о том, что Любченко слабо вел борьбу с национал-уклонистами Шумским, Хвылей и Скрыпником, обвинил его в дружбе с Якиром и попытался доказать, что «подпольная организация» бывших боротьбистов действовала единым фронтом с «организацией Якира». Косиор наговорил многое и в адрес Хатаеви-

²⁴ Там же, лл. 9, 57.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 536, л. 43.

²⁶ Там же, лл. 1—2.

²⁷ Там же, л. 3.

²⁸ Там же, л. 61.

ча как лица, якобы олицетворявшего «руководство» и троцкистами, и правыми. Подробно остановился Косиор на роли Балицкого, который хотел «быть Председателем Совнаркома после контрреволюционного переворота» и только пыль пускал в глаза, что «ведет борьбу с контрреволюцией, а на самом деле покрывал ее, мало расстреливал, не выдавал ни троцкистов, ни правых, ни националистов». Свое выступление Косиор закончил словами: «Это все вместе заставляет здесь поставить вопрос — может ли Любченко оставаться в составе ЦК и на том посту, который он занимает, это по меньшей мере?»

Был объявлен перерыв в работе Пленума до 30 августа. Участников Пленума разделили на группы для ознакомления с материалами очных ставок у Сталина. После перерыва первым выступил Любченко. Он отклонил все обвинения, которые ему приписывались, хотя ему буквально не давали говорить. Особенно изощрялись Леплевский, Кудрявцев и член Военного совета КОВО Е. А. Щаденко. Рассказывая о своей деятельности в КП(б)У, Любченко сказал, что, когда в 1920—1921 гг. еще довольно свободно выбирали, к какой партии примыкать, он, «23-летний юнец, выбрал партию Ленина и активно боролся за ее решения... Я же эту Советскую Украину вместе с большевистской партией выстрадал, за нее, товарищи, боролся. Я был и остаюсь верным сыном ленинской партии, я никогда ей не изменял»²⁹.

Его перебил Кудрявцев: «Расскажите о показаниях Хвыли». Любченко: «Он же в отношении меня сказал прямо, что он налгал». Кудрявцев: «Он вообще заявил, что налгал и на себя, и на Вас, и что никакой организации не было, и контрреволюционной работы не было, а потом на вопрос тов. Сталина он сказал: да, группировка была, и что с Вами он был близок». Любченко: «Разве я говорю, что я не был близок?» А вот еще одно место из протокола Пленума: Любченко: «Но, товарищи, мне, к сожалению, приходится говорить на этом Пленуме ЦК КП(б)У о том, что я не находился в антипартийной группе и в дружеской связи с Якиром, Поповым, Шелехесом, Балицким. Вот вы как хотите, хотите — верьте, хотите — нет». Голос: «Так и эти брешут на Вас?» Любченко: «Кто?» Голос: «Якир». Любченко: «Якир же обо мне ничего не говорил, и Балицкий не говорит, и Попов не говорит»³⁰. (Любченко еще не знал тогда об оговоре со стороны Попова.)

Закончил свое выступление Афанасий Петрович такими словами: «Работа моя проходила на ваших глазах, вы ее видели, вы же ее каждый день наблюдали и уж во всяком случае тов. Косиор ее видел. И... в обстановке очень острой, когда мне предъявлено тягчайшее обвинение, он все-таки сказал, что работал Любченко неплохо. Я одного прошу у товарищей членов ЦК — судите меня не только по показаниям этих оболгавшихся наглецов, но судите меня и по моей многолетней работе, ибо я никогда не хныкал, а работал активно, никогда не уходил от трудного, сражался активно, не считаясь с тем, понравится ли это Балицкому, Якиру, или Попову, или кому-нибудь другому. Я, знаете, защищал свои позиции крепко. Я вас уверяю, товарищи, что я никогда не отступал и, что бы партия ни решила, никогда не отступлю, никогда не продам и не изменю ни партии, ни Сталину, ни нашему великому социалистическому строительству»³¹.

Первым после Любченко выступил Затонский, который знал, что арестованный нарком совхозов УССР Н. Д. Межуев дал показания, будто националистическую организацию возглавляют Любченко и Затонский. Выгораживая себя, Затонский стал обвинять в принадлежности к этой «организации» не только Любченко, но и его жену Крупеник,

²⁹ Там же, оп. 85, д. 5014, л. 148.

³⁰ Там же, л. 212.

³¹ Там же.

члена партии, в то время преподавателя Исторического факультета Киевского университета, председателя Союза Работпроса. Любченко отвергал все доводы Затонского. Затонский: «Трудно допустить, чтобы все сговорились и валили на одного». Любченко: «Как трудно верить? Тогда нет возможности защищаться; кто что сказал, то и правда. Работу вы снимаете. Факты снимаете». Затонский: «Единственное объяснение, которое я могу дать, очевидно, что Межуев это говорил, чтобы поверили в авторитетность, и валил заодно — на Любченко и Затонского». Любченко: «Так же и на меня валили, чтобы поверили».

Когда Затонский заявил, что еще в 1921 г. на Крупеник имелось компрометирующее письмо и что она, очевидно, должна была участвовать в деятельности националистической организации, Любченко спросил: «Зачем же Вы давали ей самые хорошие рекомендации в 1936—1937 годах?» Ответа не последовало. Закончил Затонский так: «Маловероятно, прямо-таки невероятно, чтобы это был оговор. Что Ваша фамилия могла для них быть полезна — это несомненно. И была полезна. Но, к сожалению, это было не только использование Вашего имени, Вашей фамилии. И я не только боюсь, а прямо-таки не сомневаюсь в том, что Вы в этом деле принимали участие. Из этого дела Пленум должен сделать выводы относительно Вашего пребывания в ЦК КП(б)У»³². После этого Н. Ф. Гикало (погиб в 1939 г.), член Политбюро ЦК КП(б)У, первый секретарь Харьковского обкома партии потребовал: «Вывести из всех органов Любченко, исключить его из партии и передать дело органам НКВД». Это предложение поддержал, в частности, избранный за несколько дней до этого первым секретарем Винницкого обкома КП(б)У М. И. Бондаренко. Был вновь объявлен перерыв.

Следующее заседание Пленума открыл Кудрявцев. Первым взял слово Косиор: «Я думаю, что работу Пленума придется изменить, потому что, видно, Любченко не желает отвечать, прошло уже полчаса, а он не является. Разрешите мне огласить некоторые документы. Я думаю, что мы должны будем принять соответствующее решение на этот счет. Сначала оглашу документ, который я получил: «Народному комиссару внутренних дел СССР Николаю Ивановичу Ежову от заключенного Хвыли». Вот, товарищи, заявление Хвыли, которое он написал. Сейчас он дает развернутые и подробные показания. Надо сказать, что если Хвыля когда-нибудь говорил правду, то в этом заявлении». В стенограмме Пленума этого документа нет. Однако сейчас уже известно, что, не выдержав пыток, Хвыля подтвердил свои прежние показания, а на судебном заседании вновь категорически от них отказался. После оглашения заявления Хвыли Косиор дал такую характеристику Любченко: «Тут правильно сказали товарищи, что он был заступником, их отцом родным, этих бывших боротьбистов. Чуть кого обидят, моментально трезвон, и не только сюда, а и в Москву, к товарищу Сталину поедет жаловаться на всякого рода несправедливости»³³.

В принятом единогласно решении Пленума говорилось, что «вскрытая органами НКВД Украины контрреволюционная националистическая организация, которую возглавляли бывшие боротьбисты, являлась агентурой польских панов и немецких фашистов ставила своей целью при помощи интервенции фашистской Германии и Польши свержение советского строя, восстановление на Украине власти помещиков и капиталистов и превращение Украины в колонию фашистской Польши и Германии... Эта буржуазно-националистическая организация находилась в самой тесной связи и контакте с разоблаченной ранее антисоветской организацией, возглавляемой Якиром, Балицким, Поповым». Да-

³² Там же, оп. 1, д. 536, л. 15L.

³³ Там же, л. 189.

лее в решении говорилось: «На основании материалов следствия и очных ставок Любченко с арестованными, а также на основании заявления Хвыли на имя Ежова, Пленум ЦК КП(б)У считает установленным, что Любченко не только был лично тесно связан с руководящей группой националистической украинской контрреволюционной организации, но и входил в состав руководства этой антисоветской организации». Пленум ЦК КП(б)У постановил: исключить Любченко из состава Политбюро и членов ЦК КП(б)У, снять его с поста Председателя Совнаркома УССР, поставить перед ЦК ВКП(б) вопрос о выводе его из партии³⁴.

После нового перерыва Косиор заявил: «Я, товарищи, должен сначала сообщить, что, пока мы с вами принимали решение, Любченко застрелился, подтвердив тем самым, что мы правильно это дело разобрали». А 5 сентября 1937 г. трибунал КОВО направил в Военную коллегию Верховного суда СССР донесение о том, что Любченко застрелил свою жену и затем покончил с собой.

В ходе последующей реабилитации Любченко выяснился ряд обстоятельств, которые дают основания сомневаться в том, что он и его жена покончили жизнь самоубийством. Ведь Любченко, как и остальные участники Пленума, до сообщения Косиора вообще ничего не знали о письме Хвыли Ежову. Поэтому оснований для самоубийства у Любченко и его жены еще не было (в противном случае они могли бы сделать это сразу после выступления Косиора). Проект принятой затем резолюции не был известен Афанасию Петровичу. Его выступления на Пленуме и характеристики Любченко людьми, хорошо его знавшими, позволяют думать, что это был волевой человек, готовый перенести любые испытания.

Возникает также вопрос: почему Косиор явился на вечернее заседание Пленума с уже готовой резолюцией и почему она была принята в отсутствие Любченко? Только после ее принятия и 15-минутного перерыва Косиор заявил, что Любченко застрелился. Для сомнений в правдивости сообщения Косиора имеются основания: с момента объявления на Пленуме перерыва на обед прошло четыре часа; зачем понадобился столь длительный перерыв, если участники Пленума размещались в центральных гостиницах Киева и обслуживались автотранспортом? Дом Любченко охранялся бригадой работников НКВД: охрана находилась и в самом доме на первом этаже, причем за месяц до Пленума состав ее был полностью заменен. В доме имелись телефоны; неужели охрана не могла сообщить наркому внутренних дел Украины Леплевскому, что Любченко и его жена покончили жизнь самоубийством? Почему Косиор сообщил только о самоубийстве Любченко, не сказав о его жене?

В таких случаях, как самоубийство члена Политбюро и главы правительства республики, а также его жены, обязательно составляется протокол осмотра места происшествия: фотография и осмотр трупов; указания, где находятся входные пулевые отверстия; из какого оружия произведены выстрелы, какова система оружия, его номер и т. п. Но такого документа нет. Зато при обыске дачи Любченко и его квартиры (ул. Ленина, д. 60) был составлен протокол, где указано, что изъяты: партбилет А. П. Любченко; партбилет Крупеник М. Н.; орден Ленина; удостоверение члена ЦИК УССР и удостоверение Совнаркома Украины на имя Ю. М. Коцюбинского³⁵. Почему в этом протоколе нет ни слова об оружии, которым воспользовалась чета Любченко?

Зачем впоследствии понадобилось репрессировать всех людей из замененной охраны Любченко? В 60-е годы один из авторов этих строк

³⁴ Там же, л. 191.

³⁵ Там же, оп. 85, д. 5014, л. 169.

несколько раз встречался с сестрой Афанасия Петровича, врачом Варварой Петровной. Вот что она рассказала: ее с мужем (профессором Киевского мединститута А. Н. Панченко) арестовали ночью 30 августа; пытали круглосуточно, требуя признания, что она знала о существовании контрреволюционной организации, что ее брат был руководителем этой организации и что она с мужем входила в нее. Через неделю-две ее, избитую до полусмерти, бросили в камеру, где оказалась мать Марии Николаевны — Прасковья Крупеник. Та ей и поведала о трагедии 30 августа: Афанасий Петрович приехал на обед, зашел в столовую на первом этаже, попросил тещу приготовить еду и пошел на второй этаж к жене. Приготовив обед, теща пошла звать дочь и зятя к столу, но охрана ее на второй этаж не пустила, заявив, что туда нельзя: «Пострелялись». Мать пришла в ужас и начала кричать, что этого не может быть, но ей закрыли рот, арестовали и увезли из дома. Трупов она не видела. Находясь в заключении, Варвара Петровна встретила в одной из сибирских тюрем преподавателя Киевского мединститута, который ранее «обслуживал» НКВД. Он рассказал, что видел на трупе ее брата два входных пулевых отверстия.

В сентябре 1937 г. по Киеву вопреки сообщениям газет упорно ходили слухи о том, что Любченко и его жену просто убили. Имеется также документ, косвенно подтверждающий эту версию. Гестапо вело картотеку руководящих советских работников. В карточке Любченко есть две записи со ссылкой на советскую печать, что Любченко покончил жизнь самоубийством. После того как гестапо поручает своей агентуре проверить факты — 11 октября 1937 г. в карточке появилась вторая запись: «Согласно сообщению Министерства иностранных дел (политический отдел V/5713 от 4 октября 1937 г.) Любченко со своей женой 30 августа 1937 года расстрелян ГПУ на своей квартире»³⁶. Был репрессирован и брат Любченко Андрей (директор Киевского ветеринарно-зоотехнического института). 30 августа ночью его арестовали вместе с семьей. А ордер на его арест был выдан через два дня — 1 сентября 1937 г. военным прокурором Киевского военного округа диввоенюристом Калюшиным. При допросе Андрей схватил стул, убил им охранника, после чего выбросился в окно и разбился³⁷. Случилось это 17 сентября 1937 года.

В приобщенном к делу Андрея Петровича рапорте заместителя коменданта центрального здания НКВД УССР лейтенанта Нагорного сказано: «17 сентября с. г., находясь на допросе, арестованный Любченко Андрей Петрович во время отсутствия следователя набросился на охраняющего его курсанта школы УГБ с целью выхватить оружие и во время борьбы с ним был курсантом убит — застрелен» (фамилий следователя и курсанта в рапорте нет). В тот же день было принято постановление о прекращении дела, где указано, что «будучи на допросе 17 сентября Любченко Андрей Петрович умер». А уцелевший чекист Д. В. Коновалов рассказал, что тело выбросившегося из окна Андрея убирал дворник М. А. Евенко, проживавший после войны в Киеве и работавший подсобным рабочим в ателье мод Киевского военторга.

Афанасия же Петровича и его жену не допрашивали. Сохранились лишь три тома агентурных сводок, доносов и оговоров, никем не подписанных и не заверенных. Следователи НКВД месяцами пытали затем всех родственников Любченко, его жены и друзей, добываясь от них признания, что националистическая организация все же была и возглавлял ее именно Афанасий Петрович. Но и после его смерти создать «дело» не сумели. Первым высказал предположение о сомнительности официального сообщения насчет самоубийства Любченко еще в 50-е го-

³⁶ Там же, л. 39.

³⁷ Там же, л. 53.

ды Н. А. Сытник, работник Парткомиссии ЦК КПУ, готовивший дело о реабилитации Любченко для рассмотрения на Президиуме ЦК КП Украины. Проверившая (после XX съезда КПСС) дело военная прокуратура Киевского военного округа пришла к выводу, что все материалы на Афанасия Петровича и его жену фальсифицированы.

Видимо, трагедия разыгралась следующим образом: А. П. Любченко уехал на обед, не признав своей вины и отвергнув все обвинения. Косиору надо было срочно связаться со Сталиным и Ежовым, посоветоваться, как поступать дальше и кого рекомендовать на освобождающуюся должность. Поэтому и был сделан перерыв на три часа. После этого Леплевский, вероятно, дал команду охране арестовать Любченко. Афанасий Петрович был человек решительный, смелый и физически сильный, как и его брат, и мог оказать сопротивление, а оружие у него имелось. Вот тогда охрана и могла в схватке пристрелить его и, чтобы не осталось свидетелей, и его жену. Мать жены, находившаяся в другом помещении, могла не слышать выстрелов. Кроме того, ее могли увезти раньше, чем началась схватка.

Эхо выстрелов, прозвучавших тогда в доме Любченко, тяжело отозвалось на судьбе близких ему людей. Были арестованы многие работники Совнаркома УССР — бывшие боротьбисты и члены их семей. 30 августа в Москве схватили наркома финансов СССР Г. Ф. Гринько. Родственников Любченко «судили» и расстреливали группами и в одиночку. Мать и отца его жены выслали в Кировскую обл., где они и умерли; сестра А. П. Любченко Татьяна покончила жизнь самоубийством; сестру жены студентку Анну расстреляли; муж Варвары Петровны Панченко умер в тюрьме в 1942 г.; был репрессирован и 16-летний сын Афанасия Петровича. В пересыльной тюрьме в Сибири Варвара встретила его в числе этапных и попросила киевских знакомых, которые шли рядом, чтобы они помогли юноше выжить. И он дожил до реабилитации своих родителей.

Жизнь Афанасия Петровича оборвалась, когда ему было 40 лет. Но он оставил о себе прекрасную память. Пожалуй, только люди, лично испытавшие, что такое 1937 г., могут в полной мере оценить тот факт, что даже в экстремальных условиях той поры он никого не оговаривал, не писал доносов и не ездил к Сталину с просьбами, чтобы кого-либо арестовали. Наоборот, рискуя головой, он не раз отправлялся в Москву, стойко и убежденно защищая товарищей по работе, честных членов партии даже в случаях, когда они, не выдержав пыток, оговаривали и себя, и его. Авторы этих строк побывали на родине Любченко и разыскали старожилов, которые знали его лично. Все они очень тепло отзываются о нем. Уже не те теперь и Кагарлык, и речка Россавя, на берегу которой под горою Могилой стоял дом семьи Любченко. Усадьбу «врагов народа» снесли, и все, что связано с Любченко, там исчезло. Не пора ли поставить на этом месте хотя бы памятный камень?

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕМОУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

У руин Сталинграда

Противник сосредоточил свои усилия в направлении Калача-Сталинградского. На наших реках, текущих к югу, правый берег господствует над левым. Если противник подойдет к Дону и займет его правый, высокий берег, то сможет создать благоприятные условия для форсирования реки: он сумеет подавлять оборону на большую глубину артиллерийским и пулеметным огнем и под его прикрытием форсировать Дон или здесь, у Калача, или в другом месте. Мы делали все, что только было в наших силах, чтобы не допустить этого. Сталинградский тракторный завод оказывал нам очень большую помощь ремонтом поврежденных в бою танков. Мы, опираясь на эту помощь, собрали все подбитые и изношенные боевые машины, которые у нас были, стащили их на тракторный завод и мобилизовали рабочих на ремонт.

Я говорю: мобилизовали. Можно понимать так, будто мы приложили какие-то усилия, чтобы как-то заставить рабочих и инженеров приступить к ремонту. Ничего этого не было. Рабочие, инженеры, служащие, все жители Сталинграда отдавали фронту все, что могли. И как только мы сказали, что обращаемся с такой просьбой, сейчас же рабочие и инженеры, взявшись за дело, начали ремонтировать танки. Таких танков набралось немало. Из них мы потом создали материальную часть для танковой армии и назвали ее 1-й танковой армией. Не знаю сейчас точно, сколько имелось в ней танков и какой системы. Т-34 числились единицами. Основную часть машин составляли устаревшей конструкции танки, которые и по вооружению, и по броне не находились на уровне требований, стоявших перед танковыми войсками. Слабы были эти танки. Но, все-таки, это танк! Все-таки, это броня, а не человеческая кожа. Поэтому мы возлагали большие надежды на эту танковую армию.

Помню нашу радость, когда мы закончили ремонт и организовали армию. Командующим этой армией назначили генерала Москаленко. Он стал первым из командующих танковыми армиями в СССР. Мы вывели его армию в направлении Калача. Перейдя Дон, она вышла на его правый берег, с тем чтобы преградить путь противнику, который рвался к Калачу. Должен сейчас признать, что мы тогда несколько переоценили надежды, которые возлагали на эту танковую армию. Когда она переправилась через Дон, мы вздохнули несколько посвободнее, поскольку считали, что она не позволит противнику подойти с ходу к Дону.

Мы с командующим войсками фронта Гордовым перенесли фронтовой командный пункт под самый Калач, в какой-то хутор на левом берегу Дона. Заняли там домик буквально у самого берега реки, второй с краю в западной части хутора. Заняли его потому, что все время ле-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—11.

тали немецкие бомбардировщики и бомбили наши позиции. Там стояла батарея, которая прикрывала переправу и привлекала внимание бомбардировщиков. Они всегда разворачивались в воздухе над этим хутором, как раз над нашим домиком. А мы надеялись на то, что противник никогда не сможет подумать, что именно в этом месте находятся командующий войсками и член Военного совета фронта. Здесь же был расположен пункт связи. Все это было замаскировано, а жили мы в домике.

Был и такой случай. Приехал к нам на фронт Василевский, начальник Генерального штаба. Поговорили, он познакомился с обстановкой. Пришло время ночного отдыха. Мы с ним расположились на сене. Постлали его, а сверху положили жерди: прикрылись, одним словом, и от росы, и от солнца. Долго не могли уснуть. Только задремали, как я услышал шум. Проснулся и Василевский. Оказалось, приехал Москаленко. Приехал очень нервный и возбужденный. Говорю: «В чем дело?» Москаленко вообще человек легко возбудимый. Это я знал. Но тут он был особенно не в себе, ругал танкистов: «Такие они сякие, не хотят воевать. Я револьвером угрожаю, заставляю их продвигаться вперед». Я ему: «Вы успокойтесь прежде всего». А он опять начал волноваться, не может никак себя сдерживать. «Да в чем же дело?» Отвечает: «Вот столько-то потеряли мы танков и так-то вот ведут себя танкисты». Очень неодобрительно он о них отзывался. Да, несдержанный был человек по характеру. Но я ценил его за беспредельную преданность Родине и безграничную храбрость. И тогда я предложил Василевскому: «Давайте, поедем и посмотрим танковую армию».

Ночь была лунная. Знаете, как бывает на юге? Хотя газеты читай при луне. Сели мы на машину и поехали. Ехать нужно было обязательно через Калач, ибо там была переправа. Мы быстро поднялись в гору, так как я считал, что танковая армия находится западнее Калача, оказалось же, что она отошла к берегу Дона. Ехали мы при луне без фар. Было тихо, никакой перестрелки. Как бы мирная, спокойная украинская ночь, воспетая великим Гоголем. Вышли мы из машины, смотрим. Москаленко подвел нас поближе: «Вот,— говорит,— мы танками раздавили пушку». Действительно, пушка противника выведена из строя, тут же лежит перебитый обслуживающий персонал — артиллеристы. Одним словом, танки уже поработали. Всюду разбросаны немецкие мины — противотанковые и противопехотные. То есть мы увидели, что противник подтянул сюда даже саперов. Одним словом, подготовился к форсированию Дона.

Но наша танковая армия быстро была выведена из строя. Что могли, мы оттащивали в промоины у берега Дона. Промоины, как правило, зарастают кустарником. Поэтому создавались благоприятные условия для маскировки, укрытия подбитых танков. Решили мы танки тут же и ремонтировать. Не тащить же их в Сталинград. Лучше ремонтировать на месте. Тем более, что завод был близко. Рабочие приехали сюда сразу с инструментами, расположились в прибрежных расщелинах и начали ремонт. Члену Военного совета Кириченко мы поручили, чтобы он все время оставался с рабочими и помогал им организовать ремонт.

Противник быстро нащупал нас. С воздуха было видно все-таки, и маскировка оказалась недостаточной. Это ведь не лес был, а кустарник. Враг принялся бомбить и очень досаждал нам упорной бомбежкой. Мы несли потери и в людях, и в танках. Враг, конечно, считал, что там находились не только ремонтируемые, а и замаскированные целые боевые машины. Кое-что все-таки сумели отремонтировать, но танковая армия уже для сил фронта не имела первоначального значения. Возможностей у нее теперь не было, она потеряла большую часть своего

состава. Кроме того, танки были старые, с изношенным ресурсом. Одним словом, остались мы практически без танков.

Враг же вплотную подошел к Дону. Хотя на правом берегу мы еще имели войска, но противник уже стрелял по нашему аэродрому на левом берегу. Невдалеке от нас мы расположили аэродром для самолетов связи. Там базировались У-2. Врагу это было видно с высокого берега, и он стрелял как раз через наш домик. А мы уже привыкли к артогню и к непрерывной бомбежке с воздуха батарейного прикрытия переправы. Батарея стояла там мелкого калибра, по-моему, 37-мм пушки. Но однажды мы чуть не пострадали. Когда противник сделал очередной налет, нас предупредили, что два самолета летят прямо на наш домик. С земли всегда кажется, что именно на тебя летит самолет и как раз в тебя стреляет пушка.

Зная это, мы с командующим спокойно продолжали свою беседу на крыльце дома. Там у нас был столик. Вдруг нам крикнул Божко из охраны, что самолеты сбросили на нас бомбы, раздался взрыв, мы соскочили с крылечка и легли. Божко сообщил, что разбита наша машина, ранен шофер Журавлев. Я подошел к автомобилям. Шоферы в ту пору как раз завтракали, было еще утро. Замаскированные машины стояли в вишневом саду. Видимо, противник заметил их и сбросил бомбы. Нам повезло, что домик остался невредим. Пострадал Журавлев: его сильно посекло. Когда противник сбросил бомбы, шоферы и охрана прижались к земле, взрыв конусовидным веером раскидал осколки и зацепил Журавлева. Машину тоже очень сильно побило. А больше никто не пострадал. Живучесть же соседней батареи была удивительной. Сколько раз на нее налетали немцы, все перемешалось с пылью после бомбежки, а батарея живет и ведет огонь! Ее бойцы очень упорно несли свою тяжелую ратную службу.

Я уже говорил раньше о том, что к нам прибыл Еременко, и ему выделили какой-то участок в составе фронта. Но так продолжалось недолго. Позвонил Сталин и сказал, что решили назначить новым командующим войсками Сталинградского фронта именно Еременко, а Гордова — его заместителем. Таким образом, Еременко вступил в командование, а Гордов сдал командование и приступил к исполнению новых обязанностей. Положение под Сталинградом в это время ухудшалось. Противник имел превосходство в силах и настойчиво стремился, форсировав Дон, прорваться к Волге. Нами же делалось все, чтобы использовать такую сильную преграду, какой являлся Дон. Но при явном превосходстве в артиллерии и особенно в авиации форсировать Дон не представляло для противника особенно большой трудности. Завязались бои непосредственно на подступах к Сталинграду и южнее города. Упорные бои длились днем и ночью.

Должен сказать, что новый командующий нравился мне своей порядительностью и, я бы сказал, своей военной четкостью в управлении войсками. Я поддерживал Еременко. Хотя я неплохо относился к Гордову, но считал, что Еременко, безусловно, как военный руководитель и как командир стоял выше Гордова. Мы с Еременко использовали далее Гордова для направления на особо опасные участки с тем, чтобы он там помогал командирам оказывать противнику более упорное сопротивление. И Гордов делал все, что мог. Я не чувствовал особого его недовольства. Или же он просто умел подавлять в себе такое чувство после того, как был смещен с поста командующего.

Но в скором времени Гордов вышел из строя, был ранен. Когда мне доложили обстоятельства его ранения, меня они обеспокоили. Я был удивлен, как Гордов оказался в такой ситуации, которая кончилась его ранением и вывозом его с места поражения случайными связистами, оказавшимися там в то время. Если бы их не оказалось, то

он попал бы в плен. Я не хотел допустить мысли, что здесь имели место какие-то преднамеренные действия со стороны Гордова. Но, с другой стороны, обстановка, при которой он оказался там, была для меня необъяснимой. Не мог же не понимать сам Гордов, какой опасности он себя подвергал.

А произошло, как мне потом доложили, следующее. На том направлении, куда мы с Еременко его послали, шли очень тяжелые бои. Когда он был ранен, на этом участке наших войск почти не было. Отходили один или два танка, и танкисты его предупредили, что наших войск там уже нет. Он не обратил на это внимания и продолжал оставаться со своим адъютантом на возвышенности. Потом налетел самолет противника и сбросил бомбу. Этой бомбой Гордова ранило и контузило, он стал беспомощным. Безусловно, противник схватил бы его. Но отходила также повозка наших связистов, которые сматывали телефонный провод, и наткнулась на генерала. Его погрузили на повозку и вывезли с переднего края. Сейчас же Гордова поместили в госпиталь, а госпиталь быстро направил его в Куйбышев, где находилась его семья. Там он и лечился, а потом вернулся на фронт, но на Сталинградский уже не попал. Я с ним вновь встретился уже, по-моему, в 1944 г., когда он командовал, кажется, 3-й Гвардейской армией и вышел с ней на границу с Польшей. Он хорошо повоевал и успешно закончил войну. Погиб же он уже после окончания войны, в 1951 г., в результате сталинского произвола: был арестован и казнен.

Такой вот неприятный произошел в 1942 г. случай с Гордовым. У меня осталась о нем память, как о генерале двойственного характера. Я очень ценил его за оперативность, неутомимость, пренебрежение опасностью. Буквально на грани безрассудства он рисковал своей жизнью там, где этого не требовалось от командующего, — вертелся под бомбами или под снарядами. Несколько раз я наблюдал, как он, сняв фуражку, расхаживает себе под пулями. Однажды, помню, поехали мы с ним к Шумилону. Вели бои части его 64-й армии и механизированный корпус Танасчишина. Очень храбрым человеком был этот Танасчишин. И я видел, как Гордов вел себя равным образом в такой же тяжелой обстановке, и сожалею о незаслуженном конце этого человека, который всю свою жизнь, все свои знания отдал Родине, отдал Красной Армии. Он все отдал для Победы, а когда борьба с врагом завершилась нашей полной победой — был арестован и казнен по распоряжению Сталина!

Чтобы далее не возвращаться к этому вопросу, скажу, что стало мне известно о причине его казни. Я узнал об этом из разговора Сталина с Берией. Гордов и бывший Маршал Советского Союза Кулик (в то время он был генералом, его в войну разжаловали и сняли с него звание маршала) приехали в Москву. Они служили где-то за пределами Москвы. Они расположились, кажется, в гостинице «Москва». Подвыпили (и тот, и другой не прочь были изрядно выпить. Особенно здорово пил Кулик. Гордов тоже пил, но мне казалось, что он был менее привязан к выпивке). Так как они были в опале у Сталина, а война уже кончилась, то они были, видимо, очень недовольны и возбуждены. Напились и повели разговор о том, как война проходила и как она кончилась. Видимо, анализировали, почему вначале наша армия отступала. Протягивали при этом Сталина.

Я запомнил из разговора между Сталиным и Берией такие слова Кулика: «Рыба начинает вонять с головы». Ясно, что голова — это Сталин. Сталин, конечно, не мог терпеть людей, которые так выражались. А стало это известно по очень простой причине: за ними наблюдали и их везде преследовали подслушиванием. Когда они приехали в Москву, то их поселили в номерах, которые были оборудованы техникой подслу-

шивания. Поэтому весь их разговор тут же стал известен, и о нем доложили Сталину, что и погубило этих людей. Я считаю, что это было бесчестно со стороны Сталина. Сталин, наверное, сам себя готов был подслушивать, не говоря уж о тех, кому он начинал не доверять.

Они были честными, преданными Советской власти людьми. Я оценивал их по-разному: очень плохо расценивал командирские достоинства Кулика и с уважением относился к Гордову. Считал, что он обладал хорошими качествами командира. Это он доказал на деле и в Сталинграде, и после Сталинграда, когда командовал армиями. Каждый человек имеет недостатки. Кулик, при всех его командирских недостатках, был честным человеком. Он всю свою жизнь отдал Красной Армии, служил ей так, как позволяли его силы, его умственные способности. Перед войной Сталин его переоценивал как артиллериста и поручил ему вопросы артиллерийского обеспечения всей Красной Армии. Это было неправильно. Кулик не был способен на это. Сам Сталин несет ответственность за то, что доверил этому человеку пост, который был ему не по плечу. Но уже после войны казнить его? Это было и жестоко, и несправедливо. Здесь проявилось злоупотребление властью. Раз Сталин у власти, может все сделать, то и делал: и казнил, и миловал.

Возвращаюсь к тому, о чем говорил... Сталинград. Август 1942 года. Противник продолжает атаки против наших войск. Они оказывают упорное сопротивление. Нашего бегства либо отступления, граничащего с бегством, которые характеризовали положение в 1941 г., не было уже и в помине. Наши войска, если и отходили, то лишь в результате давления более крупных войсковых соединений противника, в результате сильного артиллерийского огня, вражеского превосходства в самолетах и другой боевой технике. Мы были еще очень слабы и по качеству вооруженных сил, и по наличию вооружения. Не хватало нам и полевой артиллерии, пулеметов, зенитных средств. Условия поединка были далеко не равными. Несмотря на это, наши войска героически вели сражения и отходили только тогда, когда создавалось безвыходное положение. Это было уже не бегство, а отход с рубежа на рубеж.

Противник (не помню числа, трудно все удержать в памяти, с тех пор прошло много лет) подверг жесточайшему налету Сталинград. Самолеты, волна за волной, бомбили город. Он был весь в огне. Мы с командующим решили переправить штаб и все, что не требовалось держать в городе, на левый берег Волги, сами же с командующим и оперативной частью штаба остались в Сталинграде. Штаб размещался у реки Царицы. Там образовался глубокий овраг в результате многолетней работы дождевых и талых вод. Получилась большая промоина. Эта-то промоина с высоким краем была использована под размещение командного пункта. Я не знаю, когда конкретно он был сооружен. Когда мы туда пришли, пункт был уже готов. Думаю, что, возможно, этот командный пункт готовился для какого-то другого штаба, не фронтового, а гражданского. Уж слишком там было все сделано на манер сталинских вкусов: фанерой облицованы стены (все дачи Сталина облицовывались дубовой фанерой, и там было сделано так же), устроен длинный коридор, а от коридора в глубь горы проведены штольни. Все выполнено было очень хорошо. Был оборудован даже туалет. Военные в полевых условиях не могли и думать об этом. Но я никогда не слышал разговоров ни до того, ни тем более позднее, для каких целей и для кого готовился этот командный пункт. Напротив входа в подземелье располагалась старая ватная фабрика, метрах в 100—150 от него. Вход защищали от взрывной волны преграды. Чтобы не выбило дверей, были устроены надолбы, довольно толстые и крепкие.

Когда началась бомбежка, весь город оказался в огне. Гражданские лица и городской совет обороны (организация под председательством

первого секретаря обкома партии Чуянова) делали все, что могли. Но что они могли реально сделать? Столько было огня! Не могло хватить никаких городских средств тушения пожаров. Противник бомбил почти безнаказанно. Зенитные средства вели по нему огонь, но это его не останавливало, ибо зенитный огонь был малоэффективным.

Враг подошел к городу уже близко, прорвал нашу оборону и вышел танками к Волге с северной стороны, в районе поселка Рынок. Создалось очень опасное положение. У нас не было ни подвижных войск, ни резервов, чтобы не дать врагу войти в город с севера. В этом случае он сразу захватывал заводы, прежде всего тракторный. Потеря его была бы очень ощутимой. Потом враг ворвался бы в старую часть города с хорошими каменными постройками. Да и сам тракторный завод с его цехами занимал крупную территорию. Это была, собственно говоря, крепость. Выбивать оттуда врага было бы очень трудно. Тут армии оказали большую помощь рабочие Сталинградского тракторного. На нем ремонтировались танки и имелись рабочие, которые на месте испытывали эти танки. Были там и военные, которые принимали танки после ремонта. Пришлось использовать и эти силы. Рабочие, которые занимались испытанием танков, и военные контролеры преградили врагу путь прорыва в город и организовали оборону на первых порах. Потом мы стащили туда части с других участков фронта и построили оборону, которая была повернута к северу.

Выйдя на Волгу, немцы достигли той цели, что прервали навигацию по Волге. Хотя к тому времени и навигации-то, собственно говоря, уже не было. Но все-таки еще можно было пользоваться водным путем. Когда мы только еще приехали в Сталинград, там располагался территориальный штаб. Видимо, именно этим районом командовал генерал Герасименко. Я хорошо знал Герасименко по Киеву. Он там был до войны заместителем командующего войсками. Я считал, что это хороший генерал, который сделает все, что только можно сделать. А когда мы прибыли в Сталинград, упомянутая штабная организация была превращена в армейское командование, и Герасименко предложили принять 28-ю армию в Астрахани. Он решил перебазироваться из Сталинграда в Астрахань на корабле по Волге и добрался с большим трудом, потому что не один раз подвергался бомбежке. Но все-таки добрался, кажется, даже без потерь, и расположился в Астрахани.

Противник очень упорно вел наступление с северной стороны. Он, видимо, считал, что оттуда скорее прорвется и замкнет окружение войск, находившихся непосредственно в Сталинграде. Особенно серьезные бои завязались в районе Рынок. Помню, к этому времени прилетел к нам генерал Крылов, позднее — Главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения. Он прибыл к нам из-под Севастополя. Незадолго до того мы сдали Севастополь. Штабисты Приморской армии улетели оттуда в Турцию, турки их отпустили, и они смогли прибыть в наше распоряжение. Мы назначили тогда Крылова в группу войск для организации обороны в районе Рынок, где сложилась очень тяжелая обстановка.

В это же время к нам прилетел писатель Константин Симонов. Пришел он ко мне и спросил, куда бы поехать ему на линию фронта, на передний край? Я сказал, что сейчас самый опасный участок, где противник настойчиво рвется в город, лежит в районе поселка Рынок; наша группировка там небольшая, и мы туда послали генерала Крылова, который должен организовать оборону, чтобы не дать противнику на этом направлении достигнуть цели. Симонов говорит: «Хорошо, я туда и поеду». И уехал.

Крылов организовал хорошую оборону, и этот участок противник не смог занять, хотя ему удалось ценой больших потерь вклиниться кое-

где в нашу оборону. А севернее он прорвался к Волге. Мы оказались в полуокружении, с северным участком не имели связи по железной дороге, нашим тылом была Волга, а у нас не было серьезных переправочных средств. Эти средства были отведены отсюда раньше или потоплены. Мы располагали только мелкими плавучими средствами, через Волгу переправлялись на лодках и катерах. Когда сложилось столь тяжелое положение, мы организовали переправу на левый берег Волги и в районе Рынок. Но после того как противник прорвался к берегу в этом районе, мы напрягли все силы, что было нелегко, и разрушили собственную переправу. Не то враг мог бы ее использовать и выскочить на левый берег реки.

Потеря переправы тяжело сказалась на нас. Фактически была нарушена возможность получать боепитание и пополнение для расположенных в городе войск. Наплавной мост был разрушен. Приехал туда и Малышев. Я хорошо знал Малышева и уважал его. С какой целью он был прислан и что он должен был делать, мне не было понятно тогда и непонятно сейчас. Мы встречались, разговаривали. Но конкретно мог ли он нам помочь? Ничем, конечно.

Однажды произошел такой эпизод. Хочу рассказать о нем, так как он характерен для поведения Сталина, особенно в ту пору. Звонит мне вдруг Сталин и довольно нервно, в грубой форме задает вопрос: «Что это вы приступили там к эвакуации города?» И начал резко высказывать свое неодобрение. Отвечаю: «Товарищ Сталин, кто вам докладывал? Никакой эвакуации города нет и ничего такого не делается. Не знаю, откуда вы получили такие сведения, но эти сведения совершенно неверны». Он положил трубку. Я задумался, кто мог сказать ему такую пакость и подбросить ее лично мне? Решил позвонить уже уехавшему от нас Малышеву, хотя и не думал, что Малышев может пойти на такую низость. Да и разговора у меня с ним на эту тему никакого не было. Ни он не поднимал такого вопроса, ни я. Говорю: «Вот, товарищ Малышев, звонил мне товарищ Сталин». И рассказываю, зачем он мне позвонил. «Да,— отвечает Малышев,— мне он тоже только что звонил и буквально в таких же выражениях высказал свое негодование. Сам не знаю, кто мог сочинить такую ложь». Тут я подумал: «Черт его знает, Чуянова. Не он ли? Вряд ли Чуянов пошел на такую низость». Позвонил Чуянову. Спрашиваю: «Товарищ Чуянов, вы не знаете, ставил кто-либо вопрос об эвакуации города? Сталин звонил по этому вопросу». Чуянов: «Он и мне звонил тоже и очень возмущенно выражал свое негодование». Когда я опросил этих людей, то больше уже ни к кому не обращался. Понял, что это была проверочная выдумка Сталина, видимо, для профилактики. Никто об эвакуации не думал и никто ничего не делал для нее, хотя и нужно было бы подумать, нужно бы! Но я уже знал, что проявить такую инициативу — значит нарваться на очень неприятные последствия.

Снова Сталин позвонил уже тогда, когда была утрачена всякая возможность эвакуации оборудования заводов Сталинграда: «Нам нужно пустить завод на востоке, нельзя ли станочное оборудование тракторного, оружейного и других заводов эвакуировать?» Отвечаю: «Товарищ Сталин, сейчас уже совершенно невозможно эвакуировать что-либо. У нас нет никаких наплавных средств. Мы с трудом питаем армию, а переправляем только нетяжелые грузы». «Ну, тогда что сможете». Я говорю: «Попытаемся». Начали мы было кое-что демонтировать из станочного оборудования, подтащили к Волге, в район переправы, но, кажется, так ничего и не вывезли. Потом это оборудование лежало там. Его забрали уже после разгрома группировки Паулюса.

Вот такой имел место эпизод. Да ведь поступить иначе было не в наших интересах. Если бы, действительно, мы смогли вывезти из Ста-

линграда станочное оборудование, как сделали это в Харькове, то эти станки ох какгодились бы! Много станков эвакуировали мы из Запорожья, буквально под носом у противника. Мы поручили провести эту операцию Корнийцу. Он был в те дни либо членом Военного совета Южного фронта, либо, кажется, представителем правительства Украины. Корниец сыграл большую роль в эвакуации оборудования, и это оборудование сейчас же пошло на восток, что очень положительно сказалось на создании оборонной промышленности на новом месте. В Сталинграде же это не было сделано в результате неправильного понимания дела Сталиным. Он связывал, сковывал нашу инициативу, хотел все регламентировать из Москвы, а такая регламентация выходила нам буквально боком, потому что она парализовывала инициативу и не предоставляла возможности маневра даже в вопросах передвижения войск. Я уже не говорю об эвакуации оборудования. Тут был приоритет Центра, мы не могли ничего делать без указаний свыше.

Прилетел в Сталинград Маленков. Не знаю, зачем он тогда прилетел и чем мог нам подействовать. Но прилетел ведь из Москвы, а Москва, как говорится, видит выше и дальше. Вот и находился он у нас, проводил дни и ночи без всякой пользы для себя и без пользы для нас. Потом, когда противник вплотную подошел к Сталинграду и стал просачиваться в город, усилилась бомбежка и начались пожары, прилетели Василевский, командующий Военно-Воздушными Силами Новиков, начальник артиллерии Воронов. Воронов и раньше прилетал к нам и бывал по нескольку дней, а потом улетал. Я был не очень высокого мнения о людях, которые приезжали из Ставки. Конкретно они ничем нам помочь не могли за исключением только тех случаев, когда Воронов, или Новиков, или еще кто-либо, приезжавший по поручению Ставки, привозил что-нибудь реальное. Реальное — это боекомплекты, авиация, пехотные или артиллерийские части и т. п. Если же они приезжали сами по себе, так сказать, своими собственными персонами, которые мы себе и без того наглядно представляли, потому что все эти люди были хорошо нам известны, то это нас не радовало. Просто они отнимали у нас время, не принося никакой пользы делу.

Вот и собрались тогда Василевский, Маленков, Воронов, Новиков, другие представители Ставки. Одним словом, очень много народу. Так как город горел и находился все время под бомбежкой, то городское руководство тоже перебралось в наш командный пункт. Возникла там теснота. Как говорится, не провернешь. А обстановка все ухудшалась. Как раз в то время (а это всегда бывало в самый критический момент) я чувствовал обостренное внимание к себе со стороны Сталина. Я не раз видел, как при острых поворотах событий шушукуются между собой Василевский с Маленковым. Они, видимо, выгораживали собственные персоны. Видимо, готовили сообщение, чтобы при неудаче свалить вину на кого-то другого. На кого же? Конечно, на командующего войсками и члена Военного совета фронта в первую голову. Правда, со стороны Василевского я не чувствовал неправильного понимания нашего положения. Когда они шушукались, я считал, что проявлял инициативу Маленков. Сам-то он в военных вопросах ничего не понимал, но в вопросах интриганства обладал шансами на успех. Ведь ему надо было вернуться в Москву и что-то доложить Сталину: зачем он поехал и что он сделал. А вернется, не решив задания, и противник прорвется в Сталинград, надо будет как-то это объяснить. А как? Конечно, те лица, которые командуют войсками, они-то и виновны. Я, может быть, утрирую, рассуждая за него, но примерно в таком духе докладывалось в Центр о ходе событий у нас.

Потом Василевский и Маленков сказали мне, что получили указание из Москвы и улетают. Переправились через Волгу на левый берег

и поехали на аэродром. Затем все уехали. После такой толчеи, которая была на командном пункте, у нас наступила, я бы сказал, жуткая тишина, какая бывает порой в лесу. Никого не осталось! Остались только мы с Еременко, а с нами — небольшой оперативный штаб. Штаб фронта расположился на левом берегу, с тем чтобы получать сводки, иметь связь с армиями, обеспечивать их боеприпасами и другими видами снабжения войск. Все это было расположено на левом берегу. Следовательно, там были и все люди. Противник продолжал теснить наши войска и по-прежнему старался ворваться в город. Наши войска упорно держали оборону. Был как-то такой момент, когда я подумал, что Сталин примирился с тем, что немцы займут город. Поэтому он и приказал вывезти оттуда всех, кто не был там нужен и не приносил пользы. Остались только мы с командующим. Мы понимали, что наше место — тут.

Уже в конце лета (было еще тепло) приехал к нам генерал Голиков. А Сталин позвонил заранее, что приедет Голиков. Голиков был на хорошем счету у Сталина, и он на него возлагал какие-то особые надежды. Считал, что сможет помочь организовать бои в самом городе. Голиков был назначен первым заместителем командующего войсками Сталинградского фронта. Функции его заключались в том, что мы с командующим посылали его туда, где ощущалась необходимость в глазе и подбадривании войск присутствием командования фронта. Я был знаком с Голиковым и раньше. Познакомился еще в 1939 г., когда Красная Армия подступила к Львову и готовилась вести бой по его захвату. Но оказалось, что, когда мы подошли к Львову, противника — польской армии — там уже не было. Немцы тоже вплотную подошли к Львову. Следовательно, могли столкнуться наши войска с немецкими. Мы повели переговоры с немцами. Вот тогда-то я и познакомился с Голиковым. Помнится, под скирдой сена у него расположился наблюдательный пункт. Туда я и подъехал к нему, и там мы ожидали результата переговоров с немцами. Они закончились благополучно, и наши войска свободно вошли во Львов. Я встречался также с Голиковым, когда он был начальником Главного управления кадров Красной Армии. Возглавлял он и Главное разведывательное управление Красной Армии. Но тогда имели место наши встречи у Сталина, поэтому они не давали возможности лично поближе познакомиться и узнать Голикова и как человека, и как коммуниста. Знал я, конечно, что он состоял в партии почти с первых дней гражданской войны. Плохого я ничего о нем не слышал.

Бои между тем продолжались. Враг наседал. Тут уже наши воины отстаивали, как говорится, каждую пядь земли. Противник оплачивал свое дальнейшее продвижение большой кровью. У нас напрямую действовали лозунги: «Ни шагу назад!», «За Волгой территории для нас нет», «Стоять насмерть, но Сталинград не сдать!». Мы получали систематически небольшое пополнение в виде маршевых частей. Получали и вооружение. Когда нас замкнули в полукольцо, на артезаводе осталось много стволов полевой артиллерии. Ее невозможно было отправить по назначению. Тогда мы с командующим решили вывести эти орудия на огневые позиции. У нас не было тяги для орудий, но мы решили их просто вытянуть на передний край, поставить там и стрелять, пока возможно. А если придется отходить, то обязательно их взорвать. И мы их неплохо использовали, организовали много артиллерийских расчетов, а боеприпасы у нас имелись. Эти орудия сыграли полезную роль. Другого же выхода у нас не было: ни отправить по назначению, ни оставить на заводе, куда мог ворваться противник и захватить их как трофеи.

Как раз в это время к нам прибыла дивизия под командованием Родимцева, очень хорошая по составу и сплоченная. Но она была крайне

плохо вооружена: артиллерии и даже пулеметов у нее не имелось. В составе этой дивизии воевал наряду с другими сын Долорес Ибаррури. Дивизия, вступив в бой, понесла тяжелые потери. Она могла бы сыграть большую роль, если бы была лучше вооружена. Мне доложили, что погиб Рубен Ибаррури. О нем у меня сохранились в памяти такие эпизоды. Он был ранен еще в первые дни войны. Мой сын Леонид тоже был ранен. Они лежали вместе в одной палате в куйбышевском госпитале. Второй эпизод — здесь, когда сообщили, что он убит. Потом меня известили, что погиб и сын Анастаса Ивановича Микояна, летчик. Он был подбит в одном из воздушных боев. Да, это мне было знакомо. Шла война. Как и на любой войне, гибли люди, очень многие люди, особенно в том отчаянном положении, в каком оказалась наша Красная Армия, не подготовленная как следует к войне и при недостаточном количестве вооружения.

Помню такую тяжелую картину. Мы с Гордовым выехали в район боев возле одной балки у селения Нариман, юго-западнее Сталинграда. Туда же отправились командарм Шумилов и его член Военного совета Сердюк. Там-то я и наблюдал картину, которая для меня была весьма неприятна. Налетели на позиции врага наши бомбардировщики ПЕ-2. Они были похожи на немецкие МЕ-110. Наши самолеты подлетели к линии фронта, как вдруг появились «мессершмитты» и буквально на наших глазах стали поджигать одного за другим «петляковых». Их пилоты выбрасывались с парашютами. Больно было наблюдать, как, когда они спускались, советская пехота вела огонь по нашим летчикам: пехотинцы считали, что это вражеские бомбардировщики и что спускаются на парашютах немцы. До сих пор помню, как один летчик, уже находясь близко от земли, кричал: «Я свой, свой!» И вдруг протарахтела автоматная очередь — и ему конец... Что касается самолетов ПЕ-2, то наши летчики, как мне докладывали, были о них невысокого мнения. Эти самолеты обладали хорошими летными качествами, но у них так были расположены баки с горючим, что, буквально, куда ни попадет пуля, возникал пожар.

Итак, повторюсь, все представители Ставки покинули нас, и мы с Еременко остались одни. Единственное, что у нас сохранилось, как шутили мы с Андреем Ивановичем, — шикарный туалет. Правда, в туалетную, которая была до того в образцовом состоянии, после того как уехали представители, стало невозможно зайти.

Не помню, когда это случилось (а ведь полезно было бы записать тогда и время), позвонил мне Сталин (я даже удивился, как спокойно, что было редкостью для той поры, он говорил): «Как там? Сможете еще продержаться дня три?» Это произошло вскоре после отлета Василевского, Маленкова и других представителей Ставки. Отвечаю: «Товарищ Сталин, не знаю, почему вы берете такой срок для нас. Мы считаем, что продержимся не только три дня, но значительно больше. Точно не могу сказать, потому что на войне нельзя ручаться, но мы теперь, во всяком случае, ощущаем, что наши войска уже получили боевое крещение, которое дает уверенность, что они и дальше будут упорно защищать свои позиции». «Вот и хорошо! — продолжает. — Вы продержитесь три дня. Мы сейчас организуем удар с северной стороны, чтобы освободить вас, а левое крыло противника, которое с севера вышло к Волге, либо отсечь, либо отбросить от Волги. Но, когда начнутся бои севернее вас, вы организуйте теми силами, какие у вас есть, удар из Сталинграда, с тем чтобы немцы не могли перебросить подкрепления против тех войск, которые будут наносить удар с севера». Отвечаю: «Хорошо, мы все это сделаем».

Начал осуществляться удар с северной стороны. Но наши усилия не завершились разгромом той группировки немцев, и вообще никакого

отбрасывания их от Волги не получилось. То есть основная задача, которая ставилась перед войсками, не была выполнена. Мне неизвестно, какими силами располагало тогда наше северное направление, но желанного результата не было. После этого на северный участок были подброшены Ставкой новые войска, с тем чтобы противник не мог развить свой успех вверх по Волге. Эти войска в принципе входили в состав Сталинградского фронта: туда были подтянуты армии под командованием Москаленко и Малиновского. Опять готовился удар с целью отсечь северное крыло немецкой группировки, которое вышло на Волгу, и восстановить предшествующее положение. Когда там был сосредоточен такой, довольно солидный кулак, мы с Еременко поехали на командный пункт руководить операцией. Для проведения этой операции приехали из Ставки Жуков, Новиков, Маленков, командующий Авиацией дальнего действия Голованов, начальник артиллерии Красной Армии Воронов и другие лица. Теперь мы надеялись на явный успех.

В назначенный час началась артиллерийская подготовка, и мы предприняли наступление. К сожалению, и это наступление было неудачным, несмотря на очень хорошие сконцентрированные там войска. Говорили, что эти войска взяли с Дальнего Востока. Это были свежие, молодые, хорошо обученные люди. Но наше наступление захлебнулось, а противник даже не попятился. Чем можно это объяснить? Все мы знаем, не раз повторяем, и правильно повторяем, что нет таких крепостей, которые нельзя было бы взять. Но если иметь соответствующие средства! Правда, полевые укрепления, которые возвели немцы, не были такими уж могучими крепостями. Видимо, не все было нами учтено и недостаточно было подтянуто войск, главным образом артиллерии.

Не сказал бы, что артиллерия недооценивалась нами. Нет, артиллерию еще до войны мы называли «богом войны». Не знаю, кто первым высказал эту мысль и откуда она к нам пришла. Кажется, дошла из старых, наполеоновских времен. Наполеон ведь особенно ценил артиллерию. Во всяком случае, и Сталиным, и нашими военными ее значение оценивалось по достоинству. Если же ее недостаточно сосредоточили, значит, артиллерии просто не было в нужном количестве. Поэтому-то наступление, которое не поддержали хорошими артиллерийскими усилиями, не имело успеха.

К чему я это говорю? Я очень высоко ценил, да и сейчас ценю (повторяю не единожды) Георгия Константиновича Жукова. Уважаю его за трезвость ума, смелость, простоту и напористость. Считаю, что он обладает высокими командирскими качествами. Ценил его и как боевого товарища. Тогда у меня с ним были наилучшие отношения. И вот все же, несмотря, казалось бы, на все благоприятные условия, наличие там Жукова и представителей всех родов войск, других сильных командиров, мы не решили задачи. Дело заключается в том, что одних личных качеств недостаточно. Нужны, и война это показала, средства истребления вражеской боевой техники, средства уничтожения живой силы противника, средства разрушения его укреплений. А это — артиллерия, это танки, это пулеметы, это зенитные орудия и пулеметы для прикрытия с воздуха наших войск, чтобы противник не мог безнаказанно дезорганизовывать ведущие наступление. Всего этого мы еще не имели.

Жуков рассказал мне тогда (мы по-товарищески делились впечатлениями, а он поехал на какой-то участок фронта, возвратился оттуда и потом делился увиденным): «Ты знаешь, ехал я к линии фронта, а раненые шли оттуда. Двигалась в тыл группа раненых, и я выругался: «А, леворучники!» (тогда гуляло такое слово: подставляли левую руку под пули, чтобы получить ранение и уйти в тыл. К сожалению, довольно широко гуляло это, порой незаслуженное, оскорбительное выражение в адрес наших бойцов). Один из них глянул на меня да гово-

рит: «Товарищ генерал, леворучники идут потому, что они еще могут ходить, а вот те, которые получили пули в голову, они все там лежат. Я-то видел, сколько их там лежит». И так глянул на меня выразительно. А ведь правду он сказал». Сильное произвел этот боец впечатление на Жукова откровенным солдатским ответом.

Захлебнулось наступление, а в скором времени забрали у нас этот участок фронта. И это было правильно, потому что мы находились в Сталинграде, а сей участок лежал к северу за Сталинградом, и с ним была очень плохая связь. Кроме того, перед теми войсками ставилась обособленная задача — не дать возможности противнику развивать успех вверх по Волге. Создали там новый фронт, Донской. Командующим назначили Рокоссовского. Непосредственная связь у нас с ним прервалась, и мы имели с ним контакт лишь как с соседом. Членом Военного совета Донского фронта стал Кириченко, который до того был членом Военного совета Сталинградского, а потом Южного фронтов. Не помню, кто был у них первым членом Военного совета, а Кириченко являлся вторым. Второй занимался вопросами тыла и обеспечения войск, оперативные же вопросы решал первый член Военного совета.

В это время я опять был вызван в Москву. То, что я услышал там, было сочинено, безусловно, Маленковым. Мол, командующий и командный состав войск Юго-Западного и Южного фронтов, которые отходили от Дона на Сталинград и тут заняли оборону, с 1941 г. привыкли только к отступлению. Поэтому, мол, они организуют оборону недостаточно стойко, поддаются панике и отступают. Надо заменить весь этот командный состав. Стали заменять. Заменяли многих. Но это была совершенно ни на чем не основанная, просто обывательская точка зрения. Она была пущена в ход Маленковым для того, чтобы оправдать его поездку в Сталинград, чтобы снять с себя ответственность и взвалить ее на других. Он изобрел столь никчемную теорию, а потом она гуляла повсюду.

Среди военных возникли и другие нехорошие настроения. Вот мы отступаем. Почему отступаем? Потому, что солдат не чувствует, за что он должен воевать, за что же должен умирать. Возьмем первую мировую войну. Тогда у солдата была земля, было свое хозяйство. Он воевал за всю Россию, но воевал и за свой дом. А сейчас — все общее, все колхозное. Нет конкретного стимула. Это уже, на мой взгляд, была теория антисоветская, антисоциалистическая. Она взваливала ответственность за наши неудачи на советский строй, на социалистические начала, которые были заложены в СССР. Конечно, это подмоченная теория, теория людей, которые начали страдать упадничеством и выдумывать неправильные объяснения нашим поражениям. Потом жизнь опровергла эти утверждения. Если кое-кому, кто сейчас носит довольно высокие воинские звания, напомнить, что им были присущи в свое время такие рассуждения, то они, наверное, возмутятся и скажут, что это клевета. К сожалению, такое было! Было, и ничего тут не сделаешь. Но мы это пережили. А конец подобным «объяснениям» был положен разгромом войск Паулюса под Сталинградом.

Пока же продолжались упорные бои, противник шаг за шагом теснил наши войска, которые с запада отходили глубже в город. Враг стал вползать за городскую черту. Наша оборона уже строилась непосредственно в городе, используя его строения — и дома, и иные сооружения. В командном пункте, который располагался на р. Царице, теперь стало небезопасно. Мы искали возможность перейти несколько глубже в тыл. Но в городе ничего подходящего не нашли, кроме места, которое находилось на самом берегу Волги (там теперь устроена набережная, и не осталось никаких следов нашего командного пункта). В береговом откосе были вырыты две траншеи. Это убежище строили для себя сталин-

градские чекисты, но не успели закончить, а только сделали углубления. Под землей эти два тоннеля должны были соединиться и образовать подкову. Но этого сделано не было, просто пробили две дыры и закрепили их деревом. Как ямы были брошены в процессе их строительства, такими мы их и заняли. Одну дыру тоннеля взяли мы с Еременко, во второй расположили небольшой обслуживающий штабной персонал.

Там были очень плохие условия для работы. Стоял элементарный столик, за ним сидели мы с командующим, а рядом с нами находился с рацией связной, молодой парнишка в летней грязной гимнастерке. Сидел он и монотонно повторял: «Я ландыш, я ландыш. Перехожу на прием». Так, не останавливаясь ни на минуту, повторял он все время эти слова, чтобы непрерывно поддерживать связь на случай, если потребуется отдать какое-то распоряжение. С нами тогда же был заместитель командующего Авиацией дальнего действия генерал Скрипко. Он получал задания, какие бомбить районы, и сейчас же передавал задания в авиачасти, которые и посылали к нам свои бомбардировщики. Раскладывались сигнальные костры, указывавшие, в каком месте нанести удары. Это очень помогало нашей пехоте.

Мы широко использовали там 85-мм зенитные пушки. Они хороши были и как зенитные, и как противотанковые орудия. Часть артиллерии находилась у нас на левом берегу, укрытая в лесу. Так как немцы подступили уже близко, она оказывала существенную помощь нашей пехоте, которая вела бои непосредственно в Сталинграде. У нас имелись кое-какие фронтовые средства в Волжской военной флотилии. Ею на нашем участке командовал контр-адмирал Рогачев. Потом мы нашли два дальнобойных орудия, которые были изготовлены артиллерийским заводом, но не вывезены в результате подхода немцев к Волге. Мы решили дать задание Рогачеву, чтобы он нашел обслуживающий персонал к этим двум пушкам и подвез снаряды из Камышина с тем, чтобы можно было вести огонь по противнику прямо с местонахождения пушек — на территории завода. Пушки были неподвижными и стреляли прямо с завода, пока не были выведены из строя авиацией противника.

Помню и такой эпизод. Потом мы часто шутили по этому поводу. Днем Скрипко приходил отдыхать. У нас стояла там железная кровать. Он располагался на этой кровати и спал, потому что он «ночной человек», связанный с дальней бомбардировочной авиацией: ночью работал, а днем отсыпался. Как-то мы с Еременко вызвали Рогачева и поставили задачу, куда открыть огонь из тех двух пушек. Он привел к нам командиров этих орудий. Когда все указания были даны, контр-адмирал, не знаю, зачем, скомандовал матросам: «Кру-гом!» Там в тоннеле лежала доска, они стояли на ней и «дали шаг». Загудел тоннель. Тут Скрипко вскочил, сразу надел планшет на шею, смотрит на нас, что же мы сидим спокойно? Я его успокоил: не разрыв бомбы, дескать, а так звучат в тоннеле матросские сапоги.

Дальнейшее наше с командующим пребывание в Сталинграде мы считали нецелесообразным. Мы были отрезаны от «большой» связи, а связь с левым берегом Волги была очень слабой, настоящего кабеля у нас не имелось. Лежал там какой-то легкий, который мы проложили подручными средствами через Волгу. Он обеспечивал лишь неустойчивый контакт. А совсем уехать на левый берег нам было просто так невозможно, потому что требовалось для того преодолевать всякий раз Волгу. Да и приезд к нам с докладами командующих и посыльных был сопряжен с такими же трудностями. Поэтому мы решили перенести весь свой командный пункт на левый берег. И когда составляли очередное боевое донесение, то приписали, что просим разрешить перенести командный пункт на левый берег. Там у нас был оборудован настоящий

командный пункт и имелся пункт связи со всеми армиями фронта. Послали донесение. Прошел день, ни слуху, ни духу. Мы повторили, и уж не знаю, сколько раз еще повторяли, но ответа все не поступало: ни запрета, ни разрешения.

Вот типичная тактика Сталина. Он был, наверное, против, но прямо о том не говорил. А ведь мы сами без его разрешения не могли оставить прежний командный пункт и перейти на левый берег. Потом Сталин позвонил по иному вопросу. Я в разговоре с ним сказал: «Товарищ Сталин, мы уже не раз просили вас разрешить нам перейти на левый берег. Генштаб ответа не дает. Я прошу разрешить нам это, потому что интересы командования требуют, чтобы мы перешли туда». Он отвечает: «Нет, это невозможно: если войска узнают, что командующий со штабом уехали из Сталинграда, то Сталинград падет». «Нет, товарищ Сталин, я смотрю на это не так, потому что сражаются ведь войска, а не штаб фронта. Тут же рядом с нами находится штаб 62-й армии, которой командует Чуйков. 62-я армия обороняет Сталинград. Мы назначили члена Военного совета фронта Гурова членом Военного совета этой армии с тем, чтобы усилить руководство ею. Мы абсолютно уверены, что Чуйков и Гуров вполне справятся со своей задачей и все сделают для того, чтобы не допустить противника занять Сталинград». Сталин: «Ну, хорошо. Если вы так уверены, что фронт будет держаться и оборона не будет нарушена, то разрешаю вам перейти на левый берег. Только оставьте в Сталинграде представителя штаба фронта, который докладывал бы вам, чтобы вы знали о положении дел через своего человека, а не только через командующего армией Чуйкова». Отвечаю: «Хорошо. Мы оставим первого заместителя командующего войсками фронта генерала Голикова».

Сталин хорошо знал Голикова и согласился. Стали мы готовиться к переезду. Подготовились за сутки и на рассвете переправились на лодках на левый берег. С нами было очень мало людей. Начальник штаба фронта уже давно находился на левом берегу. Начальником штаба тогда был Захаров. Он приехал к нам вместе с Еременко. Еременко относился к нему с уважением. Я его тоже уважал. Он заслуживал уважения за исключением одного своего порока: дрался, бил подчиненных ему офицеров. Этот порок поощрялся и со стороны Сталина, и со стороны Еременко, который знал настроения Сталина. Сталин, беседуя с Еременко, часто говорил, что надо «бить по морде». Когда такие указания выполняли недалекие люди, то это одно дело; но Захаров был образованный человек, имел хорошее военное образование и толково разбирался в военных вопросах. Если поговорить с ним, то он производил впечатление дельного человека, верно рассуждающего. Однако имелся за ним такой вот порок.

Воздушной армией командовал на фронте у нас Хрюкин. Молодой, высокий такой, очень приятный человек, Герой Советского Союза. Я считал, что он находится на своем месте, уважал его и поддерживал. Звание Героя он получил за участие в освободительной войне Китая против Японии. Он сражался в небе Китая на стороне Чан Кайши (мы тогда поддерживали Чан Кайши). Человек он был опытный, прежде служил летчиком-истребителем. Но воздушные силы у него в армии были ограниченные, самолетов имелось малое количество. Однако он самоотверженно дрался с врагом. Заместителем у него был тоже очень хороший летчик, Нанейшвили, грузин. Сам прежде тоже истребитель, но уже в летах, полный человек, летать он, конечно, был уже не способен. Как организатор он был очень хорош, к тому же порядочный и добросовестный человек и толковый генерал.

Мы с Еременко, вызвав Голикова, сказали ему, что получили разрешение перенести командный пункт фронта на левый берег Волги и

хотим, чтобы вы остались здесь, на прежнем командном пункте, сохранили связь с командующим 62-й армией и докладывали нам отсюда о положении дел. Сказали также, что он тут останется ненадолго. Мы полагали, что длительное пребывание его на правом берегу ничем не будет оправдано. Кроме того, это могло быть плохо расценено Чуйковым как командармом-62: он мог подумать, что оставлен человек, который был бы ему пилой от штаба фронта. Командующие не любят таких, как эти люди. Они действительно производят впечатление надоедливых соглядатаев. Чаще же всего о них говорят, что они попросту мешают работать. Тем более я уже увидел, что характер у Чуйкова крутой, и можно было ожидать всяческих эксцессов.

Наше предложение вывело Голикова из себя. Он страшно изменился в лице, однако сдержался и вышел из помещения, а потом улучил момент, когда я остался один, и обратился ко мне, буквально умоляя не оставлять его здесь. Я никогда еще никого не видел в таком состоянии за всю войну, ни одного человека — ни военного, ни гражданского. Он просил не оставлять его тут, мотивируя просьбу тем, что все погибло, все обречено: «Не бросайте меня, не оставляйте, не губите, разрешите мне тоже выехать», — умолял он, просто в недопустимом тоне. Я ему: «Послушайте, что вы говорите? Поймите, товарищ Голиков, здесь стоит целая армия, которая ведет упорные бои. Вы видите, как стойко она держится. Как же вы смеете говорить, что все обречено, что все погибло? Это не вытекает из обстановки, которую мы сейчас имеем на фронте. Вы видите твердость, с которой ведут бои наши войска. Это ведь не то прежнее положение, когда мы за день оставляли врагу добрый десяток километров территории. Здесь этого нет, да и не предвидится. Что же вы?» А он опять повторял одно и то же. Тогда я сказал: «Как вы себя держите?» Но на него ничто не действовало. Тогда я добавил, что есть решение Ставки, товарищ Голиков, которое должно выполнить. «Делайте, что приказано!» На этом разговор окончился. Разговор произвел на меня ужасное впечатление. А потом Голиков то же самое повторил при Еременко.

Одним словом, мы его оставили, а с ним — офицеров связи, сами же переехали на левый берег реки. Не помню, сколько дней прошло, как получили мы записку от офицера, который находился при Голикове и сообщал, что Голиков совершенно потерял голову и не владеет собой, ведет себя, как человек, утративший рассудок, лезет на стенку, поэтому его пребывание в армии не только не приносит пользы, а даже вредно: он заражает таким своим состоянием других. Этот офицер просил нас принять соответствующие меры. Получив такое сообщение, мы приказали Голикову, чтобы он покинул прежний командный пункт и переправился к нам. После этого у нас с Еременко отношение к Голикову резко изменилось: его состояние и такое его поведение наложили на это свой отпечаток. Потом вскоре произошел еще один случай, неблагоприятный для Голикова.

Сложилась тяжелая ситуация с переправой в войска боеприпасов и пополнения. Связь со Сталинградом через Волгу была очень трудной. Переправа обстреливалась вражеской артиллерией и подвергалась авиабомбежке на всех участках. Нами принимались особые меры, чтобы обеспечить нормальный подвоз боеприпасов, продовольствия и пополнения. Однажды мы приказали Голикову, чтобы он поехал туда и сам обеспечил переправу. Да, условия были тяжелые, это я понимал. Однако он, поехав, не выполнил задания, вообще ничего не сделал, потом приехал и доложил, что противник очень сильно бомбил или обстреливал переправу, так что ничего не получилось. Раньше мы посылали туда с тем же заданием офицеров, и те хотя и с трудом, но что-то делали. И мы вынесли Голикову выговор за невыполнение указания

о перевозке боеприпасов. Голиков, видимо, пожаловался на нас Сталину, но тогда ни я с ним, ни он со мной не вели бесед на эту тему и не объяснялись.

Однажды случилось еще и так. Мы с Еременко выехали на берег Волги, к речной флотилии, вооруженной пушками. Прибыли в район Рынок и наблюдали, как используется артиллерия флотилии. Она там особой роли не играла из-за своей малочисленности. Но, как говорится, на безрыбье и рак рыба. Мы считали, что это одна из наших опор — артиллерия речной флотилии. А когда возвращались обратно, смотрим — едет Голиков навстречу. Мы остановились, и он вышел из машины. «Куда едете?» «Еду на аэродром, улетаю в Москву. Хорошо, что встретились, я хочу с вами попрощаться». «Как это вы вдруг уезжаете?» «А вот, я получил предписание товарища Сталина прибыть в Москву». «Да ведь мы случайно с вами встретились. А то бы вы уехали, а мы и не знали бы, где искать вас, где вы находитесь». «Я получил приказ и уезжаю!» И уехал. Конечно, мы посудачили потом отнюдь не в пользу Голикова. Ведь если бы он был на месте командующего войсками, то тоже остро реагировал бы на человека, который так поступил. Ну, что ж теперь, уехал, так уехал, и нечего больше разговаривать. Мы ведь беседовали с ним только о форме поведения, а по существу ничего не имели против его отъезда.

Спустя какое-то время нам прислали нового заместителя командующего, генерала Попова Маркиана Михайловича. Раньше Попов командовал армией на другом фронте; какой номер этой армии, сейчас не помню. О Попове у меня остались наилучшие воспоминания. Я с ним вместе много работал, когда было принято решение подготовить наши войска для окружения группировки Паулюса. Сосредоточение войск, поездки в эти войска — все это мы делали вместе с Поповым. У Еременко уже была больная нога, ездить и ходить ему было трудно, поэтому он на дальние расстояния не выезжал. А когда выезжал, то я видел, что это для него затруднительно, и не хотел побуждать его ездить туда, где можно было обойтись без его поездки. А Попов — здоровый, еще молодой человек. Ему, как говорится, и карты в руки. Человек он был знающий военное дело.

Позвонили из Москвы, чтобы я приехал. Прибыл в Москву, встретился со Сталиным. Сталин начал меня упрекать, что я допускаю неправильное отношение к генералам, что не защищаю их и т. п. Говорю: «О чем и о ком идет речь? О каком именно генерале? Что Вы имеете в виду? Я, собственно, таких случаев не знаю». «Вот, например, Голиков. Мы вам послали Голикова, а к Голикову вдруг такое отношение». Главным образом Сталин напирал при этом на Еременко: такой он сякой, и прочее. Я был поражен. Прежде Сталин буквально боготворил Еременко, носился с ним, выставлял его как самого хорошего боевого генерала, сам мне об этом говорил, когда мы искали, кого назначить командующим войсками Сталинградского фронта. И вдруг — такое! Правда, прошло уже немало времени после того разговора, противник вполз в Сталинград, бои велись в самом городе. Но это были упорные бои: мы несли потери, и противник тоже нес потери, Сталинград не взял и не возьмет, если нам, конечно, будут оказывать помощь.

Отвечаю: «Товарищ Сталин, я не знаю, что вам рассказывал Голиков, я же должен вам сказать, что если Голиков говорил, что к нему сложилось такое отношение, тогда и я обязан рассказать о причинах нашего плохого отношения к Голикову». И я рассказал о событиях в связи с оставлением фронтового командного пункта в Сталинграде: как мы с ним беседовали, как Голиков держал себя, как выражал абсолютную неуверенность в нашей победе, выказывал даже обреченность и буквально со слезами умолял не оставлять его там. Сталин посмотрел

на меня с удивлением. Я понял, что он не допускал такой мысли, не знал этого. Я продолжал: «Поэтому наказание, которое мы наложили на Голикова, было обосновано. Я, собственно, и не понимаю, почему вы так обрушились на Еременко и на меня. Я защищаю, кого следует; но не могу защищать тех, кто заслуживает осуждения». «Ну, вот, а мы решили снять Еременко». «Если, товарищ Сталин, вы решили отменить наше решение, вы, конечно, сделаете это, но это будет неправильно». «Почему?» «О Еременко существуют разные мнения. Как почти у каждого человека, у него много противников, которые не уважают его. Я же, будучи членом Военного совета, прошел с ним через ответственный момент и считаю, что он как командующий войсками (не буду говорить о других качествах, потому что на войне главное — военные качества) вполне отвечает своему назначению и положению. Он оперативен, со знанием дела руководит войсками. Вы посмотрите, как организована оборона Сталинграда, и осуществляется она сейчас тоже хорошо. Это ведь заслуга командующего». Привел я и другие доводы.

Сталин сначала заседал, но потом стал сдавать, отступать и в конце концов прекратил нападать на меня. Пора мне уезжать, и он сказал: «Можете лететь». Когда мы прощались, он пожал мне руку: «Хорошо, что мы вас вызвали. Если бы мы вас не вызвали, то сняли бы Еременко. Я уже решил снять его. Ваши доводы, ваши возражения убедили меня. Надо его оставить». Отвечаю: «Очень правильно делаете, товарищ Сталин, очень правильно». Я сейчас не стану рассказывать, как я противопоставлял военные качества Еременко тем другим, которые как плохие называл Сталин. «Ладно, оставим его». И я улетел. Таким образом, оказалось, что все это было навеяно рассказами Голикова. Я был просто удивлен. Я высоко ценил партийные качества Голикова, и у меня не было оснований сомневаться в них. Но, когда он допустил такую вещь, доложил о своей деятельности очень субъективно, я изменил свое мнение и о его партийных качествах. Если бы он рассказал Сталину хотя бы десятую часть того, что говорил мне и Еременко, когда мы его оставляли на правом берегу, то Сталин и разговаривать с ним не стал бы. А Голиков вместо того, чтобы правильно оценить свою слабость, все свалил на командующего войсками и на меня. Думаю, что Сталин спросил его: «Ну, ладно, Еременко, а как Хрущев?» — «А Хрущев тоже не защищал меня. Он с Еременко заодно». Если он так ответил, то это было верно, в этом вопросе мы были заодно с Еременко. Тут каждый честный человек мог занять только такую позицию.

Я вернулся на Сталинградский фронт. У нас продолжалась подготовка к окружению группировки немцев. Как возникла мысль об окружении там противника? Не говорю, что она возникла только у нас, то есть у меня и Еременко, нет, она, возможно, возникала и у других. Но в целом этот вопрос назрел. Чем это было вызвано? А вот чем. Бои на Сталинградском фронте затянулись. Противник сосредоточил усилия на довольно узком направлении. Это говорило о его слабости: на широком фронте он наступательных операций вести не мог и бросал живую силу в город, как в мясорубку. Самые тяжелые бои велись в самом городе. А там обороняющимся было легче, чем тем войскам, которые наступали. От наших войск мы получали донесения, что у противника на флангах его группировки — очень жиденькая оборона. Мы посылали туда разведку. Наша разведка переправлялась через Дон и довольно глубоко забиралась в тыл к немцам. Не всегда она докладывала правильно. Мы ловили их на слове, когда разведчики просто вралли и не были в тех пунктах, о которых докладывали. Но это являлось исключением. Как правило, разведка работала добросовестно и докладывала правильно. Она сообщала, что за Доном войск противника нет. На левом фланге фронта у нас стояла 51-я армия. Там тоже была сла-

бая оборона у противника. Главным образом, там находились румыны — очень неустойчивое войско. Командующий 51-й армией докладывал, что там у врага слабые силы, и он мог бы разделаться с ними.

Мы решили проверить боем, насколько устойчиво это направление у противника, и приказали командующему 51-й армией провести такое испытание, а кроме того, специально вызвали командира одной из дивизий, перед которым поставили задачу — на каком направлении нанести удар и какими силами. Строго приказали ему, если удар окажется успешным, чтобы он не продвигался вглубь больше чем на такую-то глубину. Если появятся пленные, то вести себя с пленными корректно, чтобы не оставить «следов», которые мог бы использовать затем противник. Командир дивизии, хороший такой человек лет 45, коренастый и полный, основательно поседевший, но бодрый и крепкий, отвечает: «Хорошо, я все выполняю». Он быстро организовал удар и легко смял противника, углубился в его оборону и даже «перевыполнил» план, хотя мы его предупреждали, чтобы он этого не делал: захватил много пленных, расстрелял их. И потом противник это использовал в целях агитации против нас. Когда мы это узнали, то раскритиковали его. А он отвечает: «А куда я их дену?» Это, конечно, были неправильные действия. Противник позднее взял представителей солдат из разных своих дивизий, приводил их на это место и показывал: вот, мол, русские, не берут в плен, а расстреливают пленных. Немцы утрировали этот случай, усиливали его значение, пугая свои войска, чтобы те не сдавались в плен.

В целом наши войска прочно держали линию обороны, потому что она была уже подоборудована. Это вновь нас подбодрило. Мы видели, что имеем возможность нанести удар на флангах противника и изменить положение дел под Сталинградом. Тогда мы с Еременко написали Сталину докладную, где высказали свое мнение. Это мнение сводилось примерно к следующему: по нашим данным, включая данные той разведки, которую мы забрасывали в тыл противника, и разведки боем, которой мы прощупывали устойчивость обороны противника, — у немцев за Доном пусто; сил, на которые они могли бы опереться, там нет. Мы не знаем, чем располагает Ставка, но если найти войска, которые можно было бы сосредоточить восточнее Дона и ударить отсюда к Калачу, а нам с юга ударить по южному крылу противника, то можно было бы окружить врага, который ворвался в город и ведет бои в самом Сталинграде. Чем располагала Ставка и были ли у нее такие возможности к тому времени, мы просто не знали. Знали только, что нам очень тяжело и что нам дают подкреплений очень мало. А если нам дают мало, значит, давать нечего. Так мы думали. И у нас возникла мысль — не ломимся ли мы в открытую дверь, потому что не знаем реального положения, которое сейчас сложилось в стране?

Спустя какое-то время к нам приехал Жуков. Он рассказал, что в Ставке имеется замысел, аналогичный тому, который мы с Еременко изложили в своей докладной, и предупредил нас, что об этой операции не должен никто знать и что он прилетел специально предупредить нас об этом. В данном случае подозрительность Сталина была полезна: чем меньше знает людей о готовящейся операции, тем лучше для самой операции. Жуков показал по карте, на каком участке должен будет нанести удар Сталинградский фронт. Это было как раз направление действий 51-й армии. Мы тоже считали, что нам ударить надо оттуда, где мы уже провели успешную разведку боем. Там лежит озеро Цаца. Южнее него вдоль линии обороны, которую занимала 51-я армия, есть возвышенность. Ее занимали румыны, у восточного же подножия располагалась наша оборона. Это нас не смущало: возвышенность была не большая, к тому же там протянулись прикалмыцкие степи.

Кто бывал в тех местах, знает, что там простым глазом можно видеть вдаль на 20 километров, все просматривается насквозь. И я спрашиваю Жукова: «А что нам дадут для выполнения задачи?» Жуков: «Вы получите механизированный корпус в составе 100 с лишним танков, пехоты на автомашинах и артиллерии по штату, что положено. Потом получите кавалерийский корпус, он сейчас на подходе, им командует генерал Шапкин. Еще есть боеприпасы. И что-то дадут из пехотных частей, но очень мало». Все это он рассказывал нам с Еременко. Потом мы с ним поехали в район намечаемого наступления, ознакомиться с условиями рельефа. Там все проглядывается, все видно, и нигде ни дерева, ни кустика. Я говорю: «Если будут войска, которые вы нам даете, плюс то, что мы имеем у себя, то у меня складывается полная уверенность, что мы прорвем оборону, сомнем противника и выполним свою задачу».

Мы должны были сначала занять хутор Советский, неподалеку от Калача-на-Дону. Советский я хорошо знал, мы еще не так давно сами были в Советском. С севера Ватутин должен был спуститься со своими войсками по Дону и занять Калач. Мы же ударом на Советский облегчали выполнение задачи Юго-Западного фронта. Вот такой сложился план. Успех операции не вызывал сомнений. Мы были уверены, что немцы в Сталинграде будут окружены. С Жуковым у меня были, повторяю в который раз, очень хорошие отношения, и я ему сказал: «Товарищ Жуков, мы-то сделаем свое дело и окружим немцев. Надо полагать, что войска противника, когда окажутся в окружении, захотят вырваться. Куда им идти? Они не пойдут прорываться из окружения на север, они пойдут на юг. Чем мы их будем держать? У нас удержать их нечем. Они нас раздавят, вырвутся и уйдут». Жуков улыбнулся, посмотрев на меня, и отреагировал русской словесностью довольно крепкого концентрата и резкого содержания, добавив: «Пусть уходят, нам то нужно, лишь бы они ушли, нам бы только Сталинград и Волгу высвободить». Я ему: «Это верно, это наша первая задача, но если бы нам дали больше средств, то можно было бы и перемолоть силу, которая навалится на нас и будет прорываться». «Больше,— отвечает,— дать мы вам ничего не сможем». «Ну, хорошо». Жуков уехал.

Об операции знало очень ограниченное число людей, буквально считанное количество. Мы продолжали готовиться и ожидали механизированный корпус генерала Вольского. Корпус был на подходе. Я познакомился с Вольским. На меня он произвел очень хорошее впечатление: знающий человек. Мне хорошо отрекомендовали его и другие лица. О нем говорили, что это большой сторонник использования танковых войск и разбирается в методах применения танков в современной войне; что на него можно положиться; что он покажет себя здесь с должной стороны. Вот подошел корпус. Мы назначили ему место переправы у большого села с высоким берегом, там были приготовлены съезд и паромная переправа. Переправившись, корпус мог оттуда двигаться к месту сосредоточения у Сарпинских озер.

Потом к нам прибыл Тимофей Тимофеевич Шапкин, старый русский воин, человек уже в годах, среднего роста, с окладистой бородой. У него сыновья уже были не то генералы, не то полковники. Сам он служил в царской армии, воевал в первую мировую войну. Еременко говорил мне, что он имел четыре Георгиевских креста. Одним словом, боевой человек. Когда он нам представлялся, на его груди Георгиев не было, но три или четыре ордена Красного Знамени украшали его грудь. Я встретил его с большим уважением и почтением, умиленно смотрел на него и слушал рассказы старого воина. С ним пришел и его заместитель, молодой, красивый и очень подготовленный человек, туркмен по национальности. Это был уже современный человек, он был душой кав-

корпуса, но не успел повоевать, был убит. Когда начались новые бои, он был уже мертв: при подготовке операции разъезжал по своим частям, и на одном переезде его с воздуха расстрелял в его автомашине «мессершмитт». Я очень жалел этого генерала. Однако не он был первым, не он и последним. Многих поубивал противник таким образом.

Как же готовилась эта операция? Прилетел к нам Василевский. К тому времени прибыл уже и Вольский, прибыл Шапкин с кавалерийским корпусом. Накапливались боеприпасы, артиллерия. Одним словом, то, что должны были получить, мы уже в основном получили. Мы с Василевским и Поповым поехали втроем к Вольскому. То была наша главная сила. Поехали мы проинформироваться и посмотреть, как обстоят у него дела. Наступила осень. На юге, под Сталинградом, осень, оказывается, бывает очень холодной и дождливой, с пронизывающим ветром. Части Вольского уже переправились через Волгу и разместились в указанном селе. Противник бомбил их, но не сильно. Видимо, не заметил, когда Вольский переправлялся со своими танками. Иначе враг мог бы нанести при переправе довольно существенный урон. Волга там широкая, берега крутые, не так-то легко перебраться на правый, высокий берег. Доклад Вольского произвел на нас приятное впечатление. Мы поговорили с танкистами. Было видно, что люди готовы к делу и рвутся в бой.

На обратном пути мы, замерзнув, заехали погреться к Попову. Попов имел свой командный пункт недалеко от места высадки, справа от мехкорпуса. Как раз тогда у него был день рождения. Мы с Василевским ехали в принципе к Толбухину, в 57-ю армию. В штаб фронта я не поехал потому, что это было далеко. Штаб фронта тогда находился на левом берегу Волги, в районе Ахтубы, в местечке Райский Сад. Я редко бывал в то время в штабе фронта, больше у Толбухина, как раз неподалеку от переправы. Войска, которые сосредоточивались для удара, тоже находились в этом районе. Поэтому удобнее всего было расположиться у Толбухина. Но Попов стал уговаривать нас: «Ну, хоть на полчаса заезжайте, у меня день рождения, я очень хотел бы, чтобы вы зашли сегодня, потом поедете». Ну, мы и заехали.

Известное дело, раз день рождения, да еще в обстановке предстоящего наступления! Мы поздравили его и довольно много выпили. Я видел, что Маркиан Михайлович доволен своим днем рождения. К сожалению, он увлекался выпивкой больше, чем позволяли его здоровье и интересы дела. Если бы у него не было этого недостатка, то он с большей пользой смог бы приложить свои способности на благо Вооруженных Сил. Я считал его очень одаренным человеком. Чудесным, интересным человеком. Но он выпивал. Он сам знал этот свой недостаток, да и все это знали. Мы, действительно, недолго задержались у Попова, сели в машину, завернулись в бурки (хорошее средство защиты от сталинградских ветров) и поехали к Толбухину. Приехали поздно, обогрелись. У Толбухина была вырыта в речном берегу хорошая баня.

Развернулась подготовка к наступлению. С каждым днем у нас растала уверенность в успехе. Мы ждали дня наступления как торжества. Абсолютно были убеждены, что это наступление принесет нам радость, хотя еще не вполне конкретно представляли себе глубину радости. А это стало потом радостью для всего прогрессивного человечества, которое прилагало свои усилия для победы над Гитлером. Я был удивлен ранними заморозками. Рано, очень рано начали появляться льды на Волге. Было холодно, особенно ночью и по утрам. Днем же пригревало солнце и становилось тепло. Наступление должно было начаться 19 ноября, но потом для нашего фронта начало было перенесено на 20 ноября. Так потом и случилось. Вечером 7 ноября мы с Василевским приехали к Толбухину и узнали, что утром 7 ноября состоя-

лось торжественное заседание в Москве и что на нем выступил Сталин с докладом. Это нас приободрило. Мы радовались, что жизнь в столице нормализуется, что столица чувствует себя уверенно и что доклад был сделан именно Сталиным.

Подготовка к наступлению шла полным ходом. Торопились, сосредоточивали войска, лучше овладевали техникой, особенно в танковых войсках. Обучали солдат практическим действиям, однако не в поле, а на картах, потому что в поле выводить танки было невозможно. Вывести их — значит привлечь внимание авиации противника и понести потери, а главное — преждевременно насторожить противника. Главным условием успеха была внезапность нашего удара. Каждый род войск, каждая воинская часть готовили себя, чтобы задача, которая была поставлена, была бы решена как можно быстрее, эффективнее и с меньшими потерями. Мы неоднократно выезжали в части вместе с Поповым. Ездили и с Еременко, несмотря на трудности, которые он с большой ногой встречал при поездках. Мы отправились с ним даже в самое отдаленное место, 51-ю армию. Командовал ею генерал Труфанов. Я потом встречался с ним уже после войны, когда мы с Микояном и Булганиным летали на Сахалин. Труфанов командовал там войсками.

Приехав, мы опять же занимались разбором предстоящей операции. Труфанов докладывал план того, как он будет действовать. Мы проверяли, какие части прибыли и в каком состоянии. Одним словом, разбирали все вопросы, которые связаны с успешным решением задач, поставленных перед фронтом. Труфанов должен был нанести удар в юго-западном направлении и прорвать румынскую линию обороны. Основные наши силы в 51-й армии — механизированный корпус Вольского, пехотные дивизии Труфанова и кавалерийский корпус. Этого недостаточно, чтобы удержать противника в кольце после окружения, если тот навалится на нас для прорыва на юг. Но вполне достаточно, чтобы, прорвав оборону, решить основную задачу: выйти механизированным корпусом на Советский и там соединиться с войсками Ватутина — войсками Юго-Западного фронта, которые должны были спуститься на юг по правому берегу Дона.

Все было четко рассчитано. Сейчас уже не помню, сколько отводилось нам времени на артиллерийскую подготовку. Может быть, два часа, может быть, и меньше. Не помню также, сколько мы имели боекомплектов снарядов для этого, но мы считали, что выделенного достаточно для решения задачи. Вспомогательный, отвлекающий удар был организован на участке 57-й армии Толбухина. Здесь наших сил имелось очень мало. Задача заключалась в том, чтобы сковать, а если удастся, то и ввести противника в заблуждение. Главное, чтобы он не перебросил с этого участка войска на направление нашего главного удара. Решили, что я и генерал Попов выезжаем в 51-ю армию, на участок главного удара, а Еременко выедет поближе к Толбухину, который наносил вспомогательный удар. Начальник штаба Захаров выедет в 28-ю армию, в Астрахань. Там тоже намечалось провести демонстрацию наступления с тем, чтобы сковать противника.

Мы много тогда думали и беседовали с Василевским об этой операции. Он был приятным собеседником. С ним можно было говорить по всем вопросам. Вдруг за день до начала операции позвонил Сталин. Мы должны были ночью 19 ноября выехать в пункты, каждый в свой, откуда будет начато наступление каждой из групп войск. Сталин спросил меня: «Куда поедет начальник штаба Захаров?» «Мы решили, что он поедет в Астрахань. Это спокойный участок, но нужно все-таки поехать к Герасименко, с тем чтобы на месте все проверить и начать успешно действовать. Я с Поповым выезжаю на участок главного удара, в 51-ю армию, к генералу Труфанову. Еременко выезжает к

Толбухину, на участок вспомогательного удара». Сталин не сделал никаких замечаний и только сказал: «Вы предупредите генерала Захарова, чтобы он там не дрался». Мне было довольно странно услышать от Сталина такое замечание. Он так сказал впервые, а больше я от него этого не слышал. Видимо, у него тогда наметился какой-то поворот. Он ведь всегда говорил, что надо «бить морду». «Что вы его слушали? Морду бы ему набить!» Этот мордобой прививался командному составу. Пользовались этой рекомендацией Сталина и Еременко, как я уже рассказывал, и Захаров, и другие лица. Многим пользовались. И вдруг Сталин говорит: «Вы ему скажите, чтобы он там не дрался».

И я рассказал Василевскому, что, вот, Сталин так сказал. Мы посмеялись над этим, потому что Василевский тоже хорошо знал позицию Сталина в этом вопросе. Сталин не любил, чтобы такое его указание рекламировали, хотя и толкал всех, с кем соприкасался, на это. Потом мы стали думать, как же сказать про это Захарову? Как преподнести ему эту пилюлю? Я предложил: «Товарищ Василевский, давайте порекомендуем, чтобы это сказал Еременко. Не вы и не я, а пусть Еременко. Еременко сам толкал его на такие действия и сам этим пользовался, поэтому пусть он сам и скажет». Захаров был большим любимцем у Еременко. Нужно заметить, что как военнослужащий Захаров заслуживал уважения. Я к нему тоже хорошо относился, за исключением этого недостатка, который знал за ним и который возмущал меня. И я сообщил Андрею Ивановичу: «Сталин позвонил и спросил, куда мы разъезжаемся. Он, наверное, и с Вами разговаривал?» «Да, он со мной тоже разговаривал». «Не знаю, говорил ли он вам, мне же сказал еще и о том, чтобы предупредить генерала Захарова, чтобы Захаров не позволял себе драться, когда поедет в 28-ю армию, а если позволит это себе, то будет наказан. Лучше всего, Андрей Иванович, именно вам сказать это Захарову и предупредить его».

Еременко принял от меня такой совет очень настороженно. Говорил ли с ним Сталин и говорил ли об этом, не знаю. Может быть, и не говорил. Может быть, он только мне сказал это. Какие соображения были у Сталина, не знаю. Вечером мы сошлись в землянке Еременко: он, Захаров, Василевский и я. Вносились последние уточнения в план. Докладывал Захаров. Все вопросы обсудили, надо было разъезжаться. Ехать всем, особенно Захарову, было далеко. Я смотрю на Еременко. Осталось только одно: чтобы Еременко сообщил условленное Захарову. А он не говорит, у него язык не поворачивается. Я ему: «Ну, Андрей Иванович, надо разъезжаться». «Да, надо разъезжаться». Я: «Так мы поехали. По-моему, все ясно?» «Да, все». Одним словом, тянет он. Я стал уже беспокоиться. «Ну, Андрей Иванович, нам надо разъезжаться и следует сказать товарищу Захарову, как же?» «Да, да». И Еременко вдруг принял официальную позу и повернулся к Захарову. А они были большими приятелями. «Смотрите, товарищ генерал, вот вы поедете в 28-ю армию, так не позволяйте себе бить там людям морды. Иначе дело для вас плохо обернется». Тут Захаров немного приподнял голову, но глаза опустил: «Да что же я уговаривать буду, что надо наступать?» Опять Еременко: «Товарищ генерал!» Тогда и я реплику подал, и Василевский поддержал, что, мол, товарищ Захаров, нужно вести себя сдержанно, иначе это может обернуться для вас неприятностью. Он пробурчал в ответ что-то невнятное. Трудно ему было такое замечание пережить. Я понимал, что это унижает человеческое достоинство и достоинство генерала, но вызвано это замечание было действиями, которые он себе позволял. А ведь такие действия и унижают больше всего достоинство человека и достоинство воина.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Генерал А. И. Деникин

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ И АРМИИ. Февраль — сентябрь 1917

ТОМ ПЕРВЫЙ. ВЫПУСК ВТОРОЙ

Глава XXXIV. Генерал Корнилов

Через два дня после могилевского совещания генерал Брусилов был уволен от должности Верховного главнокомандующего. Опыт возглавления русских армий лицом, проявлявшим не только полную лояльность к Временному правительству, но и видимое сочувствие его мероприятиям, не удался. Отставлен военачальник, который некогда, при вступлении на пост Верховного, свое провиденциальное появление формулировал так*: «Я вождь революционной армии, назначенный на мой ответственный пост революционным народом и Временным правительством, по соглашению с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Я первым перешел на сторону народа, служу ему, буду служить и не отделюсь от него никогда».

Керенский в показаниях, данных следственной комиссии, объяснил увольнение Брусилова катастрофичностью положения фронта, возможностью развития германского наступления, отсутствием на фронте твердой руки и определенного плана, неспособностью Брусилова разбираться в сложных военных событиях и предупреждать их, наконец, — отсутствием его влияния как на солдат, так и на офицеров. Как бы то ни было, уход Брусилова с военно-исторической сцены отнюдь нельзя рассматривать как простой эпизод административного порядка: он знаменует собой явное признание правительством крушения всей его военной политики.

19 июля постановлением Временного правительства на пост Верховного главнокомандующего был назначен генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов.

Я говорил в VII главе о своей встрече с Корниловым — тогда главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Весь смысл пребывания его в этой должности заключался в возможности приведения к сознанию долга и в подчинение Петроградского гарнизона. Этого Корнилову сделать не удалось. Боевой генерал, увлекавший своим мужеством, хладнокровием и презрением к смерти — воинов, был чужд той толпе бездельников и торгашей, в которую обратился Петроградский гарнизон. Его хмурая фигура, сухая, изредка лишь согретая искренним чувством речь, а главное — ее содержание — такое далекое от головокружительных лозунгов, выброшенных революцией, такое

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—11.

* 9 июня — ответ на приветствие Могилевского совета.

простое в исповедовании солдатского катехизиса — не могли ни зажечь, ни воодушевить петроградских солдат. Неискушенный в политиканстве, чуждый по профессии тем средствам борьбы, которые выработали совместными силами бюрократический механизм, партийное сектанство и подполье, он, в качестве главнокомандующего Петроградским округом, не мог ни повлиять на правительство, ни импонировать Совету, который без всяких данных отнесся к нему с места с недоверием.

Корнилов сумел бы подавить петроградское преторианство, если бы в этом случае и сам не погиб, но не мог привлечь его к себе. Он чувствовал непригодность для него петроградской атмосферы. И когда 21-го апреля исполнительный комитет Совета, после первого большевистского выступления, постановил, что ни одна воинская часть не может выходить из казарм с оружием без разрешения комитета, это поставило Корнилова в полную невозможность оставаться в должности, не дающей никаких прав и возлагающей большую ответственность. Была и другая причина: главнокомандующий Петроградского округа подчинялся не Ставке, а военному министру. 30 апреля ушел Гучков, и Корнилов не пожелал оставаться в подчинении у Керенского — товарища председателя Петроградского Совета.

Положение петроградского гарнизона и военного командования в столице было настолько нелепым, что приходилось искусственными мерами разрешать этот больной вопрос. Ставкой, совместно со штабом Петроградского округа, по инициативе Корнилова и с полного одобрения генерала Алексеева, был разработан проект организации Петроградского фронта, прикрывающего доступы к столице через Финляндию и Финский залив. В состав этого фронта должны были войти войска Финляндии, Кронштадта, побережья, Ревельского укрепленного района и Петроградского гарнизона, в котором запасные батальоны предполагено было развернуть в полевые полки и свести в бригады; вероятно, было и включение Балтийского флота. Такая организация, логичная в стратегическом отношении, в особенности в связи с поступавшими сведениями об усилении германского фронта на путях к Петрограду, давала главнокомандующему законное право видоизменять дислокацию, производить смену фронтовых и тыловых частей и т. д.

Не знаю, возможно ли было таким путем действительно освободить столицу от гарнизона, который становился настоящим бичом ее, Временного правительства и даже, в сентябрьские дни, небольшевистской части Совета... Правительство донельзя опрометчиво связало себя обещанием, данным в первой его декларации, «неразоружения и невывода из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении». Но план рухнул сам собой с уходом Корнилова: его заместители, последовательно назначаемые Керенским, были настолько неопределенной политической физиономии и настолько недостаточного военного опыта, что ставить их во главе такого крупного войскового соединения не представлялось возможным.

В последних числах апреля, перед своим уходом, Гучков пожелал провести Корнилова на должность главнокомандующего Северным фронтом, освободившуюся после увольнения генерала Рузского. Генерал Алексеев и я были на совещании с Тома и французскими военными представителями, когда меня пригласили к аппарату Юза для беседы с военным министром. Так как генерал Алексеев оставался в заседании, а больной Гучков лежал в постели, то переговоры, в которых я являлся посредником, были чрезвычайно трудны, и технически и по необходимости, ввиду не прямой передачи, облекать их в несколько условную форму. Гучков настаивал, Алексеев отказывал. Не менее шести раз я передавал их реплики сначала сдержанные, потом повышенные.

Гучков говорил о трудности управления наиболее распушенным Северным фронтом, о необходимости там твердой руки. Говорил, что

желательно оставить Корнилова в непосредственной близости к Петрограду, ввиду всяких политических возможностей в будущем... Алексеев отвечал категорическим отказом. «Политические возможности» обошел молчанием, а сослался на недостаточный командный стаж Корнилова и неудобство обходить старших начальников — более опытных и знакомых с фронтом, как, например, генерала Драгомирова (Абрама). Когда на другой день, тем не менее, из министерства пришла официальная уже телеграмма по поводу назначения Корнилова, Алексеев ответил, что он категорически не согласен; а если назначение все же последует помимо его желания, то он немедленно подаст в отставку.

Ни разу еще Верховный главнокомандующий не был так непреклонен в сношениях с Петроградом. У некоторых, в том числе у самого Корнилова, как он мне впоследствии признался, невольно создалось впечатление, что вопрос был поставлен несколько шире, чем о назначении главнокомандующего,.. что здесь играло роль опасение «будущего диктатора». Однако сопоставление этого эпизода с фактом учреждения для Корнилова Петроградского фронта — обстоятельство, не менее значительное и также чреватое всякими возможностями — находится в полном противоречии с подобным предположением. Корнилов в начале мая принял 8-ю армию на Юго-западном фронте. Генерал Драгомиров был назначен главнокомандующим Северного фронта. Это — второй эпизод, дающий ключ к разгадке установившихся впоследствии отношений между генералами Алексеевым и Корниловым.

8-ю армию Корнилов, по его словам, принял в состоянии полного разложения. «В течение двух месяцев,— говорит он,— мне почти ежедневно пришлось бывать в войсковых частях, лично разъяснять солдатам необходимость дисциплины, ободрять офицеров и внушать войскам необходимость наступления... Тут же я убедился, что твердое слово начальника и определенные действия необходимы, чтобы остановить развал нашей армии. Я понял, что этого твердого слова ожидают офицеры и солдаты, сознательная часть которых уже утомилась от полной анархии»...

При каких условиях проходили объезды Корнилова, мы уже видели в главе XXIII. Удалось ли ему за это время пробудить сознание в солдатской массе — не думаю: в 8-й армии Калуш 28 июня и Калуш 8 июля являют одинаково лик героя и лик зверя. Но среди офицерства и небольшой части настоящих солдат его обаяние выросло весьма значительно. Выросло оно также во мнении несоциалистической части русского общества. И когда после разгрома 6 июля, назначенный на крайне ответственный пост главнокомандующего Юго-западным фронтом только в порядке непротивления демократизации армии, генерал Гутор впал в отчаяние и протрацию, то его заменить было некем, кроме Корнилова (в ночь на 8 июля). ...Хотя призрак «генерала на белом коне» витал уже в воздухе и смущал душевный покой многих.

Брусиков сильно противился этому назначению. Керенский минуту колебался. Но положение было катастрофическим. А Корнилов смел, мужественен, суров, решителен, независим и не остановится ни перед какими самостоятельными действиями, требуемыми обстановкой, и ни перед какой ответственностью. По мнению Керенского *, опасные в случае успеха качества идущего на пролом Корнилова — при паническом отступлении могли принести только пользу. А когда мавр делает свое дело, с ним можно ведь и расстаться... И Керенский настоял на назначении Корнилова главнокомандующим Юго-западного фронта.

На третий день повступления в должность Корнилов телеграфировал Временному правительству: «Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и лишит меня единственного средст-

* Показание следственной комиссии.

ва спасти армию и использовать ее по действительному ее назначению защиты Родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего»...

Ряд политических телеграмм Корнилова произвел огромное впечатление на страну и вызвал у одних страх, у других злобу, у третьих надежду. Керенский колебался. Но... поддержка комиссаров и комитетов... Некоторое успокоение и упорядочение Юго-западного фронта, вызванное, между прочим, смелой, решительной борьбой Корнилова с армейскими большевиками... То удручающее одиночество, которое почувствовал военный министр после совещания 16 июля... Бесплезность оставления на посту Верховного — Брусилова и безнадежность возглавления вооруженных сил генералом новой формации, уже доказанная опытом Брусилова и Гутора... Настоятельные советы Савинкова... Вот ряд причин, которые заставили Керенского, ясно отдававшего себе отчет в неизбежности столкновения в будущем с человеком, всеми фибрами души отрицавшим его военную политику, решиться на назначение Верховным главнокомандующим Корнилова. Не подлежит никакому сомнению, что Керенский сделал этот шаг только в порыве отчаяния. Такое же чувство обреченности руководило им, вероятно, при назначении управляющим военным министерством Савинкова.

Столкновения начались раньше, чем можно было ожидать. Получив указ о своем назначении, Корнилов тотчас же послал Временному правительству телеграмму, в которой «докладывал», что принять должность и «привести народ к победе и приближению справедливого и почетного мира» он может только при условиях: 1) Ответственности перед собственной совестью и всем народом. 2) Полного невмешательства в его оперативные распоряжения и поэтому — в назначение высшего командного состава. 3) Распространения принятых за последнее время мер на фронте и на все те местности тыла, где расположены пополнения армии. 4) Принятия его предложений, переданных телеграфом на совещание в Ставку 16 июля.

Прочтя в свое время в газетах эту телеграмму, я был немало удивлен содержанием первого пункта требований, устанавливавшего весьма оригинальную государственную-правовую форму суверенитета верховного командования впредь до Учредительного собрания. И ждал с нетерпением официального ответа. Его не последовало. Как оказалось, в совете правительства, по получении ультимативного требования Корнилова, шли горячие дебаты, причем Керенский требовал для поддержания авторитета верховной власти немедленного устранения нового Верховного главнокомандующего. Правительство не согласилось, и Керенский, обойдя молчанием другие пункты телеграммы, ответил лишь на 2-й — признанием за Верховным главнокомандующим права выбора себе ближайших помощников.

В отступление от установившегося и ранее порядка назначений, правительство одновременно с назначением Корнилова издало указ без его ведома о назначении генерала Черемисова главнокомандующим Юго-западным фронтом. Корнилов счел это полным нарушением своих прав и послал новый ультиматум, заявив, что он может оставаться в должности Верховного только при условии, если Черемисов будет удален и притом немедленно. До выяснения вопроса ехать в Могилев отказался. Черемисов, в свою очередь, крайне нервничал и грозил «с бомбами в руках» войти в штаб фронта и установить свои права главнокомандующего. Это обстоятельство еще более осложнило вопрос, и Корнилов докладывал по аппарату* в Петроград, что считает более правильным увольнение Черемисова в отставку: «Для упрочения дисциплины в войсках мы решились на применение суровых мер к солда-

* Телеграфный разговор с полковником Барановским.

там; такие же меры должны быть применяемы и к высшим войсковым начальникам».

Революция перевернула вверх дном все взаимоотношения и существо дисциплины. Как солдат я должен бы видеть во всех этих событиях подрыв авторитета Временного правительства (если бы он был) и не могу не признать права и обязанности правительства заставлять всех уважать его власть. Но как бытописатель добавлю: у военных вождей не было других способов остановить развал армии, идущий свыше; и если бы правительство поистине обладало властью и во всеоружии права и силы могло и умело проявлять ее, то не было бы ультиматумов ни от Совета, ни от военных вождей. Больше того, тогда было бы ненужным 27-е августа и невозможным 25 октября.

В конечном результате в штаб фронта прибыл комиссар Филоненко и сообщил Корнилову, что все его пожелания принципиально приняты правительством, а Черемисов назначается в распоряжение Временного правительства. Главнокомандующим Юго-западным фронтом был назначен случайно, наспех генерал Балуев, а Корнилов 24 июля вступил в должность Верховного.

Призрак «генерала на белом коне» получал все более и более реальные очертания. Взоры многих людей — томившихся, страдавших от безумия и позора, в волнах которых захлебывалась русская жизнь, все чаще и чаще обращались к нему. К нему шли и честные, и бесчестные, и искренние, и интриганы, и политические деятели, и воины, и авантюристы. И все в один голос говорили: «Снаси!»

А он — суровый, честный воин, увлекаемый глубоким патриотизмом, не искушенный в политике и плохо разбирающийся в людях, с отчаянием в душе и с горячим желанием жертвенного подвига, загнипнотизированный и правдой, и лестью, и всеобщим томительным, нервным ожиданием чьего-то пришествия, — он искренне уверовал в провиденциальность своего назначения. С этой верой жил и боролся, с нею же умер на высоком берегу Кубани. Корнилов стал знаменем. Для одних — контрреволюции, для других — спасения Родины. И вокруг этого знамени началась борьба за влияние и власть людей, которые сами, без него, не могли бы достигнуть этой власти...

Еще 8 июля, в Каменец-Подольске, имел место характерный эпизод. Там возле Корнилова произошло первое столкновение двух людей: Савинкова и Завойко. Савинков — наиболее видный русский революционер, начальник боевой террористической организации социал-революционной партии, организатор важнейших политических убийств — министра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея Александровича и др. Сильный, жестокий, чуждый каких бы то ни было сдерживающих начал «условной морали»; презиравший и Временное правительство, и Керенского; в интересах целесообразности, по-своему понимаемых, поддерживающий правительство, но готовый каждую минуту смести его — он видел в Корнилове лишь орудие борьбы для достижения сильной революционной власти, в которой ему должно было принадлежать первенствующее значение. Завойко — один из тех странных людей, которые потом тесным кольцом окружили Корнилова и играли такую видную роль в августовские дни. Кто он — этого хорошенько не знал и Корнилов. В своем показании верховной следственной комиссии Корнилов говорит, что познакомился с Завойко в апреле 1917 года, что Завойко был когда-то «предводителем дворянства» Гайсинского уезда, Подольской губернии, работал на нефтяных промыслах Нобеля в Баку и, по его рассказам, занимался исследованием горных богатств в Туркестане и Западной Сибири. В мае он приехал в Черновицы и, зачислившись добровольцем в Дагестанский конный полк, остался при штабе армии в качестве личного ординарца Корнилова. Вот все, что было известно о прошлом Завойко.

Первая телеграмма Корнилова Временному правительству была первоначально отредактирована Завойко, который «придал ей ультимативный характер со скрытой угрозой — в случае неисполнения требований, предъявленных Временному правительству, объявить на Юго-западном фронте военную диктатуру» *. Убеждения Савинкова перевесили. Корнилов согласился даже удалить Завойко из пределов фронта, но скоро вернулся опять...

Все это я узнал впоследствии. Во время же всех этих событий я продолжал работать в Минске, всецело поглощенный теперь уже не наступлением, а организацией хоть какой-нибудь обороны полуразвалившегося фронта. Никаких сведений, даже слухов в том, что творится на верхах правления и командования, не было. Только чувствовалось во всех служебных отношениях крайне напряженное биение пульса.

* * *

В конце июля совершенно неожиданно получаю предложение Ставки занять пост главнокомандующего Юго-западным фронтом. Переговорил по аппарату с начальником штаба Верховного — генералом Лукомским: сказал, что приказание исполню и пойду, куда назначат, но хочу знать, чем вызвано перемещение; если мотивами политическими, то очень прошу меня не трогать с места. Лукомский меня уверил, что Корнилов имеет в виду исключительно боевое значение Юго-западного фронта и предположенную там стратегическую операцию. Назначение состоялось.

Я простился с грустью со своими сотрудниками и, переведя на новый фронт своего друга генерала Маркова, выехал с ним к новому месту службы. Проездом остановился в Могилеве. Настроение Ставки было сильно приподнятое, у всех появилось оживление и надежды, но ничего не выдавало какой-либо «подземной» конспиративной работы. Надо заметить, что в этом деле военная среда была настолько наивно неопытна, что потом, когда действительно началась «конспирация», она приняла такие явные формы, что только глухие и слепые могли не видеть и не слышать.

В день нашего приезда у Корнилова было совещание из начальников отделов Ставки, на котором обсуждалась так называемая «корниловская программа» восстановления армии. Я был приглашен на это заседание. Не буду перечислять всех основных положений, приведенных ранее и у меня, и в корниловских телеграммах-требованиях, как например, введение военно-революционных судов и смертной казни в тылу, возвращение дисциплинарной власти начальникам и поднятие их авторитета, ограничение деятельности комитетов и их ответственности и т. д. Помню, что наряду с ясными и бесспорными положениями, в проекте записки, составленной отделами Ставки, были и произведения бюрократического творчества, мало пригодные к жизни. Так, например, желая сделать дисциплинарную власть более приемлемой для революционной демократии, авторы записки разработали курьезную подробную шкалу соответствия дисциплинарных проступков и наказаний. Это — для выбитой из колен, бушующей жизни, где все отношения попорчены, все нормы нарушены, где каждый новый день давал бесконечно разнообразные отклонения от регламентированного порядка.

Как бы то ни было, верховное командование выходило на новый правильный путь, а личность Корнилова, казалось, давала гарантии в том, что правительство будет принуждено следовать по этому пути. Несомненно, что с Советами, комитетами и с солдатской средой предстояла еще длительная борьба. Но, по крайней мере, определенность

* Савинков. «К делу Корнилова».

направления давала нравственную поддержку и реальное основание для дальнейшей тяжелой работы. С другой стороны, поддержка корниловских мероприятий военным министерством Савинкова давала надежду, что колебания и нерешительность Керенского будут, наконец, преодолены. Отношение к данному вопросу Временного правительства в его полном составе не имело практического значения и даже не могло быть официально выражено... Керенский в это время как будто освободился несколько от гнета Совета; но, подобно тому, как ранее все важнейшие государственные вопросы решались им вне правительства совместно с руководящими советскими кругами, так теперь, в августе, руководство государственными делами перешло, минуя и социалистические и либеральные группировки правительства, к триумvirату в составе Керенского, Некрасова и Терещенко.

По окончании заседания Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шепотом сказал мне следующее: «Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне на фронт приезжал Н. Он все носитя со своей идеей переворота и возведения на престол великого князя Дмитрия Павловича, что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с Советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там — пусть делают что хотят: я устраниюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?» — «В полной мере».

Это была вторая встреча и второй разговор мой с Корниловым; мы сердечно обняли друг друга и расстались, чтобы встретиться вновь... только в Быховской тюрьме.

Глава XXXV. Служба моя в должности главнокомандующего армиями Юго-западного фронта. Московское совещание. Падение Риги

Растрогало меня письмо М. В. Алексеева. «Мыслью моей сопутствую Вам в новом назначении. Расцениваю его так, что Вас отправляют на подвиг. Говорилось там много, но, по-видимому, делалось мало. Ничего не сделано и после 16 июля главным болтуном России... Власть начальников все сокращают... Если бы Вам в чем-нибудь оказалась нужна моя помощь, мой труд, я готов приехать в Бердичев, готов ехать в войска, к тому или другому командующему... Храни Вас Бог!» Вот уж подлинно человек, облик которого не изменяют ни высокое положение, ни превратности судьбы: весь — в скромной бескорыстной работе для пользы родной земли.

Новый фронт, новые люди. Потрясенный в июльские дни Юго-западный фронт мало-помалу начинал приходить в себя. Но не в смысле настоящего выздоровления, как казалось некоторым оптимистам, а возвращения приблизительно к тому состоянию, которое было до наступления. Те же тяжелые отношения между офицерами и солдатами, то же скверное несение службы, дезертирство и чепрыкрытое нежелание воевать, не имевшее лишь резких активных проявлений, ввиду боевого затишья, наконец, та же, но возросшая еще более, большевистская агитация, прикрывавшаяся не раз флагом комитетских фракций и подготовкой к Учредительному собранию. Я располагаю одним документом, относящимся ко 2-й армии Западного фронта. Он чрезвычайно характерен как показатель необыкновенной терпимости и поощрения разложения армии, проявленных представителями правительства и

командования под предлогом свободы и сознательности выборов. Вот копия телеграммы, адресованной всем старшим инстанциям 2-й армии: «Командарм в согласии с комиссаром, по ходатайству армейской фракции социал-демократов большевиков, разрешил устроить с 15 по 18 октября при армейском комитете курсы подготовки инструкторов означенной фракции по выборам в Учредительное собрание, причем от организации большевиков каждой отдельной части командирится на курсы один представитель № 1644. Суворов» *. Подобная терпимость имела место во многих случаях и гораздо раньше и основывалась на точном смысле положения о комитетах и декларации прав солдата.

Увлеченные борьбой с контрреволюцией, революционные учреждения проходили без всякого внимания мимо таких фактов, что в расположении самого штаба фронта, в городе Бердичеве, состоялись общественные митинги с крайними большевистскими лозунгами, что местная газета «Свободная мысль» совершенно недвусмысленно угрожала «варфоломеевской ночью» офицерам.

Фронт держался. Вот все, что можно было сказать про его положение. Временами вспыхивали беспорядки с трагическим исходом, вроде зверского убийства генералов Гиршфельда, Стефановича, комиссара Линде... Предварительные распоряжения и сосредоточение войск для предстоявшего частного наступления были сделаны, но само производство операции не представлялось возможным до проведения в жизнь «корниловской программы» и выяснения ее результатов. И я ждал с великим нетерпением.

Революционные учреждения (комиссариат и комитет) Юго-западного фронта находились на особом положении: они не захватили власть, а часть ее была в свое время им добровольно уступлена рядом главнокомандующих — Брусиловым, Гутором, Балухевым. Поэтому мое появление сразу поставило их в отрицательное ко мне отношение. Комитет Западного фронта не замедлил переслать в Бердичев убийственную аттестацию, и на основании ее комитетский орган в ближайшем же номере сделал внушительное предостережение «врагам демократии». Я, как и раньше, не прибегал совершенно к содействию комиссариата, а комитету велел передать, что отношения с ним могу допустить только тогда, когда он ограничит свою деятельность строго законными рамками.

Комиссаром фронта был Гобечио. Видел я его один раз при встрече. Через несколько дней он перевелся на Кавказ, и должность принял Иорданский **. Приехал и в первый же день отдал «приказ войскам фронта». Не мог потом никак понять, что нельзя двум человекам одновременно командовать фронтом. Иорданский и его помощники Костицын и Григорьев — литератор, зоолог и врач, вероятно, не последние люди в своей специальности, были глубоко чужды военной среде. Непосредственного общения с солдатом не имели, жизни армейской не знали, а так как начальникам они не верили, то весь осведомительный материал пришлось им черпать в единственном демократическом кладезе всей военной премудрости — фронтовом комитете.

Был такой случай с Костицыным в сентябре или октябре, уже после моего ареста: судьба столкнула его снова с начальником того юнкерского караула, штабс-капитаном Бетлингом, который в страшный вечер 27 сентября вел нас, «бердичевскую группу» арестованных, из тюрьмы на вокзал ***. Теперь Бетлинг с юнкерской ротой участвовал в составе карательного отряда, руководимого Костицыным, усмирявшим

* Начальник штаба армии.

** Бывший редактор журнала «Современный мир», соц.-демократ группы «Единство». В 1921 г. редактировал большевистскую газету в Гельсингфорсе.

*** См. главу XXXVII.

какой-то жестокий и бессмысленный солдатский бунт (кажется, в Виннице). И вот, наиболее непримиримый член бердичевского комиссариата, хватаясь в отчаянии за голову, говорил Бетлингу: «Теперь только я понял, какая беспросветная тьма и ужас царят в этих рядах. Как был прав Деникин!» Помню, что этот маленький эпизод, рассказанный Бетлингом во время одного из тяжелых кубанских походов 1918 года, доставил мне некоторое удовлетворение: все-таки прозрел человек, хоть поздно.

Фронтовой комитет был не хуже и не лучше других*. Он стоял на оборонческой точке зрения и даже поддерживал репрессивные меры, принятые в июле Корниловым. Но комитет ни в малейшей степени не был тогда военным учреждением — на пользу или во вред, — органически связанным с подлинной армейской средой. Это был просто смешанный партийный орган. Разделяясь на фракции всех социалистических партий, комитет положительно варился в политике, переноса ее и на фронт; комитет вел широкую агитацию, собирал съезды представителей для обработки их социалистическими фракциями, конечно, и такими, которые были явно враждебны политике правительства. Я сделал попытку, ввиду назревающей стратегической операции и тяжелого переходного времени, приостановить эту работу, но встретил резкое противодействие комиссара Иорданского. Вместе с тем, комитет вмешивался непрестанно во все вопросы военной власти, сея смуту в умах и недоверие к командованию.

На этой почве отношения обострились до того, что комитет и комиссары послали ряд телеграмм с жалобой на меня военному министру. В них инкриминировалось мне и моему штабу и ухудшение демократических учреждений, и поощрение удушающих, и преследование начальников, сочувствующих комитетам, и даже введение телесных наказаний и рукоприкладства. Последние обвинения настолько нелепы, что не стоит опровергать их; в глазах же тех, кто немного хотя бы знал армейскую жизнь и тогдашнюю бесправность и забитость русского офицера, это обвинение прозвучит тяжелой и горькой иронией. Одно — несомненная истина, — мое совершенно отрицательное отношение к революционным учреждениям армии. По натуре своей я не мог и не хотел скрывать этого и до сих пор убежден — особенно после примера корректнейшего и тактичнейшего из военачальников, командующего 5-ой армией генерала Данилова, — что притворство не принесло бы никакой пользы армии.

Если расшифровать все эти криминальные действия в широком комитетском обобщении, то из-за «удушения демократии» выглянет закрытый стотысячный кредит на вредную литературу и отмена незаконных суточных денег**; «преследование» обратится в увольнение единственного генерала, требовавшего обращения его в технического советника при комитете; «поощрение удушающих» — в отказ в немедленном отчислении от должности без дознания и следствия двух начальников, обвиненных войсковыми комитетами в неуважении к революции и в оскорблении солдата и т. д. Все это, быть может, мелко, но характеризует обстановку, в которой приходилось работать. Я охотно допускаю, что ни комиссары, ни комитеты в своих отношениях к главнокомандующему не исходили из личных побуждений. Но каждый шаг человека, органически не приемлющего их бытия, не мог не внушать им самых острых, самых фантастических подозрений.

* Несомненно лучше Западного.

** Вопрос был возбужден контролером. На настойчивые требования комиссара я предложил ему лично открыть кредит комитету, с тем что деньги будут тотчас отпущены. Но Иорданский, возмущившийся «притеснением» штаба, сам от санкционирования расхода воздержался.

Ставка молчит. «Корниловская программа» все не объявляется. Несомненно, идет борьба. Есть еще надежда на благоприятный исход ее в Петрограде. Но как пойдет проведение ее в жизнь? Какое противодействие встретит она на фронте — в войсках, в комитетах? Я пригласил к себе командующих армиями (в середине августа) генералов Эрдели, Селивачева, Рерберга¹ (врем.), Ванновского². Беседовали весь день. Ознакомился с их оценкой положения на фронте и, в свою очередь, учитывая возможность крупных осложнений и с войсками, и с комитетами, с момента объявления «программы», ознакомил их с ее сущностью и предложил обдумать меры к возможно успешному ее проведению. Ванновский смотрел несколько пессимистически, другие надеялись на благоприятный исход, в особенности генерал Селивачев — прямой, храбрый и честный солдат, который был в большой немилости у комитетов.

В сущности, для противодействия какому-либо выступлению против командования ни у кого из нас не было реальной вооруженной силы. Даже в Бердичеве штаб и главнокомандующий охранялись полубольшевистской ротой и эскадром ординарцев — прежних полевых жандармов, которые теперь из-за одиозного наименования старались всеми силами подчеркнуть свою «революционность». Марков в начале августа ввел в состав гарнизона 1-й Оренбургский казачий полк, что впоследствии послужило главнейшим пунктом обвинения нашего в подготовке «вооруженного мятежа». С этой же целью — избавиться от неприятного соседства со всем этим распущенным и развращенным гарнизоном Лысой горы*, разгрузить переполненный Бердичев и освободить от нервующего соседства со штабом фронтовой комитет — было предложено в начале сентября перевести штаб фронта в город Житомир. Там квартировали два юнкерских училища, лояльно настроенные в отношении правительства и командования.

* * *

Между тем в Петрограде и в Могилеве события шли своим чередом, отражаясь в нашем понимании только газетными сведениями, слухами и сплетнями. «Программы» все нет. Надеялись на Московское государственное совещание**, но оно прошло и не внесло никаких перемен в государственную и военную политику. Наоборот, даже внешним образом резко подчеркнуло непримиримую рознь между революционной демократией и либеральной буржуазией, между командованием и армейским представительством.

Но если Московское совещание не дало никаких реальных результатов, оно раскрыло во всю ширину настроение борющихся, руководящих и правящих. Все единодушно признавали, что страна переживает смертельную опасность... Все понимали, что социальные взаимоотношения потрясены, все стороны экономической жизни народа подорваны... Обе стороны горячо упрекали друг друга в служении частным классовым, своекорыстным интересам. Но не в них была главная сущность: как это ни странно, первопричины социальной, классовой борьбы, даже аграрный и рабочий вопросы, вызывали только расхождение, но не захватывали совещание страстным порывом непримиримой распри. И даже, когда старый вождь социал-демократов Плеханов при всеобщем одобрении обратился направо с требованием жертвы и налево с требованием умеренности, казалось, что не так уж велика пропасть между двумя враждебными социальными лагерями.

Все внимание совещания было захвачено другими вопросами:

* Название казарменного района возле Бердичева.

** Состоялось 14 августа 1917 года.

о власти и армии. Милюков перечислял все вины правительства, побежденного Советами, его «капитуляции» перед идеологией социалистических партий и циммервальдистами: капитуляции в армии, во внешней политике, перед утопическими требованиями рабочего класса, перед крайними требованиями национальностей. «Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и Советами,— отчетливо рубил Каледин,— должен быть немедленно и резко поставлен предел». Маклаков³ выстилал мягко путь перед ударом: «Я ничего не требую, но не могу не указать на тревогу, которую испытывает общественная совесть, когда она видит, что в среду правительства приглашены... вчерашние пораженцы». Волнуется Шульгин (правый): «Я хочу, чтобы ваша власть (Временного правительства) была бы действительно сильной, действительно неограниченной. Я хочу этого, хотя знаю, что сильная власть очень легко переходит в деспотизм, который скорее обрушится на меня, чем на вас — друзей этой власти»...

А слева Чхеидзе поет акафисты Советам: «Только благодаря революционным организациям сохранился творческий дух революции, спасающий страну от распада власти и анархии»... «Нет власти выше Временного правительства,— заключает Церетели.— Ибо источник этой власти — суверенный народ — непосредственно через все те органы, какими он располагает, делегировал эту власть Временному правительству»... Конечно, поскольку это правительство покорно воле Советов?.. А над всеми ими доминирует голос первоприсутствующего, ищущего «неземных слов», чтобы «передать свой трепетный ужас» перед надвигающимися событиями и, вместе с тем, потрясающего... картонным мечом, угрожая скрытым врагам: «Пусть знает каждый, кто раз уже попытался поднять вооруженную руку на власть народную, что эта попытка будет прекращена железом и кровью... Пусть еще больше остерегаются те посягатели, которые думают, что настало время, опираясь на штыки, свергнуть революционную власть»...

Еще более яркое противоречие сказалось в области военной. Верховный главнокомандующий в сухой, но сильной речи нарисовал картину гибнущей армии, увлекающий за собою в пропасть страну, и изложил в весьма сдержанных выражениях сущность известной своей программы. Генерал Алексеев с неподдельной горечью рассказывал печальную историю прегрешений и доблести былой армии, «слабой в технике и сильной нравственным обликом и внутренней дисциплиной». Как она дошла до «светлых дней революции» и как потом в нее, «казавшуюся опасной для завоеваний революции, влили смертельный яд». Донской атаман Каледин, представлявший 13 казачьих войск, не связанный официальным положением, говорил резко и отчетливо: «Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой и распрями. Все Советы и комитеты должны быть упразднены. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена. Дисциплина должна быть поднята в армии и в тылу. Дисциплинарные права начальников должны быть восстановлены. Вождям армии — полная мощь!»...

С ответом на эти азбучные военные истины выступил Кучин — представитель фронтовых и армейских комитетов: «Комитеты явились проявлением инстинкта самосохранения... они должны были создаться как органы защиты прав солдата, ибо раньше было только одно угнетение... они внесли в солдатские массы свет и знание... Потом наступил второй период — разложения и дезорганизации... выступила на сцену «тыловая сознательность», не сумевшая переварить всей той массы вопросов, которую в их мозг, в их жизнь выкинула революция»... Теперь он не отрицал необходимости репрессий, но «должно сочетать их с определенной работой армейских организаций»... Как это сделать,

сказал объединенный фронт революционной демократии: армию должно одушевлять не стремление к победе над врагом, а «отказ от империалистических целей и стремление к скорейшему достижению всеобщего мира на демократических началах, .. командному составу — полная самостоятельность в области оперативной деятельности и решающее значение (?) в области строевой и боевой подготовки»; цель же организаций — широкое внесение своей политики в войска: «комиссары должны быть проводниками (этой) единой революционной политики Времен. правительства, армейские комитеты — руководителями общественно-политической жизни солдатских масс. Восстановление дисциплинарной власти начальников недопустимо» и т. д.

Что сделает правительство? Найдет ли оно в себе достаточно силы и смелости порвать оковы, наложенные большевистствующим Советом? * Корнилов заявил твердо и дважды повторил: «Я ни одной минуты не сомневаюсь, что (мои) меры будут проведены безотлагательно». А если не будут, — борьба? Он говорил еще: «Невозможно допустить, чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз проявлялась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и потери Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги и чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии». А 20-го пала Рига.

* * *

Стратегически и тактически фронт нижней Двины был подготовлен вполне. Войск, считаясь с силой оборонительной линии реки, было также достаточно. Во главе войск стояли: командующий армией генерал Парский⁴, командир корпуса генерал Болдырев — генералы опытные и в глазах демократии отнюдь не контрреволюционные **. Наконец, нашему командованию было известно не только направление удара, но через перебежчиков день и даже час атаки.

Тем не менее, 19 августа германцы (8-ая армия Гутьера), после сильной артиллерийской подготовки, при слабом сопротивлении с нашей стороны, заняли Иксюльский тет-де-пон и переправились через Двину. 20 августа немцы перешли в наступление и вдоль Митавского шоссе, а к вечеру того же дня Иксюльская группа противника, прорвав наши позиции на Егеле, стала распространяться в северном направлении, угрожая пути отхода русских войск на Венден. 12-я армия, оставив Ригу, отошла верст на 60—70, потеряв соприкосновение с противником, и к 25-му заняла так называемые Венденские позиции. Потери армии выражались одними пленными до 9000 человек, 81 орудие, 200 пулеметов и т. д. Дальнейшее продвижение не входило в планы немцев, они приступили к закреплению занятого огромного плацдарма на правом берегу Двины и тотчас же две дивизии отправили на Западноевропейский фронт. Мы потеряли богатый промышленный город Ригу, со всеми военными оборудованиями и запасами, а главное, потеряли надежную оборонительную линию, падение которой ставило под вечную угрозу и положение Двинского фронта, и направление на Петроград.

Падение Риги произвело в стране большое впечатление. Но среди революционной демократии оно совершенно неожиданно вызвало не

* В августе соотношение сил в Совете стало быстро меняться в пользу большевиков, дав им большинство.

** Ген. Парский занимает ныне видный пост в советской армии, а ген. Болдырев был впоследствии главнокомандующим противобольшевистским «фронтом Учредительного собрания» на Волге.

раскаяние, не патриотический подъем, а еще большую злобу против командного и офицерского состава. Ставка в одной из своих сводок поместила следующую фразу*: «Дезорганизованные массы солдат неудержимым потоком устремляются по Псковскому шоссе и по дороге на Бидер — Лимбург». Это сообщение, несомненно правдивое, но не определяющее причины явления, вызвало бурю в среде революционной демократии. Комиссары и комитеты Северного фронта прислали ряд телеграмм, опровергавших «провокационные нападки Ставки» и удостоверявших, что «в этой неудаче не было позора», что «войска честно исполняют все приказания командного состава... случаев бегства и предательства войсковых частей не было». Комиссар фронта Станкевич, не соглашаясь с тем, что не было позора в таком бесславном и беспричинном отступлении, указывал, между прочим, на целый ряд ошибок и недочетов управления.

Весьма возможно, что были недочеты в управлении и личные, и чисто объективные, вызванные взаимным недоверием, падением исполнительности и распадом технической службы. Но несомненно и то, что войска Северного фронта и особенно 12-й армии были наиболее развалившиеся из всех и по логике вещей не могли оказать врагу должного сопротивления. Даже апологет войск 12-й армии комиссар Войтинский, значительно преувеличивающий ее боевые качества, 22-го телеграфировал Петроградскому Совету: «Сказывается неуверенность войск в своих силах, отсутствие боевой подготовки и, как следствие этого, недостаток устойчивости в полевой войне... Многие части дерутся с доблестью, как и в первые дни, но в других частях проявляются признаки усталости и панического настроения».

В действительности развращенный Северный фронт потерял всякую силу сопротивления. Войска его откатывались до того предела, до которого велось преследование передовыми немецкими частями и затем подались несколько вперед только потому, что обнаружилась потеря соприкосновения с главными силами Гутьера, в намерения которого не входило продвижение далее определенной линии.

Все левые органы печати, между тем, открыли жестокую кампанию против Ставки и командования. Прозвучало слово «предательство»... Черновское «Дело Народа», орган пораженческий, скорбел: «И в душу закрадывается мучительное сомнение: не перекадываются ли на плечи погибающего тысячами мужественного и доблестного солдата ошибки командования, недостатки артиллерийского снабжения и неспособность вождей». «Известия» объясняли и мотивы «провокации»: «Ставка старается запугиванием грозными событиями на фронте терроризировать Временное правительство и заставить его принять ряд мер, направленных прямо и косвенно против революционной демократии и ее организаций...»

В связи со всеми этими обстоятельствами усилился значительно напор Советов против Верховного главнокомандующего, генерала Корнилова, и в газетах промелькнули слухи о предстоящем его удалении. В ответ появился ряд резких резолюций, предъявленных правительству и поддерживавших Корнилова**, а в резолюции Совета союза казачьих войск имелась и такая фраза: «Смена Корнилова неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв» и далее: что совет «снимает с себя всякую ответственность за казачьи войска на фронте и в тылу при удалении Корнилова...»

Между прочим, поддержка эта не встретила полного единодушия даже в казачьей среде. Правление казаков моего фронта по поводу

* 21 августа.

** Главного комитета Офицерского союза, Военной лиги, Совета союза казачьих войск, Союза георгиевских кавалеров, Совещания общественных деятелей и других.

этой резолюции вынесло следующее постановление: «Казачество признает своей единой властью Временное правительство, которому и верит. Оно может распоряжаться своими ставленниками, как хочет. Если же против воли правительства будут давления на него со стороны политических партий, общественных и классовых организаций с целью провести свои желания в жизнь, казачество всеми силами поддержит Временное правительство во всех его начинаниях и стремлениях, направленных к спасению отечества и завоеванных свобод».

Впрочем, сметливые казаки, раскаявшись в оппозиции своему руководящему органу, через несколько дней «разъяснили» в печати свою резолюцию в том смысле, что постановление центрального союза было дурно понято ими, что совет «не угрожал Временному правительству, а твердо и громко заявил свой протест против похода известной части печати и некоторых общественных организаций на Верховного вождя — ставленника Временного правительства, генерала Корнилова».

Такие обстоятельства предшествовали событиям. Вместо умиротворения, страсти разгорались все более и более, углублялись противоречия, сгущалась атмосфера взаимного недоверия и болезненной подозрительности.

* * *

Я откладывал свой объезд войск, все еще не теряя надежды на благоприятный исход борьбы и обнародование «корниловской программы»*. С чем я пойду к солдатам? С глубоко запавшей в сердце болью и со словами призыва «к разуму и совести», скрывающими бессилие и подобными гласу вопиющего в пустыне? Все это уже было и прошло, оставив только горький след. И будет вновь: мысль, идея, слово, моральное воздействие никогда не перестанут двигать людей на подвиг; но что же делать, если заглохшую, заросшую чертополохом целину надо взрыхлять железным плугом?.. Что я скажу офицерам, со скорбью и нетерпением ждущим окончания последовательного и беспощадного процесса медленного умирания армии? Я мог ведь сказать только: если правительство не пойдет на коренное изменение своей политики, то армии — конец.

7-го августа получено было распоряжение двигать от меня на север Кавказскую туземную дивизию («Дикую»), 12-го августа — бывший в тылу в резерве 3-й конный корпус, потом Корниловский ударный полк. Назначение их, как всегда, не указывалось. Направление же одинаково соответствовало и Северному фронту, в то время весьма угрожаемому, и... Петрограду. Представил командира 3-го конного корпуса генерала Крымова на должность командующего XI армией. Ставка ответила согласием, но потребовала его немедленно в Могилев для исполнения особого поручения. Крымов проездом являлся ко мне. Определенных указаний он по-видимому еще не имел, по крайней мере, о них не говорил, но ни я, ни он не сомневались, что поручение находится в связи с ожидаемым поворотом военной политики. Крымов был тогда веселым, жизнерадостным и с верою смотрел в будущее. По-прежнему считал, что только оглушительный удар по Советам может спасти положение.

Вслед за этим получено было уже официальное уведомление о формировании отдельной Петроградской армии и требование предназначить офицера генерального штаба на должность генерал-квартирмейстера этой армии.

Наконец, в двадцатых числах обстановка несколько более разъяснилась. Приехал ко мне в Бердичев офицер и вручил собственноручное

* До 27 августа, т. е. до разрыва с Корниловым, Керенский не решался подписать проект законов, вытекавших из «программы».

письмо Корнилова, в котором мне предлагалось выслушать личный доклад офицера. Он доложил: «В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-ий конный корпус *, во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание и заодно покончит с Советами **. Одновременно в Петрограде будет объявлено военное положение и опубликованы законы, вытекающие из «корниловской программы». Вас Верховный главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров — официально «для изучения бомбометного и минометного дела»; фактически они будут отправлены в Петроград, в офицерский отряд».

В дальнейшем разговоре он передавал различные новости Ставки, рисуя настроение ее в бодрых тонах. Передавал, между прочим, слухи о предстоящих новых назначениях командующих войсками в Киев, Одессу, Москву, о предполагаемом новом составе правительства, среди которого назывались имена и нынешних министров и совершенно неизвестные мне. Во всем этом вопросе была несколько неясна роль Временного правительства, и в частности Керенского. Решился он на крутой поворот военной политики, уйдет или будет сметен событиями, ход и последствия которых при создавшихся условиях не могут предрешить ни чистая логика, ни прозорливый разум.

Весь ход августовских событий я описываю в этом томе в такой последовательности и в таком свете, как они рисовались тогда в эти трагические дни на Юго-западном фронте, не внося в них той перспективы, которая с течением времени осветила и сцену и действующих лиц. Распоряжение о командировании офицеров — со всеми предосторожностями, чтобы не поставить в ложное положение ни их, ни начальство — было сделано, но вряд ли его успели осуществить до 27-го. Ни один командующий армией в содержание полученных сведений посвящен мной не был, и никто из старшего командного состава фронта фактически не знал о назревающих событиях.

Было ясно, что история русской революции входит в новый фазис. Что принесет он? Многие часы делились своими мыслями по этому поводу я и Марков. И если он — нервный, пылкий, увлекающийся — постоянно переходил от одного до другого полярного конца через всю гамму чувств и настроений, то мною овладели также надежда и тревога. Но оба мы совершенно отчетливо видели и сознавали фатальную неизбежность кризиса. Ибо большевистские или полубольшевистские Советы — это безразлично — вели Россию к гибели. Столкновение неизбежно. Есть ли там, однако, реальная возможность или только... мужество холодного отчаяния?..

Глава XXXVI. Корниловское выступление и отзвуки его на Юго-западном фронте

27 августа вечером я был как громом поражен полученным из Ставки сообщением об отчислении от должности Верховного главнокомандующего генерала Корнилова. Телеграммой без номера и за подписью «Керенский» предлагалось генералу Корнилову сдать временно должность Верховного главнокомандующего генералу Лукомскому и, не ожидая прибытия нового Верховного главнокомандующего, вы-

* 3-й конный корпус был вызван к Петрограду Временным правительством.

** Из следственного дела видно, что управляющий военным министерством Савинков и командированный в Ставку Керенским начальник его кабинета, полковник Барановский, сами предусматривали вероятность одновременного выступления с большевиками, под влиянием опубликования «корниловской программы», Совета р. и с. депутатов и необходимость тогда беспощадными мерами подавить его (Протокол, приложение XIII к показанию Корнилова).

ехать в Петроград. Такое распоряжение было совершенно незаконным и необязательным для исполнения, так как Верховный главнокомандующий ни военному министру, ни министру-председателю, ни тем более товарищу Керенскому ни в какой мере подчинен не был.

Начальник штаба генерал Лукомский ответил министру-председателю телеграммой 640, которую я привожу ниже. Содержание ее в копии передано было нам, всем главнокомандующим, телеграммой № 6412, которая у меня не сохранилась, но смысл ее ясен из показания Корнилова, в котором говорится: «Я приказал мое решение («должность не сдавать и выяснить предварительно обстановку») и решение генерала Лукомского довести до сведения главнокомандующих всех фронтов».

Телеграмма Лукомского № 640 гласила: «Все, близко стоявшие к военному делу, отлично сознавали, что при создавшейся обстановке и при фактическом руководстве и направлении внутренней политики безответственными общественными организациями, а также [при существовании] громадного разлагающего влияния этих организаций на массу армии, последнюю воссоздать не удастся, а наоборот — армия как таковая должна развалиться через два-три месяца. И тогда Россия должна будет заключить позорный сепаратный мир, последствия которого были бы для России ужасны. Правительство принимало полумеры, которые, ничего не поправляя, лишь затягивали агонию и, спасая революцию, не спасали Россию. Между тем завоевания революции можно было спасти лишь путем спасения России, а для этого прежде всего необходимо создать действительно сильную власть и оздоровить тыл. Генерал Корнилов предъявил ряд требований, проведение коих в жизнь затягивалось. При таких условиях генерал Корнилов, не преследуя никаких личных честолюбивых замыслов и опираясь на ясно выраженное сознание всей здоровой части общества и армии, требовавшее скорейшего создания крепкой власти для спасения Родины, а с ней и завоеваний революции, считал необходимыми более решительные меры, кои обеспечили бы водворение порядка в стране.

Приезд Савинкова * и Львова ⁵, сделавших предложение Корнилову в том же смысле от вашего имени, лишь заставил генерала Корнилова принять окончательное решение и, согласно с вашим предложением, отдать окончательные распоряжения, отменять которые теперь уже поздно. Ваша сегодняшняя телеграмма указывает, что решение, принятое прежде вами и сообщенное от вашего имени Савинковым и Львовым, теперь изменилось. Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, определенно вам заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции.

Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственности за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию. Лукомский».

Все надежды на возрождение армии и спасение страны мирным путем рухнули. Я не делал себе никаких иллюзий относительно последствий подобного столкновения между генералом Корниловым и Керенским и не ожидал благополучного окончания, разве только, что

* Как увидим впоследствии, Савинков показал, что он «от имени министра-председателя никаких политических комбинаций не предлагал».

корпус Крымова спасет положение. Вместе с тем, я ни одного дня, ни одного часа не считал возможным отождествлять себя идейно с Временным правительством, которое признавал преступным, и поэтому тотчас же послал ему телеграмму следующего содержания: «Я солдат и не привык играть в прятки. 10-го июня, на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования*, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. 145. Деникин». Марков одновременно послал телеграмму правительству, выражая солидарность с высказанными мною положениями**.

Вместе с тем я приказал спросить Ставку, чем могу помочь генералу Корнилову. Он знал, что, кроме нравственного содействия, в моем распоряжении нет никаких реальных возможностей, и поэтому, поблагодарив за это содействие, ничего более не требовал. Я распорядился переслать копию моей телеграммы всем главнокомандующим, командующим армиями Юго-западного фронта и главному начальнику снабжений. Вместе с тем приказал принять меры, чтобы изолировать фронт от проникновения туда без ведома штаба каких-либо сведений о совершающихся событиях до ликвидации столкновения. Такие же распоряжения получены были от Ставки. Полагаю, можно не прибавлять, что горячие симпатии всего штаба были на стороне Корнилова и что все с величайшим нетерпением ждали вестей из Могилева, все еще надеясь на благополучный исход.

Марков каждый вечер собирал офицеров генерал-квартирмейстерской части для доклада оперативных вопросов. В этот день, 27-го, он ознакомил их со всеми известными нам обстоятельствами столкновения и нашими телеграммами и не удержался, чтобы в горячей речи не очертить исторической важности переживаемых событий, необходимости поставить все точки над «i» и оказать полную нравственную поддержку генералу Корнилову... Вместе с тем, во исполнение моего приказа, им принят был ряд мер по Бердичеву и Житомиру: усиление дежурной части 1-го Оренбургского казачьего полка, занятие караулами телеграфных станций, радиотелеграфа и типографий, временная цензура газет и т. д. Штаб хотел было для ограждения личной безопасности главнокомандующего и правильной работы штаба потребовать 1-й Чехословацкий полк, но я отменил это распоряжение, не желая вызывать политических осложнений; и зазорно было русскому главнокомандующему защищаться от своих солдат чужими штыками.

* Речь шла о «Корниловской программе».

** Главнокомандующие другими фронтами отправили Временному правительству 28 августа вполне лояльные телеграммы, сущность которых выражается в следующих выдержках: Северного фронта, генерал Клембовский: «...Считаю перемену Верховного командования крайне опасной, когда угроза внешнего врага целостности родины и свободы повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии». Западного фронта, генерал Балувев: «Нынешнее положение России требует безотлагательного принятия исключительных мер, и оставление генерала Корнилова во главе армий является настоятельно необходимым, невзирая ни на какие политические осложнения...» Румынского фронта, генерал Щербачев: «Смена ген. Корнилова неминуемо губительно отразится на армии и защите Родины. Обращаюсь к вашему патриотизму во имя спасения родины». Все главнокомандующие упоминали о необходимости введения потребованных Корниловым мероприятий.

Никаких решительно попыток к личному задержанию кого бы то ни было не делалось, так как это не имело смысла и совершенно не входило в наши намерения. Между тем среди фронтовой революционной демократии произошел большой переполох. Члены фронтового комитета в эту ночь покинули общежитие и ночевали в частных домах на окраине города. Помощники комиссара были в командировке, а сам Иорданский в Житомире, и с рашенные к нему Марковым приглашения прибыть в Бердичев как в эту ночь, так и 28-го не имели успеха: Иорданский все ожидал «коварной засады».

Наступила ночь, долгая ночь без сна, полная тревожного ожидания и тяжелых дум. Никогда еще будущее страны не казалось таким темным, наше бессилие таким обидным и угнетающим. Разыгравшаяся далеко от нас историческая драма, словно отдаленная гроза, кровавыми зарницами бороздила темные тучи, нависшие над Россией. И мы ждали...

Эта ночь не забудется никогда. Перед мысленным взором моим проходят, как живые, пережитые тогда впечатления. Чередующиеся доклады телеграмм с прямого провода: Соглашение по-видимому возможно... Надежд на мирный исход нет... Верховное главнокомандование предложено Клембовскому... Клембовский, по-видимому, откажется... Одна за другой копии телеграмм Временному правительству всех командующих армиями фронта, генерала Эльснера и еще нескольких старших начальников о присоединении их к мнению, высказанному в моей телеграмме. Трогательное исполнение гражданского долга среди атмосферы, насыщенной подозрительностью и ненавистью... Своего солдатского долга они уже выполнить не могли...

И, наконец, голос отчаяния, раздавшийся из Ставки. Иначе нельзя назвать полученный ночью на 28-е приказ Корнилова: «Телеграмма министра-председателя за № 4163* во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной думы Алексей Аладьин. Таким образом свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога — в храмы, молитесь Господа Бога об объявлении величайшего чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев — я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести

* Телеграмма эта в штабе не была получена. Керенский эпизод со Львовым формулирует так: «26 августа ген. Корнилов прислал ко мне члена Государственной думы В. Н. Львова с требованием передачи Вр. правительством всей полноты военной и гражданской власти с тем, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной».

и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Этот приказ был послан для сведения командующим армиями. На другой день получена была одна телеграмма Керенского, переданная в комиссариат, и с этого времени всякая связь наша с внешним миром была прервана*. Итак — жребий брошен. Между правительством и Ставкой выросла пропасть, которую уже перейти невозможно.

* * *

На другой день, 28-го, революционные учреждения, видя, что им решительно ничего не угрожает, проявили лихорадочную деятельность. В Житомире под председательством Иорданского заседали местные войсковые комитеты и представители социалистических партий. Делегаты фронтового комитета, не оправившиеся еще от испуга, пространно докладывали совещанию, как давно уже назревала в Бердичеве контрреволюция, какая делалась подготовка, как разбивались все усилия комитета привлечь в общее русло «революционной жизни» казаков 1-го Оренбургского полка и т. д. Иорданский принял на себя «военную власть», произвел в Житомире ряд ненужных арестов среди старших чинов главного управления снабжений и за своей подписью, от имени своего, революционных организаций и губернского комиссара выпустил воззвание, в котором весьма подробно, языком обычных прокламаций излагалось, как генерал Деникин замыслил «возвратить старый режим и лишить русский народ Земли и Воли».

В то же время в Бердичеве производилась такая же энергичная работа под руководством фронтового комитета. Шли непрерывные заседания всех организаций и обработка типичных тыловых частей гарнизона. Здесь обвинение было выставлено комитетом другое: «контрреволюционная попытка главнокомандующего генерала Деникина свергнуть Временное правительство и восстановить на престоле Николая II». Прокламации такого содержания во множестве распространялись между командами, расклеивались на стенах и разбрасывались с мчавшихся по городу автомобилей. Нервное напряжение росло, улица шумела. Члены комитета в своих отношениях к Маркову ставились все резче и требовательнее. Получены были сведения о возникших волнениях на Лысой горе. Штаб послал туда офицеров для разъяснения обстановки и возможного умиротворения. Один из них — чешский офицер, поручик Клецандо, который должен был побеседовать с командами пленных австрийцев, подвергся насилию со стороны русских солдат и сам легко ранил одного из них. Это обстоятельство еще более усилило волнение.

Из окна своего дома я наблюдал, как на Лысой горе собирались толпы солдат, как потом они выстроились в колонну, долго, часа два, митинговали, по-видимому, все не решаясь. Наконец, колонна, заключающая в себе эскадрон ординарцев (бывших полевых жандармов), запасную сотню и еще какие-то вооруженные команды, с массой красных флагов и в предшествии двух броневых автомобилей двинулась к городу. При появлении броневика, угрожавшего открыть огонь, Оренбургская казачья сотня, дежурившая возле штаба и дома главнокомандующего, ускакала наметом. Мы оказались всецело во власти революционной демократии.

Вокруг дома были поставлены «революционные часовые»; товарищ председателя комитета, Колчинский, ввел в дом четырех вооруженных «товарищей» с целью арестовать генерала Маркова, но потом заколе-

* 29 утром случайно попала еще телеграмма генерал-квартирмейстера Ставки, в которой опять высказывалась надежда на мирный исход.

бался и ограничился оставлением в приемной комнате начальника штаба двух «экспертов» из фронтового комитета для контроля его работы; правительству послана радиотелеграмма: «Генерал Деникин и весь его штаб подвергнуты в его ставке личному задержанию. Руководство деятельностью войск в интересах обороны временно оставлено за ними, но строго контролируется делегатами комитетов». Начались бесконечно длинные, томительные часы. Их не забудешь. И не выразишь словами той глубокой боли, которая охватила душу.

В 4 часа 29-го Марков пригласил меня в приемную, куда пришел помощник комиссара Костицын с 10—15 вооруженными комитетчиками и прочел мне «приказ комиссара Юго-западного фронта Иорданского», в силу которого я, Марков и генерал-квартирмейстер Орлов подвергались предварительному заключению под арестом за попытку вооруженного восстания против Временного правительства. Литератору Иорданскому, по-видимому, стало стыдно применить аргументы «Земли», «Воли» и «Николая II», предназначенные исключительно для разжигания страстей толпы. Я ответил, что сместить главнокомандующего может только Верховный главнокомандующий или Временное правительство, что комиссар Иорданский совершает явное беззаконие, но что я вынужден подчиниться насилию.

Подъехали автомобили, в сопровождении броневиков; мы с Марковым сели; пришлось долго ждать сдававшего дела Орлова возле штаба; мучительное любопытство прохожих; потом поехали на Лысую гору; автомобиль долго блуждал, останавливаясь у разных зданий; подъехали, наконец, к гауптвахте; прошли сквозь толпу человек в сто, ожидавшую там нашего приезда и встретившую нас взглядами, полными ненависти, и грубою бранью; разведены по отдельным карцерам; Костицын весьма любезно предложил мне прислать необходимые вещи; я резко отказался от всяких его услуг; дверь захлопнулась, с шумом повернулся ключ, и я остался один.

Через несколько дней была ликвидирована Ставка. Корнилов, Лукомский, Романовский и другие отведены в Быховскую тюрьму. Революционная демократия праздновала победу. А в те же дни государственная власть широко открывала двери петроградских тюрем и выпускала на волю многих влиятельных большевиков — дабы дать им возможность гласно и открыто вести дальнейшую работу к уничтожению Российского государства. 1-го сентября Временным правительством подвергнут аресту генерал Корнилов, а 4-го сентября Временным правительством отпущен на свободу Бронштейн-Троцкий. Эти две даты должны быть памятны России.

Камера № 1. Десять квадратных аршин пола. Окошко с железной решеткой. В двери небольшой глазок. Нары, стол и табурет. Дышать тяжело — рядом зловонное место. По другую сторону — № 2, там — Марков; ходит крупными нервными шагами. Я почему-то помню до сих пор, что он делает по карцеру три шага, я ухитряюсь по кривой делать семь. Тюрьма полна неясных звуков. Напряженный слух разбирается в них и мало-помалу начинает улавливать ход жизни, даже настроения. Караул — кажется, охранной роты — люди грубые, мстительные.

Раннее утро. Гудит чей-то голос. Откуда? За окном, уцепившись за решетку, висят два солдата. Они глядят жестокими злыми глазами и истерическим голосом произносят тяжелые ругательства. Бросили в открытое окно какую-то гадость. От этих взглядов некуда уйти. Отворачиваюсь к двери — там в глазок смотрит другая пара ненавидящих глаз, оттуда также сыплется отборная брань. Я ложусь на нары и закрываю голову шинелью. Лежу так часами. Весь день — один, другой — сменяются «общественные обвинители» у окна и у дверей —

стража свободно допускает всех. И в тесную душную конуру льется непрерывным потоком зловонная струя слов, криков, ругательств, рожденных великой темнотой, слепой ненавистью и бездонной грубостью...

Словно пьяной блевотиной облита вся душа, и нет спасения, нет выхода из этого нравственного застенка. О чем они? «Хотел открыть фронт»... «продался немцам»... Приводили и цифру — «за двадцать тысяч рублей»... «хотел лишить земли и воли»... — это — не свое, это — комитетское. Главнокомандующий, генерал, барин — вот это свое! «Попил нашей кровушки, покомандовал, гноил нас в тюрьме, теперь наша воля — сам посиди за решеткой... Барствовал, раскатывал в автомобилях — теперь попробуй полежать на нарах с. с. ... Недолго тебе осталось... Не будем ждать, пока сбежишь, — сами своими руками задушим»...

Меня они — эти тыловые воины — почти не знали. Но все, что накапливалось годами, столетиями в озлобленных сердцах против нелюбимой власти, против неравенства классов, против личных обид и своей — по чьей-то вине — изломанной жизни, все это выливалось теперь наружу с безграничной жестокостью. И чем выше стоял тот, которого считали врагом народа, чем больше было падение, тем сильнее вражда толпы, тем больше удовлетворения видеть его в своих руках. А за кулисами народной сцены стояли режиссеры, подогревающие и гнев и восторги народные, не верившие в злодейство лицедеев, но допускавшие даже их гибель для вящего реализма действия и во славу своего сектантского догматизма. Впрочем, эти мотивы в партийной политике назывались «тактическими соображениями»...

Я лежал закрытый с головой шинелью и под градом ругательств старался дать себе ясный ответ: «За что?»

Проверка этапов жизни... Отец — суровый воин с добрейшим сердцем. До 30 лет — крепостной крестьянин; сдан в рекруты; после 22 лет тяжелой солдатской службы николаевских времен добился прапорщичьего чина. Вышел майором в отставку. Детство мое — тяжелое, безотрадное. Нищета — 45 рублей пенсии в месяц. Смерть отца. Еще тяжелее — 25 рублей пенсии матери. Юность — в учении и в работе на хлеб. Вольноопределяющимся — в казарме на солдатском котле. Офицерство. Академия. Беззаконный выпуск. Жалоба, поданная государю на всесильного военного министра. Возвращение во 2-ю артиллерийскую бригаду. Борьба с отживающей группой старых крепостников; обвинение ими в демагогии. Генеральный штаб. Цензовое командование ротой в 183-м Пултусском полку. Вывел окончательно рукоприкладство.

Неудачный опыт «сознательной дисциплины». Да, господин Керенский, и это было в молодости... Отменил негласно дисциплинарные взыскания — «следите друг за другом, останавливайте малодушных — ведь вы же хорошие люди — докажите, что можно служить без палки». Кончилось командование: рота за год вела себя средне, училась плохо и лениво. После моего ухода старый сверхсрочный фельдфебель Сцепура собрал роту, поднял многозначительно кулак в воздух и произнес внятно и отдельно: «Теперь вам — не капитан Деникин. Поняли?..» «Так точно, г. фельдфебель». Рота, рассказывали потом, скоро поправилась.

Потом маньчжурская война. Боевая работа. Надежды на возрождение армии. Открытая борьба в удушаемой печати с верхами армии против косности, невежества, привилегий и произвола; борьба за офицерскую и солдатскую долю. Время было суровое — вся служба, вся военная карьера была поставлена на карту... Командование полком. Непрестанные заботы об улучшении солдатского быта. Теперь уже, после Пултусского опыта, — требовательность по службе, но и бережение человеческого достоинства солдата. Как будто понимали тогда друг

друга и не были чужими. Опять война. Железная дивизия. Близость к стрелку, общая работа. Штаб — всегда возле позиции, чтобы разделить с войсками и грязь, и тесноту, и опасности. Потом длинный страданный путь, полный славных боев, в которых общая жизнь, общие страдания и общая слава сроднили еще более и создали взаимную веру и трогательную близость. Нет, я не был никогда врагом солдату.

Я сбросил с себя шинель и, вскочив с нар, подошел к окну, у которого на решетке повисла солдатская фигура, изрыгавшая ругательства. «Ты лжешь, солдат! Ты не свое говоришь! Если ты не трус, укрывшийся в тылу, если ты был в боях, ты видел, как умели умирать твои офицеры. Ты видел, что они...» Руки разжались, и фигура исчезла. Я думаю — просто от сурового окрика, который, невзирая на беспомощность узника, оказывал свое атактистическое действие. В окне и в дверном глазке появились новые лица...

Впрочем, не всегда мы встречали одну наглость. Иногда сквозь напускную грубость наших тюремщиков видно было чувство неловкости, смущение и даже жалость. Но этого чувства стыдились. В первую холодную ночь, когда у нас не было никаких вещей, Маркову, забывшему захватить пальто, караульный принес солдатскую шинель; но через полчаса — самому ли стыдно стало своего хорошего порыва или товарищи пристыдили — взял обратно. В случайных заметках Маркова есть такие строки: «Нас обслуживают два пленных австрийца... Кроме них нашим метрдотелем служит солдат, бывший финляндский стрелок (русский), очень добрый и заботливый человек. В первые дни и ему туго приходилось — товарищи не давали прохода; теперь ничего, поупокоились. Заботы о нашем питании прямо трогательны, а новости умилительны по наивности. Вчера он заявил мне, что будет скучать, когда нас увезут... Я его успокоил тем, что скоро на наше место посадят новых генералов — ведь еще не всех извели»...

Тяжко на душе. Чувство как-то раздваивается: я ненавижу и презираю толпу — дикую, жестокую, бессмысленную, но к солдату чувствую все же жалость: темный, безграмотный, сбитый с толку человек, способный и на гнусное преступление и на высокий подвиг!..

Скоро несение караульной службы поручили юнкерам 2-й житомирской школы прапорщиков. Стало значительно легче в моральном отношении. Не только сторожили узников, но и охраняли их от толпы. А толпа не раз, по разным поводам, собиралась возле гауптвахты и дико редела, угрожая самосудом. В доме наискось спешно собиралась в таких случаях дежурная рота, караульные юнкера готовили пулеметы. Помню, что в спокойном и ясном сознании опасности, когда толпа особенно бушевала, я обдумал и свой способ самозащиты: на столике стоял тяжелый графин с водой; им можно проломить череп первому ворвавшемуся в камеру; кровь ожесточит и опьянит «товарищей», и они убьют меня немедленно, не предавая мучениям...

Впрочем, за исключением таких неприятных часов, жизнь в тюрьме шла размеренно, методично; было тихо и покойно; физические стеснения тюремного режима, после тягот наших походов и в сравнении с перенесенными нравственными испытаниями — сущие пустяки. В наш быт вносили разнообразие небольшие приключения: иногда какой-нибудь юнкер-большевик, став у двери, передает новости часовому — громко, чтобы было слышно в камере, что на последнем митинге товарищи Лысой горы, потеряв терпение, решили окончательно покончить с нами самосудом и что туда нам и дорога. Другой раз Марков, проходя по коридору, видит юнкера-часового, опершегося на ружье, у которого градом сыплются слезы из глаз: ему стало жалко нас... Какой странный, необычайный сентиментализм для нашего звериного времени...

Две недели я не выходил из камеры на прогулку, не желая стать предметом любопытства «товарищей», окружавших площадку перед гауптвахтой и рассматривающих арестованных генералов, как экспонаты в зверинце... Никакого общения с соседями. Много времени для самоуглубления и размышления. А из дома напротив каждый день, когда я открываю окно,— не знаю, друг или враг — выводит высоким тенором песнь: «Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья...»

Глава XXXVII. В Бердичевской тюрьме. Переезд «бердичевской» группы арестованных в Быхов

В тюрьму, кроме меня и Маркова, участие которых в событиях определяется предыдущими главами, были заключены следующие лица:

3) Командующий Особой армией, генерал от инфантерии Эрдели.

4) Командующий 1-ой армией, генерал-лейтенант Ванновский.

5) Командующий 7-ой армией, генерал-лейтенант Селивачев.

6) Главный начальник снабжений Юго-западного фронта, генерал-лейтенант Эльснер.

Виновность перечисленных лиц заключалась в высказанной ими солидарности с моей телеграммой № 145, а последнего, кроме того, в выполнении моих приказаний об изолировании фронтального района в отношении Киева и Житомира.

7, 8) Помощники генерала Эльснера — генералы Павский и Сергиевский — лица, уже абсолютно не имевшие никакого отношения к событиям.

9) Генерал-квартирмейстер штаба фронта, генерал-майор Орлов — израненный, сухорукий — человек робкий и только исполнявший в точности приказание начальника штаба.

10) Поручик чешских войск Клецандо, ранивший 28 августа солдата на Лысой горе.

11) Штабс-ротмистр князь Крапоткин — старик свыше 60 лет, доброволец, комендант поезда главнокомандующего. Совершенно не был посвящен в события. В случайной беседе его с одним из наших адъютантов выяснилось, что в его распоряжении имеется дисциплинированная поездная охранная команда, которою и сменили за несколько дней до 27-го большевистскую охрану дома главнокомандующего. Кроме того, князь Крапоткин говорил всем солдатам «ты», считая, что они ему годятся во внуки. Других преступлений следствие ему не инкриминировало.

Вскоре генералы Селивачев, Павский и Сергиевский были отпущены. Князю Крапоткину объявили об отсутствии состава преступления 6 сентября, но выпустили только 23-го, когда выяснилось, что нас не будут судить в Бердичеве. Для обвинения нас в мятеже нужно было сообщество восьми человек, никак не меньше. Наши противники были очень заинтересованы этой цифрой, желая соблюсти приличия... Впрочем, отдельно от нас, при комендантском управлении содержался в запасе и даже был впоследствии отвезен в Быхов еще один арестованный — военный чиновник Будилович — немощный телом, но бодрый духом юноша, который позволил себе однажды сказать гневной толпе, что она не стоит и мизинца тех, кого заушает*... Больше ничего преступного за ним никто не числил.

В случайно, может быть, умышленно, попавшем в мою камеру единственном номере газеты на второй или третий день ареста я прочел указ Временного правительства правительствующему сенату от

* Прodelал с Добровольческой армией кубанские походы и служил ей до самой смерти — от сыпного тифа в 1920 г.

29 августа: «Главкомандующий армиями Юго-западного фронта, генерал-лейтенант Деникин отчисляется от должности главнокомандующего с преданием суду за мятеж. Министр-председатель А. Керенский. Управляющий военным министерством Б. Савинков». Такие же указы в тот же день отданы были о генералах Корнилове, Лукомском, Маркове и Кислякове. Позднее состоялся приказ об отчислении ген. Романовского.

На второй или третий день ареста на гауптвахте появилась приступившая к опросу следственная комиссия, под наблюдением главного полевого прокурора фронта генерала Батога, под председательством помощника комиссара Костицына и в составе членов: заведующего юридической частью комиссариата, подполковника Шестоперова; члена Киевского военно-окружного суда, подполковника Франка; членов фронтového комитета, прапорщика Удальцова и младшего фейерверкера Левенберга.

Мое показание, в силу фактических обстоятельств дела, было совершенно кратко и сводилось к следующим положениям: 1) все лица, арестованные вместе со мною, ни в каких активных действиях против правительства не участвовали; 2) все распоряжения, отдававшиеся по штабу в последние дни, в связи с выступлением генерала Корнилова, исходили от меня; 3) я считал и считаю сейчас, что деятельность Временного правительства преступна и губительна для России, но, тем не менее, восстания против него не подымал, а, послав свою телеграмму № 145, предоставил Временному правительству поступить со мной, как ему заблагорассудится. Позднее главный военный прокурор Шабловский, ознакомившись со следственным делом и с той обстановкой, которая создавалась вокруг него в Бердичеве, пришел в ужас от «неосторожной редакции» показания.

Уже к 1-му сентября Иорданский доносил военному министерству, что следственной комиссией обнаружены документы, устанавливающие наличие давно подготавливавшегося заговора... Вместе с тем литератор Иорданский запросил правительство, может ли он по вопросу о направлении дел арестованных генералов действовать в пределах закона, сообразно с местными обстоятельствами, или же обязан руководствоваться какими-либо политическими соображениями центральной власти. Ему был дан ответ, что действовать надлежит, не считаясь ни с чем, как только с законом, и... принимая во внимание обстоятельства на местах*.

В силу такого разъяснения Иорданский решил предать нас военно-революционному суду, для чего от одной из подчиненных мне ранее дивизий фронта был приготовлен состав суда, а общественным обвинителем предназначен член исполнительного комитета Юго-западного фронта, штабс-капитан Павлов. Таким образом, интересы компетентности, нелицеприятия и беспристрастия были соблюдены. Иорданский был так заинтересован скорейшим осуждением меня и заключенных со мной генералов, что 3 сентября предложил комиссии, не ожидая выяснения обстановки во всем ее объеме, передавать дела в военно-революционный суд по группам, по мере выяснения виновности.

Костицын, зайдя в мою камеру, от имени Маркова предложил мне обратиться совместно с ним к В. Маклакову с предложением принять на себя нашу защиту. На посланную телеграмму Маклаков ответил согласием. Кроме того, наши близкие, жившие в Киеве, не рассчитывая на своевременность прибытия Маклакова ввиду расстройств железных дорог и торопливости г. Иорданского, пригласили трех киевских присяжных поверенных**. Лично меня вопрос этот интересовал

* Официальное сообщение.

** Возможно, что находятся в Советской России, поэтому имен не называю.

весьма условно, так как приговор бердичевского суда был предрешен его составом, обстановкой и настроениями.

Нас угнетала сильно полная неизвестность о том, что делается во внешнем мире. Изредка Костицын знакомил нас с важнейшими событиями, но в комиссарском освещении эти события действовали на нас еще более угнетающе. Ясно было, однако, что власть разваливается окончательно, большевизм все более подымает голову и гибель страны, по-видимому, непредотвратима.

Около 8—10 сентября, когда следствие было закончено, обстановка нашего заключения несколько изменилась. В камеры стали попадать почти ежедневно газеты, сначала тайно, потом, с 22-го, официально. Вместе с тем, после смены одной из караульных рот мы решили произвести опыт: во время прогулки по коридору я подошел к Маркову и заговорил с ним; часовые не препятствовали; с тех пор каждый день мы все принимались беседовать друг с другом; иногда караульные требовали прекращения разговора — мы немедленно замолкали, но чаще нам не мешали. Во второй половине сентября допущены были и посетители; любопытство «товарищей» Лысой горы было, по-видимому, уже удовлетворено, их собиралось возле площадки меньше, и я выходил ежедневно на прогулку, имея возможность видеть всех заключенных и иногда перекинуться с ними двумя-тремя словами. Теперь, по крайней мере, мы знали, что делается на свете, а возможность общения друг с другом устраняла гнетущее чувство одиночества.

Из газет мы узнали, как генерал Алексеев «после тяжелой внутренней борьбы» принял должность начальника штаба при «главоверхе» Керенском — очевидно, для спасения корниловцев. И как через неделю он вынужден был оставить должность, не будучи в силах работать в тягостной атмосфере нового командования. Узнали подробно о судьбе Корнилова и о том, что возбужден вопрос о переводе нашей «бердичевской группы» в Быхов, для совместного суда с корниловской группой. Это известие вызвало живейший интерес и большое удовлетворение. С этого дня главной темой бесед был вопрос: повезут или оставят. Спрошенный мною по этому поводу при обходе камер Костицын ответил: «Ничего нельзя сделать. Ваш же генерал Батог настаивает на том, что перевод недопустим, и что суд должен состояться без замедления здесь, в Бердичеве».

Прокурор Батог — друг революционной демократии! Как странно, реакционер и крепостник. Славившийся жестокостью своих приговоров. Орудие внутренней политики в военном суде старого режима. Тот Батог, который 28 августа, придя ко мне с докладом и глядя в сторону своими бегающими глазами, патетическим голосом говорил по поводу моей телеграммы правительству: «Наконец-то этим предателям сказано во всеуслышание прямое и заслуженное ими слово...» Хотел было поделиться с Костицыным своим недоумением, но воздержался: не стоит нарушать трогательной дружбы Батога и Иорданского.

Из газет мы узнали также, что расследование корниловского дела поручено верховной следственной комиссии под председательством главного военно-морского прокурора Шабловского*.

Около 9-го сентября вечером возле здания тюрьмы слышался сильный шум и яростные крики многочисленной толпы. Через некоторое время в мою камеру вошли четыре незнакомых мне лица — смущенные и чем-то сильно взволнованные. Назвали себя председателем и членами верховной следственной комиссии по делу Корнилова**. Шабловский

* Члены комиссии: военные юристы, полковники Раупах и Украинцев, судебный следователь Колоколов и представители центрального исполнительного комитета Совета р. и с. д. Либер и Крохмаль.

** Шабловский, Колоколов, Раупах и Украинцев.

несколько прерывающимся еще голосом начал говорить о том, что цель их прибытия вывести нас в Быхов и что по тому настроению, которое создалось в Бердичеве, по неистовству толпы, которая сейчас окружает тюрьму, они видят, что здесь нет никаких гарантий правосудия, одна только дикая месть. Он прибавил, что для комиссии нет никаких сомнений в недопустимости выделения нашего дела и в необходимости единого суда над всеми соучастниками корниловского выступления. Но что комиссариат и комитеты противятся этому всеми средствами. Поэтому комиссия предлагает мне, не пожелаю ли я дополнить показания какими-нибудь фактами, которые бы еще более наглядно устанавливали связь нашего дела с корниловским. Ввиду невозможности производить сейчас допрос под рев собравшейся толпы решили отложить его до другого дня.

Комиссия ушла; вскоре разошлась и толпа. Что я мог сказать им нового? Только разве о той ориентировке, которую мне дал Корнилов в Могилеве и через посланца. Но это было сделано в порядке исключительного доверия Верховного главнокомандующего, которое я ни в каком случае не позволил бы себе нарушить. Поэтому некоторые детали, которые на другой день я добавил к прежним показаниям, не утешили комиссию и не удовлетворили, по-видимому, присутствовавшего при дознании вольноопределяющегося — члена фронтового комитета.

Мы, тем не менее, ждали с нетерпением освобождения из бердичевского застенка. Но надежды наши омрачались все больше и больше. Газета фронтового комитета методически подогривала страсти гарнизона; доходили сведения, что на заседаниях всех комитетов выносятся постановления не выпускать нас из Бердичева; шла сильнейшая агитация комитетчиков среди тыловых команд гарнизона, собирались митинги, проходившие в крайне приподнятом настроении.

Цель комиссии Шабловского не была достигнута. Как оказалось, еще в начале сентября на требование Шабловского — не допускать сепаратного суда над «бердичевской группой», Иорданский ответил, что «не говоря уже о переводе генералов куда бы то ни было, даже малейшая отсрочка суда над ними грозит неисчислимыми бедствиями для России — осложнением на фронте и новой гражданской войной в тылу», и что «как по политическим, так и по тактическим соображениям необходимо судить нас в Бердичеве в кратчайший срок и военно-революционным судом» *.

Фронтовой комитет и Киевский совет рабочих и солдатских депутатов, невзирая на все убеждения, уговоры, доказательства посетившего их заседание Шабловского и членов его комиссии, на перевод наш не согласились. На обратном пути в Могилев состоялось совещание по этому вопросу в составе Керенского, Шабловского, Иорданского и Батоба. Все, кроме Шабловского, пришли к совершенно недвусмысленному заключению, что фронт потрясен, солдатская масса волнуется и требует жертвы, и что необходимо дать возможность разрядиться сгущенной атмосфере ценою хотя бы неправосудия... Шабловский вскочил и заявил, что он не допустит такого циничного отношения к праву справедливости. Помню, что рассказ этот вызвал во мне недоумение. Не стоит спорить о точках зрения. Но если по убеждению министра-председателя в вопросе охранения государственности допустимо руководствоваться велением целесообразности, то в чем заключалась вина Корнилова?

14-го сентября состоялся диспут в Петрограде, в последней «апелляционной инстанции» — в военном отделе центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов — между Шабловским и представителем комитета Юго-западного фронта, поддержанным всецело Иорданским. Последние заявили, что, если военно-

* Интервью Шабловского в «Речи».

революционный суд не состоится на месте, в Бердичеве, в течение ближайших пяти дней, то можно опасаться самосуда над арестованными. Центральный комитет, однако, согласился с доводами Шабловского и свою резолюцию в этом духе послал в Бердичев.

Итак, организованный самосуд был устранен. Но в руках революционных учреждений Бердичева был еще другой способ ликвидации «бердичевской группы», способ легкий и безответственный — в порядке народного гнева... Пронесся слух, что нас везут 23-го, потом сообщили, что отъезд состоится 27-го в 5 часов вечера с пассажирского вокзала. Вывести арестованных без огласки не представляло никакого труда: на автомобиле, пешком в юнкерской колонне, наконец, в вагоне — узкоколейный путь подходил вплотную к гауптвахте и выводил на широкую колею вне города и вокзала *. Но такой способ переезда не соответствовал намерениям комиссариата и комитетов.

Генерал Духонин из Ставки запросил штаб фронта, есть ли в Бердичеве надежные части, и предложил прислать отряд для содействия нашему переезду. Штаб фронта отказался от помощи. Главнокомандующий генерал Володченко ⁶ накануне, 26-го, выехал на фронт...

Вокруг этого вопроса искусственно создавался большой шум и нездоровая атмосфера ожидания и любопытства. Керенский прислал комиссариату телеграмму: «...Уверен в благоразумии гарнизона, который может из среды своей выбрать двух представителей для сопровождения».

С утра комиссариат устроил объезд всех частей гарнизона, чтобы получить согласие на наш перевод. Распоряжением комитета был назначен митинг всего гарнизона на 2 часа дня, т. е. за три часа до нашего отправления, и при том на поляне, непосредственно возле нашей тюрьмы. Грандиозный митинг действительно состоялся; на нем представители комиссариата и фронтового комитета объявили распоряжение о нашем переводе в Быхов, предусмотрительно сообщили о часе отъезда и призывали гарнизон... к благоразумию; митинг затянулся надолго и, конечно, не расходился. К пяти часам тысячная возбужденная толпа окружила гауптвахту, и глухой ропот ее врывался внутрь здания.

Среди офицеров юнкерского батальона 2-й житомирской школы прапорщиков, несших в этот день караульную службу, был израненный в боях штабс-капитан Бетлинг, служивший до войны в 17-м пехотном Архангелогородском полку, которым я командовал **. Бетлинг попросил начальство школы заменить своей полуротой команду, назначенную для сопровождения арестованных на вокзал. Мы все оделись и вышли в коридор. Ждали. Час, два...

Митинг продолжался. Многочисленные ораторы призывали к немедленному самосуду... Истерически кричал солдат, раненный поручиком Клецандо, и требовал его головы... С крыльца гауптвахты уговаривали толпу помощники комиссара Костицын и Григорьев. Говорил и милый Бетлинг — несколько раз, горячо и страстно. О чем он говорил, нам не было слышно. Наконец, бледные, взволнованные Бетлинг и Костицын пришли ко мне. «Как прикажете? Толпа дала слово не трогать никого; только потребовала, чтобы до вокзала вас вели пешком. Но ручаться ни за что нельзя». Я ответил: «Пойдем». Снял шапку, перекрестился: Господи, благослови!

Толпа неистовствовала. Мы — семь человек, окруженные кучкой юнкеров, во главе с Бетлингом, шедшим рядом со мной с обнаженной пашкой в руке, вошли в тесный коридор среди живого человеческого

* В тот же день утром нас водили без караула при одном сопровождающем в баню, за версту от гауптвахты, и это не привлекло ничего внимания.

** Этот доблестный офицер потом один из первых добровольцев — в первом корниловском кубанском походе в 1918 году был вновь изранен и весной 1919 года умер от сыпного тифа.

моря, сдавившего нас со всех сторон. Впереди — Костицын и делегаты (12—15), выбранные от гарнизона для конвоирования нас. Надвигалась ночь. И в ее жуткой тьме, прорезываемой иногда лучами прожектора с броневика, двигалась обезумевшая толпа; она росла и катилась, как горящая лавина. Воздух наполняли оглушительный рев, истерические крики и смрадные ругательства. Временами их покрывал громкий тревожный голос Бетлинга: «Товарищи, слово дали!.. Товарищи, слово дали!»...

Юнкера, славные юноши, сдавленные со всех сторон, своею грудью отстраняют напирющую толпу, сбивающую их жидкую цепь. Проходя по лужам, оставшимся от вчерашнего дождя, солдаты набирали полные горсти грязи и ею забрасывали нас. Лицо, глаза, уши заволкло зловонной липкой жижицей. Посыпались булыжники. Бедному калеке генералу Орлову разбили сильно лицо; получил удар Эрдели, и я — в спину и в голову.

По пути обмениваемся односложными замечаниями. Обращаюсь к Маркову: «Что, милый профессор, конец?!» «По-видимому». Пройти прямым путем к вокзалу толпа не позволила. Повели кружным путем, в общем, верст пять, по главным улицам города. Толпа растет. Балконы бердичевских домов полны любопытными; женщины машут платками. Слышатся сверху веселые гортанные голоса: «Да здравствует свобода!»

Вокзал залит светом. Там новая громадная толпа в несколько тысяч человек. И все слилось в общем море — бушующем, ревушем. С огромным трудом нас провели сквозь него под градом ненавистных взглядов и ругательств. Вагон. Рыдающий в истерике и посылающий толпе бессильные угрозы офицер — сын Эльснера, и любовно успокаивающий его солдат-денщик, отнимающий револьвер; онемевшие от ужаса две женщины — сестра и жена Клецандо, вздумавшие проводить его... Ждем час, другой. Поезд не пускают — потребовали арестантский вагон. Его на станции не оказалось. Угрожают расправиться с комиссарами. Костицына слегка помяли. Подали товарный вагон, весь загаженный конским пометом, — какие пустяки! Переходим в него без помоста; несчастного Орлова с трудом подсаживают в вагон; сотни рук сквозь плотную и стойкую юнкерскую цепь тянутся к нам... Уже десять часов вечера... Паровоз рванул. Толпа загудела еще громче. Два выстрела. Поезд двинулся. Шум все глуше, тусклее огни. Прощай, Бердичев!

Керенский пролил слезу умиления над самоотвержением «наших спасителей» — так он называл не юнкеров, а комиссаров и комитетчиков: «Какая ирония судьбы! Генерал Деникин, арестованный как сообщник Корнилова, был спасен от ярости обезумевших солдат членами исполнительного комитета Юго-западного фронта и комиссарами Временного правительства. Я помню, с каким волнением мы с незабвенным Духониным читали отчет о том, как горсть этих храбрых людей конвоировала арестованных генералов сквозь толпу тысяч солдат, жаждавших их крови» *... Зачем клеветать на мертвого? Духонин, наверно, волновался за участь арестованных не меньше, чем за... судьбу их революционной стражи...

Римский гражданин Понтий Пилат сквозь тьму времен лукаво улыбался...

Глава XXXVIII. Некоторые итоги первого периода революции

Не скоро еще история в широком, беспристрастном освещении даст нам картину русской революции. Той перспективы, которая сейчас открывается нашему взору, достаточно только для того, чтобы уяснить

* «Дело Корнилова».

себе некоторые частные явления ее и, быть может, отвергнуть сложившиеся вокруг них предрассудки и заблуждения.

Революция была неизбежна. Ее называют всенародной. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения. Но в вопросе о формах ее и достижениях между ними не было никакого единомыслия, и глубокие трещины должны были появиться с первого же дня после падения старой власти.

Революция имела образ многоликий. Для крестьян — переход к ним земли; для рабочих — переход к ним прибылей; для либеральной буржуазии — изменение политических условий жизни страны и умеренные социальные реформы; для революционной демократии — власть и максимум социальных достижений; для армии — безначалие и прекращение войны.

Когда царская власть пала, в стране, до созыва Учредительного собрания, не стало вовсе легальной, имевшей какое-либо юридическое обоснование, власти. Это совершенно естественно и вытекает из самой природы революции. Но люди, добросовестно заблуждаясь или сознательно искажая истину, создали заведомо ложные теории о «всенародном происхождении Временного правительства» или о «полномочности Совета рабочих и солдатских депутатов» как органа, представляющего якобы «всю русскую демократию». Какую растяжимую совесть нужно иметь, чтобы, исповедуя демократические принципы и восставая жестоко против малейшего уклонения от четырехчленной формулы и других правозверных условий законности выборов, считать полномочным органом демократии Петроградский Совет или Съезд Советов, порядок избрания которых имел необыкновенно упрощенный и односторонний характер. Недаром Петроградский Совет долгое время стеснялся даже опубликовать списки своих членов.

Что касается верховной власти, то, не говоря уже о «всенародности» ее происхождения от «частного заседания Государственной думы», техника ее построения была настолько несовершенной, что повторяющиеся кризисы могли прервать само существование ее и всякие следы преемственности. Наконец, действительно «всенародное» правительство не могло бы остаться одиноким, всеми покинутым — на волю кучки захватчиков власти. То самое правительство, которое в мартовские дни с такою легкостью получило всеобщее признание. Признание, но не фактическую поддержку. После 3-го марта и до Учредительного собрания всякая верховная власть носила признаки самозванства, и никакая власть не могла бы удовлетворить все классы населения, ввиду непримиримости их интересов и неумеренности их вожделений.

Ни одна из правивших инстанций (Временное правительство, Совет) не имела за собою надлежащей опоры большинства. Ибо это большинство (80%) устами своего представителя в Учредительном собрании 1918 года сказало: «У нас, крестьян, нет разницы между партиями; партии борются за власть, а наше мужицкое дело — одна земля». Но если бы даже, предпреляя волю Учредительного собрания, Временное правительство удовлетворило полностью эти желания большинства, оно не могло рассчитывать на немедленное подчинение его общегосударственным интересам и на активную поддержку: занятое черным переделом, сильно отвлекавшим и элементы фронта, крестьянство вряд ли дало бы государству добровольно силы и средства к его устройству, то есть много хлеба и много солдат — храбрых, верных и законопослушных. Перед правительством оставались бы и тогда неразрешимые для него вопросы: невоюющая армия, непроизводительная промышленность, разрушаемый транспорт и... партийные междоусобия.

Оставим, следовательно, в стороне всенародное и демократическое происхождение временной власти. Пусть она будет самозваной, как это

имело место в истории всех революций и всех народов. Но самый факт широкого признания Временного правительства давал ему огромное преимущество перед всеми другими силами, оспаривавшими его власть. Необходимо было, однако, чтобы эта власть стала настолько сильной, по существу абсолютной, самодержавной, чтобы, подавив силою, быть может, оружием, все противодействия, довести страну до Учредительного собрания, избранного в обстановке, не допускающей подмены народного голоса, и охранить это собрание.

Мы слишком злоупотребляем элементом стихийности как оправданием многих явлений революции. Ведь та «расплавленная стихия», которая с необычайной легкостью сдунула Керенского, попала в железные тиски Ленина — Бронштейна и вот уже более трех лет не может вырваться из большевистского застенка. Если бы такая жестокая сила, но одухотворенная разумом и истинным желанием народоправства, взяла власть и, подавив своеволие, в которое обратилась свобода, донесла бы эту власть до Учредительного собрания, то русский народ не осудил бы ее, а благословил. В таком же положении окажется всякая временная власть, которая примет наследие большевизма; и судить ее будет Россия не по юридическим признакам происхождения, а по делам ее.

Почему свержение негодной власти старого правительства есть подвиг, во славу которого Временное правительство предполагало соорудить в столице монумент, а попытка свержения негодной власти Керенского, предпринятая Корниловым, исчерпавшим все легальные средства, и после провокации министра-председателя, есть мятеж?

Но потребность сильной власти далеко не исчерпывается периодом до Учредительного собрания. Ведь бывшее Собрание 1918 года напрасно взывало к стране уже не о подчинении, а просто об избавлении его от физического насилия буйной матросской вольницы. И ни одна рука не поднялась на защиту его. Пусть то Собрание, рожденное в стихии бунта и насилия, не выражало воли русского народа, а будущее отразит ее более совершенно. Полагаю, однако, что даже люди с наиболее восторженной верой в непогрешимость демократического принципа не закрывают глаза на неограниченные возможности будущего, которое явится наследием небывалого в истории и никем еще не исследованного физического и психологического перерождения народа. Кто знает, не придется ли демократический принцип, самую власть Учредительного собрания и его веления утверждать железом и новой кровью...

Так или иначе, состоялось внешнее признание власти Временного правительства. В работе правительства трудно и бесполезно разделять то, что исходило от доброй воли и искреннего убеждения его и что носит печать насильственного воздействия Совета. Если Церетели имел право заявить, что «не было случая, чтобы в важных вопросах Временное правительство не шло на соглашение», то мы также имеем право отождествлять их работу и ответственность. Вся эта деятельность вольно или невольно имела характер разрушения, не созидания. Правительство отменяло, упраздняло, расформировывало, разрешало... В этом заключался центр тяжести его работы.

Россия того периода представляется мне ветхим, старым домом, требовавшим капитальной перестройки. За отсутствием средств и в ожидании строительного периода (Учр. собр.), зодчие начали вынимать подгнившие балки, причем часть их вовсе не заменили, другую подменили легкими, временными подпорками, а третью надтачали свежими бревнами без скреп — последнее средство оказалось хуже всех. И здание рухнуло. Причинами такого строительства были: первое — отсутствие целостного и стройного плана у русских политических партий, вся энергия, напряжение мысли и воли которых были направлены главным образом к разрушению существовавшего ранее строя. Ибо нельзя на-

звать практическим планом отвлеченные эскизы партийных программ; они — скорее законные или фальшивые дипломы на право строительства. Второе — отсутствие у новых правящих классов самых элементарных технических знаний в деле управления как результат систематического, веками отстранения их от этих функций. Третье — непредрешение воли Учредительного собрания, требовавшее, во всяком случае, героических мер к ускорению его созыва, но вместе с тем и не менее героических мер для обеспечения действительной свободы выборов. Четвертое — одиозность всего, на чем лежала печать старого режима, хотя бы оно имело в основе здоровую сущность. Пятое — самомнение политических партий, каждая порознь представлявших «волю всего народа» и отличавшихся крайней непримиримостью к противникам.

Вероятно, долго еще можно бы продолжать этот перечень, но я остановлюсь на одном факте, имеющем значение далеко не ограничивающееся одним лишь прошлым. Революцию ждали, ее готовили, но к ней не подготовился никто, ни одна из политических группировок. И революция пришла в ночи, застав их всех, как евангельских дев, со светильниками погашенными. Одной стихийностью событий нельзя все объяснить, все оправдать. Никто не создал заблаговременно общего плана каналов и шлюзов для того, чтобы наводнение не превратилось в потоп. Ни одна руководящая партия не имела программы для временного переходного периода в жизни страны, программы, которая по существу и по масштабу не могла ведь соответствовать нормальным планам строительства, как в системе управления, так и в области экономических и социальных отношений. Едва ли будет преувеличением сказать, что единственный актив, который оказался в этом отношении к 27 марта 1917 г. в руках прогрессивного и социалистического блоков, был для первого — назначение министром-председателем князя Львова, для второго — Советы и приказ № 1. Потом уже началось судорожное, бессистемное метание правительства и Совета.

К сожалению, эта разница, резко отличающая два периода — переходный и строительный, две системы, две программы до сих пор недостаточно ярко рисуются в общественном сознании. Весь период активной борьбы с большевизмом прошел под знаком смещения двух этих систем, расхождения взглядов и неумения создать переходную форму власти. По-видимому, и теперь антибольшевистские силы, углубляя свое политическое расхождение и строя планы на будущее, не готовятся к процессу восприятия власти после крушения большевизма и подойдут к нему опять с голыми руками и мятущимся разумом. Только теперь процесс этот будет неизмеримо труднее. Ибо второй после «стихийности» мотив оправдания неуспеха революции, или, вернее, ее первостепенных деятелей — «наследие царского режима», — значительно побледнел на фоне большевистского кровавого тумана, заставшего русскую землю.

* * *

Перед новой властью (Временное правительство) встал капитальнейший вопрос — о войне. От решения его зависела участь страны. Решение в пользу сохранения союза и продолжения войны основывалось на побуждениях этических, в то время не вызывавших сомнений, и практических — до некоторой степени спорных. Ныне даже первые поколебались после того, как и союзники, и противники отнеслись с жестоким, циничным эгоизмом к судьбам России. Тем не менее, для меня не подлежит сомнению правильность тогдашнего решения продолжать войну.

Можно делать различные предположения по поводу возможностей сепаратного мира — был ли бы он «Брест-Литовским» или менее тяжелым для государства и нашего национального самолюбия. Но надо ду-

мать, что этот мир, весной 1917 года, привел бы к расчленению России и экономическому ее разгрому (всеобщий мир за счет России) или дал бы полную победу центральным державам над нашими союзниками, что вызвало бы в их странах потрясения, несравненно более глубокие, чем переживает ныне германский народ. Как в том, так и в другом случае не создавалось никаких объективных данных для изменения к лучшему политических, социальных и экономических условий русской жизни и для уклонения в иную сторону путей русской революции. Только, кроме большевизма, в свой пассив Россия внесла бы ненависть побежденных на долгие годы.

Решив вести войну, надо было сохранить армию, допустив известный консерватизм в ее жизни. Такой консерватизм служит залогом устойчивости армии и той власти, которая на нее опирается. Если нельзя избежать участия армии в исторических потрясениях, то нельзя и обращать ее в арену политической борьбы, создавая вместо служебного начала — преторианцев или опричников, безразлично — царских, революционной демократии или партийных.

Но армию развалили. На тех принципах, которые положила революционная демократия в основу существования армии, последняя ни строиться, ни жить не может. Не случайность, что все позднейшие попытки вооруженной борьбы против большевизма начинались с организации армии на нормальных началах военного управления, к которым постепенно старалось переходить и советское командование. Никакие стихийные обстоятельства, никакие ошибки военных диктатур и сил, им содействовавших и противодействовавших, повлекшие неудачу борьбы (об этом — правдивое слово впереди), не в состоянии затемнить этой непреложной истины. Не случайность также, что руководящие круги революционной демократии не могли создать никакой вооруженной силы, кроме жалкой пародии — «Народной армии» на так называемом «фронте Учредительного собрания». Это именно обстоятельство привело русскую социалистическую эмиграцию к теории непротивления, отрицания вооруженной борьбы, к сосредоточению всех надежд на внутреннее перерождение большевизма и свержение его какими-то бесплотными «силами самого народа», которые все-таки иначе как железом и кровью проявить себя не могут: «великая, бескровная» с начала и до конца течет в крови...

Отмахнуться от огромного вопроса — о воссоздании на твердых началах национальной армии — не значит решить его. Что же? Со дня падения большевизма сразу наступит мир и благоволение в стране, развращенной рабством, горшим татарского, насыщенной рознью, местью, ненавистью и... огромным количеством оружия? Или со дня падения русского большевизма отпадут своекорыстные вождедения многих иностранных правительств, а не усилятся еще больше, когда исчезнет угроза советской моральной заразы? Наконец, если бы даже вся старая Европа путем нравственного перерождения перековала мечи на орала, разве не возможно пришествие нового Чингисхана из недр той Азии, которая имеет вековые и неоплатные счета за Европой?

Армия возродится. Несомненно. Но, потрясенная в своих исторических основах и традициях, она, подобно былинным русским богатырям, немало времени будет стоять на распутье, тревожно вглядываясь в туманные дали, еще окутанные предрассветной мглой, и чутко прислушиваясь к неясному шуму голосов, зовущих ее. И среди обманчивых зовов — с великим напряжением будет искать подлинный голос... своего народа.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рерберг Ф. С.—генерал, временно—с 19 июля (1 августа) по 29 августа (11 сентября) 1917 г.—исполнял обязанности командующего 11-й армией Юго-Западного фронта.

² Ванновский Г. М.—генерал-лейтенант, командующий 1-й армией (Северный фронт) с 31 августа (13 сентября) по 9 (22) сентября 1917 года.

³ Маклаков В. А. (1869—1957) — адвокат, один из лидеров партии кадетов. Депутат II—IV Государственных дум. В 1917 г.—посол во Франции, затем жил в эмиграции. Труды по истории русской общественной мысли и либерального движения.

⁴ Парский Д. П. (1866—1921) — один из первых военачальников русской армии, перешедших после Октябрьской революции на сторону Советской власти, генерал-лейтенант (1915 г.). С 20 июля (2 августа) по 9 (22) сентября 1917 г. командующий 12-й армией (Северный фронт), в октябре—ноябре—3-й армией Западного фронта. Во время германской интервенции, с марта 1918 г.,—начальник Нарвского оборонительного района. С мая—военный руководитель Северного участка отрядов завесы, в сентябре—ноябре—главнокомандующий Северным фронтом. В последующие годы член Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Республики и на военно-научной работе. Автор воспоминаний и исследований, в том числе по истории первой мировой войны.

⁵ Львов В. Н.—член IV Государственной думы, центрист. Во Временном правительстве—обер-прокурор Синода вплоть до упразднения этой должности 5 (18) августа 1917 г. и передачи всех дел церкви в новое ведомство—министерство исповеданий.

⁶ Володченко Н. Г.—генерал, главнокомандующий Юго-Западным фронтом с 9 (22) сентября по 24 ноября (7 декабря) 1917 года.

РОССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

А. Ф. Керенский

Глава XIV. Первые месяцы революции

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Не раз перечитывал я эти тютчевские строки во дни своей молодости, но лишь после падения в России монархии до меня дошел их подлинный смысл. Блажен тот, кому выпало на долю пережить роковые поворотные годы в мировой истории, ибо он получает возможность заглянуть в глубь истории человечества, стать свидетелем того, как разрушается мир старый и возникает новый. Он видит, что главное течение человеческих дел определяется не столько экономическими «законами», сколько столкновением воли людей, противоборствующих в стремлении создать новую жизнь на обломках старой.

С момента падения монархии в феврале 1917 г. до наступившего в октябре того же года краха свободной России я был в центре событий. Я действительно оказался в их фокусе, в центре, вокруг которого бушевал водоворот человеческих страстей и противоречивых амбиций и шла титаническая борьба за создание нового государства, политические и социальные принципы которого коренным образом отличались от тех, что определяли жизнь в прежней Российской империи. Для населения страны падение монархии произошло совершенно неожиданно, в критический момент полностью неудачной войны России с Германией, и сопровождалось столь же неожиданным развалом всей административной государственной машины. Перед нами встала задача создать совершенную структуру нового государства.

С первых же дней существования Временного правительства в его адрес стали поступать из всех уголков России, из больших городов и далеких деревень, а также с фронта многочисленные приветственные послания с выражением поддержки. Однако наряду с ними со всех концов страны приходили и тревожные сообщения о параличе местной власти, о полном развале административного аппарата и полиции. Казалось, Россия вот-вот погрязнет в мятежах, грабежах и неконтролируемом насилии. Если бы это и впрямь произошло, страна тотчас потерпела бы поражение от германской и австрийской армий.

Но этого не произошло и главным образом потому, что подавляющее большинство населения, независимо от классовой, религиозной или расовой принадлежности, осознавало, что крушение монархии — это

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 6—11.

кульминация долгой и нелегкой борьбы за освобождение, которая определяла главное содержание современной истории. Поэтому на какой-то момент все групповые, классовые и личные интересы были отброшены в сторону, а все разногласия забыты. Как писал в те дни князь Е. Н. Трубецкой, Февральская революция стала уникальным явлением в истории, поскольку в ней приняли участие все слои общества. То был исторический момент, породивший «мою» Россию — идеальную Россию, которая заняла место России, оскверненной и загаженной Распутиным и ненавистной всем монархией.

Непопулярные чиновные лица были буквально сметены со своих постов, а многие из них убиты или ранены. Рабочие на заводах, прекратив работу, принялись устранять негодных им управляющих и инженеров, вывозя их в тачках за пределы предприятий. В некоторых районах крестьяне, памятуя о 1905—1906 годах, стали на свой лад решать аграрный вопрос, изгоняя помещиков и захватывая их земли. В городах самоchinные «защитники свободы» начали проводить аресты «контрреволюционеров» наряду с теми, кто был замешан в грабежах. После трех лет войны до предела уставшие на фронте солдаты отказывались подчиняться своим офицерам и продолжать сражаться с врагом.

Перед Временным правительством стояло четыре наиболее важные задачи. Вот они в порядке очередности: 1) продолжить защиту страны; 2) воссоздать по всей стране действенный административный аппарат; 3) провести многие коренные политические и социальные реформы; 4) подготовиться к преобразованию России из крайне централизованного в союзное государство.

Весной 1917 г. положение России, как внутреннее, так и международное, стало настолько критическим, что задача быстрейшего выполнения этой программы приобрела жизненно важное значение для сохранения самого существования страны. Но осуществить ее предстояло в стране, политически и социально совершенно непохожей на ту Россию, в которой зародилось и появилось на свет новое правительство. Это правительство, как указал в своей речи Милюков в первый день революции, было призвано осуществить программу Прогрессивного блока. Но Прогрессивного блока как такового уже более не существовало. С падением монархии социальная структура страны неузнаваемо изменилась. На авансцене политической жизни неожиданно оказалось подавляющее большинство населения, ранее лишенное каких-либо прав принимать участие в управлении страной. В то же время средние классы, которые до этого играли позитивную и активную роль в экономической и политической жизни страны, были отброшены на задворки, а помещичья аристократия, столь тесно связанная со старым режимом, и вовсе исчезла со сцены.

В этих условиях новой Россией могли руководить лишь такие люди, которые безусловно понимали, что призваны управлять не вчерашней Россией, а той новой, что стремится к осуществлению вековых чаяний русского народа, то есть к демократическому правлению, которое основывало свою деятельность на законе и социальной справедливости. Именно эту главную цель революции видели перед собой все, за немногим исключением, члены нового правительства — те представители «высшего среднего класса», которые, по твердым убеждениям левых социалистических доктринеров, были призваны управлять от имени «буржуазии». По мнению этих левых, 27 февраля 1917 года знаменовало лишь начало «жирондистской» стадии революции. При очевидной абсурдности этой идеи она имела самые тяжкие, фатальные последствия для будущего.

Мои воспоминания о первых неделях существования Временного правительства связаны с самым счастливым временем моей полити-

ческой карьеры. Из 11 членов этого правительства 10 принадлежали к либеральной и умеренно-консервативной партиям. Я был единственным социалистом, и левая пресса вскоре стала иронически называть меня «заложником демократии». Наш председатель, князь Львов, вел свое происхождение от Рюриковичей, следовательно, принадлежал к старейшему роду, который правил Россией 700 лет. И тем не менее он всю свою жизнь стремился улучшить участь крестьян и в течение длительного времени являлся активным участником борьбы против быстро разлагающегося монархического абсолютизма. В Союзе земств он настойчиво отстаивал право крестьян быть представленными в политической жизни страны. Он стал одним из основателей либерального течения в земствах, которое с начала века играло роль авангарда в борьбе за конституцию, кульминацией которой был Манифест 17 октября 1905 года. По натуре это был застенчивый, сдержанный человек, который мало говорил, но был прекрасным слушателем. Он обладал выдающимся организаторским талантом, и его огромный моральный авторитет проявил себя в создании им Всероссийского Союза земств. Князь Львов никогда не был партийным человеком и после кратковременного сотрудничества в I Думе с партией «народной свободы» он уже никогда не входил ни в какие партии, ни в политические или заговорщические организации. В этом глубоко религиозном человеке было что-то славянофильское и толстовское. Приказам он предпочитал убеждение и на заседаниях кабинета всегда стремился побудить нас к общему согласию. Его часто обвиняли в слабоволии. Такое обвинение было абсолютно безосновательным, в чем я и убедился, познакомившись с ним в декабре 1916 года. Он «слепо», как утверждал Гучков, верил в конечную победу демократии, в способность русского народа играть созидательную роль в делах государства. И не уставал и на людях и в частных разговорах повторять слова: «Не теряйте присутствия духа, сохраняйте веру в свободу России!»

Я до сих пор с трудом понимаю, каким образом с самого первого заседания кабинета мы в своих дискуссиях достигали немедленного и полного согласия относительно того, что следует предпринять. Всех нас объединяло чувство долга, которое мы ставили превыше принадлежности к какой-либо партии. К сожалению, это чувство оказалось недолговечным, и в дальнейшем Временное правительство не отличалось более такой убежденностью, солидарностью и взаимным доверием, однако факт остается фактом: в первый месяц революции каждый из нас, правильно или неправильно, руководствовался единственным соображением — высшими интересами нации.

Некоторые мои личные друзья, коих я знал с первых дней существования Временного правительства, не раз говорили мне потом, что это было лишь мое воображение, что мы никогда не были едины. Как бы то ни было, но первые дни революционных преобразований в России запечатлелись в моем сознании как ощущение свершившегося чуда. И думается, что подобное ощущение испытали даже наиболее рационально мыслящие из нас люди.

В поразительно короткий период времени мы смогли заложить основы не только демократического управления, но и всей новой социальной системы, которая гарантировала ведущую роль в делах нации трудящимся массам и которая впервые ликвидировала все политические, социальные и этнические ограничения. Иначе и быть не могло по той простой причине, что эта новая система явилась прямым отражением воли бесспорного большинства населения.

В библиотеке Гуверовского института хранятся оригиналы стенограмм заседаний Временного правительства. Просматривая их много лет спустя, я сам был поражен огромным объемом законодательных

актов, принятых в первые два месяца после Февральской революции. Как нам удалось добиться столь многого в такой короткий срок? Ведь в конце концов помимо принятия законов правительство должно было заниматься продолжением войны и улаживать бесчисленные повседневные административные дела. Более того, в залы Мариинского дворца и приемные министров непрерывным потоком шли посетители и делегации, представители местных органов новой власти и национальных меньшинств. Это было невероятно трудное, горячее время, время бесконечных дневных и ночных заседаний кабинета, всевозможных конференций и выступлений на массовых митингах.

В первые недели после революции ни один министр нового правительства не мог позволить себе отказаться от участия в таких митингах по той простой причине, что потрясенные и обеспокоенные быстрым поворотом событий люди жаждали вновь обрести уверенность, послушав правдивый отчет о происходящем непосредственно из уст членов нового правительства, которому, как они полагали, можно доверять. В этом вихре безумной активности мы тем не менее умудрились утвердить огромное количество новых законов и не в последнюю очередь потому, что наш предшествующий опыт общественной деятельности дал нам возможность хорошо узнать чаяния и нужды всех слоев населения.

Все мы, за исключением князя Львова, Терещенко и Мануйлова, обрели такой опыт, когда, в качестве депутатов Думы, объехали всю Россию вдоль и поперек. Князь Львов тоже глубоко понимал проблемы местного управления, долгие годы находясь на службе в земстве. Бывший ректор Московского университета, член редколлегии ведущей либеральной газеты «Русские ведомости» Мануйлов был экспертом в области просвещения. Самый молодой член правительства, Терещенко, был ведущей фигурой в промышленном мире Юга России, а во время войны вместе с А. И. Коноваловым занял пост заместителя председателя Военно-промышленного комитета, возглавляемого А. И. Гучковым. Кроме того, у него были хорошие связи в военных кругах и в петроградском обществе.

Наряду с большим опытом членов нового правительства, важную роль в проведении столь обширной и бурной законодательной деятельности сыграло то обстоятельство, что практически все высшие чиновники прежних министерств и других правительственных учреждений остались при новой власти на своих местах и, за редким исключением, работали с огромным энтузиазмом*. Многие из них часто трудились ночи напролет, готовя проекты новых законов и предложения по реформам. Их глубокие познания и подготовленность находились на самом высоком уровне, и крайне прискорбно, что позднее, в мае, некоторые из вновь назначенных министров от социалистических партий начали заменять этих опытных гражданских служащих своими коллегами по партии, которые не имели ни малейшего представления о работе правительственных учреждений.

Несмотря на все трудности, порожденные войной и развалом старой администрации, Временное правительство провело в жизнь с одобрения всей страны широкую законодательную программу, заложив тем самым прочные основы для преобразования России в развитое государство. Даже Ленин, готовясь в октябре к захвату власти, не мог не воздать должного проделанной нами работе, написав: «Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны»**. Конечно же, Ленин при этом обвинил

* Большой чистке Временное правительство подвергло лишь Министерство внутренних дел. Практически все высшие чиновники были смещены со своих постов и заменены новыми.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 198 (прим. ред.).

Временное правительство во всех смертных грехах капитализма и в той же статье, из которой взята вышеприведенная цитата, он ни словом не упомянул о глубоких социальных реформах — аграрной и в области рабочего законодательства, которые оно провело в жизнь. До нынешнего дня молодое поколение в России остается в неведении относительно того, что за короткий промежуток времени после Февральской революции Временное правительство предоставило народам России не только политическую свободу, но и социальную систему, защищавшую человеческое достоинство и гарантирующую материальное благосостояние.

Для полного ознакомления с законодательной деятельностью Временного правительства читатель может обратиться к изданным мною документам по этому вопросу*, а здесь я лишь подытожу главные моменты. Первостепенную важность, конечно же, имели политические и гражданские права. Была установлена независимость судов и судей. Были ликвидированы все «специальные» суды, а все «политические» дела или дела, связанные с государственной безопасностью, отныне стали подлежать рассмотрению в суде присяжных, как и все обычные уголовные дела. Были отменены все религиозные, этнические и сословные ограничения, провозглашена полная свобода совести. Восстановлена независимость православной церкви и в марте создан специальный церковный совет для подготовки собора, который подтвердил бы автономию церкви. Собор этот открылся 15 августа. Всем другим церквям, сектам и религиям была предоставлена полная свобода обращать людей в свою веру. Женщинам были предоставлены равные с мужчинами политические и гражданские права.

При участии представителей всех партий, всех общественных организаций и всех этнических групп был разработан закон о выборах в Учредительное собрание, в основу которого были положены всеобщее избирательное право и пропорциональное представительство. На мой взгляд, однако, включение в закон пропорционального представительства явилось ошибкой. На тех же избирательных принципах было основано городское и сельское самоуправление.

Закон о кооперативах предусматривал включение кооперативного движения в экономическую систему страны как одного из ее компонентов. Между прочим, следует отметить, что закон о кооперативах, как и законы о профсоюзах и местных органах управления, готовился представителями всех этих организаций. И вообще Временное правительство стремилось привлечь к работе по созданию нового порядка как можно больше людей, тем самым исподволь внушая гражданам чувство ответственности за судьбу всей страны.

В области экономической и социальной реформ главным вопросом был, конечно, вопрос о земле. Меры, предложенные Временным правительством, носили революционный характер, ибо предусматривали полную передачу земли тем, кто ее обрабатывает. Всего через три недели после падения монархии новое правительство опубликовало декрет об аграрной реформе. Он был подготовлен новым министром земледелия членом либеральной кадетской партии А. И. Шингаревым. Временное правительство стремилось предоставить разработку важнейших деталей реформы именно тем, кто в ней был более всего заинтересован. Для этого был создан Главный земельный комитет с отделениями по всей стране, члены которых выбирались на основе нового избирательного закона. И пока выработывались детали реформы, всеми текущими делами, связанными с землей, занимались эти местные земельные комитеты.

* The Russian Provisional Government. 1917. Stanford. 1961.

20 мая Главный земельный комитет опубликовал директиву об общих принципах, положенных в основу будущей реформы. В соответствии с новыми потребностями нашей экономики, с пожеланиями большинства крестьян и программами всех демократических партий страны основным принципом предстоящей земельной реформы должна была стать передача всей обрабатываемой земли тем, кто ее обрабатывает.

Это недвусмысленное решение в пользу крестьян вызвало ярость крупных помещиков, и их стремление воспрепятствовать развитию революции в деревне стало одним из тех мотивов, которые привели к попытке свергнуть в августе Временное правительство. Большевики, со своей стороны, пытаясь помешать мирному ходу земельной реформы, всеми силами стремились вызвать в этот переходный период анархию и замешательство в крестьянских массах. Действуя по инструкциям Ленина, им удалось летом и осенью 1917 г. побудить наиболее отсталые и невежественные элементы в деревне взять осуществление закона в свои руки, что вылилось в разграбление помещичьих усадеб, уничтожение и разворовывание зерна.

Естественно, Временное правительство, опираясь на поддержку всех демократических и социалистических партий, стремилось помешать, прибегая иногда к силе оружия, злонамеренному подрыву этой, величайшей в истории Европы, аграрной реформы. Некоторые весьма влиятельные деятели демократических и социалистических партий, как внутри России, так и за рубежом, позднее писали, что Временное правительство проводило в жизнь земельную реформу «слишком медленно». Но они так и не смогли объяснить, как ее можно было осуществить быстрее на бескрайних просторах России, в разгар ужасной войны и в самую горячую пору сбора урожая, от которого в предстоящем году зависело продовольственное снабжение армии, да и всей страны.

Ожидалось, что к осени земельные комитеты завершат подготовительную работу и правительство внесет законопроект о земельной реформе на утверждение Учредительного собрания. А весной 1918 г. земля законным путем будет передана крестьянам, и они не станут, как это случилось позднее, рабами одного-единственного землевладельца — государства.

Трудовое законодательство Временного правительства предоставило рабочим независимость и беспрецедентные права. Все эти права им предстояло утратить при большевистском режиме «рабочих и крестьян». Несмотря на военное время, Гучков немедленно ввел на всех государственных оборонных предприятиях 8-часовой рабочий день, о котором до тех пор не слышали нигде в мире. В результате его инициативы этот распорядок стал нормой и на промышленных предприятиях всего частного сектора. По предложению министра торговли и промышленности А. И. Коновалова промышленники достигли соглашения с Петроградским Советом о 8-часовом рабочем дне. Были созданы арбитражные суды, а рабочие комитеты* и профсоюзы получили

* 5 сентября 1915 г. в швейцарском городе Циммервальде открылась международная конференция европейских социалистов. Задачей конференции являлось объединение тех политических партий и групп, которые оказались в состоянии раскола после распада II Интернационала в начале войны 1914 года. В принятой резолюции конференция отразила свою половинчатую позицию. Точка зрения «циммервальдцев» может быть выражена одной фразой: мы не стоим ни за поражение, ни за оборону; мы занимаем нейтральную позицию в империалистической войне капиталистических государств. Их целью было — организовать рабочих на борьбу за быстрое окончание войны без победителей и побежденных. После Февральской революции большинство русских «циммервальдцев» признали необходимость защиты России, однако многие из них психологически не были готовы к сотрудничеству с «буржуазной демократией». И. Г. Церетели и В. М. Чернов, занимая руководящее положение в партиях (РСДРП и партии социалистов-революционеров. — *Прим. ред.*), до самой революции колеблелись придерживались циммервальдской программы.

практически полную автономию. Временное правительство сделало все, что было в его силах, чтобы обеспечить равноправное положение организованной рабочей силы и промышленников.

В заключение хотел бы сказать несколько слов о деятельности Временного правительства при решении трудного вопроса о национальных меньшинствах. Временное правительство признало, что свободная демократическая Россия не может оставаться централизованным государством, и немедленно осуществило практические меры по отказу от политики угнетения, которую проводил старый режим в отношении нерусских народов империи. В первые же дни после падения монархии оно провозгласило независимость Польши и восстановило полную автономию Финляндии. Летом автономия была предоставлена также Украине. Несколько ранее, в марте, к участию в работе новой администрации на Кавказе, в Туркестане и в Балтийских губерниях были привлечены представители различных национальностей всей империи. В начале июля была создана комиссия для выработки необходимых законов в целях преобразования России на основах федерализма.

Из этих кратких заметок о внутренней политике Временного правительства можно видеть, что установление в России политической демократии одновременно привело к торжеству социальной демократии. По возвращении в Россию в 1917 году Ленин сказал: «Из всех воюющих держав Россия сегодня самая свободная страна в Европе, и нет никакого угнетения масс» *.

Вопрос о власти

Если вся деятельность правительства, те реформы, которые я описал выше, в конечном счете не дали результатов, то это в значительной степени объясняется тем, что Временное правительство оказалось неспособным решить проблему создания стабильного демократического режима для осуществления и закрепления этих реформ. В этой связи характерно третье заседание Временного правительства, состоявшееся днем 4 марта, о котором я сохранил самые живые воспоминания. В тот раз мы впервые собрались вне стен Таврического дворца, вдали от революционного водоворота, бурлящего вокруг здания Думы. Вместо этого мы встретились в министерстве внутренних дел, где находилась резиденция князя Львова **.

Я помню ту торжественную тишину, которая царила в просторном конференц-зале, где мы сидели, ощущая на себе тяжелые взгляды дюжины прежних министров старого режима, чьи портреты висели на стенах. Полагаю, именно там, в окружении портретов прежних властителей, а не восторженной революционной толпы в Думе, каждый из нас вдруг впервые осознал всю меру своей причастности к тому, что произошло в России за последние несколько дней, и чудовищную тяжесть лежавшей на нас ответственности.

Князь Львов еще не приехал, однако никому из нас не хотелось, как это было всегда прежде, вести какие-либо разговоры. Наконец из внутренних комнат появился князь Львов с кипой телеграмм в руке. Не поздоровавшись, по своему обычаю, с каждым в отдельности он

* В апрельских тезисах В. И. Ленин писал, имея в виду переход ко второму этапу революции: «Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 114.— *Прим. ред.*).

** Помимо поста премьер-министра, князь Львов взял себе портфель министра внутренних дел.

направился прямо к своему креслу и, положив перед собой телеграммы, сказал: «Поглядите, что происходит, господа. Со вчерашнего дня подобные телеграммы в огромном количестве поступают со всех концов Европейской России. И это не те послания с выражением поддержки, которые все вы читали. Это — официальные сообщения из губернских центров и многих более мелких городов. В них говорится примерно одно и то же: после первого известия о падении монархии, местная власть, начиная с губернатора и кончая последним полицейским, разбежалась, а те чиновники, особенно в полиции, которые или не захотели или не успели убежать вовремя, арестованы всякого рода самозванными революционными властями и общественными комитетами».

Воцарилась мертвая тишина, каждый напряженно думал о том, что предпринять. Здесь мы находились в центре борьбы, а огромные пространства страны попали в руки абсолютно неизвестных людей! Не помню, кто нарушил тишину: «Да ведь то же самое происходит здесь, в Петрограде, и тем не менее нам удалось восстановить хоть какую-то власть!» Очнувшись от оцепенения, все возбужденно заговорили. Забыл подробности, однако отчетливо помню выводы, которые с необычной для него уверенностью сделал князь Львов: «Нам следует полностью забыть о прежней администрации — любое обращение к ней психологически совершенно невозможно. Однако без управления Россия погибнет. Администрация ушла, но народ остался. И народу не однажды приходилось в прошлом переживать подобные трудности. Посмотрите, например, на Москву... К нам поступили сведения, что демократическим партиям с помощью членов городской думы и кооперативов вполне удалось стабилизировать обстановку... Нам, центральному правительству, бессмысленно отдавать приказы, если на местах нет властей, способных их выполнять. Господа, мы должны проявить терпение. Мы должны сохранить веру в здравый смысл, государственность и лояльность народов России».

Слушая Львова, я впервые осознал, что его великая сила проистекала из веры в простого человека, она напоминала веру Кутузова в простого солдата. Нам действительно не оставалось ничего другого, кроме веры в народ, терпения и отнюдь не героического понимания того, что назад у нас дороги нет. Даже при самом большом желании мы не могли бы передать кому-либо власть — по той простой причине, что передать ее было некому!

К концу заседания мы пришли к согласию, что для создания нового аппарата управления нам следует прежде всего установить связь с надежными людьми в губерниях и уполномочить их занять место бывших губернаторов для преобразования механизма местного управления. Туда, где таких людей не найдется, немедленно направить достойных представителей из Петрограда. Двумя неделями позже, когда выяснилась полная несостоятельность отправки «комиссаров» из Петрограда и передачи функций прежних губернаторов председателям местных земств, было принято решение назначать в качестве комиссаров Временного правительства тех местных жителей, которых выбрали или рекомендовали местные комитеты общественных организаций. По примеру Москвы, в такие комитеты, как правило, входили представители всех относящихся к делу учреждений и организаций.

За этот метод назначения местных представителей нового правительства князь Львов впоследствии подвергся нападкам критиков, обвинявших его в «мягкотелости» и отсутствии административных навыков. Однако никто из его критиков, как в самом правительстве, так и вне его, не смогли предложить какой-либо другой путь создания механизма местной администрации в условиях, когда центральное правительство России вообще не располагало какими бы то ни было средст-

вами для усиления своей власти. В тот период демагогам не составляло особого труда толкнуть рабочих и солдат, утративших чувство дисциплины, на путь любых крайностей, и в эти первые недели после революции разрушительные силы нередко мешали развитию процесса упрочения новой государственной и социальной структуры.

Как можно было вести борьбу с этими разрушительными силами, не имея пулеметов, о которых так мечтал В. В. Шульгин, один из самых разумных консервативных членов Думы, примкнувших к Прогрессивному блоку? Как можно было погасить волну слепой ненависти ко всему, что хоть отдаленно напоминало о прежнем царском режиме, ненависти, которую теперь огульно обратили против любой власти? Новое правительство было лишено какой-либо физической возможности навязать свою волю и единственным инструментом убеждения, находившимся в его распоряжении, было живое слово. Мильтон писал когда-то, что слово — великая сила, которую можно направить и на созидание, и на разрушение. В первые дни революции живое слово играло огромную роль — и на ниве добра, и на ниве зла.

Для нового правительства, стремившегося в условиях хаоса создать порядок, особенно важно было понять потенциальные возможности такого оружия и использовать его в созидательных целях. Мало было писать и обнародовать сверхумные манифесты и статьи в газетах. Мало было создать новую административную машину. Надо было также, постоянно используя живое слово, противостоять силам разрушения, пробуждать в людях чувство личной ответственности перед нацией в целом.

В силу того, что обстоятельства вознесли меня во время революции на вершину власти и в силу того, что мое имя в глазах народа стало своего рода символом новой жизни в условиях свободы, именно на мою долю выпало вести полемику в массах. Но у меня было немало союзников. Вместе со мной эту полемическую борьбу вели сотни тысяч людей из всех слоев населения, от скромных сельских учителей до московских профессоров.

В самые первые дни революции правительство направило меня на военно-морскую базу в Кронштадте. Разъяренная толпа матросов буквально на клочки разорвала командуящего Кронштадтской крепости адмирала Вирена, убила несколько офицеров и бросила сотни других в тюрьму, предварительно зверски избив их. Передо мной стояла задача добиться освобождения этих офицеров, безвинно пострадавших от рук матросов. Кроме живого слова в моем распоряжении не было никаких других средств убеждения.

Я прибыл туда с двумя адъютантами и, игнорируя все предупреждения, направился прямо на главную площадь Кронштадта, где проходили все митинги восставших матросов. Меня встретила зловещая тишина, взорвавшаяся злобными криками, едва я начал говорить. Было ясно, что вожаки матросов задались целью сорвать мое выступление. Когда шум немного стих, я заявил, что прибыл по поручению Временного правительства, чтобы разобраться в происшедшем. Тут же поднялся один из вожаков и стал рассказывать о «зверствах», которым подвергались матросы в Кронштадте.

Я знал, что адмирал Вирен был из числа сторонников жесткой дисциплины и, возможно, проявлял излишнюю требовательность к своим офицерам и матросам, однако я также знал, что он никогда не допускал физических расправ и конечно же не совершал никаких зверств. Эту свою точку зрения я и изложил в ответной речи, которая произвела определенный эффект. Прибегнув только к силе слов, я смог внести успокоение в разъяренную толпу, и хотя мне не удалось добиться осво-

бождения всех арестованных офицеров, тем не менее десятиерым из двадцати разрешили выехать в Петроград*.

Князь Львов, как правило, обращался именно ко мне с просьбой отправиться в тот или иной район беспорядков с тем, чтобы живым словом сбить волну анархических настроений и оказать моральную поддержку здоровым и созидательным силам. Опираясь на собственный опыт и на выводы тех, кто с той же миссией ездил по стране, я с полным правом могу утверждать, что огромное большинство населения городов и деревень в первые месяцы Февральской революции было практически не подвержено влиянию демагогов и смутьянов.

Большинство людей с огромным воодушевлением занималось работой по созданию новой жизни. В течение летних месяцев 1917 г. прошло бесчисленное множество митингов и конференций с участием представителей всех слоев общества, которые стремились выработать свои собственные планы коренных преобразований во всех областях экономической, социальной и культурной жизни страны. Они буквально засыпали правительство самыми разнообразными резолюциями и предложениями. Население России быстро приобщалось к процессу строительства новой жизни. И все это происходило не в противодействии правительству, а в полном согласии с ним.

Совет

Теперь коснусь весьма щекотливого вопроса об отношениях между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. К нему и сводился наиболее важный аспект всей проблемы власти после революции.

Члены правительства пришли к полному согласию относительно насущной необходимости как можно скорее включить в состав правительства представителей социалистических партий, поскольку их высокий политический и моральный авторитет в армии и среди гражданского трудящегося населения в значительной мере упрочил бы стабильность нового правительства. Нам представлялось необходимым сгладить ложное впечатление, будто русская демократия расколота на два лагеря — «революционный» и «буржуазный».

Упрочению такого впечатления способствовали сами руководители Петроградского Совета, которые руководствовались при этом не столько истинными настроениями народа в целом, сколько своей партийной идеологией. Свое отношение к «буржуазному» Временному правительству они продемонстрировали в одной из первых резолюций Исполнительного комитета, в которой выражалась готовность поддержать новое правительство лишь «до тех пор, пока оно не посягает на права рабочих, завоеванные в результате революции». Столь сдержанное отношение Петроградского Совета породило парадоксальное и нетерпимое положение, при котором новое национальное правительство ставилось в подчинение или, по меньшей мере, в зависимость от доброй воли местных органов, которые, пользуясь влиянием среди определенных слоев населения, способны были поставить под вопрос само существование законно созданного правительства.

Следует иметь в виду одно весьма важное обстоятельство: утром 27 февраля двухсоттысячный Петроградский гарнизон, абсолютно сбитый с толку происшедшими событиями, оказался без офицеров. Совет

* Борьба за освобождение офицеров длилась вплоть до июля, когда последним из них разрешили выехать в Петроград. В этой связи хотел бы отметить, что Кронштадт, как, впрочем, и Гельсингфорс, Свеаборг, Рига и сам Петроград были очагами германской и большевистской активности. Мы в правительстве обычно между собой называли треугольник, образованный этими городами, «гнилым углом» России.

еще не был провозглашен, и в городе царил хаос. Было бы естественно, если бы восставшие солдаты обратились за руководством к Думе, единственному тогда учреждению, пользовавшемуся каким-то моральным авторитетом. Однако в тот момент в Думе не оказалось ни одного офицера, у которого хватило бы смелости и здравого смысла взять на себя командование гарнизоном, как это сделал в Москве подполковник Грузинов*. Городская Дума в Петрограде не имела никакого престижа, а различные общественные организации оказались неспособны создать в первый день революции какое-либо подобие административного центра, представлявшего демократические партии и организации. Хотя Временный комитет Думы тоже колебался, брать ли на себя эту задачу, все ведущие политические и общественные деятели поспешили предложить Думе свои услуги по восстановлению порядка в городе.

После полудня к Думе стали стекаться те представители социалистических партий, которые случайно оказались в Петрограде в этот день революции. Их мысли, естественно, обратились к Совету, возникшему в Санкт-Петербурге осенью 1905 г. и сыгравшему столь фатальную роль в революционных событиях того года.

У меня в памяти еще живо воспоминание о нашей встрече с М. В. Родзянко в одном из коридоров Таврического дворца приблизительно в 3 часа пополудни того же дня. Он сообщил, что член Думы от меньшевиков Скобелев обратился к нему с просьбой предоставить помещение для создания Совета рабочих депутатов, дабы содействовать поддержанию порядка на предприятиях. «Как вы считаете,— спросил Родзянко,— это не опасно?» «Что ж в этом опасного? — ответил я.— Кто-то же должен в конце концов заняться рабочими». «Наверное, вы правы,— заметил Родзянко.— Бог знает, что творится в городе, никто не работает, а мы, между прочим, находимся в состоянии войны».

Те, что проявили инициативу по созданию Совета, получили помещение, о котором просили,— большой зал Бюджетной комиссии и прилегающий к нему кабинет прежнего председателя комиссии. Не прошло и нескольких часов, как небольшая группа людей, имевших солидный опыт организационной и подпольной работы, создала временный Исполнительный комитет Совета. К нему примкнули Гвоздев и несколько его товарищей, только что вышедших из тюрьмы. Незадолго перед тем из заключения освободился и ветеран Носарь-Хрусталеv, прославившийся в качестве председателя Совета в 1905 году и после того преданный полному забвению. Не найдя общего языка с членами нового Совета, он вскоре уехал в провинцию. К вечеру было опубликовано обращение к рабочим всех петроградских заводов и фабрик, призывающее избрать своих делегатов и немедленно направить их в Думу на заседание Совета.

Здесь не место для подробного рассказа, как был создан Совет, однако хотел бы подчеркнуть, что его первый Исполнительный комитет был сформирован не на основе выборов, а просто на основе кооптации. К вечеру его состав, куда первоначально вошли социалисты-революционеры и меньшевики, расширился за счет представителей народных социалистов и трудовиков. Большевики в создании Совета никакого участия не приняли и даже отнеслись к нему враждебно, поскольку существование его, видимо, не входило в их планы. Впрочем, ближе к ночи они тоже передумали, и в Исполнительный комитет вошли Молотов, Шляпников и еще один или два их представителя.

С появлением большевиков сама сущность Совета как-то неожиданно изменилась. По предложению Молотова, было решено, несмотря на протесты меньшевиков и некоторых социалистов-революционеров,

* Председатель московской губернской земской управы.

обратиться ко всем частям Петроградского гарнизона с предложением направить в Совет своих депутатов. В результате возникла организация рабочих, в которой из трех тысяч членов две трети составляли солдаты и лишь одну тысячу — рабочие.

Размышляя о прошлом, не могу не вспомнить тогдашнего своего ощущения, что большевики, внезапно изменив свои позиции в отношении Совета, смогли добиться преобладания в нем депутатов от солдат, что открыло большевикам прямой доступ в казармы и во фронтовые части. И, конечно же, это также дало большевикам и другим лидерам Совета, таким, как Стеклов, который им симпатизировал, действенное средство для ведения политической борьбы, прежде всего в столице, где гарнизон был особенно велик. Весьма знаменательно, что Стеклов настаивал на включении в постановление Временного правительства пункта, запрещающего вывод из Петрограда тех воинских частей, которые, как считалось, приняли участие в борьбе против монархии.

Еще одним важным преимуществом Совета было размещение его в Таврическом дворце. В глазах политически неискушенных обывателей из-за непосредственной близости Совета к новому правительству этот институт представлялся им в какой-то мере равнозначным правительству и посему обладавшим властью в пределах всей страны. Более того, весьма условный и сдержанный характер той поддержки, которую оказывал Совет новой власти, неизбежно порождал некоторое подозрение в глазах рабочих и солдат относительно нашего истинно демократического правительства как в сущности «буржуазного» по своим действиям.

В этом меня окончательно убедила моя официальная поездка в Москву, которую я совершил 7 марта от имени Временного правительства. Когда я встретился с членами Московского Совета рабочих, его председатель заявил мне: «Мы приветствуем вас как заместителя председателя Петроградского Совета рабочих депутатов. Рабочие не желают, чтобы их представители входили в состав нового кабинета. Однако мы знаем, что пока вы являетесь его членом, мы избавлены от предательства. Мы вам доверяем»*. Такое выражение доверия только одному члену правительства, а не кабинету в целом было абсолютно недопустимо и в открытой форме отражало опасность, заключенную в той ограниченной поддержке, которую оказывал Совет новой власти. Из «благожелательной оппозиции» Совет превратился в источник безответственной критики нового правительства, которое он обвинял во всякого рода «буржуазных» грехах.

Я не хочу вообще отрицать положительные аспекты работы, проделанной Советом. Помимо того, что Совет добился восстановления дисциплины не только на заводах, но и в военных казармах, он внес огромный вклад в организацию регулярного снабжения Петрограда продовольствием, а также сыграл в высшей степени плодотворную роль в подготовке преобразовательных реформ во всех сферах. Его представители также предприняли попытки, не всегда, правда, успешные, восстановить нормальные отношения между солдатами и офицерами. Как Петроградский, так и Московский Советы направили на фронт многих мужественных и достойных людей, которые действовали в качестве комиссаров в различных фронтовых комитетах.

Повседневная критика, которую газета Совета «Известия» обращала в адрес правительства, была и полезна и необходима, и правительство не боялось и не отвергало ее. Подобная критика, исходившая тогда со всех сторон, — как от Исполнительного комитета Думы, так и от правой прессы, — являлась неизбежным спутником демократии. Вред

* Цитируется по газете «Русское слово» (Москва), 8 марта 1917 года.

приносило лишь намеренное распространение лжи в целях подстрекательства масс. Распространялись слухи, будто правительство намерено возродить различные аспекты ненавистного прошлого. К счастью, в условиях неограниченной свободы печати общественное мнение, в частности, наиболее ответственные органы демократической и социалистической прессы, как правило, легко справлялось с такого рода экстремистской демагогией.

Основная трудность в отношениях с Советом заключалась в том, что руководители тех социалистических партий, которые возглавляли его, не ограничивались разумной критикой действий правительства, а стремились вмешиваться в дела политические, хотя они и отрицали это на словах, на деле же часто забывали о границе между критикой и вмешательством. Нередко они вели себя так, словно были облечены государственной властью, пытаясь даже вести свою собственную внешнюю политику, обвиняя правительство в «империалистических» замыслах.

Наилучшим образом характеризуют этот произвол Исполнительного комитета некоторые подробности его вмешательства в наши отношения с бывшим царем и его семьей. Подписав акт отречения, Николай II 3 марта вскоре после полуночи выехал из Пскова в распоряжение Ставки в Могилеве, чтобы попрощаться со своими подчиненными, которые проработали под его руководством почти два года. Хотя переезд совершался в личном поезде и в сопровождении обычной свиты, сам этот факт не вызвал никакого беспокойства ни в правительстве, ни в Думе, поскольку бывший царь был теперь в полной изоляции и не мог предпринять каких-либо самостоятельных шагов.

Вечером 3 марта в Таврическом дворце проходило второе заседание правительства. В какой-то момент, не помню точно время, меня вызвал с заседания член Исполнительного комитета Совета Зензинов. Не скрывая чувства тревоги, он спешил предупредить меня, что среди членов Совета царит глубокое возмущение нежеланием правительства воспрепятствовать поездке в Ставку бывшего царя. Он сообщил, что подстрекаемый одним из его членов — большевиком (я полагаю, Молотовым) Совет принял резолюцию о том, что бывший царь и его семья подлежат аресту, а произвести этот арест должно правительство совместно с Советом. Резолюция предлагала также князю Львову определить позицию правительства на тот случай, если оно откажется действовать и Совет сам осуществит арест. Зензинов также предупредил, что в любой момент для переговоров с правительством могут прибыть Чхеидзе и Скобелев, которые с этой целью были делегированы Советом.

Я немедленно возвратился в зал, где проходило заседание правительства, и сообщил о разговоре с Зензиновым. Кто-то, помнится, это был Гучков, сказал, что в свете бушующей ненависти к старому режиму нет ничего удивительного в беспокойстве солдат и рабочих по поводу поездки бывшего царя, тем не менее нам следует решительно пресечь любые попытки Петроградского Совета присвоить себе правительственные функции. Поскольку все согласилось с такой точкой зрения, мы просили князя Львова объяснить делегатам от Совета, что, по твердому убеждению правительства, бывший царь не имеет никаких замыслов против нового режима, а решение относительно его будущего будет принято в ближайшие несколько дней. Ему также поручили передать им, что до сих пор нет никаких оснований для принятия каких-либо мер против других членов царской фамилии, поскольку все они искренне осуждали все, что происходило при дворе последние несколько лет. Как сообщил нам позднее князь Львов, его беседа с Чхеидзе и Скобелевым была дружелюбной.

Вопрос о судьбе свергнутого монарха был в высшей степени болезненным. В течение двух месяцев после падения империи так называемая желтая пресса развернула злобную кампанию по дискредитации бывшего царя и его супруги, стремясь возбудить среди рабочих, солдат и обывателей чувства ненависти и мщения. Фантастические и порой совершенно недостойные описания дворцовой жизни стали появляться в различных газетах, даже в тех, которые до последнего дня старого режима являлись «полуофициальным» голосом правительства и извлекали немалую выгоду из своей преданности короне. Либеральная и демократическая пресса в своих критических комментариях по поводу свергнутого монарха избегала духа сенсационности, но и в ней иногда появлялись статьи крайне сомнительного свойства, хотя и написанные авторами, которые были известны как трезвомыслящие. Мы, конечно, отдавали себе отчет в том, что правление Николая II давало обильную пищу, питавшую эту кампанию ненависти. Трагедия в Кронштадте*, эксцессы на Балтийском флоте и на фронте были и раньше серьезным сигналом. По сравнению с другими членами правительства я был значительно лучше осведомлен о господствующих в экстремистских левых кругах настроениях и пришел к твердому убеждению о необходимости предпринять все от меня зависящее, чтобы не допустить сползания к якобинскому террору.

4 марта, на следующий день после предпринятой Советом попытки вмешаться в решение судьбы бывшего царя, умеренная позиция правительства в этом вопросе получила неожиданное и беспрецедентное в истории подкрепление. В то утро генерал М. В. Алексеев связался из Ставки по прямой линии с князем Львовым и сообщил, что накануне вечером Николай II передал ему листок бумаги с текстом своего послания князю Львову. Оно начиналось без всякого обращения и, по словам Алексеева, суть его сводилась к следующему: Отрекшийся от престола царь поручил мне передать Вам следующие его просьбы. Во-первых, разрешить ему и его свите беспрепятственный проезд в Царское Село для воссоединения с больными членами его семьи. Во-вторых, гарантировать безопасность временного пребывания там ему, его семье и свите вплоть до выздоровления детей. В-третьих, предоставить и гарантировать беспрепятственный переезд в Романов (Мурманск)** для него самого, его семьи и свиты. Передавая Вашему превосходительству изложенные мне просьбы, я настоятельно прошу правительство в возможно кратчайшие сроки принять решение по вышеизложенным вопросам, которые представляют особо важное значение как для Ставки, так и для самого отрекшегося царя. В послании Николая содержалась и четвертая просьба: возвратиться после окончания войны в Россию для постоянного проживания в крымской Ливадии***. Генерал Алексеев не зачитал по телефону четвертой просьбы, видимо, считая ее в высшей степени наивной.

Однако этот документ открывал дорогу к разрешению проблемы. Сам царь предложил решение, достойное правительства свободной России. 5 марта генерал Алексеев направил Львову и Родзянко телеграмму с просьбой ускорить отъезд из Ставки бывшего царя и направить представителей для сопровождения его в Царское Село, отметив, что чем скорее это произойдет, тем лучше будет и для Ставки, и для самого бывшего царя.

* Имеется в виду суд над матросами-большевиками, который вызвал стачку 120 тыс. рабочих столицы в конце октября 1916 г. (прим. ред.).

** То есть в порт для отбытия в Англию.

*** The Russian Provisional Government. Vol. 1, p. 177. Точный текст телеграммы Алексеева см.: Февральская революция 1917 г. Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армий Северного фронта.— Красный архив, 1927, № 3(22), с. 53—54 (прим. ред.).

Становилось совершенно очевидным, что прежний царь сможет оставаться в России, лишь находясь под стражей. Вечером 7 марта в Могилев была отправлена делегация из четырех представителей различных думских партий* с инструкцией взять царя под стражу и препроводить его в Царское Село. 8 марта правительство опубликовало декрет, в котором приказывало взять бывшего царя под стражу, определив местом его пребывания Александровский дворец в Царском Селе. Все приготовления по содержанию бывшего царя под арестом возлагались на генерала Л. Г. Корнилова, который был отозван с фронта и назначен командующим войсками Петроградского военного округа.

Когда 7 марта я выступал в Московском Совете, рабочие обрушились на меня град агрессивных вопросов, в том числе и таких: «Почему Николая Николаевича назначили главнокомандующим и почему Николаю II разрешено свободно ездить по всей России?». Такие вопросы, несомненно, были продиктованы чувством враждебности к правительству, и меня беспокоил тот размах, который подобные настроения, характерные для Петроградского Совета, получили в Москве. Я понимал, что мой ответ рабочим должен быть четким, недвусмысленным и решительным: «Великий князь Николай Николаевич был назначен Николаем II еще до его отречения, однако он не останется на посту верховного главнокомандующего. Сейчас Николай II в моих руках, руках генерал-прокурора. И я скажу вам, товарищи, что до сих пор русская революция протекала бескровно, и я не хочу, не позволю омрачить ее. Маратом русской революции я никогда не буду... В самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию».

Это мое заявление (как и подобное сообщение князя Львова, переданное им Чхеидзе) о решении правительства просить правительство Великобритании предоставить убежище Николаю II** вызвало бурю возмущения против правительства в Исполнительном комитете Петроградского Совета. Если бы лидеры Совета были заинтересованы в разумном и ненасильственном решении судьбы бывшего царя, они бы, конечно, поддержали выводы правительства, однако у большинства его членов были совсем другие замыслы. Они хотели бросить его в Петропавловскую крепость и затем повторить драму Французской революции, публично совершив казнь тирана. Это становится очевидным при ознакомлении с гневным заявлением Исполкома от 9 марта, в котором «предписывается» принятие мер, по самой своей природе входящих только в компетенцию правительства, занятие войсками всех ключевых станций на пути следования бывшего царя; передача по телеграфу во все города ордера на арест бывшего царя, заключение его после ареста в Трубецкой бастион Петропавловской крепости и т. д.

В 11.30 утра 9 марта бывший царь, сопровождаемый четырьмя делегатами Думы, прибыл на станцию в Царское Село. Он был встречен комендантами дворца и города и отправлен на их попечение в Александровский дворец, где его встретила жена и больные корью дети.

Позже, вечером того же дня, в Царское Село прибыл также представитель Исполнительного комитета Совета в сопровождении воинских подразделений на бронев автомобилях. Этот представитель, С. Масловский***, имел предписание арестовать Николая II и отвезти его в Петроград — то ли в Совет, то ли прямо в Петропавловскую крепость, это

* А. Бубликов, С. Грибунин, И. Калинин, В. Вершинин (прим. ред.).

** Милюков встречался по этому вопросу 6 или 7 марта с английским послом Бьюкененом, а 10 марта Бьюкенен получил из Лондона телеграмму с положительным ответом.

*** Эсер С. Д. Масловский, впоследствии советский писатель С. Д. Мстиславский (прим. ред.).

так никогда и не стало известно. К счастью, этот опасный шаг, имевший целью узурпировать власть правительства, завершился полным провалом. Военские части во главе с офицерами, расположенные в Царском Селе, категорически отказались передать бывшего царя Масловскому, пока тот не предъявит ордер на арест за подписью генерала Корнилова, который нес перед правительством ответственность за безопасность бывшего царя и его семьи. Пытаясь выпутаться из глупого положения, Масловский заявил, что приехал лишь для проверки надежности охраны, однако в своем отчете Исполнительному комитету Совета от 10 марта он, в противоречии со своим утверждением, заявил, что бывшего царя ему «не передали».

Эта открытая попытка Петроградского Совета противопоставить себя правительству явилась единственным эпизодом, который дал повод возникновению легенды о «двоевластии», легенды, придуманной врагами правительства как справа, так и слева, будто оно делило власть с Советом. С моей же точки зрения, этот случай лишь еще раз доказывает, что подобные попытки вмешательства не представляли угрозы моральному авторитету нового правительства. Экспедиция Масловского в Царское Село потерпела фиаско потому, что не получила народной поддержки, и потому, что угроза Совета порвать отношения с правительством не возымела никакого действия. Теперь мы почувствовали, что страна на нашей стороне и мы сможем преодолеть растущую тенденцию к распаду дисциплины, к анархии. Мы почувствовали, что все здоровые и созидательные силы в стране инстинктивно тянутся к единственному центру государственной власти. И, конечно же, очень важным обстоятельством было то, что даже жители Петрограда в те лихорадочные дни между 8 и 10 марта не проявили ни малейшей симпатии к бессмысленному кривлянию самозванных руководителей едва оформившегося Совета.

Мое ощущение, что наше правительство действует в полном согласии с народом, подтвердилось в тот день 7 марта, который я провел в Москве. Обращаясь к представителям различных общественных организаций с изложением платформы нашего правительства, я мог видеть своими глазами, что эта платформа соответствует стихийному стремлению людей самим выработать новую политическую и социальную систему взглядов и осуществить великие чаяния России о свободе, за которые отдано столько лет борьбы. Когда, например, выступая в комитете общественных организаций, я говорил о том, что в ближайшее время правительство опубликует декрет об отмене смертной казни за политические преступления и все такого рода дела будут впредь подлежать рассмотрению в суде присяжных, мои слова были встречены с огромным и всеобщим воодушевлением*.

Возвратившись в Петроград из этой памятной поездки в Москву, я не успел даже доложить правительству об ее итогах, как в мой кабинет зашел адъютант и сказал, что со мной хочет увидеться Стеклов. В то время он был одним из наиболее влиятельных членов Исполкома Совета, занимая при этом пост главного редактора «Известий». Это был наглый и довольно грубый человек. Без всякой подготовки он объявил, что Исполком в высшей степени недоволен моим заявлением в Москве о ближайшей отмене смертной казни и настоятельно рекомендовал нам во избежание серьезных разногласий с Советом еще раз обдумать свое решение. Если мне не изменяет память, встреча со Стекловым состоялась 8 марта, во всяком случае, до поездки Масловского в Царское Село. Слова Стеклова произвели на меня крайне тя-

* В Москве я посетил Польский демократический клуб и объявил там, что в ближайшие дни правительство опубликует декларацию о восстановлении независимости Польши.

гостное впечатление, поскольку все образованные русские люди, включая меньшевиков и эсеров, всегда выступали против смертной казни. И, например, во времена так называемого столыпинского террора все они присоединили свой голос к движению протеста против смертной казни. Однако у меня не было никакого желания входить в обсуждение этого вопроса с моим посетителем. Я поблагодарил его за предупреждение и сказал, что сообщу о нем правительству. На этом и закончилась наша беседа.

На следующий день я рассказал о визите Стеклова Скобелеву и Зинзинову и просил их убедить членов Исполкома Совета отказаться от протестов против отмены смертной казни — решения, с одобрением встреченного по всей стране. Каково же было мое удивление, когда они сказали, что не имеют ни малейшего представления о заявлении Стеклова. «Тогда еще более важно выяснить, что же происходит! — воскликнул я. — И постарайтесь сделать это как можно быстрее. Со своей стороны, я задержу опубликование декрета, чтобы не поставить Совет в неловкое положение». Судя по всему, кое-кто из членов Исполкома склонялся к идее якобинского террора и предпочитал действовать в вопросе о смертной казни за спиной своих коллег. Вскоре мне сообщили, что Совет не выступит с протестом против опубликования декрета. В стенографических отчетах о заседаниях Исполкома нет вообще упоминаний о вопросе, касающемся отмены смертной казни. Очевидно, после провала попытки арестовать царя и заключить его в Петропавловскую крепость проблема смертной казни перестала волновать Стеклова и его компанию.

Как я уже отмечал, этот запутанный эпизод с царем был единственной серьезной попыткой Совета выступить в роли правительства. После провала миссии Масловского руководители Совета осознали беспочвенность своих прямых посягательств на власть «буржуазного» правительства и сочли за лучшее в данных условиях попытаться влиять на ход событий путем тщательного «контроля» за деятельностью нового правительства. Такой курс нашел свое выражение в создании так называемой контактной комиссии, в задачи которой входил обмен информацией и установление связей между Советом и правительством. Не припомню, кому в Исполкоме Совета пришла в голову такая идея, однако, без сомнения, она возникла вследствие озабоченности членов Исполкома по поводу недостатка информации о том, что происходило в стране.

Что касается меня, то я от всего сердца поддержал этот план, поскольку, на мой взгляд, он представлял желанный первый шаг на пути осуществления моей надежды на включение в состав правительства представителей социалистических партий. В стенографическом отчете о заседании кабинета 10 марта зафиксировано мое предложение, чтобы князь Львов, Терещенко (министр финансов) и Некрасов (министр транспорта) представляли правительство в предлагаемой контактной комиссии. Такое предложение явилось результатом предварительных консультаций, состоявшихся накануне на закрытом заседании кабинета*. Со стороны Совета в состав контактной комиссии вошли меньшевики Чхеидзе, Скобелев, Стеклов и Суханов, а также эсер Филиповский**.

* Следует отметить, что с самого начала мы взяли за правило обсуждать основные вопросы внутренней и внешней политики на закрытых заседаниях кабинета, т. е. без ведения секретариатом протокола, как это делалось на обычных «открытых» заседаниях. На закрытых совещаниях фиксировалось лишь кто внес то или иное предложение без изложения сути его обсуждения. Таким образом, в отчете от 10 марта имеется лишь простое упоминание о принятии моего предложения.

** К ним позднее присоединился Церетели, один из лидеров социал-демократической фракции во II Думе, который в 1907 г. был отправлен на каторгу и возвратился в

Сам я редко принимал участие в заседаниях контактной комиссии частично из-за того, что много времени проводил в поездках по стране, но также из-за позиции, занятой делегатами Совета, особенно Стекловым, которого князь Львов переносил с великим трудом. Терпеливость князя Львова на проходивших переговорах была вознаграждена: удалось избежать многих потенциально неприятных конфликтов, а лидеры Совета проявляли более ответственный подход к событиям и к политике правительства, которую они теперь понимали гораздо лучше.

Тем временем положение в стране становилось все более невыносимым и для всех членов правительства стало ясно, что снять растущую напряженность в стране можно лишь, изменив состав Временного правительства с тем, чтобы более реально отразить действительную расстановку сил в стране, включив в состав кабинета представителей социалистических партий. Один только Милюков упорно отстаивал свою идею, что вся власть должна принадлежать исключительно представителям Прогрессивного блока. Как это ни странно, но именно его взглядам на внешнюю политику суждено было ускорить кризис, приведший к изменению состава правительства.

По своей натуре Милюков был скорее ученым, нежели политиком. Не обладай он темпераментом бойца, который привел его на политическую арену, он скорее всего сделал бы карьеру выдающегося ученого. Вследствие своей природной склонности ко всему относиться с исторической точки зрения, Милюков и политические события склонен был рассматривать скорее в плане перспективы, то есть через призму книжных знаний и исторических документов. Такое отсутствие реальной политической интуиции в обстановке стабильности не имело бы большого значения, но в переживаемый в те дни критический момент истории могло привести к почти катастрофическим последствиям. Весьма прискорбным было то обстоятельство, что Милюков занял пост министра иностранных дел, исполненный решимости проводить в основных чертах ту же империалистическую политику, которой придерживался при старом режиме его предшественник Сазонов. Осенью 1916 г. такая политика была вполне приемлема для некоторых членов Прогрессивного блока, однако в марте 1917 г. она уже, мягко выражаясь, безнадежно устарела.

Вскоре между Милюковым и остальными членами Временного правительства обнаружили резкие противоречия во взглядах на цели войны. Хорошо помню закрытое заседание кабинета в самые первые дни его существования, на котором эти разногласия проявились с полной очевидностью. Милюков докладывал о секретных соглашениях, заключенных в первые годы войны русским императорским правительством с Англией, Францией и Италией. Соглашения предусматривали грандиозный раздел завоеванных трофеев между Францией, Англией и Россией. Согласно этим секретным соглашениям, Россия получала не только долгожданные Босфор и Дарданеллы, но и обширные территории в Малой Азии.

Сообщение Милюкова поразило нас. Однако каково же было наше удивление, когда он рассказал нам о соглашении с Италией от 1915 г., согласно которому Италии в награду за вступление в войну на стороне Антанты были обещаны славянские территории вдоль всего

Петроград в середине марта 1917 года. Он входил в состав так называемой Сибирской фракции Циммервальдской группы, которая заняла весьма странную позицию в отношении войны, выразившуюся в формуле: «Мы — не пораженцы и не оборонцы, мы занимаем нейтральную позицию по отношению к борьбе двух империалистических лагерей». Церетели был одаренным, энергичным и мужественным человеком, который вскоре стал одним из лидеров «революционной демократии» и соответственно признал необходимость защищать родину.

Адриатического моря. Владимир Львов, человек крайне консервативно-го склада ума, вскочил с места и, возбужденно размахивая руками, воскликнул: «Мы никогда, никогда не признаем этих соглашений!». В обстановке всеобщего возбуждения лишь Милюков сохранил спокойствие и хладнокровие. В конце концов после бурных дебатов было принято решение тем или иным способом убедить наших западных союзников в необходимости пересмотреть эти соглашения и уж во всяком случае привести нашу политику в согласие с новыми убеждениями нашей общественности, теми убеждениями, которые никак не вписывались в дипломатические формулы прежних правящих кругов и политику бывшего министра иностранных дел Сазонова.

Кто-то из нас напомнил Милюкову об одном важном инциденте из недавнего прошлого. Произошел он на втором заседании кабинета, когда мы еще располагались в здании Думы. 22 февраля поступила телеграмма французского правительства, в которой выражалось согласие на аннексию Россией австрийских и германских провинций Польши в обмен на согласие царского правительства на аннексию Францией левого берега Рейна. Мы тогда приняли решение игнорировать это предложение и немедленно вступить в переговоры с представителями польского народа с целью восстановления независимости этой страны.

Однако Милюков оставался глух ко всем соображениям. Вскоре на одном из закрытых заседаний кабинета произошла резкая перепалка между Милюковым и Гучковым, совпавшая по времени с выступлениями Милюкова по вопросу о Дарданеллах в духе Сазонова, которые могли привести к опасным последствиям из-за острой реакции на них в демократических кругах общественности. Защищая свою позицию, Милюков сказал: «Победа — это Константинополь, а Константинополь — это победа, и посему людям все время необходимо напоминать о Константинополе». На это Гучков резко возразил: «Если победа — это Константинополь, тогда говорите только о победе, поскольку победа возможна и без Константинополя, а Константинополь невозможен без победы... Думайте что хотите, но говорите лишь о том, что содействует укреплению морального духа на фронте».

Назойливость, с какой Милюков возвращался к одной и той же теме о Дарданеллах, озадачивала. Ведь он, как и Гучков и я, прекрасно знал, что генерал Алексеев из военных соображений был против любых авантур в зоне проливов. Более того, как историк он наверняка был знаком с выводом генерала Куропаткина, который еще в 1910 г. в своей книге «Задачи русской армии» писал, что России «не только невыгодно присоединять к себе Константинополь и Дарданеллы, но такое присоединение неизбежно ослабит ее и создаст опасность долгой вооруженной борьбы за удержание этого опасного приобретения»*.

На 24 марта было назначено заседание контактной комиссии, чтобы обсудить с представителями Совета во всей совокупности вопрос о целях войны. Однако это не помешало Милюкову дать накануне журналистам интервью с изложением своих взглядов по этому вопросу. По моим указаниям, на следующее утро газеты опубликовали заявление о том, что Милюков выражал не взгляды Временного правительства, а свои собственные.

В результате такой акции делегаты от Совета еще до начала встречи поняли, что не смогут упрекнуть все правительство в том, будто оно придерживается взглядов Милюкова. Лидеры Совета смогли таким образом принять *in toto* торжественную декларацию о целях

* Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. Т. II. СПб. 1910, с. 525 (прим. ред.).

войны, которую правительство опубликовало 27 марта*. Основные принципы, определяющие наши цели в войне, были изложены следующим образом: «Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом теперь же заявить, что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов. Он не стремится к порабощению и угнетению кого бы то ни было».

Примечательно, что этот текст был выработан правительством за исключением слов: «не насильственный захват чужих территорий», которые были включены по настоянию руководителей Совета. Они не внесли каких-либо существенных изменений в декларацию, однако сам этот факт позволил представителям Совета в контактной комиссии заявить позднее в Совете, что, настаивая на этом, они не допустили, чтобы «буржуазные империалисты» (и в частности Гучков) впоследствии искажали или неверно истолковывали смысл этого документа. В действительности ни сам Гучков, ни консервативные круги, которые он представлял, не имели в то время ни малейшего желания преследовать какие-либо «империалистические» цели.

К несчастью, Милюков не разделял стремления правительства не накалять страсти вокруг вопроса о целях войны. После опубликования правительственной декларации он дал понять, что не считает себя как министра иностранных дел связанным этим документом. Столь сенсационное заявление вызвало поток взаимных обвинений, в результате чего был нанесен огромный ущерб авторитету правительства, несмотря на его успехи в деле достижения взаимопонимания с Советом. Взрыв ненависти к Милюкову в левых кругах подчеркнул ненадежность положения правительства. Упрямство министра иностранных дел породило кризис доверия, который был неизбежен с самого первого дня революции, поскольку проистекал из противоречия между составом правительства и соотношением сил в стране. Чтобы не дать России пережить новый и еще более опасный кризис, необходимо было устранить это противоречие.

Неоднократные публичные выступления Милюкова с изложением его личных взглядов были восприняты во всех революционных демократических и социалистических кругах как свидетельство вероломства Временного правительства. И хотя мы в высшей степени ценили единение, в условиях которого родилось правительство, хотя мы придавали огромное значение стремлению сохранить вплоть до созыва Учредительного собрания первоначальный состав кабинета, становилось все более очевидным, что дальнейшее пребывание Милюкова на посту министра иностранных дел создает в тех условиях смертельную опасность для единства нации. Кроме того, нельзя было долее терпеть положение, при котором руководители Совета, с их огромным влиянием и престижем, не разделяли ответственности за состояние дел в стране.

В тот момент я, наверное, больше, чем кто-либо другой из членов Временного правительства, ощущал настроение масс и осознавал настоятельную необходимость самых решительных шагов. Поздно вечером 12 апреля я сообщил представителям печати, что правительство намерено рассмотреть вопрос об отправке союзникам ноты, которая информирует их о пересмотре Россией целей войны. В силу ряда причин мое заявление было опубликовано на следующий день в искаженном виде. Предвосхищая ход событий, газеты возвестили, что прави-

* Появилась в газетах 28 марта (прим. ред.).

тельство уже обсуждает содержание ноты союзникам относительно новых целей в войне. На самом же деле, хотя некоторые из членов правительства сообщили о своем намерении поставить этот вопрос на обсуждение кабинета, ни одной такой дискуссии на заседаниях полного состава кабинета пока не было.

Исходя из чисто формальных соображений, Милюков совершенно оправданно стал настаивать на публикации официального опровержения правительства. 14 апреля газеты сообщили, что правительство не обсуждало и не готовит никакой ноты по вопросу о целях войны. Такое опровержение вызвало бурю возмущения и, как и предполагалось, Милюков был вынужден согласиться на отправку союзникам ноты относительно целей войны. К сожалению, общественность неправильно истолковала такое решение, предположив, что правительство приняло его под давлением Совета и, что еще хуже, Петроградского гарнизона.

Учитывая деликатность положения, нота союзникам готовилась всем составом кабинета. Теоретически окончательный текст ноты, опубликованный в печати 19 апреля*, должен был удовлетворить даже самых ярых критиков Милюкова, однако дело к тому времени зашло настолько далеко, и враждебность к Милюкову в Совете и в левых кругах достигла столь значительных размеров, что ни Совет, ни левые деятели были просто неспособны вынести здравое суждение и даже вникнуть в содержание нашей ноты. Атмосфера становилась крайне возбужденной.

Исполком Совета опубликовал решительный протест против «империалистической» ноты Временного правительства. Ленин, недавно вернувшийся из Швейцарии, немедленно послал своих людей в солдатские казармы. 4 апреля солдаты Финляндского гвардейского полка в полном вооружении направились к Мариинскому дворцу с красными знаменами и лозунгами, осуждающими, в частности, Милюкова и Гучкова**. Командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов обратился к правительству за разрешением направить войска для защиты дворца, однако мы единогласно проголосовали против этого.

Мы были уверены, что народ не допустит никаких актов насилия в отношении правительства. Наша вера полностью оправдалась. В тот же день на улицах города появились огромные толпы людей, выступивших в поддержку Временного правительства, и вскоре после этого Исполнительный комитет Совета выступил с заявлением, в котором отмежеввался от антиправительственной демонстрации войск. Он также согласился опубликовать заявление с объяснением сути ноты министра иностранных дел, которая привела ко всем этим беспорядкам. В действительности никаких объяснений не требовалось, ибо объяснять было нечего. В заявлении лишь делалась попытка успокоить общественное мнение и подчеркивалось, что сама нота выражает единые взгляды всех членов правительства.

* 19 апреля текст ноты был только получен в редакциях газет (*прим. ред.*).

** В те дни считалось, что демонстрация войск возникла более или менее стихийно и ответственность за нее если и несет кто-либо, то лишь некий фанатический пацифист лейтенант Линде и что Ленин и большевики к этому делу не имели никакого касательства. Знакомясь несколько лет назад с секретными германскими архивами во время работы в Гуверовском институте, я нашел документальные свидетельства, что все эти события были делом рук Ленина (см. гл. XVIII). (Ф. Ф. Линде — ученый, математик и философ отбывал службу в Финляндском полку в качестве рядового. В дни Февральской революции был избран в Исполнительный комитет Петроградского Совета. Выступление солдат Финляндского полка состоялось 7 (20) апреля 1917 г., а не 4 апреля.— *Прим. ред.*)

Первый министерский кризис

Мы все согласились с тем, что министерство иностранных дел должно перейти к человеку, способному более гибко проводить внешнюю политику государства. 24 апреля я заявил, что выйду из состава кабинета, если Милюков не будет переведен на пост министра просвещения. Одновременно я потребовал немедленно ввести в правительство представителей социалистических партий. Кризис в кабинете достиг апогея 25 апреля, когда Милюков отказался принять портфель министра просвещения и подал в отставку.

В тот же день я направил заявление Временному комитету Думы, Совету, Центральному комитету социалистов-революционеров и группе трудовиков, в котором объявил, что отныне Временное правительство должно состоять не только из отдельных представителей демократических сил, но и людей «формально и прямым путем избранных организациями, которые они представляют». Я поставил свое дальнейшее пребывание в составе правительства в зависимость от принятия этого требования.

На следующий день (26 апреля) князь Львов послал официальное письмо Чхеидзе, предлагая ему выделить представителей различных партий, заинтересованных в переговорах об их вхождении в кабинет. Легко говорится, трудно делается. Против вхождения социалистов в правительство решительно выступили не только некоторые либералы, но и некоторые меньшевики и социалисты-революционеры (особенно Чернов и Церетели), которые в равной степени не желали сотрудничать с Временным правительством.

Вечером 29 апреля в Исполнительном комитете Совета состоялись бурные дебаты по вопросу о том, быть или не быть Совету представленным во Временном правительстве. В результате голосования незначительным большинством (23 голоса против 22) было принято отрицательное решение. При этом 8 человек воздержались. Социалисты-революционеры, меньшевики, народные социалисты и трудовики за редким исключением высказались за участие в правительстве.

Отрицательное голосование произвело неблагоприятное впечатление в демократических кругах, оно не отвечало и интересам большинства Исполнительного комитета Совета. Большевикам и другим непримиримым противникам сотрудничества с правительством удалось одержать на голосовании победу с преимуществом в один голос и то лишь только потому, что сторонники вхождения в правительство не смогли мобилизовать на заседании 29 апреля все свои силы. Теперь они настаивали на повторном голосовании.

Оно состоялось в ночь с 1 на 2 мая. Я был приглашен на это заседание с тем, чтобы изложить взгляды правительства на создавшуюся ситуацию. Мое выступление, за которым последовало неожиданное сообщение об отставке Гучкова, помогло рассеять недоверие и создать в Совете здоровую атмосферу (см. гл. XV). Большинство в 25 голосов (44 против 19) было принято решение об участии в правительстве. Из 19 голосовавших против 12 — большевики, 3 — меньшевики-интернационалисты и 4 — крайне левые эсеры. Теперь был открыт путь к расширению состава правительства.

С отставкой военного министра Гучкова прекратил свое существование первый кабинет Временного правительства, закончился первый период деятельности Временного правительства. Перед роспуском первый кабинет Временного правительства обратился к народу с политическим завещанием, которое до сих пор волнует душу и сердце. Подытоживая баланс своего короткого, но крайне трудного и напряженного существования, правительство выступило со следующим предупреж-

дением, которое оказалось ужасающе пророческим: «Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев, по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения, грозят разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создают благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, сеющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, с другой — для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга.

Временное правительство считает своим долгом прямо и определенно заявить, что такое положение вещей делает управление государством крайне затруднительным и в своем последовательном развитии угрожает привести страну к распаду внутри и к поражению на фронте. Перед Россиею встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущей гибель свободы. Есть мрачный и скорбный путь народов, хорошо известный истории,— путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и возврату деспотизма. Этот путь не должен быть путем русского народа» *.

* Этот текст был опубликован в газетах 26 апреля 1917 г. (*Прим. ред.*).

(Продолжение следует)

ПУБЛИКАЦИИ

ПРОТОКОЛЫ ЦК КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

[ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ ЦК С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТОВ. ВТОРОЙ ДЕНЬ]

3/VIII — 906. Домодедово. 46 членов.

О съезде. Время созыва съезда.

Ещин (Нижний). Необходимы немедленные лозунги. Осенью начнется движение крестьянское, к-рому тоже надо дать директивы. Во 2 пол[овине] авг[уста].

Петр Долгоруков. Курское за желательность делегирования уезд[ных] и губ[ернских] групп и вообще выяснить условия, а потому лучше в начале сентября и вообще попозже (от 1 до 5 сентября).

Колюбакин. Был сторонником скорей[шего созыва]. После Пензы иное. Вопросы тактики м[огут] решаться только при осведомленности относительно настроения в стране. В крестьянстве брожение. Массовки. Будут погромы, когда полевые работы закончатся. Ранее 1/2 сентября не следует созывать.

Кишкин присоединяется. В Москве все съезжаются не ранее сентября.

Добровольский тоже [присоединяется] к Колюбакину. Опасно давать ошибочные директивы.

Гессен. Со съездом повременить. К концу августа лозунги не выяснятся.

Лучицкий. М[ожно] собрать съезд неск[олько] позже, только по чисто практическим соображениям. Усталость и...¹ партии, м[ожет] б[ыть] только кажущееся и временное. Нужны врем[енные] директивы, напр., по отношению к крайним партиям. Съезд на середину сентября.

Федоров. С точки зр[ения] П[етербурга]. Организация перестраивается. Поэтому съезд [в] конце сентября.

Струве — начало или 1/2 октября.

Шингарев. Возможность разъяснения м[ожет] наступить гораздо позже; но ждать этого нельзя. Хаос м[ожет] рассеяться от определенных директив. Практич[еские] мероприятия запоздают, если будут даны в конце сентября.

Павел Долгоруков. За конец августа. Согласен с мотивами Шингарева. Все ждут директив. Это деморализует партию. Если будут события в сент[ябре] и окт[ябре], то можно [созвать] др[угой] съезд в ноябре, напр[имер].

Вернадский и *Петрункевич* просят отсрочить съезд до сентября.

Грессер. Зачем нам идти в хвосте движения. Отчего же мы не дадим директив. Нечего прислуживаться. Самый поздний срок — начало сентября.

Новосильцов за вторую половину сентября.

Черненко. Дело серьезное. Осторожнее. Надо отчетливо поставить вопрос. Сейчас нельзя еще фиксировать срок.

Якушкин. Стоял раньше за конец августа или начало сентября и теперь того же мнения. Многие уже определилось и теперь.

Имшенецкий. Сторонник возможно раннего созыва съезда. Однако решения ему предстоит вынести чрезвычайно важные. Нужна правильная делегация депутатов на съезд. Ранее начала сентября или конца августа трудно.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2, 5, 6, 9.

Колюбакин. Здесь забыли, что говорили вчера. Составить директивы — не значит повернуть всю страну. Нужен учет. Иначе мы будем оперировать с совершенно негодными средствами.

Корнилов. Думает, что надо дать партии движение, а затем созвать съезд. Избирательная кампания как подготовка к съезду.

Протопопов. За ранний созыв. Бездирективное состояние нас губит. Не позже первых чисел сентября.

Чудковский. Не ранее первой половины сентября.

Родичев. Задача партии — вносить в движение сознание и руководить. Поэтому съезд нужно созвать как можно раньше, отступая только перед практич[ескими] препятствиями. Если партия растерялась, то нужны губ. съезды. Внешние события выяснились. Раз волнения не начались, они не начнутся, или надо это начало подготовить. Если события выяснятся в смысле победы Столыпина, зачем он вам разрешит съезд. Если же теперь не разрешит, то это очень показательно. Высказывается за 8 сент[ября] (с точки зрения земцев).

Пржевальский. В эпоху растерянности выигрывает та партия, к-рая скорее разберется. Поэтому надо спешить.

Петр Долгоруков. К началу сентября можно вполне хорошо организовать съезд — ни раньше, ни позже. Партия мирного усыпления, мутная водица. Против Струве — собраться в сентябре — это значит замолчать выборг. пост[ановле]ния.

Решено баллотировкой конец августа или начало сентября.

Тактика до съезда. *Петр Долгоруков* вспоминает пост[ановле]ния ЦК о лозунгах, о Выборгском воззвании. Подробное изложение сужден[ий] о Выборг. воззвании: два крайние и одно среднее. Вопрос о способах конспиративной деятельности и о необходимости охранить от участия в конспиративной деятельности отдельных лиц, а м[ожет] б[ыть] и учреждения партии. Разъяснение нравств[енного] значения бойкота при его широте. Расширение форм бойкота: винная монополия, стражники, сберег[ательные] кассы.

Вопрос о лозунгах. 1) Старая Дума, 2) всеобщ[ее] изб[ирательное] право, 3) ускорение созыва. Докладчик склоняется к третьему.

Доклад о технике и истории форм бойкота. Приготовить к съезду доклад о наказаниях, к-рые следуют за разные формы бойкота.

О слове «учредительное собр[ание]» и «учредит[ельные] функции». Об избирательной кампании. О парламентаризме (уже Шипов и проч).

О желательности восстановления аграрной комиссии. Две задачи: 1) местные земельные органы для проведения реформ, 2) изучение земельных условий.

Отношение к др. партиям. Информац[ионные] к[омите]ты. Соотношение партий в Выборге.

Павел Долгоруков. Указывает, что необходимо дело свести сейчас к обсуждению тактических задач до съезда.

Решено обсуждать тактику до съезда.

Гессен. Важно обсудить прежде всего отношение нашей партии к право или лево стоящим партиям. Против прочных объединений, но не против информац[ионных] к[омите]тов и времен[ных] блоков ad hoc для определ[енных] действий. О Костромском к[омите]те. Разделяет правые партии, указывает на невозможность сотрудничества с ними, обстоятельно предостерегает от союза с левыми и раскрывает невозможность союза с ними ввиду невозможности для них допустить нас в свои конспиративные соображения и их авантюризм.

Выборг. манифест из почтения к фракции будет одобрен, но осуществление его не м[ожет] б[ыть] делом К. Д. партии. Мы не м[ожем] уйти в подполье².

Изгоев. Поставить лозунгом требование немедленного назначения срока выборов, проповедуя, что прав[ительств]во не желает выборов вовсе. О союзах с партиями согласен с Гессеном.

Васильев. О девице, желающей иметь детей, но паспорт девицы. О привилегиях нек-рых членов партии (Мануйлов). Требуется автономии местных групп ввиду отсутствия директив. О крестьян[ском] банке — не покупать земель³.

Струве. Солидарен с Гессеном в общем, подчеркивая, что партия на условиях вы-

борг. постановлений существовать не может. Он уверен, что блоки будут главн[ым] обр[азом] с правыми партиями. Если мы станем нелегальными, то не только с нами не будут заключать союзов, но наши избиратели перейдут в др. партии, и на наших развалинах восторжествует партия мирного обновления. Возражает против точки зрения Изгоева о госуд[арственном] перевороте 8.VII⁴. Преждевременно становиться на точку зрения истребления правительства. Не надо преувеличивать своих сил и преуменьшать силу противника. Надо найти к съезду согласительную формулу, к-рая со всеми он[е]рами по отношению к членам фракции сводила бы выборг. постан[овле]ние на-нет.

Родичев. Не думает, что это неконституц[ионное] средство или чтобы оно б[ыло] опасное средство; но оно не удалось. Могут ли шансы увеличиваться. Нет. Проводить это м[ожно] только явно. Подполье тут не поможет. Считает вопрос похороненным. Не хватило пороку. М[ожет] б[ыть] правительство поможет. Но мы тут ничего не м[ожем] сделать. А до съезда и формально ничего не м[ожем] сделать.

Заявить: бойкотировать не станем, если прав-во созовет в такой срок, чтобы дать Думе рассмотреть бюджет. Бойкот д[олжен] б[ыть] санкцией лозунга, требующего немедл[енного] созыва Думы в 1906 г. во исполнение закона.

Страна недостаточно знает, что сделала Дума. Пока есть это незнание, мы не м[ожем] являться перед избирателями. Надо рассеять страх черного передела.

Гредескул. Многим кажется, что наша тактика изменилась, что сделан неверный шаг. Отрицает это, утверждает, что Выборг. шаг вытекает из нашей природы, природы большой национ[альной] партии, ведущей не класс, а страну. Мы при этом формулировали только реальные требования, но ставили их решительно. Своего *minimum*'а мы д[олжны] добиваться всякими средствами, предпочитая однако мирный путь революционному. Так мы говорили и на выборах и в Думе.

Мирные средства были исчерпаны. Нас распустили, нашу работу пресекли. Это *coup d'etat*⁵. Дали бы нам свободы, если бы не требовали земли. По вопросу о земле точка. Перед нами было две дороги: одна Выборгская, другая — мирного обновления.

Если мы не мирные обновленцы, то *minimum* того, что мы д[олжны] б[ыли] сделать — это Выборгское воззвание. Разбор нападок. Указание на то, что левые проводят, а правые критикуют с левой точки зрения.

Отмечает, что воззвание подписано умеренными: Муромцевым и кн. Урусовым. Прав-во столкнулось с народом начисто. Приходится теперь добывать землю. Поэтому дело не представительства, а народа. Выборг. воззвание и поставило эту цель перед народом. Клятву верности исполнил *à la lettre*⁶ только Оникко. Мы не м[ожем] и не д[олжны] б[ыли] следовать этим путем; но д[олжны] б[ыли] передать дело народу. Очередь теперь за народом.

Не согласен с мнением Гессена о конспирации и последствиях для партии. Съезда нам, м[ожет] б[ыть], и так не разрешат. Мы д[олжны] рисковать.

Какие последствия? Надо идти по среднему пути. Нельзя сделать этого дела делом партийной дисциплины. Тут дело личной доблести.

Если выборы будут назначены и условия их будут приемлемы, то мы м[ожем] опять войти в парламентарную форму борьбы.

Чубинский. Мы обсуждаем тактику до съезда. О важности у нас сохранить руководящие элементы об-ва. Продолжать дело воспитания народных масс. Об-во растеряно, мы слышали, что Выборг. воззвание исполнять нельзя. Мирного отказа быть не может. Будут карательные экспедиции, значит, надо быть готовым отвечать на них вооруженным восстанием.

Выборгское воззвание условно правильно. Если не будет выборов, пустить его в ход; если выборы будут, тогда нужда в таких мерах исчезает, и перед нами парламентарный путь открыт.

Важность скорой выборной агитации. О соглашениях — иногда важны и возможны блоки с правыми, напр., при борьбе с крестьянами. — Левые партии нас поддерживать не станут, а будут нас проваливать.

Присоединяется к лозунгам Родичева.

Якушкин согласен с Гредескулом почти во всем, спорит против Струве и указывает на неправильность его опасений. До выборов нельзя вступать ни в какие соглашения с правыми партиями, а с левыми только *ad hoc*, для отдельных действий, и же-

лательны информац[ионные] к[омите]ты; но, как и Гессен, предостерегал бы против увлечения их теперешней любезностью.

Ещин. Мы — в тупике. Как отделаться от воззвания? Последствия. Изменники тут слева и справа. Воззвание невыполнимо. Об избират[ельной] кампании говорить нечего. Лозунг — земля. Не нужно никаких переговоров с др. партиями, особенно с гр. Гейденом и К°. Врем[енные] комитеты для врем[енных] выступлений не д[олжны] б[ыть] стесняемы.

Тесленко. Мы уделяем слишком много вр[емени] менее значит[ельному] вопросу — Выборг. воззванию. Нас в подполье вдруг будто бы переводят наши избиратели. Неужели нам приходится или разойтись с ними, или пойти в подполье. Или предлагался компромисс, к-рый Тесленко называет падением партии. Лучше прямо отречься. Но отречься не нужно. То, [что] сказано там, есть логический вывод. И прежде этого боялись. Между тем кр[естья]не уже фактически вступили на этот путь. Это давно можно принять, как дело партийное. Но как быть с легальностью. Легальность смешивают с открытостью. Мы закон всегда нарушали, но стремились к открытой деятельности.

Теперь наступает момент решительной схватки народа с правительством. Что же мы будем делать при этом? Крайними партиями нельзя пренебрегать. Они способны на колосс[альное]. Три точки зрения: 1) Наша партия пусть действует так, как раньше (помещики из «Вишневого сада»). В драке манжеты пострадают. Что же делать! Конституц[ионное] поведение — губительно. 2) Момент такой, что придется, пожалуй, вступить на революц[ионный] путь, но надо еще подождать. Пусть прав-во ударит еще раз. С этим тоже нельзя согласиться. Эксперименты нельзя делать, когда страна неспокойна. 3) Пусть теперь народ действует. А мы что же? Мы свой вклад в революцию сделали. Если с.-д. и с.-р. схватились распространять — это значит, что они поняли дело. Выборг. воззвание — авторитетное разрешение не повиноваться народу. Это значит со всеми последствиями, с карат[ельными] отрядами и восстанием. Теперь умыть руки нельзя.

Что же нам делать? С правыми нам соединяться нельзя. Их дефект — фанатическое преклонение перед законностью. К партиям левым нельзя так относиться, как здесь. Мы теперь м[ожем] б[ыть] отброшены в положение до Святоп[олк]-Мирского⁷. Причина — раскол освободит[ельного] движения. Прежде с левыми нельзя было вести переговоров. Теперь они многому научились. Союза нельзя заключать, но соглашения д[олжны] б[ыть] не только о выборах, но и по забастовке, к-рая не...⁸. У левых мечта — осенью шах и мат прав-ву. Нам на светопреставление нельзя смотреть, как на спектакль из партера. Мы не сочувствуем их тактике. А результатами пользуемся и поджигаем. На кого мы опираемся? Родичев напомнил ему старого полководца, когда напоминал о городах и земствах. Надо опираться на массы.

О войсках. Предрассудок — табу. Между тем армией все пользуются для политики, и в среде ее есть движение, к нам примыкающее. Пункты: 1) Выборг. воззвание принять. Это не значит, что мы исполним a lá lettre. 2) О легальности нечего заботиться. Это вздор. 3) Этот м[есяц] затратить на то, чтобы энергично вступить в сношения с левыми организациями.

Чудновский присоединяется вполне к Гредескулу и Тесленко. Защита левых партий. Они наши друзья, а не враги.

Шингарев. Доводит до абсурда идею легальности путем ряда примеров. Выборг. воззвание распространено в миллионах экземп[ляров]. Мы скорее запоем «отречение от старого мира», нежели отречемся от Выборг. воззвания. Надо соглашаться с левыми и из центра выяснять условия соглашения и возможность объединенных действий. Наши союзники на выборах и при легальности не входят в партию.

Хвостов. Мы — партия практической политики. Оценивают теперь не настоящий момент, а будущее. Я не знаю, что будет. М[ожет] б[ыть] революция приходит к концу. Предлагает исходить из неопределенности. Лучше подождать и не противоречить прошлому партии, но и Выборг. воззвание вошло [в прошлое партии], хотя это и жаль. Надо партию беречь.

Корнилов. Согласен с Гредескулом и Тесленко. Указал только на оговорку в сношениях с левыми против мнения Чудновского.

Ромм. Согласен тоже. Вопрос о легальности очень нам мешал.

Аджемов. Должны послать директивы о соглашениях налево.

Струве. Вопрос о легальности сложен. Можно отсутствием легальности погубить многое, лишив себя легального пути. Отстаивает точку зрения Чубинского и очень сочувствует характеристике Ещина. Благодарен Тесленко за указание на то, что неплатеж податей логически связан с вооруж[енным] восстанием и светопреставлением.

Татаринов. Мы выразили те требования, к-рые м[огут] вывести страну из ее положения. Но масса за этими требованиями не пойдет. Пропасть между приговорами и готовностью активно бороться. Пусть нам левые покажут реальную возможность революц[ионного] пути, и мы на них пойдем. На днях была конференция всех крайних партий. Соц. Дем. сказали, что прошлогод[ний] опыт доказал, что выступления пролетариата не м[огут] иметь силы, а потому будут ждать крестьян, а С. Р. наоборот. Чтобы кр[естья]не были готовы к выступлению — это оптимизм невероятный.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 148—185, 192—196 об.

№ 44. 4/VIII 906.

1) Съезд назначен [на] 8/IX в Петербурге.

2) Просить через Муханова немедленное разрешение (письменное). Бумага от Долгорукова.

3) На случай неудачи в России просить Протопопова подготовить помещение в Финляндии.

4) Созвать предсъездный пленарный комитет на 5 сентября.

5) Подготовка докладов (тактика, отчет о Думе Набокову, о Выборг. постановлениях Гредеск[улу]?, о бойкоте косвенных налогов), аграрный вопрос, финансы партии скорее поручить Гессену (привезти суммы) поручить Петерб. ЦК с привлечением и сведения нек-рых иногородних 2/IX⁹.

Запросить губ. к-ты, какие вопросы имеют они для обсуждения на съезде, и поставить сроки.

Предложение Струве о докладах отдельных членов и о противоречивых докладах провалилось единогласно. Члены ЦК не лишены права, оставаясь при особых мнениях, выступать на их защиту от своего личного мнения.

Схема Шаховского: 1) Доклад о парл[аментской] фракции. 2) Доклад Гредескула. 3) Доклад о положении партии, тут же и о финансах. 4) Ближайшие задачи партии. 5) Тактика партии. Специального доклада о выборах не следует [делать].

1. Какой срок вопросов с мест? К 20/VIII.

2. О оглашении наших заседаний теперь.

3. О легализации Ярослав. группы¹⁰.

1) Аграрный вопрос в программу в общем виде не ставить.

2) Ком-сии поручить составить отчет съезду о ходе аграр. вопроса.

3) Поручить к-сии разработать разные частные вопросы.

4) Мнение об аграрной реформе Черненкова просить прислать Якушкину через Иорданского.

1) О съезде Столыпину давать ту цифру членов, какая у секретариата. 2) М[ожно] и без публики, но непременно с печатью.

Вопрос¹¹ о полож[ении] партии сделать публично, а детали передать секции, к-рая не будет публична. Предупредить, что будут занятия к-сии и секций и продлятся не менее недели. Доклады 4 и 5 поручены Милюкову по схеме Шаховского. Высказать пожелание, чтобы чл[ены] к-та по возможности занялись до съезда подготовкой и изучением разных законодат. вопросов. О репрессиях.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 198—198 об.

№ 45. Заседание 21/VIII

1) Доклады о полож[ении] дела (о съезде и проч.).

2) О директивах. Циркуляр № 28¹² не рассылать.

3) Об отношении к мирному обновлению. Решено заявление от ЦК о слухах о слиянии с мирн. обновлением не печатать до съезда.

4) О кн. Львове. Львов желал выяснить 1) не осуждают ли за неподписание Выборг. воззвания, 2) о министерстве. Поручено переговорить с Львовым, прося его сообщить основания, к-рыми он руководствовался.

5) О съезде. Кому поручить выяснение возможности в Финляндии. Протопопову немедленно.

6) О комиссиях, ведающих различные законопроектные вопросы. В докладе Миллюкова это д[олжно] б[ыть]. Нужна к-сия по народ. образованию.

7) Мандельштам предлагает вопросы: 1) о тактике партии до выборов, 2) вопрос об уполномоченном за границей.

8) Организационная к-сия: 1) Каминка, 2) Гессен И., 3) Протопопов, 4) член секретариата (Черненко).

Особое совещание на съезде:

9) О рабочем вопросе и о содействии профессиональным союзам: 1) Доклад Струве¹³ о профес. союзах. 2) Такой же доклад о практике Иорд[анского] и Кишкина.

Дать Московск. к-ту 2 лишних места на съезд. Щепкин развивал мысль о необходимости общения с рабочими и изучения своих избирателей и знания населения для ориентирования в нем в случае активных выступлений. Желание получить от Струве доклад об отношении к стачкам, союзам и т. п.

Иорданский желает, чтобы эти вопросы, пройдя через совещание, вызвали бы и директивы от съезда.

10) Миллюков д[олжен] включить в свой доклад вопрос об избират. кампании.

11) Об аграрной секции. Необходима секция с представительством от губерний для подготовки област[ных] агр[арных] съездов.

12) Вопрос о сельских комитетах и об оживл[ении] и распространении партии вообще. Совещание около съезда по этому вопросу.

13) Вопрос об агитационных курсах. Откроются в Москве в начале октября.

14) Вопрос о сношении с заграницей. Отложено.

15) Техника устройства сельских комитетов (доклад Кишкина).

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 199—199 об.

№ 46. 27/VIII 906.

Отчет Муханова. Придется подписать обязательство на бумаге.

Свидание со Столыпиным назначено после переговоров с Арб и Кнол¹⁴. 26/VIII в 5 ч. вечера. Разговор начался очень любезно и комплиментами взаимными.

Мух[анов]. Д[иректо]р Д[епартамен]та общ[их] [дел] мне сказал, что ответ будет дан лично.

М[инист]р. Да — это от партии — как она себя назвала?

[Муханов]. Да, имя пар[тии] нар[одной] своб[оды], к-рое себе присвоила.

[Столыпин]. Что такое делегаты?

[Муханов]. (Объяснение — ч[елове]к 500 номинально, фактически 300—400).

[Столыпин]. Да, но по закону — союзы только профессион[альные], а Ваша партия до сих пор не легализована.

[Муханов]. (Объяснения).

[Столыпин]. В Уставе не указаны цели об[щест]ва. Цель — распр[остранение] к. д. идей, но ведь такую цель м[огут] выставить и с.-р. У вас есть крайние люди. Вы могли бы собрать Ваше собрание просто как собрание с заявкой градоначальнику. Собр[ания] партии не м[ожет] б[ыть] делегатским — это д[олжны] б[ыть] просто члены партии.

(Муханов объясняет, что такого съезда градоначальник не допустит, да и нельзя найти места, разве на Цариц[ыном] Лугу. Критика Павла Долгорукова и рассказ о московских приключениях.)

[Столыпин]. У вас программа съезда не указана, если сапожники — я знаю, что они будут делать.

(Муханов читает заметку о докладах.)

[Столыпин]. C'est très vague¹⁵. Вы обращаетесь с прав-вом как с Иванушкой-Дурачком.

(Муханов. Если нельзя — откажите.)

[Столыпин]. Да, но Вы хотите, чтобы мы разрешили — ведь это слабость, а мы — сильная власть, а у Вас Бог знает что (Саратов, Астрахань), разговоры о Выборг. воззвании.

[Муханов]. Конечно, разговор о нем м[ожет] возникнуть, но угодно ли Вам разрешить съезд? Я уполномочен сегодня брать на свою ответственность всякие ограничения: принять, напр., закрытое соб[ра]ние.

[Столыпин]. Мы — сильная власть не м[ожем] допустить скандала. Мы не м[ожем] идти на введение войск, на закрытие собрания в столице.

Мух[анов] — войск не гребуется. Мы люди мирные, на баррикады не ходим.

[Столыпин]. Да, но вы в Москве с полицм[ейстера] фотогр[афии] снимали и глумились над ним!

Мух[анов]. Отповедь и рассказывает, как он принимал полицмейстера в Чернигове.

[Столыпин]. Нет, этого допустить мы не можем! Нужна гарантия. Вы д[олжны] пройти через регистрацию по всей России, а пока вы не общество. Партия прав[ового] порядка получила отказ.

Муханов возражает и приводит в пример Русских людей¹⁶. Вы хотите нас лишить возможности участвовать в выборах. Если будет Дума.

Ответ Столыпина. Обвинение в резолюц[ионных] замыслах особенно провинц[иальных] отделов. У Вас есть лица, настроенные революционно и распротр[аняющие] Выборг. воззвание.

Мух[анов] об этом не хочет говорить, но рисует ему последствия стеснения К. Д. в форме борьбы двух крайних сторон.

[Столыпин]. Нет, мы этого в столице допустить не можем.

Мух[анов] высказывает, что он просто хочет устранить нас из Петербурга.

Заключение вразумительно-сентиментальное.

На это Столыпин вновь требует гарантий от Муханова.

Мух[анов] указывает, что невыгодно прав-ву нас толкать влево.

[Столыпин]. Нет, мы этого в столице допустить не можем.

Мух[анов] г[оворит], что если завтра не будет ответа, то он считает, что получил от Столыпина отказ, так и скажу корреспондентам, а съезд будет. Я лично тоже д[олжен] уехать.

Стол[ыпин] просит подождать до среды. Во вторн[ик] Совет м[инист]ров. В среду утром [пришлет] извещение, когда придти за ответом, и будет предложена письм[енная] подписка. Считает Милюк[ова], Гессена и Мух[анова] за порядочных людей. Думает, что Мух[анов] не подпишет того условия, к-рое ему будет предложено.

Резюме: 1) Столыпин не признает партий подлежащими регистрации. 2) До какого же предела м[огут] идти уступки о программе съезда.

Дополнит[ельное] объяснение Мух[анову] Столыпиным, почему он с[чи]тает нашу партию революц[ионной]. Выборг. воззвание. Ответ Муханова, что Выборг. воззвание есть революц[ионный] ответ на революц[ионные] действия прав-ва.

О дилемме, к-рую нам ставит Столыпин.

Гессену.

Организация съезда в Стокгольме. Необходимость конспирации.

1) Съезд придется отложить до октября, по крайней мере.

2) Аналогия 2-х моментов неверна, тогда было поправление, теперь полевение.

Решено созвать во вторник в 11 час утра засед[ание] пленар[ное] ЦК-та.

Вопрос о приеме англ[ийской] делегации¹⁷.

1) Надлежит ли признать, что мы д[олжны] принять руководящее участие? 2) О расходе. 3) О времени приезда.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 200—201 об.

№ 47. 29/VIII 906.

1) Оставить при сношениях со Стол[ыпиным] полномочия Мух[анову] в полной силе, причем если в предлож[енной] ему к подписи бумаге будет что-либо совершенно неожиданное и на первый взгляд приемлемое, то он м[ожет] отсрочить свой ответ и

указать на необходимость спросить мнение ЦК. Что касается обстановки съезда, то допускаются все уступки, даже и устранение корреспонд[ентов], даже и присутствие полиции в закрытом заседании съезда.

2) Вопрос об отложении съезда решен определенно: он д[олжен] б[ыть] собран 8 сентября.

3) Вопрос об английском визите. Отложить.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 202.

№ 48. 30/VIII 906.

Телеграмма Муханову.

1) М[инист]р вн. д[ел] не признал возмож[ным] разрешить съезд. Тов. м[инист]ра Макаров.

2) Доклад о легализации и отказе в съезде поручено составить Корнилову.

3) Съезд оставить 8 сент.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 203.

№ 49. 1/IX 906.

Вопрос о съезде. Приезд в Петербург отложен по техническим соображениям на 23 сентября.

1) Программа съезда у нас никогда не была выработана так своевременно. 2) Доклады были намечены теперь за месяц и даже больше до съезда. 3) Растерянность и нервозность при съезде делегатов. 4) Съезд м[ожет] препятствовать легализации. 5) Раскол в среде ЦК и отсутствие директив. Что значит этот раскол, если он есть и чем он м[ожет] б[ыть] прекращен. Разговор Милюкова¹⁸. 6) Пока мы в оцепенении, но если мы провозгласим себя открыто нелегальной партией, то мы расколемся. 7) Отказ легализовать нас д[олжен] заставить поторопиться созвать съезд. А Гессен хочет изменить организацию. 8) Можем ли мы сейчас сказать, когда же именно мы созываем съезд. 9) Мы могли бы не созывать съезд, если бы у нас были директивы. 10) Если делегатов прибу[дет] мало...

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 1.

№ 50. 5/IX 906.

1) Доклад Муханова о съезде. Повторение рассказа 27/VIII.

2) Доклад Протопопова. Финляндцы напоминали того адвоката, к-рый уже получил гонорар. К властям обращаться не советовали. Собрание ваше будет частное. Будет новый закон. Впрочем, это вас не касается, так как и новый закон иностранцев не касается. Телеграммы. Поехал в Стокгольм. Видел представителей разных партий. Все одинаково дали заметить, что им собрание будет неприятно. Мы государство — маленькое и проч. Властей трогать не советовали. Физическое неудобство — недостаток мест в пароходах. В Гельсингфорсе на обратном пути сообщили сведения благоприятные.

Заключение Протопопова. В конце концов, здесь уже стали пессимистическими ввиду сведений, напечатанных в Товарище¹⁹.

О съезде. 1) Единогласно решили: изменять теперь состав съезда нельзя. 2) Местом сбора остается Петербург. 3) Следует ли указать теперь же дальнейший маршрут и возможные перемены (Гельсингфорс — Стокгольм). Не следует указывать.

Якушкин просит обсудить вопрос о поведении перед следователем по поводу Выборг. воззвания.

О легализации.

Доклад Набокова. Вопрос об обжаловании решен в том смысле, что отложить до конца срока 2-х нед[ель]²⁰.

Доклад Колубакина.

Напоминает тактику, принятую в Териоках и в Москве в августе, 1) Выб[оргское] воз[звание] было распространено в массе экземпляров при большом содействии населения. 2) У противников воззвания нет доказательства, что оно не принято. Ответст-

венность ложится на нас. Уклонение будет моральной смертью партии. На выборах ее вытолкают. Совершенно будет иное, если партия будет проводить прежнюю точку зрения. Репрессии будут; но и без того будут. Компромиссы с прав-вом невозможны.

Нам и важно не отношение прав-ва, а отношение к нам населения. Мученичество выгодный ореол для партий (срав. крайние партии). У нас нет престижа среди населения. Он будет благодаря репрессиям.

Напоминает тактику, предложенную Шаховским 4/VIII²¹ 906. Вся наша деятельность только при выборах (она блестяща); а во всех др. случаях позорное бездействие. Думу не поддержала. Удобными моментами не воспользовалась. Разброд, раскол, отпадение 3 элем[ента] на местах. Пока настроение такое, что мы можем еще все это схватить благодаря разгрому крайних партий, но можно только работой. Такая работа осуществление Выбор. воззвания.

О легализации.

1) Местным отделам пока не давать указаний об отдельной легализации по 17 ст.²² 2) О положении дела дать циркуляр. *Милюков*. 2 задачи: 1) заставить прав-во созвать Думу. 2) Избирательная кампания. Теперь, по его мнению, если мы займемся первой задачей, то упустим вторую и так[им] обр[азом] сыграем на руку прав-ву. От этой постановки вопроса зависит и наше отношение к выборг. манифесту.

Остановиться на пассив[ном] сопротивлении теперь нельзя — оно непрем[енно] перейдет в активное. В город[ском] населении и организ[овать] пассив[ное] сопротивление невозможно. Мы д[олжны] от всего этого отказаться и заняться выборами. Но при этом мы д[олжны] сказать, что принцип пассив[ного] сопротивления мы оч[ень] уважаем, и теперь только держаться его не можем.

Указать, что роспуск Думы нас освобождает от признания Основных законов. Отсюда возвращение к учредит[ельным] функциям Думы.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 2—3 об.

№ 51. 6/IX 906.

I. Вопрос о съезде и о легализации в связи со статьями официозов: России и Нов. времени²³.

II. Доклад тактический. Справка, доложенная Корниловым, о всех тактических постановлениях, принятых ЦК-том со времени роспуска Думы до настоящ[его] времени.

Петражицкий о неправде ссылки на конституционность Выборг. воззвания. Советует приспособиться к Основным законам. Упущение — отсутствие анализа наших отношений к левым.

Струве о том, что непоступление прямых налогов не подточит положение правит-ва. Необходимость органической работы.

Якушкин против положений Шаховского.

Набоков утверждает, что народ не стал на защиту Думы. Реальной силы, на к-рую мы бы м[огли] опереться не было. Политическая незрелость.

Изгоев думает, что если будет опубликован указ о выборах, то можно от него отказаться²⁴.

Комиссаров. Во Влад[имирской] губ. Выб[оргское] воззвание не будет исполняться.

Гессен Влад. выдвигает важный вопрос о демократизации земства.

Черненко прекрасно доказал, что Выборг. воззвание имело колоссальный успех, если не брать во внимание фантастических мечтаний. Затем хорошо выяснил противоречие между второй и первой частью доклада П. Н. Милюкова.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 4—4 об.

№ 52. 7/IX 906.

Мнение Ив. Ильича [Петрункевича], что надо вопрос о Выбор[гском] воззвании поставить в зависимость от мнения нашего о том, будут ли выборы и в каких условиях. Дело сводится не к этой только выборн[ой] кампании, а на много лет.

Набоков. Я думаю, подобно Изгоеву, что дело затянулось на много лет и вопрос является, будет ли наша партия в том народном движении, к-рое развивается, руково-

дительноствовать или она от него отколется²⁵. Это мера национальная, а не партийная. Партия ее провела в выборы н[ародных] пред[ставителей], предложила; она м[ожет] б[ыть] принята в каждый момент только в том случае, если ее примет народ. Если не принял, то почему. Пав. Ник. предлагает перед выборами разоружиться. О Думе²⁶ я тоже думаю, что она будет, но прав-во хочет устроить именно лакейскую Думу. Нужно решить следующие вопросы: 1) предлагаем ли мы только различные лозунги, хотя бы они были *ria desideria*²⁷, или требуем санкции? 2) признаем ли, что такой санкцией удобнее всего признать бойкот. 3) Какие виды бойкота признаются в настоящ. вр[смя] наиболее удобными. 4) Должны ли мы целиком отстаивать Выборг. воззвание *en toutes lettres*?²⁸ 5) До какого времени нужен бойкот? До выборов ли только или до осуществления свободных выборов?

Гессен Иос. думает, что мы д[олжны] только обсудить на съезде, правильно ли тогда поступили. О будущем мы м[ожем] решать независимо от того, что сделали тогда. (Но ведь нельзя оставить без внимания того, что народ-то мы ангажировали.) Он полагает вместе с Вл. М. Гессеном, что воззвание фактически провалилось. Противоречит ли участие в выборах бойкоту прав-ва?

Гредескул усматривает смысл Выборг. возвания в воспитании народа. Бойкот предлагает продолжать до указа о выборах.

7/IX вечером.

Доклад по тактике поручается П. Н. Милюкову, к-рый примет в расчет записанный им материал прений.

Вопрос об объяснениях со следователем по поводу Выборг. возвания.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 5—6.

№ 53. 8/IX 906.

1. Предложение Брамсона через Набокова о производстве анкеты о Седлецком погроме²⁹ через посредство б[ывших] членов Госуд. Думы.

Пленарное заседание назначено на 19/IX.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 7.

№ 54. 10/IX 906.

1) Вопрос о съезде. Решено разослать циркуляр о том, что ехать в Стокгольм не придется и что съезд состоится в Гельсингфорсе, где скромно устроиться можно марок за 5 в день. Туда и обратно — 9 руб.

2) Доклад кн. Туманова о положении партии на Кавказе. Состав партии — главн. обр. служилая интеллигенция, разделяющая стремления земск[ого] 3-го элем[ента] — его мирной части. В выборах в Бакинск[ой] губ. принимали участие главн. обр. национальные группы. Грузины остались вне агитации К. Д. Необходимо в Кутаис, а попутно и в Тифлис приехать представителю ЦК. Важность вопроса о легализации. Армяне и мусульмане крепко захвачены К. Д. идеями (Н. Н. Ковалевский имеет отношение к Сухуму).

3) Сообщение д[окто]ра Кобылина (Вас. Ал-дров.). Кружок К. Д. образовался в Пятигорске с ноября 1905 г. Тактика была левее К. Д. и благодаря этому имела успех на митингах. Проводили идею бойкота, предвосхитили Выборг. воззвание. О неплатеже займов. Налоги бойкотировать решили косвенные — водочная забастовка. Удачная самооборона. К. Д. имеют мало корней в массе населения. На собрания для выбора делегатов на съезд явилось только 18 ч[елове]к.

Д[окто]р Знаменский дополнил³⁰.

Доклад *Харламова*. К-ты главн. обр. городские. В городах собрания запрещены; но в станицах собрания идут сильно. Корреспондентов у обл. к-та много и обмен идет хорошо. К. Д. вообще имеет корни в казачьем населении, к-рое оч[ень] ценит выступление в Думе депутатов К. Д. по казачьему вопросу. В последнее время нам стали помогать представители крайних партий. Казачий союз³¹ разделяет лозунги народ. свободы. Среди крестьян больше имеют успеха С. Р. В городах и заводах имеют успех С. Д.

Вопрос о Выборг. воззвании. Сообщение Туманова. По поводу Wyb[оргского] воззвания м[огут] б[ыть] трения с мусульманами, но не с армянами.

Вермишев против Выборг. воззвания.

Кобылин — за. О воинск[ой] повин[ности] брать с рекрут присягу не стрелять в своих.

Яковлев из Вологды. В Вологодск. город. Думе голоса разделились пополам.

Резолюция [...] ³² не признается.

Вязлов. В Киеве 1400 чл[енов] городских. Частичные групповые собрания по 30—50 чел. Город. к-т отозвался одобрительно. Желательно теперь сделать выборг. п[оста]новле[ние] санкцией скорейшего созыва Думы. Если же население теперь не примет, то все-таки отличная мысль на будущее. Баба, подававшая обед сыновьям, сама предложила то же, что в Выборг. воззвании как только пришла весть о роспуске Думы.

Ковалевский. Среди интеллиг[енции] Харьк. губ. настроение оч[ень] реакционное. Крестьяне [настроены] вообще сочувственно и г[ово]рят, что они и без того решили то же сделать. Ковалевский не надеется, однако же, на их стойкость и опасается при репрессиях реакции и в их среде. Самого Ковалевского именование описано.

Вязлов. Крес[тья]не спрашивали, что значит ваши выборы. представители будут с Вами. Предложил опубликовать случаи отказа от платежа со стороны чл[енов] Думы.

Петр Дм. Долгор[уков] возбуждает вопрос о том, что м[ожет] б[ыть] следует думать об автентической поправке к манифесту, если понадобится, от представителей Думы.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 8—9.

№ 55. ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЯ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 18 СЕНТЯБРЯ 1906 г. ³³

1. По обсуждении вопроса об организации приема английских депутатов в Москве постановлено передать вопрос на обсуждение Московского Городского Комитета ³⁴.

2. Обсуждался вопрос о деятельности состоящей при Центральном Комитете особой комиссии по иностранным делам партии. Признав крайне необходимым постоянное, непрерывное и деятельное функционирование комиссии по иностранным делам партии и находя настоящую ее деятельность недостаточной, Московское Отделение ЦК нашло целесообразным возбудить вопрос на пленарном заседании ЦК об усилении деятельности означенной комиссии ³⁵.

3. Признавая также крайне необходимым скорейший приступ к занятиям состоящей при Центральном Комитете Комиссии по вопросу об отношении церкви к государству и принимая во внимание, что членами означенной комиссии могут быть Новгородцев, Булгаков, Ключевский, Покровский, в настоящее время проживающие в Москве, Московское Отделение признало своевременным возбудить вопрос о желательности перенесения комиссии по церковному вопросу из Петербурга в Москву, организовав ее состав на началах беспартийности ³⁶.

4. Находя неудобным употребление в партийной программе наименования «раскольник», признано необходимым изменение редакции в соответствующих местах программы с заменой наименования «раскольник» словом «старообрядец» ³⁷.

5. Ввиду важности в партийных интересах агитационной деятельности среди старообрядцев и выяснения в связи с этой деятельностью некоторых духовно-вероисповедных вопросов, касающихся старообрядчества, признано желательным образование особой комиссии по старообрядческому вопросу, которая бы работала совместно с комиссией по церковному вопросу. Председателем означенной комиссии, имеющей также и агитационный характер, Московское Отделение полагало бы избрать П. И. Новгородцева.

Признано желательным завязать сношения с старообрядцами через соответствующих лиц. Вопрос о комиссии отложить до решения п. 3. Кн. Долгоруков ³⁸.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 2, д. 3, лл. 9—9 об.

1) Вопрос о съезде. Гессен заявляет, что нек-рые полагают возможным устроить съезд здесь. Адрес прибытия. Гельс[ингфорс]. Бергская 20.

2) Доклад Милюкова. Чтение журнала Московского Город. К-та. 3 пункта. Присоединение к 3-му п., якобы противоречащему милюковской резолюции. Милюков находит, что эта резолюция вполне соответствует его мнению.

3) Доклад Гредескула и Набокова.

Влад. Гессен высказался против привходящих теоретических обоснований о природе партии и природе революции.

Струве об Eiertanz'e по поводу объяснения Выб. воззвания. Необходимо признать, что призыв к бойкоту был.

Колюбакин напоминает Набокову о желательности включить в истор. Думы о довольств[енной] ассигновке.

Изгоев желает исключить из доклада критику Труд[овой] группы. Он согласен, что Дума никаких корней в народе не имела и что это надо объявить.

Доклад *Милюкова*. 1) Исследование кривой общ[ественного] настроения. 2) Санкционировать революцию путем признания правильности действий Столыпина. 3) Мотивировка М[инистерст]ва была не непонятна и не нелепа, а лжива и крамольна. 4) Пассив[ное] сопротивление будто бы не есть открытая борьба с правительством, а лишь перерыв сношений. Неверный взгляд на идею пас[сивного] сопр[отивления]. 5) Выб. манифест был для ускорения выборов. 6) Вопрос теперь сводится к практическим мерам по части осуществления Выборг. воззвания. Дело зависит от съезда. 7) О внешних займах. Не совсем верная ссылка на то, почему мы не сделали такого постановления перед франц[узским] займом. 8) О том, как приняли манифест крестьяне. Не указано, что кр[естья]не сами гораздо раньше шли этим именно путем. 9) Мотивирует отрицание кр[естья]нами земства тем, что смешивают с земск[ими] начальниками. 10) Наша партия до сих пор сделала слишком мало для осущ[ествления] В[ыборгского] в[оззвания] и потому и впредь не имеет права давать сигнал к осуществлению. 11) Бойтсся дискредитировать Выб. воз. (так же как забастовка) его преждеврем[енным] исполнением. Но оно уже дискредитировано неисполнением. Извращение дей[ствитель]ного хода вещей. 12) Мы будто бы убедили крайние партии в нецелесообразности бойкота. Никто не предлагал вовсе не думать о выборах. 13) Практич[еская] подготовка к выборам несовместима с организац[ией] пас[сивного] сопротивления. 14) Как главный лозунг избирательной кампании выставляется требование пересмотра Основных законов.

1) Напомнить в подкрепление Тесленки, что мы перед прошлой Думой совершенно определенно решили через Основные законы перескочить. 2) Сама Дума несомненно действовала революционно начиная с адреса, и в этом была ее сила. Ее поэтому и распустили. Я при этом не считаю, что роспуск Думы был пораженнем. 3) Можем ли мы идти на выборы, примирившись с устранением от участия в Думе всех 232 ее членов, подписавших Выборг. воззвание? Это в поправку к тому, что говорил Пав. Дм. Долгоруков. 4) Выборг. воззвание не есть произвольно или доктринерски составленный документ; оно, б[ыть] м[ожет] неощутимо для самих его авторов, уловило дух и настроение рус. народа; п[отому] что во мн[огих] местах кр[естья]не самостоятельно думали именно об этом. Костромские приговоры. Кампания, к-рую вел Зубрилин еще до Думы в Волоколам. уезде. 5) Поддержать Колюбакина о земских учреждениях³⁹.

Доклад *Набокова*. Вторая его часть⁴⁰ 1) Дума была кадетская и потому партия за все ответственна. 2) Следовало: а) недопустить обращения к стране, б) не пускать н[е]к-рых речей, к-рые превращали Думу в митинг.

Доклад *Гредескула*. 1) Вопрос о вступлении. 2) Самый доклад начинается прямо обсуждением значения Выб[оргского] воззв. и его отношения к природе п[артии] К. Д. 3) Мы смотрим на революцию как на болезнь и испытываем не восторг, а страданье. 4) Признает, что надо было осудить акт роспуска. 5) Выводы — одобряем и присоединяемся.

№ 57. 21/IX.

1) Иорданский Н. М. единоглас[но] чл[ен] ЦК. 2) Члнами съезда: Топорков, Ольденбург, Струве Н. А.⁴¹ и предложить агр[арной] к-сии пригласить тех членов агр. к-сии, к-рые явятся сотрудниками съезда — до 3 лиц. 3) Доклад Корнилова принять о добавл[ением] одного пункта, предложенного Колубакиным. 4) Доклад Милюкова. ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 14.

№ 58. 22/IX.

1) В первый день назначить на съезде к[омис]сии. Затем пустить тактические доклады.

Тезисы доклада Милюкова, им предложенные. 1. Съезд выраж[ает] свое принц[ипиальное] согласие с идеями, развитыми в выборг. воззвании. Признает политич. значение этого акта и безусловно одобряет действия парлам. фракции партии, взявшей на себя почин в составлении воззвания. 2. Съезд полагает, что идея пассив. сопротивления, при условии ее широкого и организов. применения, продолжает и впредь оставаться наиболее соответствующей обычной тактике партии формой противодействия тем актам, к-рые по существу являются посягательством на права народ. пред[ставитель]ства⁴². 3. Съезд признает, что в настоящ. момент не имеется налицо данных для достаточно широк. и организованного осуществления тактики пассив. сопротивления и не считает возможным рекомендовать немедленное применение этой тактики членам партии. 4. При изменившемся за послед[ние] два м[еся]ца политич. положении съезд признает ближайшей задачей деят[ельно]сти партии подготовку к избират. кампании. 5. Избират. платформой партии при предстоящей кампании съезд считает необходимым сделать ответ[ный] адрес Госуд. Думы на тронную речь Государя с теми дополнениями, к-рые вытекают из программы партии и с обращением особ[ого] внимания на необходимость расширения законод. и бюджет. прав Госуд. Думы. 6. В случае новых посягательств исполн. власти на права народ. представительства пост[ановле]ния настояц. съезда д[олжны] б[ыть] пересмотрены на новом съезде.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 15—15 об.

№ 59. Засед[ание] Организац[ионной] к[омис]сии. 28/IX.1906 г.

[Присутствуют:] Н. Н. Баженов (Москва), А. А. Корнилов (ЦК), А. И. Такиджиев (Ставрополь) А. Г. Мейен (Киев), А. К. Дворжак (Рязань), Н. Верещагин (Козлов), Сомов (Тамбов), К. Каллистов (Ярославль), В. Копытов (Курск), А. Абрамсон (Нарва), Дм. Поддубский, В. Демидов (Твер. губ.), В. Хижняков (Чернигов), Мурзаев (Таврич. губ.), И. Бочкарев (Осташков Тверской губ.), И. Вестерман (Кишинев), О. Клирикова (Ярославль), В. Иванов (Пермь)⁴³.

Гусев Каз. губ. 8 — к-тов (нек[ото]рые идут in spe⁴⁴). Условия таковы, что переписываться по почте нельзя, да и вообще репрессия очень подавляет.

Поддубский. Псков. Агитац. средства: пресса, митинги, командировки, клубы. Необходимо иметь свой партийный орган. (Критика «Речи»). Литература мала и непригодна. Агитация митинговая мало возможна. Клубы — скорее, м. б., чиновничества и др. могут ими пользоваться. 1) Поручить ЦК свою соб[ственную] газету или по крайн. мере доклад. 2) Литература д[олжна] б[ыть] порезче. 3) Непланомерная рассылка. Пост[ановления] 3-го съезда, тронная речь, ответ, адрес. 4) Бюро прессы. Критика. 20 руб. взнос и по 2 коп. построч. плата.

Клирикова. Критика «Народ. Пути» и рекомендует газеты о. Петрова⁴⁵.

Иванов (Перм. губ.). Деят-ность м. б. только во вр[емя] выборов. Правые и левые, а к. д. ничтожная горсточка. Мест[ные] люди не м[огут] ничего делать — вся агитация д[олжна] лежать на ЦК. Д[олжен] б[ыть] штат агитаторов для разъезда. Литература в массах и бесплатно. Партийный орган — веденный не на коммерческих основаниях.

Сомов (Тамбов). Критика «Речи». Рекомендует «Правду Бож.» или «Слово». Поменьше пост[ановлений] съезда и побольше «крестьянам», «О чиновниках» и т. п.⁴⁶.

Каждые 5 чл[енов] партии выб[ирают] 1 чл[ена] в к-т. Выборы д[олжны] б[ыть] плесбитом. 5 знакомых людей. Нельзя ли денег от ЦК.

Хижняков. Выпустить воззвание, к-рое ударило бы по нервам. Справоч. листок Кильчевского все рекомендуют.

Вестерман. Главн. задача — конспиративная работа. Идея пятерок с др. точки зрения. Нужны организаторы из Центра. Нужны представит[ели] ЦК на губ. делегатских съездах.

Бочкарев (Осташков). Собрания к-тов или вернее групп по восьмеркам. Было 8 восьмерок. Дало хорошие результаты и м. б. применяется как при выборах, так и для слушания докладов. В Осташкове 12 экз. «Народного Пути» — оч[ень] хорошая газета. Издать брошюру о законопроектах. Руководство к избират. борьбе с указанием неблагоприят[ных] приемов враждеб[ных] партий. О газетах к. д. на местах.

Берберов. О способах организации на местах; о тарелках, концертах и сборе денег. О невозможности партийной газеты. Об огранич[енном] значении легализации.

Туманов (Тифлис). Об устройстве митингов в Тифлисе. Средства партии все б[ыли] посвящены на издание газеты (12000 руб.) — они погибли. О командировании чл[енов] ЦК на место.

Мурзаев (из Таврич. губ.). О воззвании.

29/IX

Н. Н. Баженов напомнил содержание суждений заседания 28/IX.

Корнилов дополняет и обращает внимание на необходимость сосредоточиться на чисто организационных вопросах.

Колубакин присоединяется к этому и указывает, что важно особенно выяснить, какие пути организации в сельской среде. Вопрос о никодимстве⁴⁷. Вопросы намечаются так: 1) вопрос об организации разветвления в уездах, 2) о роли организаторов и агитаторов из Центра и в губерниях, 3) об областных разделах партии, 4) о печати и литературе, 5) вопрос о пользовании чужими собраниями для пропаганды своих взглядов, 6) об отношении к левым организациям.

Иванов о нежелательности перехода на конспиратив[ный] путь.

Кузнецов (Харьков). Только при условии открытости м[ожно] действовать. Техника. Выделено бюро (секретариат). Строгая система отчетности. Сборы достигают крупной цифры, по 9 руб. на круг. Необходимость регистрации (карточ. система). Постановлено считать членами только внесших взнос. Группы собираются по улицам (с ...⁴⁸ карточн. системы), выбирают делегатов от кажд. квартала и делегатов пускают на ежемесяч. и др. собр[ания] к-та. Бюро от 7—8 чл[енов] к-та. К-т 40 членов. Город. дела идут хорошо, но в губер[нии] плохо. Есть мал[енькие] группы по 15—18 чел. на заводах в уездах; но уезд. к-тов нет. В деревнях никакие собрания абсолютно не допускаются. Хотят попытаться образовать клубы в уезд. городах.

Маноцков (Московская губ.). Предлагает систему через губ. к-ты, чтобы ЦК не касался уезд. к-тов и тем более сельских.

Хвостов (Рыльск). Должны быть организаторы в губ. городах и в уездных и д[олжны] б[ыть] сельск[не] агенты, к-рых нужно предупреждать и всячески их поддерживать.

Колубакин. На обязан[ности] Центр. К-та образов[ание] губ. групп и восполнение, а обязанности по организац[ии] уездов д[олжны] б[ыть] возложены на губернк. к-ты. Указывает связь с професс. движением и с професс. учреждениями (Тотьма). Отчеты и дебаты о Госуд. Думе. Указывает, что нужно не письм. сношениями, а поездками по уездам действовать.

Бочкарев. Нам организац[ионного] содействия не нужно — все равно новых людей на жительство нам не поселят. В уезде через знакомства 4 центра. Устройство правильных районных к-тов невозможно. При помощи восьмерок м[ожно] производить и закрытые и открытые баллотировки. Присутствуют у них гости левые, к-рых они облагают теперь денежно.

Родионов. При Моск. агитац. к-сии есть организаторская группа — разъездные ораторы.

Ромм (Вильно). Необходимость конспиративных действий и организаций даже и при открытости партии. Организационная роль газеты и благ[отворительных] об-в. При выборах распределяли между членами дома — по неск. домов на каждого.

Езерский (Пенза). Против конспират. организации партии. Она невозможна вообще, а возможна только для отдельных действий. В Пензе 100—150 чл[енов]. Необходима связь ЦК с местными [комитетами]. Желательно представительство губ. к-тов в ЦК и периодические съезды хотя бы областные.

Василевский (Одесса). Деление на губ. уезды⁴⁹ — слишком формальное. Одесса является центром для многих уездов. Необходима областная организация. Собрания в Одессе невозможны. Есть к-т и есть бюро с дежурствами и агитац. к-сия тоже с дежурствами. Хотят создать лега[ли]зованное общество содействия мелк. кредиту. Были 2000 чл[енов], но они недействительны. Был будто бы обл. к-т на Херс., Таврич., Екатерин., Бессараб. и части Подольск. губ.

Верецагин (Козлов). Возможно общение только конспиративное. Плебисциты.

Сомов (Тамбов). О распростр[анении] нашей литературы крайними партиями (119 чл.).

Рождественский (И. Новг.). О клубе, к-рый является суррогатом партии. Собрания в клубе с гостями платн. и бесплатными.

Иваницкий Мих. Иг. (Харьк.). Важность защиты своих членов от репрессий и поддержка их выступлений. Деятельность же д[олжна] б[ыть] по возможности открытая. Есть к-сия соглашений (информац.) с беспартийными организациями.

Калистов (Ярославль). Противник конспирации. Сельск[ие] организации есть до-в[ольно] хорошие и молодежь крестьянск[ая] согласна и деньги давать, только чтобы они оставались на местах, а не шли в губ. или ЦК.

Долгоруков Пав. Поддерживает Езерского о совещаниях ЦК с уполномоч[енными] губ. к-тов. Предлагает распределить объезды уездов между чл[енами] губ. к-тов и чтобы непрем[енно] были образованы уезд. к-ты, хотя бы не выбранные, а самочинные. Надо сохранять открытость и не бояться даже репрессий.

Токарский (Саратов). С открытием Думы чл[ены] партии перестали вносить взносы и секретариат перестал функционировать. Теперь он открылся и началось оживление. Есть рабочая группа в 34 ч. Предлагает еще многих «никодимов» с взносами. Собрания небольшие под флагом к-та происходят. Месяч. взносы внесены 432 ч-нами, в уезд. организация была, а теперь их нет⁹. Необходимы практич. задачи. Теперь будет партийная газета. Специальные взносы на предприятия идут хорошо. С секретариатом объединился Союз адвокатов и это влияет на привлечение рабочих и крестьян, оценивающих наличность даровой защиты.

Ефимович (Екатеринослав). Репрессии. Брошюра Якушк[ина] о зем. вопросе в Думе шла в 100 экз.+1000 экз.+3000 экз. (последнее через С. Д.). Из своего объезда С. Р. вынесли благоприят[ное] впечатление для К. Д. Против обл. организаций. Чл[енов] записанных около 250 в Екатеринославле.

Вестерман (Бессараб.). При газете предполагается кабинет для чтения. Необходимо содей[ствие].

Кленкин (Тула). Фонды газеты поднялись, когда стали издавать ее С. Р., но она прекращена за напечат[ание] Выб. воззв. Для выборов на съезд были устроены групповые собрания по профессиям. Партия пользуется успехом только в среде инерт[ных] бурж. классов, а рабочие все в руках С.-Р. и С.-Д. или за Ц[аря] и поряд[ок]. Денег нет совсем. Число членов убывает.

Энгельмайер (Зарайск)⁵⁰.

Колубакин ставит 1) вопрос областной.

Корнилов за област. съезды, но против област. к-тов.

2) О съездах губ. представителей иногда в обл. центрах при ЦК. 3) О содействии учит[ельским] и др. професс. союзам и о посылке туда обязательно агитаторов. 4) Организация губ. к-тов там, где их нет. 5) Внутр. организация губ. к-тов: а) отделение их от городских, б) образование при губ. к-тах отдельных к-сий (финанс., агитационно-организац., аграрные, литературные и др.) с участием др. членов группы, в) агитаторские курсы в губерниях. 6) Организация уездов. К-ты д[олжны] б[ыть] открытые, но если нельзя, то и закрытые. Районные агенты и к-ты. 7) Клубы. Клубы м[огут] б[ыть]

и не под флагом К. Д. То же и др. общества (напр. мелк. кредита и т. п.), об-во универ⁵¹ 8) Подразделения городских групп м[огут] б[ыть] профессиональные, территориальные (по улицам и т. д.). 9) Необходимо заинтересовать своих членов спец. задачами (культурно-политич., экономич. и т. д.). 10) Организация уезд. учреждений д[олжна] производиться непременно путем разъездов, а не переписки. 11) Партия остается открытой во всяк. случае, но практикует и конспират[ивные] способы дейст-в[ия] в случае необходимости. 12) Просить губ. к-ты устроить уезды так. обр. и уведомить ЦК в возможно короткий срок о положении этого дела. ЦК д[олжен] сделать об этом случае ...⁵² запрос⁵³.

Постановлено пользоваться для укрепления связи с населением при посредстве различными об-вами культурными и культурно-экономическими⁵⁴.

29/IX вечером.

Кн. Пав. Долгоруков и *Корнилов* разъяснили все принятые меры к упорядочению агитац. организационных командировок.

Н. Н. Баженов, разнеся ЦК, согласился быть ген[ерал-]губ[ернато]ром Харьк. округа⁵⁴.

Колобакин предлагает, чтобы при приездах центр. организаторов собирать в губ. город[ах] всех уездных агентов и⁵⁵.

Ромм просит обратить внимание на необходимость взаимодействия между округами.

Калистов указывает приемы и удоб. места агитации в селах.

Езерский ставит вопрос об экономич. стороне лекций. Трудность платных лекций по зак[ону] 4/III 906 г. По вопросу о платности собраний и лекций ЦК следует навести справку.

Верецагин против посылки неудачных пропагандистов.

Василевский подчеркивает необходимость признать, что ген. губ. никакой власти иметь не должны. Предлагает воспользоваться поездками адвокат[ов].

*Имшенецкий*⁵⁶.

Караулов предлагает Сибирский округ с центром в Томске. Поедут адвокаты на процесс ...⁵⁷ в Красноярске. Советует воспользоваться этой поездкой и дать им поручение.

Ещин. Грустные речи о невозможности агитац. к-сий в губерниях. Land-wanderer Kadeten⁵⁸ из студентов.

Малишников (Самарканд) о нуждах Туркестана. 300 верст от Самарк[анда] до Ташкента.

Шаховской поддерживает Ещина и г[оворит], что [есть] две главнейшие задачи — организация кадров молодежи и крестьян и рабочих. Необходимо произвести опыт курсов в Москве, но не на неск. дней, а на месяц или полтора.

Петр Дм. Долгоруков обращает внимание на возможность утилизировать крест. Хвост.⁵⁹ как члена партии, на литературу нашу и на газету «Народный Путь».

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 2, д. 1, лл. 34—40.

№ 60. 30/IX 906.

1) По вопросу о печатании резолюций⁶⁰ решено напечатать все резолюции в «Вест. партии» в сегодняшнем № в той редакции, к-рую одобрил В. Д. Набоков.

2) О сообщении депутатам I Думы, подписавшим Выборг. воззвание, той формы, в какой решено отвечать следователю.

Соедин. совещ. чл[енов] б[ывшей] парл. фракции пар. Нар. Своб. с ЦК признало, что образ действий одного из членов Д[умы], привлеченного к ответственности по делу о Выб[оргском] воззвании и давшего перед следователем показания, в коем им признан факт подписания, но⁶¹.

3) Об отказе Акчурина⁶² и о согласии на предлож. совместного совещания двух ЦК.

4) О комиссии по сношениям с иностр. органами печати. Поручить к-сии из Милюкова, Муханова, Струве, Набокова и Вернадского собраться возможно скоро и определить свои задачи, а затем представить доклад ЦК-ту⁶³.

5) Вместо «раскольник» ввести «старообрядец» в программе.

6) О Церк[овной] к-сии отложить до Московск. пленарн. заседания, а также вопрос о сношениях с старообрядцами.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 16—16 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово не разобрано. Возможно: «дезорганизованность».

² На полях: «Легальная партия уходит в подполье — 155—156 ч[елове]к».

³ На полях: «Почему отсутствуют директивы ЦК-га».

⁴ Дата роспуска I Думы

⁵ Государственный переворот (фр.).

⁶ Буквально (фр.).

⁷ Князь П. Д. Святополк-Мирский — министр внутренних дел во второй половине 1904 года.

⁸ Слово не разобрано.

⁹ Так в тексте.

¹⁰ Имеется в виду возобновление деятельности Ярославской губернской организации кадетов, закрытой по распоряжению губернатора в июне 1906 года. Губернский комитет (под видом «агитационной комиссии») вновь начал функционировать уже 16 августа 1906 г. (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 415, лл. 4, 16, 56, 60—60 об.).

¹¹ Так в тексте. Вероятно, надо: «Доклад».

¹² В этом циркуляре, адресованном «во все губернские, городские и уездные группы» партии, указывалось: «В совещаниях Центрального Комитета с представителями губернских комитетов, состоявшемся 2 и 3 августа, все совещавшие пришли к единодушному заключению, что по условиям настоящего момента всякие соглашения с политическими группами, стоящими правее к.-д. партии, безусловно нежелательны. Что же касается других объединений и соглашений, то совещание признало, что никакие постоянные объединения и союзы до съезда вообще ни с кем нежелательны; но в то же время признавало вполне допустимым и даже желательным [создавать] информационные комитеты, составленные из представителей наших комитетов и комитетов других партий и групп, более левых по направлению, нежели к.-д. партия. Подобные комитеты, имея задачей лишь взаимное ознакомление с положением дел и наличным настроением в партиях, не должны, однако же, до съезда получать полномочий на какие-либо совместные действия, предпринимаемые от имени объединенных партий или союзов. Наоборот, временные соглашения между нашими комитетами и комитетами левых партий для каких-либо отдельных совместных предприятий, не имеющих характера постоянных союзов и не налагающих каких-либо обязательств на партию, признавались допустимыми и в настоящее время. Обсудив изложенные заключения совещания, Центральный Комитет признал полезным сообщить их во все местные группы в виде временной директивы до съезда в дополнение к циркулярам за №№ 26 и 27. Секретарь Центрального комитета А. Корнилов» (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33а, л. 50).

¹³ Далее зачеркнуто: «об изменении программы партии».

¹⁴ Вероятно, А. Д. Арбузов — вице-директор Департамента общих дел МВД. Вторая фамилия не разобрана.

¹⁵ Это слишком неопределенно (фр.).

¹⁶ Имеется в виду Союз русского народа.

¹⁷ Делегация английских парламентариев с участием представителей тред-юнионов, а также муниципальных и просветительных учреждений Англии, посетившая Россию в начале октября 1906 года. Целью визита была встреча с депутатами разогнанной Думы и поднесение адреса ее бывшему председателю. Под давлением черносотенцев власти Москвы и Петербурга запретили устройство каких-либо официальных встреч с этой депутацией, которых добивались кадеты (ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1906 г. (II), д. 767, лл. 7—18).

¹⁸ Речь идет о беседе Милюкова со Столыпиным, состоявшейся 26 июня 1906 года.

¹⁹ Вероятно, имеется в виду заметка Л. Львова, опубликованная в газете «Товарищ» 3 сентября 1906 года. Решение Совета министров о запрещении кадетского съезда, как сообщала газета, состоялось под влиянием «придворных сфер», в которых партийному съезду приписывалось «большое политическое значение».

²⁰ Речь идет об обжаловании решения Петербургского по делам об обществах присутствия, отказавшего в легализации партии 1 сентября.

²¹ См. протокол от 4 августа 1906 года.

²² Статья 17 Временных правил 4 марта 1906 года.

²³ В газетах «Россия» (3 и 6 сентября 1906 г.) и «Новое время» (6 сентября) были помещены статьи (в «России» — редакционные, в «Новом времени» — А. А. Столыгина), объяснявшие отказ в легализации кадетской партии и в проведении ее очередного съезда «революционными целями», которые она преследует.

²⁴ То есть от Выборгского манифеста.

²⁵ На полях: «Постоянный капитал».

²⁶ На полях: «Не конституир[ованная], а просто правовая».

²⁷ Благими пожеланиями (*лат.*).

²⁸ Целиком (*фр.*).

²⁹ Еврейский погром в Седлеце, учиненный войсками 26—28 августа 1906 г., когда было убито около 150 и ранено 450 человек.

³⁰ Текст прерывается.

³¹ Казачий союз — областническая организация, сложившаяся на Дону в 1905—1906 годах.

³² Одно слово не разобрано.

³³ На полях: «К докладу в ЦК».

³⁴ На полях: «К сведению».

³⁵ Далее зачеркнуто: «и о переизбрании ее состава». На полях приписка: «Переизбрать комиссию. Просить П. Н. Милюкова собрать в возможно непродолжит. времени комиссию».

³⁶ На полях: «Вопрос оставить открытым до пленарного заседания в Москве».

³⁷ На полях: «Изменить».

³⁸ Последний абзац записан рукой Павла Д. Долгорукова.

³⁹ Записано рукой Корнилова; вероятно, это тезисы его выступления.

⁴⁰ Тезисы первой части в протокол не занесены.

⁴¹ Жена П. Б. Струве.

⁴² На полях: «Тезис Набокова».

⁴³ Список неполон в сравнении с числом выступавших.

⁴⁴ «В надежде», в будущем (*лат.*).

⁴⁵ Священник Г. С. Петров — издатель газеты «Правда Божья».

⁴⁶ Названия популярных кадетских изданий.

⁴⁷ «Никодимами» в кадетской среде назывались люди, которые разделяли кадетские идеи, но организационно в партию не входили.

⁴⁸ Слово не разобрано.

⁴⁹ Так в тексте. Правильно — «деление на уезды губерний».

⁵⁰ Текст выступления отсутствует.

⁵¹ Текст обрывается.

⁵² Одно слово не разобрано.

⁵³ На полях против пп. 2, 5, 6, 10, 11 — «принято», п. 8 — «желательно», п. 1 — «желательно и доклад буд. съезда», п. 3 — «принято к сведению».

⁵⁴ Так в тексте.

⁵⁵ Текст обрывается.

⁵⁶ Запись выступления отсутствует.

⁵⁷ Слово не разобрано.

⁵⁸ Кадеты, странствующие по деревням (*нем.*).

⁵⁹ Так в тексте.

⁶⁰ Печатание резолюций IV съезда кадетской партии.

⁶¹ Текст обрывается.

⁶² Заявление Ю. А. Акчурина о выходе из ЦК в связи с вступлением в мусульманскую конституционную партию.

⁶³ На полях: «Написать Милюкову».

ДНЕВНИК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА

[Июнь — август 1859 г.]

13 июня. Первый день в тишине опять дома. Но меня прямо начали мучать. С утра работал в Краббе¹, принимал Новосельского² и Шанца³. Метлин⁴ многие дела ведет вовсе не в моем духе, и мне многое придется переменить. Сегодня же приказал Шанцу на эскадре поднять флаг. Потом принимал Орлова⁵. Он стареется, теряет память и путается. Ходил пешком на мою гавань. После прошлогоднего разрушения ее капитально исправляют. Обедали с нашим маленьким двором. Вечер провели в Александрии одни у Матушки. Главное расспрашивали жинку про Гарем.

14 июня. Весь день почти дождь. Утром говорил много с Воеводским⁶ про мои предположения по кораблестроительной части. К обеду ездил в Царское. После обеда длинный разговор с Сашей про все путешествие и про теперешнюю политику. Известие про огромное сражение на правом берегу Минчио. Потом прогулка в коляске с Сашей и Мариєю. Обедал с ними же. Все меня расспрашивают про путешествие. Вечером воротился и ездил на вечер к Матушке.

15 июня. Ездил в Царское к Саше к докладу, который был от Метлина. Там узнал по телеграфу некоторые подробности об огромной победе под Савгiana⁷. Там же застал Николу, который по чугунке благополучно приехал из Москвы. С ним и с Алексеем⁸ воротился в Стрельну. Радость детей при свидании с ним, особенно Олли. Обедать ездили к Матушке. Вечер она провела у нас. У меня длинный кавалерийский разговор с Низи⁹.

16 июня. В 10 часов с жинкой на «Стрельне» в город. Там ездили с ней в Исакиевский и в Казанский Соборы. В Мраморном¹⁰ принимал всех моряков. Саша после кадетского учения у нас переодевался, и мы все вместе поехали в крепость к панихиде об Лине и Марии Павловне. Потом на «Александрию» с Сашей в Стрельну. Обедали у Матушки. Были с визитом у Ольги Мишиной. У нее следы оспы еще не совсем прошли. Вечером долго сидел с Терентьевым¹¹, Струговым¹² и Горловым¹³, и мы долго рассуждали об нарезных орудиях и решили, что будем делать совместные опыты над чугунной и медной 30-ю нарезными пушками. Весь вечер сидел дома и работал.

17 июня. С утра в Петергоф для проводов Матушки. Молебен в маленькой Церкви, потом на гавань на «Александрию» и на «Олаф». Там долго ждали ради путаницы придворной кухни, которую отвезли на «Гремящий». Наконец прощание очень грустное с Матушкой. С ней отправились и все дети Мери¹⁴. «Гремящий» ее провожает. Потом отвезли Алексея и маленького Сережу¹⁵ для отправления в Гапсаль на «Камчатку». Оттуда Саша с жинкой домой, а я на «Стрельне» в Кронштадт прямо на большой рейд. Там 5 винтовых кораблей: «Выборг», «Гангут», «Орел», «Константин» и «Вола» под Флагом Шанца и Беренса¹⁶. Я осматривал новый Финляндский корвет «Калевала» весьма порядочный и «Орел» (Керн)¹⁷. Недавно из гавани, большого порядка еще нет. Очень жарко и сильно устал. Обед как всегда с моряками, также и чай. Ходил немного пешком на музыку в саду. По телеграфу известие о приходе «Генерал-Адмирала» в Шербург в 11 дней. Великолепный результат.

18 июня. Все утро работал с Краббе. После завтрака на рейд. Осмотрел остальные корабли. В самом большом порядке «Гангут» (Дюгамель)¹⁸ и «Вола» (Тобизен)¹⁹. Хуже всех «Константин» (Бессарабский)²⁰. Страшная жара. Только что воротился, очень сильная гроза. Ударила в мачту Лоц-судна «Нептун» в гавани и зажгла ее, но тотчас погасили. Также ударила на косе в деревянный дом и убила наповал чинов-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 5, 8.

ника Галухина, его племянника, морского кадетика, и служанку. Вечер как всегда; много работал и пил чай с моряками. Немного катался в коляске по улицам.

19 июня. Утром осматривал Амурский отряд. Корвет «Посадник» (Бирюлев)²¹ и клипера «Наездник» (Селиванов)²² и «Разбойник» (Ратьков)²³. Разрешил некоторые необходимые работы. После полудня сильная гроза, и оттого поздно выехал. Смотрел новую такелажную. Очень хороша. В шлюпочной вся работа прекрасна. Моя новая гичка по чертежу Миаулиса Греческого — прелесть. Потом пароходный завод. Мало времени и только часть осмотрел. Работы идут хорошо, а строительная часть вовсе не идет, от скряжничества Метлина. Вечером работал с Воеводским и Чернявским²⁴. Решил с ними постройку двух кораблей в 1000 и двух фрегатов в 800 сил.

20 июня. Опять страшная жара, хуже чем в Иерусалиме. Утро работал с Краббе, потом осматривал «Илью Муромца», который готовится в Средиземное море. Порядочно, но не был доволен крьюткамерой и приказал переделать. Командир его Аболешев, говорят, вял и плох. Придется, может быть, назначить Сталя²⁶. Еще смотрел новый «Храбрый». Там столярная работа Старчикова, по-моему ужасная гадость и безвкусице. После завтрака ездил на «Прохор» и делал примерное артиллерийское учение. Это дело в руках у Корсакова прекрасно идет. Видел там новое приспособление к шлюпочной артиллерии Пестича, то есть железные станки. По-видимому, хорошо. Посмотрим, что покажет опыт. Потом смотрел новую винтовую железную шхуну для описи Секстан, которая сегодня утром пришла из Англии. Это преполезные штуки. Потом смотрел корвет «Вол» Чихачева²⁷, который готовится на станцию в Константинополь. Очень порядочно. Жарко, устал, воротился и лег. К обеду приехала моя душка жинка. Обедал с ней и с адмиралами в новом клубе. После этого сели на «Стрельну» и пошли на большой рейд, и проводили за брант-вахту «Штандарт», который пошел на окончательный пробный рейс в Ревель. Он великолепно красив, делал 21 оборот (может их делать 25) и шел 10 1/2 узлов. Воротились в Стрельну в 9 часов и видели еще душек детей, лежащих спать. Оля и Вера ужасно мне обрадовались. Весь вечер до 1/2 12-го сидел с Назимовым²⁸ и Дмитриевым²⁹ и рассматривал чертежи Охтенского фрегата «Ослябя». Надеюсь, что будет хорош. Крепко устал от целого дня.

21 июня. Утро работал как всегда. Обедня была в нашей милой приходской Церкви. Обедать ездили к Саше в Царское Село, но ничего нового про политику не узнал. Вечером, воротившись, играл с детьми и катался в самоправке с жинкой.

22 июня. Утром ездил в Царское Село с докладом к Государю. Особенного разговора не было. Воротившись заезжал к Орленку, который сегодня ночью приехал с женою. Потом кончал доклад и работал с Головниным. Длинные разговоры с жинкой об Головнине и вообще нынешних обстоятельствах, и опять слезы. Обедать ездили с детьми в Знаменское к Низи, очень мило у них устраивается. Вечером ездил опять в Царское на вечер к Саше, где был ипе séance с Юмом*. Особенного ничего не случилось, только столы удивительно гуляли. Ночью сухим путем поехал в Питер.

23 июня. Погода испортилась, холодно. Все утро много работал и принимал много народу, между прочим, Федора Петровича³⁰ и по случаю смерти Рейнеке³¹, говорил с ним про место генерал-гидрографа. После завтрака ездил в Главное Адмиралтейство. Смотрел там 1) Мастерскую Пименова³², где он работает Монумент Лазареву. 2) Одну винтовую канонерскую лодку. Их уже много готовых. 3) Механическую новую швальню. 4) Морскую Типографию в ее новом помещении и 5) Инструментальную Мастерскую, перенесенную из Колпина и 6) Чертежную. После обеда был у меня Чевкин, много с ним говорил. Потом работал с строительным Федоровым³³. Работы кронштадтские в ужасном застое.

24 июня. Погода поправилась, тепло, но сильный ветер. Два раза таскался по Адмиралтействам, от 9 до 12 и от 2 до 3. Смотрел постройку корабля «Император Николай»; корвета в 220 фут и 360 сил «Богатырь» и на галерном островке фрегата в 270 фут и 800 сил «Дмитрий Донской». Постройка весьма хороша, прекрасный курляндский дуб, хорошие кницы по французской системе, и работа тщательнее обыкновенной, хотя еще не то, что должно быть. Смотрел их чертежи и давал по ним разные приказания. Начал приходить хороший иностранный лес; видел одну партию итальян-

* спиритический сеанс (фр.).

янского дуба Великанова³⁴, и другую — тиковых брусьев. Это доброе начало. Смотрел перестройку разных старых магазинов в мастерские. Надеюсь, что чрез это Новое Адмиралтейство выйдет хорошая компактная штука. Видел чугунный лесной сарай Гриссель. Это выходит великолепиие. Но надо увеличить их число. На Галерном острове видел еще плавучий док. К обеду приехала жинка. Весь вечер до 1/2 10 сидел с Федоровым и Соколовым и решили постройки в Пароходном заводе, которые так ужасно затянулись.

25 июня. Бывший чудный день рождения Папа. Впрочем, в этот раз провели его достойным образом, через открытие монумента Папа³⁵. Утром были сперва на панихиде в крепости. Потом с Сашей объезжали войска. Потом пошел большой поезд Императрицы и наших жен. В Исакиевский Собор, на Южной площадке молебн, и вечная память Папа. Тогда на караул, ура, и общий салют всей артиллерии и наших 37 канонерских винтовых лодок. Потом обошли около монумента и наконец, церемониальный марш. Я проходил в голове Финляндского полка с саблей в руках: даром что был в морском генерал-адъютантском и в шляпе. Все было прекрасно, и благополучно и несколько минут было чрезвычайно *époouvants* *. Потом с жинкой сухим путем домой в Стрельну. Там радость детей. Вечером очень много работал один, а потом катались с жинкой в самоправке.

26 июня. День рождения моей милой жинки, ей минуло 29 лет. С самого утра поздравления. К обеду были Саша и вся семья. Потом на террасе большой завтрак. Потом провожали Никсу³⁶ на гавань, который сегодня же возвращается в Гапсаль. Известие из Италии о перемирии³⁷. Обедали на террасе со всеми нашими и с детьми. Вечером катался с жинкой в самоправке, но холодно.

27 июня. Весь день работал, почти не выходя из комнаты. Сперва с Зеленым³⁸ и Воеводским. Потом принимал Штруве Астраханского³⁹, Милютина⁴⁰ — товарища Ланского и самого Ланского⁴¹. Это продолжалось до 1/2 4-го. Ужасно устал. Получил от Министра финансов Высочайшее повеление о рассмотрении работы Особой комиссии о банковом кризисе в Комитете финансов. После обеда долго об этом толковал с Рейтерном⁴². Наше положение страшное. Дай Бог, чтоб, наконец, глаза раскрылись и чтоб перестали действовать обыкновенной нашей манерой, полумерами, *mais qu'on tranche enfin dans la vie* **. Вечером катался с жинкой в самоправке.

28 июня. Обедня дома у нас. Потом приходил Орленок. Довольно долго болтали. Обед в большом Дворце в Петергофе с Прусской депутацией. Вечером катались с детьми.

29 июня. Саша с вечера поехал в Красное Село, я утром туда же отправился для доклада. Но там продолжался еще маневр, вследствие тревоги, которую Саша задал невзначай. Поэтому мне пришлось довольно долго ждать. Докладывал во время одевания Саши. Особенно ничего тут не было. В 1 час был большой обед для нижних чинов, имеющих шифр Папа, а в 5 для таковых же офицеров и для всей свиты, со здоровьями и с «Ура». Потом воротился в Стрельну. Пришел в Кронштадт «Синоп», а «Генерал-Адмирал» вышел из Шербурга.

30 июня. Весь день почти безвыходно работал и с докладчиками и один. Принимал Гагемейстера⁴³, чтоб поговорить о банковом деле. Гауровиц говорил сегодня с Сашей про мое здоровье, и они решили мою поездку на морское купанье на остров Вайт на «Генерал-Адмирале». Жинка об этом сильно грустит и сетует на Головнина и Грейга. Бурные разговоры по сему случаю, особенно вечером. Принимали Лудольфа, присланного сюда ради смерти короля Неаполитанского. Он, Монтебелло⁴⁴ и Реджина⁴⁵ с их женами, у нас обедали на террасе.

Июль

1 июля. День рождения нашей дорогой Матушки. Ей минуло 61 год. Дай Бог ей здоровья и много лет жизни. Утром опять бурный разговор с жинкой все про тот же предмет. К обеду ездил в Петергоф. Тут известие про мир и про главные его условия⁴⁶. Что за молодец Наполеон, и в каких отличных дураках он поставил немцев.

* трогательных (фр.).

** а приняли, наконец, пусть болезненные, но решительные меры (фр.).

Воротившись домой, имел разговор с Мейендорфом⁴⁷ про банковое дело. Он совершенно разделяет мнение Комиссии. К обеду ездили к Саше на ферму со всеми детьми. После обеда тотчас в Кронштадт. Обошел на большом рейде всю эскадру, и видел красавца «Синоп». Но было слишком свежо, чтобы съехать. Брал с собою Хитрова адъютанта Сибирского Муравьева⁴⁸. Он приехал с ратификацией Таныцинского договора, и очень интересно рассказывал про все переговоры в Пекине⁴⁹. После обедни в большом Дворце премилый задушевный откровенный разговор с Сашей про предстоящее купанье и про Санны и ее несчастные предубеждения, и как мне себя вести с нею. Прелесть как был мил.

2 июля. Дурная погода, холодно и сильный W. Был ужасно для меня тяжелый день. Утро все работал один. До завтрака осматривал в подробностях работы по перестройке старых доков, и приказал приготовить их к 1 августа для ввода «Синопа» и «Цесаревича». Потом в самых больших подробностях смотрел постройку «Олега» и его чертежи, и на месте решил разные вопросы. После завтрака работал с Аркасом⁵⁰, и мы решили способ разрушения канонерской винтовой эскадры. Потом осматривал весь Пароходный завод со всеми новыми работами. Потом заезжал на Пушечный двор, где ставятся чугунные стелюги для орудий. Воротился домой к обеду после 5 часов. Весь вечер сидел с Рейтерном до 9 часов и изучал Банковую записку для Комитета финансов⁵¹.

3 июля. Утром после домашней работы, в портовую кузницу, где устроена в мое отсутствие маленькая механическая мастерская. Очень мило. В образцовую камеру и чертежную. После завтрака в военную гавань. С Оболенским⁵² смотрел новые угольные сараи, и решил места для выгрузки и нагрузки угля. Для первой особую пристань, для второй первый бастион. Оттуда отправился на новый «Смелый», который отделяется, и на «Илья Муромец», который под кранами. Там я увидел на рейде фрегат под парами, смотрю в трубу: глядь это «Генерал-Адмирал». Огромная радость. Тотчас, несмотря на сильный W и на большое волнение, отправился на него на катере. Встретили Шестакова⁵³ на рейде. Гребли $\frac{3}{4}$ часа. «Генерал-Адмирал», неописанное чудо-юдо. Осмотрел батареи, каюты, кубрик и машину. Воротились в 6 часов, пообедали, а в 7 опять на гавань. «Генерал-Адмирал» уже на малом рейде. Начали его втягивать в гавань и в полночь поставили под кран. Я до конца тут оставался. Это была преинтересная операция. Любовались Фрегатом под всеми положениями, и тут были особенно поражены его огромностью.

4 июля. В 10 из Кронштадта отправился на «Стрельне» в Петербург. На дороге работал с Воеводским. В 12 в Комитет финансов. Заседание продолжалось до 5. Рассматривали Банковую записку, и ужасно спорили, особенно дичь пороли Анненков⁵⁴ и Гурьев⁵⁵. Дельно спорил Чевкин. Я довольно много говорил. Сущность проекта прошла⁵⁶. К обеду воротился в Стрельну и еще вечером толковал с Рейтерном.

5 июля. Обедня как всегда в нашей Стрельнинской приходской церкви. После обедни говорил долго с Ростовцевым⁵⁷ про крестьянский вопрос, который, Слава Богу, кажется, хорошо идет. Обедали на ферме у Саши. Вечером сидел с Милютиним и долго говорил и про вчерашний комитет и про крестьянство.

6 июля. Имел мой обыкновенный доклад у Саши. Решили Средиземное плавание. Заказ яхты в Або для Алексея. По Америке Шестакову дан «Владимир» на шею, и Саша обещал его взять во флигель-адъютанты. Оттуда на «Стрельне» прямо в город, и в это время кончал доклад и завтракал. На минуту заезжал в Адмиралтейство посмотреть прелестный чугунный сарай для лесов, который почти совсем готов. Потом Финансовый Комитет опять до 5 часов. Весьма бурный, но сущность прошла. Потом в Кронштадт и вечером подробно осматривал «Генерал-Адмирал».

7 июля. Утром осматривал «Штандарт» и «Наездник». После завтрака работал с Воеводским, а потом ходил на «Стрельне» на большой рейд, где осматривал «Светлану» (на которой решил расположение кают для моего перехода в Англию) и «Синоп». Возвращаясь, заходил снова на «Генерал-Адмирал». Он моется, чистится и принимает артиллерию. Обед и чай как всегда с моряками. Шестаков за чаем преинтересно рассказывал про Америку.

8 июля. Утром обходил Арсенал, где у нас уже около 8000 штуцеров, артиллерийские и мачтовые мастерские и Мортон Элинг. Потом поехал к купеческим воротам дожидаться прихода Саши. Выехал ему навстречу и принял его на мой катер. Он

осматривал «Штандарт» и кажется находит, что помещение тесно. Я этого не нахожу. Потом осматривал «Генерал-Адмирал», был доволен и объявил Шестакову флигель-адъютантство. Потом на Пароходный завод. Показывал ему все мастерские, новые машины и краны. Тоже в Новое Адмиралтейство, где показывал ему новые мастерские. Такелажную и столярную и строящуюся парусную. Потом с Петербургской пристани он отправился домой, а я домой завтракать. После я водил Шестакова на строящийся «Олег» и в модельную, где кончается чудная модель «Аскольда». Обед и чай как всегда с моряками. Вечером сидел с Рейтерном и Гагемейстером, и мы читали журнал Финансового комитета по бывшим двум банковым заседаниям, который должен быть решен завтра. Сегодня благополучно пришел трехдечный «Цесаревич».

9 июля. Утром после моей обыкновенной работы осматривал портовые шкиперские магазины. Все это мало-помалу приходит в порядок. Потом на «Стрельне» в город. На дороге завтракал и работал с Воеводским и Чернявским. В городе в Финансовом комитете после небольших споров решили журнал и подписали его. Воротился к обеду в Стрельну. Вечером Саша и братья с их женами пили у нас чай.

10 июля. Утром ездил в Красное Село смотреть артиллерийскую полигонную стрельбу всех возможных родов. Было чрезвычайно интересно, но я ужасно устал и, воротившись, спал до 5 часов. Вечером работал с П. Воеводским⁵⁸.

11 июля. Именины Оли, и были за обедней. Оттуда в Петергоф с жинкой и детьми на смотр Флота. Было очень удачно. «Генерал-Адмирал» делал колоссальный эффект, также «Синоп» и «Цесаревич». После салюта Саша ездил на «Синоп» и на «Константин». Обедали дома с детьми. Вечером ездил с жинкой на Ганноверской парочке с визитом к Мише, и сидели у них вечер очень мило.

12 июля. Страшно работал весь день не выходя и до обедни и потом до обеда, так что даже не мог сходить поцеловать Костюшку. Обедали на ферме у Саши. Вечером у меня в первый раз собирался Иерусалимский Комитет.

13 июля. Отпросился у Саши ради огромной массы работы, которая на меня навалила, отложить мой доклад до завтрашнего дня; тем более что он в Красном Селе на артиллерийской стрельбе. Оттого у меня выдался первый свободный день в Стрельне, и потому я вполне жуировал. Все утро чрезвычайно прилежно работал с Головинным и один. В 12 была панихида по бедной Елисавете Михайловне Бутурлиной. Потом с жинкой завтракал у детей. Потом опять работал. Потом был за французским уроком у детей. В 1/2 4-го ездил верхом с визитом в Знаменское к Низиной⁵⁹. Обедали с детьми и Ольгой Мишиной. К концу приехал Миша из Красного. После обеда показывали детям ученых медведей, которых купали в пруду, и марионеток. Вечером опять работал, а потом ездил с жинкой в самоплавке на музыку и пешком в райский садик. Чрезвычайно приятный день.

14 июля. Ездил с докладом к Саше. Решили постройку двух новых фрегатов в 800 сил и двух в 1000 по образцу «Генерал-Адмирала». Воротившись, работал с Воеводским и принимал американца Webb, строителя «Генерал-Адмирала», который от меня домогался новых заказов, но я ему их не дал. Обедали одни с жинкой на террасе. Чудная погода. Вечером ездили с жинкой и детьми на Ганноверской парочке в Петергоф. У самой Фермы встретили Сашу и Марию в коляске, и жена и дети с ними простились. Были потом на нашей музыке, и с жинкой долго ходили по террасе.

15 июля. Грустный день отъезда. Грустное прощание с жинкой и детьми, которые все в слезах. В Петергофе застал конец обедни и молитвы о дороге. Завтракал у Миши. Мне подали ром вместо хереса. На гавани долго ждал Сашу и Марию. Отвезли их на «Штандарт», а братья меня на «Стрельну». Шел за «Штандартом» до большого рейда. Там сел на «Светлану». Прощание со всеми моряками. Снялись и пошли. Сперва мертвый штиль, потом стал свежеть SW и делается темно и пасмурно. Теперь 1/2 11-го и виден Саммерс и Сескар, который отлично горит.

16 июля. Ночью прошли Гогланд по S сторону. С утра ветер свежий SW и дождем и слякотью, одним словом, лейб-гвардии гогландская погода. К полудню прояснило и сделалось прекрасно, но очень свежо, так что мы идем около 7 узлов. Вечером встретили бриг «Филоктет». В 8 часов вечера проходили траверз Оденсгольма. Начал работать отчет для Государя за три года, который уже работал в Палермо, теперь же оканчиваю начисто.

17 июля. После полуночи прошли меридиан Дагерорда. С утра ветер W стал очень свежеть и к полудню стал очень крепок и развел весьма сильную зыбь, так что «Светлана» знатно клевала. Ход уменьшился до 4 1/2 узлов, поэтому мы спустились на 1 1/2 румба и поставили триселя. Но тогда ход сделался 6 узлов и фрегат начал просто зарываться, что нас заставило приказать машине работать средним ходом, отчего стало спокойнее. До этого несколько ударов было весьма сильных, и видно было как фрегату тяжело. Весь сервиз, накрытый на столе для обеда, слетел и разбился. Головнина и Грейга укачало. Я держался хорошо, много ходил, читал и курил. С 4 часов начало стихать, а в 6 мы легли опять старым курсом на Гоборг.

18 июля. Утром проходили Гоборг, часов в 5 Эланд. Погода прекрасная, но ветер все W и довольно сильный, идя против него, хотя без малейшей зыби. Идем весь день прекрасно, от 7 узлов до 9, когда ветер несколько отходил и можно было ставить триселя. Работал трехгодовой отчет. Вечером играл с Гауровицем в шахматы и выиграл партию.

19 июля. Ночью проходили Борнгольм, утром вошли в Кьэге бухту. Погода чудесная, ясно, тепло, тихий южный ветер. В 9 часов приняли лоцмана у Драгэ и побежали по 10 узлов Зундом. На копенгагенском рейде приняли другого лоцмана, который после салюта крепости повел нас кругом Трекронера на внутренний малый рейд, где мы стали фертоинг. Тотчас приехали Лобанов⁶⁰ и наш посланник⁶¹. Узнали, что король⁶² уехал в Швецию для свидания с молодым королем⁶³ и что Принц Фердинанд зовет меня к обеду, и что у него будет вся здешняя семья. Это заставило меня решиться сделать теперь же все визиты. На фрегате отслушали обедницу, отзавтракали и тотчас отправились в полной форме на берег с визитами. Сперва к Принцу Фердинанду и его жене в городе, потом к вдовствующей королеве в Зоргенфрей, потом к Кристиану в Бернсдорф. Тут его милая жена и прелестные дети и младший брат Иван, который Прусский Гвардейский Драгун. Потом в Шарлотенлунд к ландграфине Гессенской. При ней ее младшая дочь Августа. Все принимали как старого знакомого, весьма радушно. Воротились в город в Готель Феникс, в котором мы наняли несколько комнат. Тут отдыхал и писал письмо жинке⁶⁴. В 6 часов большой обед у Принца Фердинанда со всею семьею, со многими дипломатами и министрами. Весьма долго и скучно. Должен был со всеми любезничать. Хотели вечером идти в Тиволи, но погода совершенно испортилась, делался крепкий SO с проливным дождем. Сидел дома, курил и читал.

20 июля. Сегодня 10 лет кануну Дебреценского сражения⁶⁵, когда я узнал, что жинка беременна Николой, и когда получил от нее кольцо с крестом, которое всегда ношу. Как время течет! Утром читал отчет и писал письмо жинке. В 11 ходил немного пешком по городу один. Воротившись, принимал нашего посланника Унгерн-Штернберга и моего старого знакомого Адмирала Стен Билле. После завтрака Принц Фердинанд мне делал визит. Потом поехали смотреть Скандинавский музей. Он переведен в новое здание сзади дворца, расположен шире и лучше прежнего и много разбогател. Там же смотрели новый этнографический музей, который будет весьма замечателен. Оттуда в Торвальдсенский музей⁶⁶. Там все его произведения частью в мраморах, частью в гипсе. Есть великолепные вещи. Покуда там были, узнали что король воротился и, не заезжая в город, прямо к себе на дачу в Скотсбург. Старик Гофмаршал Левецов, который нас провожал, прямо туда поехал. Я ему ясно высказал, что желал бы видеть короля здесь в городе, чтоб не сходитьсь с его стервой графиней Даннер⁶⁷. Хотели еще осмотреть Розенборг, но было слишком поздно. В 1/4 5-го отправились в Розенборг обедать к вдовствующей королеве. Было очень мило. Вся семья и все датчане, особенно моряки меня принимали как старого знакомого и приятеля. Возвращаясь после обеда в город, встретили Левецова. Объявил, что король устал и болен, и в городе быть не может, а приглашает меня завтра завтракать к себе на дачу. Каково канальство, это явный *guet-apens* *, чтоб свести меня с этой стервой и заставить меня ее под руку вести к столу и сидеть подле нее. Я ответа не дал, а послал Левецова к посланнику с ним обделать дело. Вечером отправились в Тиволи и в новое гулянье в том же роде Альгамбра. Очень мило. Тута ко мне приехал Унгерн-Штернберг, и я с ним воротился домой. После долгих рассуждений и взвешиваний решились сказаться больным и к ко-

* ловушка (фр.).

ролю не ехать. Посланник говорит, что все это поймут и будут очень довольны этому щелчку.

21 июля. Десять лет Дебреценскому сражению! Утром еще длинные разговоры с посланником об истории с королем. Написал об этом шифрованную депешу Саше, а королю премилое *lettre d'excuse* *. Все утро писал длинное письмо Саше ⁶⁸, и кончил письмо к жинке. После завтрака на «Светлану», и в 2 часа снялись с якоря. Рассадил большую часть гардемарин по салингам, потому что изволили обедать во время авраль-ной работы. Ветер противный и довольно свежий. Только по временам, и то на короткое время, могли ставить триселя. В 5 часов проходили Кронбург и салютовали ему. Теперь идем Категатом. Начинается порядочное волнение, но погода хорошая, и барометр стоит довольно высоко.

22 июля. За ночь благополучно прошли Категат. Часов в 11 прошли Скаген и вошли в Скагеррак. Погода чудесная ясная, теплая, но все противный ветерок с маленькою зыбью. Мы идем почти все время по 8 узлов, вечером 9. Утром был молебн ради Мариина дня. Работал отчет, и читал сочинения Григоровича.

23 июля. Утром погода серая, с частым дождем, скучно, потому что все приходится сидеть в каюте. Только к вечеру снова прояснило. Ветер все в лоб, только к вечеру стал переходить к W, так что мы поставили триселя и с тем вместе начал свежеть. Весь день шли серединою Немецкого моря. Суточное плавание около 200 миль. Шли по 8 узлов.

24 июля. Погода прелестная, но ветер все в лоб. Было обирвация. Место оказалось миль на 8 позади счисления. После полудня ветер довольно ровненький и свеженький и ходу только 7 узлов, а когда потише бывало 8 1/2 и 9. Вечером прошло над нами два шквала с дождем. Подходим к Галопперу, но раньше полуночи его не увидим.

25 июля. Около полуночи с трудом отыскивали Галоппер, потому что нас снесло миль на 2 к O[st]. Выходил в это время наверх и оставался до 3 часов, покуда увидел North Foreland. Тогда лег, но мало и дурно спал. Встал снова в 6 часов. Тогда проходили Довер. Чудная погода, почти штиль, и мы идем по 10 узлов. Прелестное плавание, весь день Английским каналом. Встречали много судов и несколько великолепных американцев. В 5 часов около плавучего Маяка острова Вайта приняли лоцмана и пошли на рейд. На Спитгдеде стоят «Громобой», «Ретвизан» и «Палкан» и Английская эскадра из 5 кораблей и 5 фрегатов, между прочим длинный огромный «Mersey», который однако далеко не так красив, как «Генерал-Адмирал». Мы прошли мимо этой эскадры, потом завернули налево и встали на якорь на Mother-Bank против Ryde. Тотчас почти приехал Истомин с командирами. Расспрашивал их про их последнее плавание. Потом приехал и Брунов⁶⁹. С ним на берег. На моле встретила большая толпа. Весьма учтивы, кланялись и даже крикнули «Ура». Поместились очень мило в Pier Hotel. Поужинали. Потом довольно долго ходил по улицам.

26 июля. Облачно, но тепло. Ездил к обеду на «Громобой». Радость его увидеть, офицеров и команду. Поклонился им от жинки. Гребли туда полчаса по ветру и течению, а назад час. Дома застал Напсок с множеством вещей. Страшно дорого. Купил только один браслет для жинки. После завтрака ездил с Гауровицем и Грейгом выбирать места для купания. Прелестные места по дороге. Посетили Sandown и Shanklin. Прелесть, особенно долина в последнем. Решились купаться в Sandown. За обедом был Брунов и моряки. Вечером много ходил по улицам.

27 июля. В 8 часов ездили в первый раз купаться в Sandown. Прелесть. Домой шли много пешком и заходили на пристань (Pier) ** и любовались множеством прелестных яхт. В 12 был общий салют на эскадре ради сегодняшнего праздника. После завтрака много работал с Путятиним. Показывал мне добытые им чертежи Армстронговской пушки. Писал потом письмо Саше и просил его дать 30.000 для заказа такой пушки в Америке⁷⁰. Перед обедом приезжал Принц Альберт⁷¹. Много рассказывал про Итальянскую войну и про Армстронгову пушку. Вечером покупал разные безделушки в магазинах.

28 июля. Скверная погода, крепкий NO и почти непрерывный дождь. Поэтому не ездили в Sandown, а купались здесь, но было нехорошо, потому что вода мала.

* письмо с извинениями (фр.).

** пристань (англ.).

Утром писал письмо жинке, а после завтрака толковал с Путятиним о преобразовании морского воспитания. Он крепко стоял за свои идеи, но я их нахожу решительно невозможными⁷². В 2 часа ездил в Осборн с визитом к королеве⁷³. Она была весьма мила и любезна. Ходил тоже и к ее матери, герцогине Кент. Воротившись, немного ходил по пристани. После обеда погода так дурна, что я мог гулять очень немного.

29 июля. Такой же ветер как вчера, но без дождя. Купались в Sandown, был такой сильный прибой, что надо было держаться за карету, чтоб не быть унесены. После завтрака Рюмин показывал фотографии нашего путешествия. Некоторые удались великолепно. Потом ходил много по городу и знакомился с разными улицами. В 7 часов поехал к обеду в Осборн. Все были очень милы, но особенного ничего не было. Воротившись домой только в полночь и крепко устал.

30 июля. Наконец опять тепло и прелестно, зато и купание в Sandown было восхитительно. Гауровиц и Грейг купались после меня в том же домике и, покуда они меня в коляске нагнали, я успел сделать с Бойе огромный конец пешком. После завтрака отправились на пристань ждать Мери, и это продолжалось почти 2 часа. В это время Гауровиц кокетничал с прехорошенькой девочкой в желтом платье. Это было пресмешно. Мери пришла на военной паровой яхте «Fire Queen». С ней и с Марусей⁷⁴ ир *revoig très tendre* *. Привел их завтракать ко мне, потом после небольшой прогулки отвез их домой, т. е. в дом что нанимает Брунов the Castle. Она отправилась обедать в Осборн, а мы после нашего обеда отправились в здешний маленький театр, и ужасно хохотали.

31 июля. Отличная погода и тепло. Купался в 9 часов здесь. Потом пошел к Мери, застал ее у себя в саду за чаем. В 10 повозил ее кататься до Sandown. Завтракала у меня, потом проводил ее на «Fire Queen» до Портсмута. Оттуда на «Громобой». Задал всему отряду горячее учение и был очень доволен. Воротившись было на буксире «Светланского» парового баркаса, но он нас жестоко обдавал то грязным паром, то дымом, и мы пошли на гребле. Остальной день обыкновенный. Приехал Лисянский. Утром приехал Беклемишев курьером от Попова из Шанхая, с письмом о небольшом столкновении с Голландским судном, и о большом деле, которое оттого произошло⁷⁵. Получил два милых письма от жинки.

Август

1 августа. Великолепная погода, жарко. После чудесного купанья в Sandown воротившись верхом, на лошадях, нарочно присланных для нас от Английской королевы. После завтрака работал учреждение Министерства⁷⁶, а потом отправился на Pier и оставался до 6 часов. Смотрел на отправление в море Истоминской эскадры. Тут ходила около меня бездна хорошеньких дам. Было превесело. У Гауровица продолжался роман, что было пресмешно. Вечером после обеда ходил еще 2 раза гулять до 11 часов, так что я почти все время бываю на воздухе.

2 августа. Утром туман и дождь, так что мы купались здесь, что далеко не так приятно как Sandown. Но в это время прояснило, показалось солнце, и сделалось опять тепло и приятно, хотя довольно ветрено. Вместо того чтобы быть за обедней на «Светлане», ходили в Английскую Церковь, потому что никогда еще не слышал здешней службы. Эктиния у них прекрасная. Проповедь пастор читал, а не говорил, отчего она много потеряла, хотя была весьма недурна. После завтрака писал письмо жинке и Матушке, предлагал ей зимовать на острове Вайте. Потом, как всегда, ходил гулять на Pier, и оставался там часа два. Роман Гауровица продолжался. Я любовался моим катером, который катался под парусами. Кончилось тем, что, Гауровиц, Лисянский и я, мы сами в него сели и сделали несколько галсов. Он удивительный ходок. После обеда, как всегда, ходил с Гауровицем гулять по набережной и по пристани. В это время какой-то человек на набережной, на открытом воздухе проповедовал про страшный суд и покаяние. Мы долго стояли и слушали, и надо отдать ему справедливость, что он проповедовал великолепно, и вся обстановка была поэтическая.

3 августа. Погода прекрасная, но очень свежий NW. Купаться в Sandown было прелестно, потому что ходил весьма значительный бурун. Во весь остальной день осо-

* очень нежная встреча (фр.).

бенного ничего не происходило. Гулять по пристани было неприятно от весьма сильного ветра. Ходил с Гауровицем по магазинам и купил еще несколько безделушек. Вечером после обеда ходить было лучше. Гауровица роман продолжался, но, кажется, скоро конец, потому что она говорит, что уезжают послезавтра. Sir Charles Napier⁷⁷ был у меня.

4 августа. Погода отличная. Купание было хорошо, но без прибоя. После купания, вместо того чтоб воротиться домой, мы сделали большую поездку по острову. Сперва в Shanklin, где походили по ущелью, и я купил четыре каменных браслета для жинки; потом в Ventnor. При перевале через гору хорошие виды. Самое же красивое место это Woppechurch, с удивительной растительностью. Ventnor тоже мило. Там плотно позавтракали и поехали мимо маяка St. Catharin в Blackgang-chine. Сходили на берег, но трудный подъем наверх. Воротились к 7 часам через Newport. Внутренность острова тоже хороша, но особенного ничего нет. После обеда гулял с Гауровицем только один раз. Устал.

5 августа. Погода хорошая и тепло, хотя серо, и солнца нет. После купания в Sandown воротился верхом. После завтрака отправились на общем пароходе в Портсмут. Сперва к старику Admiral Bowles. С ним в Адмиралтейство. Оттого ничего нельзя было порядочно видеть, что старик сам все время с нами таскался. Только обошли Адмиралтейство и ничего порядочно не видали. Везде большая деятельность, и строят много кораблей. Воротились к обеду усталыми. Получил милые письма от Саши⁷⁸, жинки, Николя и Веры.

6 августа. Очень жаркий день, даром что солнца нет. В Sandown во время купания мертвый штиль. Воротился верхом, но на дороге лопнула штрипка, и в городе я пошел пешком. После завтрака один фотографик из Лондона снимал мою фотографию, чтобы по ней сделать литографию. Потом писал письмо жинке. До обеда весь день сидел дома. После обеда ходил, как всегда, с Гауровицем пешком, по набережной и по пристани. Удивительно тепло. Теперь начну читать Историю Англии Mascaulay⁷⁹.

7 августа. Удивительная погода, солнце и тепло. Купание в Sandown великолепно. Воротился верхом в 35 минут, почти все время рысью. После завтрака ездил на обыкновенном пароходе в Портсмутское Адмиралтейство. Осматривал пароходный завод и всю механическую часть. Есть весьма замечательные вещи. Но было жарко, и я крепко устал. Огромный фрегат «Mersey» испытывал свой ход как мы шли на пароходе. Очень быстро идет, но гонит огромный бурун. Вечером после обеда ходил как всегда гулять с Гауровицем. В это время пришел «Баян» и встал подле «Светланы». Но мы не видели, потому что было слишком темно.

8 августа. Опять прелесть погода, жарко и солнце, и купаться в Sandown прелесть. Слишком было жарко, чтоб ездить верхом. После завтрака работал с Путятинным будущее образование Морского корпуса. Потом возил его на «Баян» и «Светлану». «Баяном» я не доволен. Ужасно грязен. Писал письмо жинке. Много читаю Историю Англии, писанную Mascaulay.

9 августа. Не так жарко, как вчера, потому что довольно ветрено. Ездил к обедне на «Светлану». После завтрака работал и читал Mascaulay. В 5 ездил купаться в Sandown. Ради Воскресения домики не в деле, и потому мы просто раздевались на берегу и купались так себе. Возвращаясь, вдруг увидел «Генерал-Адмирала» на рейде. Большая радость. Во время обеда пришел Шестаков. Славный его переход, от понедельника, стало в 6 дней. Привез премилое длинное письмо от жинки.

10 августа. Опять совершенный штиль, жарко, прелесть и купание в Sandown великолепно с чудесным буруном. После завтрака ездил на «Генерал-Адмирал» и любозался им. Удивительное чудо-юдо. На «Светлане» смотрел работы фотографика, который снимает порт ради наших судов. Писал письмо Саше⁸⁰ и жинке. Получил от нее две телеграфические депеши ради сегодняшнего дня рождения нашего прелестного Костюшки, которому сегодня минуло один год.

11 августа. Как вчера, совершенный штиль и жарко, купание в Sandown хорошо. После завтрака ездил на «Генерал-Адмирал». Застал там адмиралов Bowles и Grey. При их съезде салютовали. Решил добавочные боковые каюты. Оттуда на «Баян». Делал ему парусное учение. Порядочно. Вечером Королева на «Fairguy» возвращалась из

Портсмута. Наши суда освещались флагами и салютовали. Получил два милых письма от жинки. Вечерняя прогулка с Гауровицем, как всегда.

12 августа. Опять так же жарко, несмотря на свеженький SO. Купание в Sandown хорошо. После завтрака на «Генерал-Адмирал», где снимали фотографические портреты сперва с меня одного, потом целыми группами. Кажется, что хорошо удалось. За обедом был Геденов молодой и рассказывал про покупку в Риме вновь открытой статуи Венеры. Вечером были в театре и порядочно хохотали.

13 августа. Утром опять чудесно и жарко как все эти дни. Купались в Sandown. Потом писал жинке. Потом ходил гулять пешком, но тогда пошел дождь, и скоро сделалась гроза. Вечером ездили в Осборн обедать к королеве. Это было в то же время и прощальный визит, потому что в понедельник она едет в Balmoral. За обедом были Lord Palmerston⁸¹ и Sir Charles Wood. Были очень милы и любезны. Возвращались среди жестоких молний.

14 августа. Тепло и тихо, но серо, и по временам дождь. Купались в Райде налево подле дома. В 10^{1/2} на пароходе в Портсмут и на чугунке в Лондон. Приехали в 1/2 2-го. В колясках оттуда в Sydenham в Cristal Palace. Оставались там весь день, до 1/2 8-го. Удивительная огромность и великолепие. Осматривали все в подробностях и архитектурное отделение, и выставки, и слушали прекрасную музыку. Оттуда в Лондон в York Hotel на Albebarle street. После обеда в Haymarket theatre*. Очень смеялись и миленький Шотландский балет.

15 августа. Утром приехал курьер с письмами. Разрешение от Саше на заказ Армстронговской пушки в Америке через Путятина⁸². В 10 часов через City к London bridge** и на пароходе по страшно воняющей Темзе в Deptford на «Great Eastern». Осматривали во всех подробностях и завтракали в великолепном салоне. На берегу осматривал его рулевой телеграф. Потом на заводе Humphreys смотрел машину в 600 сил для «Императора Николая». Потом через всю южную часть города и Blackfriar's bridge в British Museum. Оставались часа два, и ужасно устали. Замечательная ротонда для читателей в библиотеке. Воротившись домой, читал привезенные курьером бумаги во время сильной грозы. В 6 ходил пешком по Picadilly и Regent's street. В 8 обед у Брунова. Подле меня сидел Sydney Herbert. Очень приятно разговаривал. Вечером в Princey Theatre давали «Midsummer night dream». Прелестно.

16 августа. После кофе по чугунке в Портсмут, там завтракали и на пароходе в Райд. Купаться нельзя было ради отлива. После обеда как всегда вечерняя прогулка с Гауровицем. Купил пару Ньюфондландских собак. Назвал их Ryde и Pier.

17 августа. Довольно свежий SW, и на купание в Sandown порядочное волнение. Писал письма жинке и Саше⁸³. В 4 ходил пешком по берегу до местечка Seavien. Вечером дождь, и нельзя было гулять. Сидели у меня внизу и курили.

18 августа. Очень свежий W, и порядочно холодно. Купание в Sandown было приятно, но довольно страшно от сильного буруна. На возвратном пути разговор с двумя девушками Kate и Mary James. В течение дня два раза ходил пешком, но было неприятно от сильного ветра. Получил три милые письма от жинки.

19 августа. Ветрено и холодно. Утром только 10°. Купались в Райде, и было очень неприятно и холодно. В 1/2 11 на пароходе в Портсмут и по чугунке в Лондон. Прямо в York Hotel завтракать. В это время приехали Коля и Евгений⁸⁴. Коля очень вырос и возмужал и стал премилый. Во дворец Парламента. Великолепие, достойное своего назначения. Westminster Hall и Westminster Abbey. Монументы. Особенно прелестна капелла Генриха VII. В Zoological Gardens***. Осматривали в подробностях. Чудное завешивание и интересные звери. Обедали дома. Вечером в Adelphi theatre. «The babes in the wood»****. Ужасный вздор, почти что не смешно.

20 августа. Утром читал «Times» и писал письмо жинке. В 1/2 11 на завод Mandsley. Сам старик Field нас всюду водил. Видел машину в 800 сил для «Олега» и две в 250 для Черноморских корветов. Чудесный завод и чудесные машины. В I по железной дороге из City в Black-wall. Сперва завтракали «White bate» в Brunswick hotel.

* театр «Хеймаркет».

** к Лондонскому мосту.

*** Зоопарк.

**** Театр «Адельфи». «Простаки».

Потом на большую верфь, где строится окованный фрегат для Английского флота. Рассматривали в подробности его модель и чертежи и начинающееся строение. Бог знает, что теперь выйдет из морского искусства!! Оттуда на завод Гриссея. Потом два раза был у Мери, но не заставлял ее дома, и ходил пешком. После обеда в Strand theatre. Глупая пьеса. Уехали до конца. Опять к Мери, застал ее в постели и долго сидел у нее и разговаривал.

21 августа. Все утро в Английском банке. Осматривали его в самых больших подробностях. Огромное колоссальное заведение. Потом на минуту в выставке Индийских вещей, потом таскался по магазинам для разных закупок до 7 часов, и порядочно много закупил для жинки. Вечером обедал у Брунова вместе с Мери.

22 августа. Нашей душе Оле сегодня 8 лет. Да благословит ее Бог. Утром после кофе ездил прощаться с Мери. Потом выбирал шотландский бархат для жинки и брелоки от «Storr and Mortimer». В 11 часов по чугунке в Портсмут, где завтракали в George Hotel. На переходе в Ryde. В 5 купались в Sandown прелестно. После обеда гуляли как всегда с Гауровицем.

23 августа. Слушал обедню на «Светлане», потом ездил немного на «Генерал-Адмирал». Писал письма Мама, Оли и Принцу Карлу Прусскому⁸⁵. В 5 ездили в Sandown и купались ради Воскресенья не в машинах, а просто на берегу. За обедом был Ахматов⁸⁶. Вечером гулял как всегда с Гауровицем.

24 августа. Купание в Sandown великолепное. Был отлив и порядочный прибой и чудно было плыть по волнению. На возвратном пути долго шли с нашими новыми красавицами, которых мы называем the Wrexham girls*, то есть Miss Amely, Kate, Mary и Alice James. Особенно Amely удивительная красавица. Остальной день совершенно обыкновенный.

25 августа. Очень крепкий SW. Купание в Sandown было прелестно, но порядочно страшно, еще ни разу не бывало такого сильного буруна. Когда шли назад пешком, нас настиг сильный мелкий дождь, который гнало ветром, так что Wrexham girls выходить не могли, но на прощание махали нам платками из дома. Воротившись в Райд, получил от библейского общества прекрасно переплетенный экземпляр Русского Евангелия, напечатанного в Лондоне, с премилым письмом. Весь день сидел дома читал Macaulay и писал письмо жинке. В 1/2 6-го переехали на «Генерал-Адмирал». С нами пойдет Путьтин. Обедало нас много народа. Весь вечер грузили разные наши лондонские покупки.

26 августа. Встал в 4 часа. В 5 начали сниматься с якоря. Команда очень молода и не учена, оттого продолжалось очень долго, так что пошли только в 7 часов. Написал письмо жинке и отправил с лощманом. Если Бог даст, все пойдет хорошо, мы могли бы быть дома раньше этого письма. Ветер свежий W. «Генерал-Адмирал» бежит великолепно 11 и 12 узлов. Раз по пеленгам прошли в 1 час 14 мин. В 9 вечера прошли Галоппер.

27 августа. Погода хорошая, хотя облачная. Весь день ветер попутный, и мы идем под парусами и в 4 котла, бежим все время почти 11 1/2 узлов, иногда 12 и 13. Идем все серединою Немецкого моря.

28 августа. Утром уже были у берегов Ютландии. В 2 часа прошли Скаген, но в это время SO крепко засвежел, стало пасмурно, и пошел дождь. Вечером очень скверно, барометр сильно упал. Триндасена долго не видать. Несколько раз останавливали ход и бросали лаг. Около 10 часов ненадолго прояснело, увидели плавающий маяк и пошли далее.

29 августа. Ночью благополучно прошли Категат. В 8 утра прошли Кронборг и салютовали ему. Зунд прошли очень скоро, несмотря на очень свежий противный ветер. Поворотивши к Борнгольму, тот же ветер вышел попутный. Мы поставили паруса и побежали 12, 13 и довольно долго даже 14 узлов. Великолепно!! За обедом прошли Борнгольм. В 10 часов открылся вертящийся маяк у входа в Карлскрону. Вечером играл в шахматы с Грейгом.

30 августа. Именины Саши, рождение Оли (37 лет) и 11 нашей свадьбы. Была обедня и молебен. Шли весь день великолепно. Утром в 8 часов проходили Гоборг, а вечером в 1/2 10-го уже увидели Дагерорт. Несколько раз под одними парами, без па-

* Рексгемские девицы (англ.).

русов шли по 12 узлов. Меньше 10 1/2 не шли. Погода хорошая, только к вечеру нахмурилась.

31 августа. Утром в 8 проходили Нарген. Ветер противный и часто наносит туман. Но потом прочистилось, и стала погода хорошая, хотя холодно. Пройдя Гогланд в 4 часа, один из подшипников в машине сильно разгорячился. Долго возились, покуда снова пустили машину в ход, и потеряли чрез то много времени. Вечером прошли Сескар, который прекрасно горит. Теперь двенадцатый час, и мы скоро должны увидеть Толбухин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краббе Николай Карлович — контр-адмирал, в свите К. Н., член Главного морского штаба, директор инспекторского департамента Морского министерства.

² Новосильский Федор Михайлович — вице-адмирал, военный губернатор Кронштадта.

³ Фон Шанц Иван Иванович — вице-адмирал, начальник 1-го дивизиона.

⁴ Метлин Николай Федорович — вице-адмирал, член Адмиралтейств-совета, управляющий Морским министерством.

⁵ Князь Орлов Алексей Федорович (1787—1861) — генерал-адъютант, в 1845—1856 гг. — шеф жандармов и главный начальник III Отделения, возглавлял Русскую делегацию при заключении Парижского мира; в 1856—1860 гг. — председатель Государственного совета и Комитета министров, председатель Кавказского и Сибирского комитетов. В 1857 г. — председательствующий в Секретном (с 1858 г. — Главном) комитете по крестьянскому делу; на этом посту его сменил в сентябре 1860 г. К. Н.

⁶ Воеводский Аркадий Васильевич (ум. 1879) — контр-адмирал, с 1859 г. — вице-директор инспекторского департамента, затем директор кораблестроительного департамента Морского министерства.

⁷ Одна из битв итало-франко-австрийской войны: 24 июня (по европейскому календарю) при Сольферино австрийские войска были разбиты французами.

⁸ Великий князь Алексей Александрович (1850—1908), сын Александра II, главный начальник флота и морского ведомства, генерал-адмирал (1881—1905).

⁹ Великий князь Николай Николаевич (старший) (1831—1891), сын Николая I, член Государственного совета, генерал-инспектор кавалерии и инженерной части, главнокомандующий в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов.

¹⁰ Мраморный дворец — резиденция К. Н. в Петербурге.

¹¹ Терентьев Николай Алексеевич — генерал-майор корпуса морской артиллерии, директор артиллерийского департамента Морского министерства.

¹² Стругов Владимир Борисович — контр-адмирал, председатель Комиссии для артиллерийских опытов.

¹³ Возможно, Горлов Николай Васильевич — титулярный советник, служил в кораблестроительном департаменте Морского министерства.

¹⁴ Великая княгиня Мария Николаевна (1819—1876) — дочь Николая I, с 1839 г. замужем за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Принимала участие в высшем управлении женскими учебными заведениями, в непосредственном ее ведении был Патриотический институт. После смерти мужа заняла место президента Академии художеств, была председательницей «Общества поощрения художеств».

¹⁵ Великий князь Сергей Александрович (1857—1905) — четвертый сын Александра II, с 1891 г. — Московский генерал-губернатор и с 1896 г. командующий Московским округом. Реакционер. Убит эсером И. П. Каляевым.

¹⁶ Беренс Евгений Андреевич (ум. 1878) — контр-адмирал. В 1859 г. — помощник начальника практического (то есть учебного) отряда винтовых кораблей. С 1860 г. — младший флагман Балтийского флота. С 1863 г. — старший флагман Балтийского флота. С 1864 г. — вице-адмирал, с 1874 г. — адмирал.

¹⁷ Керн Федор Сергеевич (ум. 1890) — участник защиты Севастополя, капитан I ранга. В 1858—1860 гг. командовал кораблем «Орел», плавал в Финском заливе. В 1890 г. произведен в адмиралы.

¹⁸ Дюгамель Михаил Иосифович (ум. 1896) — капитан I ранга, командир корабля «Гангут». С 1858 г. — начальник отряда судов Восточного океана. С 1881 г. — адмирал.

¹⁹ Тобизен Иван Романович (1808—1878) — капитан I ранга, командир винтового корабля «Вола», с 1871 г. — вице-адмирал.

²⁰ Бессарабский Петр Николаевич (ум. 1874) — капитан I ранга, командир винтового корабля «Константин». С 1873 г. — вице-адмирал. В 1851—1853 гг. командовал транспортом «Двина», совершившим кругосветное плавание на Камчатку.

²¹ Бирилев Николай Алексеевич (ум. 1882) — капитан-лейтенант. Командир винтового корвета «Посадник». Командовал отрядом из двух винтовых клиперов, совер-

шившим кругосветное плавание от Кронштадта к берегам Амура. С 1872 г. — контр-адмирал.

²² Селиванов Павел Александрович (1825—1882) — капитан-лейтенант, командир клипера «Наездник». С 1878 г. — контр-адмирал.

²³ Ратьков-Рожнов Николай Александрович — капитан-лейтенант. Командир клипера «Разбойник». С 1886 г. — вице-адмирал.

²⁴ Чернявский Степан Иванович — полковник корпуса корабельных инженеров, председатель Кораблестроительного технического комитета Морского министерства.

²⁵ Аболешев Павел Нилович — капитан I ранга, командир винтового фрегата «Илья Муромец»; в 1859 г. назначен командиром корабля «Память Азова». С 1873 г. — вице-адмирал.

²⁶ Сталь Федор Гедеонович (1818—1892) — капитан-лейтенант. Командовал винтовым корветом «Новик» и «Ильей Муромцем».

²⁷ Чихачев Николай Матвеевич (р. 1830) — капитан II ранга. В 1858 г., командуя пароходом «Америка», находился с англо-французской эскадрой в Тяньцзине, откуда был послан курьером в Петербург с трактатом, заключенным графом Путятиным. В октябре 1859 г. командовал корветом «Вол». Затем принял в командование фрегат «Светлана», перешел к берегам Китая в эскадру капитана I ранга Лихачева. С ноября 1860 г. — адъютант К. Н., капитан I ранга, с 1892 г. — адмирал.

²⁸ Назимов Николай Николаевич — капитан II ранга, с 1860 г. — капитан I ранга. Командир винтового фрегата «Ослябя». В 1853 г. участвовал в японской экспедиции Путятина. С 1866 г. — контр-адмирал.

²⁹ Дмитриев Иван Сергеевич — полковник, кораблестроитель. В 1854—1858 гг. построил корабль «Цесаревич» и императорскую яхту «Тигр». В 1858 г. переведен старшим строителем на Охтенскую верфь, где, окончив строительство фрегата «Ослябя», приступил к строительству фрегата «Александр Невский».

³⁰ Барон Врангель Фердинанд Петрович (1796—1870) — адмирал, генерал-адъютант, управляющий Морским министерством, исследователь берегов Восточной Сибири.

³¹ Рейнеке Михаил Францевич — вице-адмирал, директор гидрографического департамента Морского министерства.

³² Пименов Николай Степанович (1812—1864) — скульптор, академик, профессор Академии художеств. В 50-е годы XIX в. работал над проектами памятников флотоводцам М. П. Лазареву, В. А. Корнилову, П. С. Нахимову и др.

³³ Федоров Степан Иванович — инженер-полковник, служил в строительном департаменте Морского министерства.

³⁴ Поставщик леса.

³⁵ В 1859 г. в Петербурге был открыт памятник Николаю I (скульптор П. К. Клодт, архитектор А. А. Монферран).

³⁶ Великий князь Николай Александрович (1843—1865) — старший сын Александра II, наследник-цесаревич.

³⁷ Перемирие в Виллафранке между Францией и Австрией состоялось 8 июля 1859 г. (по европейскому календарю).

³⁸ Зеленой Семен Ильич — генерал-майор корпуса флотских штурманов, вице-директор гидрографического департамента.

³⁹ Струве (Штруве) Бернгард Васильевич — вице-губернатор Астраханской губернии.

⁴⁰ Милютин Николай Алексеевич (1818—1872) — в 1859—1861 гг. временно исполняющий должность товарища министра внутренних дел, лидер либеральной бюрократии, возглавившей подготовку отмены крепостного права.

⁴¹ Граф Ланской Сергей Степанович (1787—1862) — камергер, с 1850 г. — член Государственного совета, в 1855—1861 гг. — министр внутренних дел, с 1857 г. — член Главного комитета по крестьянскому делу.

⁴² Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890) — в 1857 г. был чиновником особых поручений при Морском министерстве, командирован в Европу и США для стажировки по финансовому делу. В 1859—1860 гг. — член Редакционных комиссий, занимался подготовкой выкупного проекта крестьянской реформы, в декабре 1859 г. назначен секретарем и заведующим делами Комитета финансов, в 1862—1878 гг. — министр финансов, статс-секретарь, член Государственного совета. Докладные записки Рейтерна по финансовым вопросам, представленные К. Н.: ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 457; Записка Рейтерна «О положении финансов России в конце 1859 г.» (копия) — там же, д. 936, лл. 314—332.

⁴³ Гагемейстер Юлий Андреевич — член совета министра государственных имуществ, в 1859—1860 гг. — член Редакционных комиссий, занимался подготовкой выкупного проекта крестьянской реформы. В фонде К. Н. хранится копия записки Гагемейстера, Рейтерна и др. «Соображения о мерах к лучшему устройству банковской и денежной системы» (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 469).

⁴⁴ Герцог Монтебелло Наполеон-Август (1801—1874) — в 1858—1864 гг. французский посол в России.

⁴⁵ Герцог Галисто ди-Реджина — чрезвычайный посланник Неаполитанского королевства в России в 1848—1862 годах.

⁴⁶ Очевидно, речь идет о предварительных условиях мирного договора, определен-

ных во время личной встречи императоров Наполеона III и Франца-Иосифа, состоявшейся через три дня после заключения перемирия в Виллафранке.

⁴⁷ Очевидно, имеется в виду барон Мейендорф Александр Казимирович (1798—1865) — член совета министра финансов и Мануфактурного совета того же министерства.

⁴⁸ Граф Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809—1881) — генерал-адъютант, член Государственного совета, в 1847—1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири, исследователь Амура.

⁴⁹ Есаул Хитров был послан в октябре 1858 г. Муравьевым-Амурским курьером в Пекин к П. Н. Перовскому, который вел там переговоры с китайским правительством об обмене ратификациями Тяньцзиньского договора и по пограничным вопросам. В апреле 1859 г. Хитров вернулся в Кяхту и был отправлен с донесением в Петербург. Об обстановке, в которой шли переговоры, Муравьев-Амурский сообщал, в частности, в письме к А. М. Горчакову от 21 февраля 1859 г.: «Китайское правительство, по обыкновению, медлит ходом дел в бесполезной переписке и церемониях; духовные лица нашей миссии трусят, по свойственной им привычке, и г. Перовский лишен всех способов иметь какие-либо сведения о происходящем в Китае... впрочем, я доволен уже и тем, что курьеры наши, хотя и с затруднениями, но ездят взад и вперед» (Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 2. М., 1891, с. 245). Договор в Тяньцзине был заключен послом Е. В. Путятиным 1(13) июня 1858 года. Он касался открытия портов для русской торговли, разрешения русским иметь православную миссию в Пекине, учреждение почты для пересылки корреспонденции между Кяхтой и Пекином. На Россию распространялись все права и преимущества политические, торговые и другие как приобретенные, так и могущие быть приобретенными впоследствии наиболее благоприятствуемой державой.

⁵⁰ Аркас Николай Андреевич — флигель-адъютант, гвардейского экипажа капитан I ранга, эскадр-майор его величества.

⁵¹ В июне 1859 г. министр финансов А. М. Княжевич подал на имя Александра II записку, в которой отмечалось, что с 1857 г. по июнь 1859 г. в Российской империи востребование капиталов из банковских установлений превысило сумму вкладов на 190 млн. рублей серебром. Это вынудило Министерство финансов выступить с предложением о ликвидации системы кредитных учреждений и создании вместо них заемных банков (ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 115).

⁵² Оболенский Дмитрий Александрович — директор комиссариатского департамента Морского министерства. Один из ближайших сотрудников К. Н., принадлежавший к либеральной бюрократии.

⁵³ Шестаков Иван Алексеевич (1820—1888) — капитан I ранга, адъютант К. Н., в 1868—1869 гг. — виленский генерал-губернатор, в 1882—1888 гг. — управляющий Морским министерством, адмирал, автор воспоминаний «Полвека обыкновенной жизни», охватывающих период с 1820-х до 1881 г. (ОР ГПБ, ф. 856, дд. 1—7). В архивном фонде К. Н. хранятся записки Шестакова «Старые мысли на новое дело», «Между делом» (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 187).

⁵⁴ Анненков Николай Николаевич (1800—1865) — генерал-адъютант, в 1855—1862 гг. — Государственный контролер; член Государственного совета; затем Киевский генерал-губернатор и командующий войсками Юго-Западного края.

⁵⁵ Граф Гурьев Александр Дмитриевич (1786—1865) — сенатор, председатель департамента экономии Государственного совета.

⁵⁶ Комитет финансов принял решение о реформировании кредитных установлений и организации заемных банков, чтобы прибегнуть с их помощью к долгосрочным внутренним займам; предложение о новых займах за границей было отклонено (ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 108).

⁵⁷ Ростовцев Яков Иванович (1803—1860) — генерал-адъютант, член Главного комитета по крестьянскому делу, в 1859—феврале 1860 г. — председатель Редакционных комиссий, ближайший сановник Александра II, поддерживавший программу Н. А. Милютина. К июлю 1859 г. либеральное большинство Редакционных комиссий, подавив реакционную оппозицию, разрабатывало основные положения законодательства об отмене крепостного права.

⁵⁸ Воеводский Платон Васильевич (ум. 1885) — капитан I ранга, с 1858 г. — вице-директор инспекторского департамента Морского министерства. С 1874 г. — вице-адмирал.

⁵⁹ Великая княжна Александра Петровна (1838—1900) — жена великого князя Николая Николаевича (старшего), дочь принца П. Г. Ольденбургского, в дневнике К. Н. иногда называет ее Низиной — от Низи, как он называл брата (см. прим. 9).

⁶⁰ Князь Лобанов-Ростовский Николай Алексеевич — капитан II ранга, адъютант К. Н.

⁶¹ Барон Унгерн-Штернберг Эрнст Романович — российский посланник в Дании.

⁶² Фридрих VII (1808—1863) — король датский в 1848—1863 годах.

⁶³ Карл XV (1826—1872) — король шведский (1859—1872), в 1854—1859 гг. — регент.

⁶⁴ Письма К. Н. к жене за 1844—1884 гг. хранятся в ЦГАОР СССР (ф. 722, оп. 1, дд. 1027—1038).

⁶⁵ Дебреценское сражение произошло 21 июля (2 августа) 1849 г. между русскими войсками и венгерским ополчением. Венгры потерпели поражение. К. Н. был участником этой битвы.

⁶⁶ Торвальдсен Бертель (1768—1844) — знаменитый датский скульптор.

⁶⁷ Графиня Даннер (Луиза Расмуссен) — третья (морганатическая) жена Фридриха VII.

⁶⁸ Письмо К. Н. к Александру II от 21 июля 1859 г. из Копенгагена, в котором он описывает «неприятную историю» с королем (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 221—222об.).

⁶⁹ Барон Бруннов Филипп Иванович (1797—1875) — дипломат, в 1840—1854 и 1858—1874 гг. — русский посланник (с декабря 1860 г. — посол) в Англии.

⁷⁰ 27 июля (8 августа) 1859 г. К. Н. писал Александру II о встрече с Путятиным: «Самое важное есть то, что ему удалось приобрести секрет Армстронговской пушки. Чертежи ее и описание я при сем прилагаю. За сим в посылке артиллерийского офицера в его распоряжение надобности нет, а 30 000 руб., сер., которые ты разрешил употребить для приобретения этого секрета, он, Путятин, полагает употребить для заказа такой пушки. У нас железное производство не имеет еще достаточного развития, чтобы по одному чертежу произвести такую замысловатую штуку, как эту пушку»; поэтому К. Н., соглашаясь с Путятиным, просил царя разрешить заказать эту пушку в Америке, т. к. в Англии считают это «национальной тайной» и «вряд ли какой-либо заводчик согласился бы принять этот заказ» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 223—224).

⁷¹ Альберт-Эдуард (1841—1910) — принц Уэльский, наследник престола Великобритании, с 1901 г. — король Эдуард VII.

⁷² Е. В. Путятин предлагал ввести строгие вступительные экзамены при приеме в морские учебные заведения, проверять пригодность воспитанников к морской службе, посылая их в море не менее чем на три года, и лишь после этого направлять в Морское училище (род Морской академии) для слушания курса высших морских наук. После этого выпускникам предстояла морская практика с исполнением мичманских обязанностей, но в звании гардемарин. В январе 1859 г. К. Н. распорядился составить программу экзаменов для поступающих (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 194, лл. 1—2; д. 192, л. 109об.; д. 174, лл. 120—121).

⁷³ Виктория I (Александрина) (1819—1901) — королева Великобритании и Ирландии, наследовала трон в 1837 году. В 1876 г. провозглашена императрицей Индии.

⁷⁴ Княгиня Мария Максимилиановна Романовская (р. 1841) — дочь великой княгини Марии Николаевны и герцога Лейхтенбергского, с 1863 г. в супружестве с герцогом Вильгельмом Баденским.

⁷⁵ Имеется в виду капитан I ранга А. А. Попов (1821—1898) — участник Крымской войны, состоявший по особым поручениям при В. А. Корнилове и П. С. Нахимове. В 1858—1860 гг. командовал отрядом корветов «Рында», «Гридень» и клипера «Опричник», плавал у берегов Японии, с 1891 г. — адмирал, один из ближайших помощников К. Н. в реорганизации флота. В письме Попова от 26 марта 1859 г. говорится о необходимости назначать в главные порты Китая и европейских колоний консулов из поданных России, которые бы стояли на страже интересов русских кораблей, заходящих в порты. Поводом к этому предложению послужило столкновение корвета «Гридень» с голландским купеческим судном на Сингапурском рейде. Голландцы предъявили необоснованные и непомерные, с точки зрения Попова, финансовые требования для покрытия причиненного ущерба. Впоследствии в Морском министерстве рассматривался вопрос о назначении на консульские должности лиц, находившихся на действительной службе, а не из числа «местных негоциантов», как это имело место (ЦГАВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, д. 1748, лл. 21—38, 64об.).

⁷⁶ Речь идет о реорганизации Морского министерства. Начало административным реформам 60-х годов было положено в Морском ведомстве. Составной частью этих преобразований была реорганизация в Морском министерстве: значительно сокращены число служащих (оставшимся увеличены оклады) и делопроизводство; для повышения пенсии уволенным по сокращению штатов была создана пенсионная эмеритальная касса, так как пенсии из Государственного казначейства были незначительны. Реорганизация преследовала цель провести децентрализацию, усилить ответственность на местах с четким разграничением прав и обязанностей местных органов министерства, освободить его от несвойственных ему функций. Департамент корабельных лесов был, в частности, передан в Министерство государственных имуществ, управление приморскими крепостями и сооружение их — сухопутному инженерному ведомству и т. д., совершенствовалась финансовая отчетность (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 192, лл. 29—32об.; д. 1117, л. 180б.).

⁷⁷ Непир Чарльз (1786—1860) — английский адмирал, в 1854 г. участвовал в блокаде русских берегов и портов на Балтийском море.

⁷⁸ Письмо от Александра II от 29 июля (10 августа) 1859 г. из Красного Села носит личный характер (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, л. 115).

⁷⁹ Masaulay Th. History of England from Accession of James the Second. Vol. 1—5. Lnd. 1848—1861.

⁸⁰ 10 (22) августа 1859 г. К. Н. писал Александру II о посещении Адмиралтейства в Портсмуте, сравнивал успехи в кораблестроении во Франции и Англии. К. Н. отме-

чал, что англичане «с нами были весьма и весьма учтивы, но больше ничего. Ясно видно, что сочувствия или симпатии к России нет никакой, и память последней войны далеко не прошла... какая разница против Франции и Сардинии, где война была противна народным чувствам и где всеми силами стараются загладить прошедшее» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 229—230).

⁸¹ Виконт лорд Пальмерстон Генри-Джон-Темпл (1784—1865) — английский государственный деятель, виг, премьер-министр в 1855—1858 и 1859—1865 годах.

⁸² В письме Александра II от 8(20) августа 1859 г. сообщалось также о «совершенном покорении» Северного Кавказа и бегстве Шамиля с сыном в Гуниб (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, лл. 117—118об.).

⁸³ Письмо Александру II имело личный характер (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 227—228об.).

⁸⁴ Дети великой княгини Марии Николаевны: Николай Максимилианович (1843—1890) — князь Романовский, герцог Лейхтенбергский, впоследствии шеф лейб-гвардии конногвардейского полка, и Евгений Максимилианович (1847—1901) — князь Романовский, герцог Лейхтенбергский.

⁸⁵ Карл-Фридрих-Александр (1801—1883) — принц прусский, сын Фридриха-Вильгельма III, генерал-фельдцейхмейстер.

⁸⁶ Возможно, генерал-майор А. П. Ахматов, член комиссии, учрежденной в Москве для рассмотрения, следствия и приговора о беспорядках и злоупотреблениях по снабжению войск бывшей Крымской и Южной армий предметами довольствия.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1990 ГОДУ

Историческое сознание общества —
на уровень задач перестройки . № 1

СТАТЬИ

Андреанов Б. В., Марков
Г. Е.— Хозяйственно-культурные
типы и способы производства . . . № 8
Билунов Б. Н., Лещилов-
ская И. И.— Основные проблемы
развития культуры славянских и
балканских народов в XVIII—
XIX веках № 12
Волков В. К.— Революционные
преобразования в странах Цент-
ральной и Юго-Восточной Европы . . . № 6
Волкогон Д. А.— Сталинизм:
сущность, генезис, эволюция . . . № 3
Дубов И. В.— Спорные вопросы эт-
нической истории Северо-Восточ-
ной Руси IX—XIII веков № 5
Кимболл Уоррен Ф.— «Семейный
круг»: послевоенный мир глазами
Рузвельта № 12
Марьяна В. В.— Чешское общест-
во о советско-германском пакте
1939 г. и начале второй мировой
войны. № 7
Моммзен В.— Историография и
социология при национал-социа-
лизме. № 11
Орлов Б. М.— В поисках союзни-
ков: командование Красной Ар-
мии и проблемы внешней политики
СССР в 30-х годах. № 4
Павлова Т. Ф.— Русский загра-
ничный исторический архив в
Праге. № 11
Рейнолдс Д.— Черчилль и «ре-
шение» Англии продолжать войну
в 1940 г.: правильная политика,
ложные причины. № 9
Сахаров А. Н.— И. Е. Забелин:
новая оценка творчества. № 7
Сорокин А. К.— Монопольная
прибыль в России. № 4
Творогов О. В.— Хронографы
древней Руси. № 1
Топольски Ежи — Методология
истории и исторический материа-
лизм. № 5
Тютюкин С. В., Шелохаев
В. В.— Революция и нравствен-
ность № 6
Тихвинский С. Л.— К истории
восстановления послевоенных со-
ветско-японских отношений № 9
Фицпатрик Ш.— Классы и

проблемы классовой принадлеж-
ности в Советской России 20-х
годов № 8
Хасс Л.— Еще раз о масонстве в
России начала XX века № 1
Шпотов Б. М.— Промышленный
переворот в США: основные черты
и особенности № 2
Эммонс Т.— Ключевский и его уче-
ники № 10

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

Бугай Н. Ф.— Правда о депор-
тации чеченского и ингушского на-
родов № 7

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТ- ВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

Булдаков В. П., Кабанов
В. В.— «Военный коммунизм»:
идеология и общественное разви-
тие № 3
Горин М. М.— Советская стра-
на в конце 20-х — начале 30-х го-
дов № 11
Горин М. М., Цакун С. В.— Ленинская концепция нэпа:
становление и развитие № 4
Донгаров А. Г.— Война, которой
могло не быть № 5
Леонов С. В.— Советская госу-
дарственность: замыслы и действи-
тельность (1917—1920 гг.) № 12
Панцов А. В.— Брестский мир № 2
Семиряга М. И.— Советский Со-
юз и предвоенный политический
кризис № 9

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Никон, иеромонах — Начало хрис-
тианства на Руси № 6
— Век Крещения № 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Ананьич Б. В., Ганелин
Р. Ш.— Сергей Юльевич Витте № 8
Бачинский П. П., Табачник
Д. В.— Афанасий Петрович Люб-
ченко № 12
Безбережье С. В.— Мария
Александровна Спиридонова № 9
Боханов А. Н.— Савва Мамонтов № 11

Зырянов П. Н.—Петр Аркадьевич Столыпин	№ 6
Мясников В. С.—Мао Цзэдун	№ 1
Немировский А. И.—Евангельский Иисус как человек и проповедник	№ 4
Паицов А. В.—Лев Давидович Троцкий	№ 5
Похлебкин В. В.—Олоф Пальме	№ 7
Трухановский В. Г.—Бенджамин Дизраэли	№ 2
Федоров В. А.—Александр I	№ 1
Ягья В. С.—Хайле Селассие I	№ 10

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева	№№ 2—12
---	---------

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Деникин А. И.—Очерки русской смуты	№№ 3—12
Керенский А. Ф.—Россия на историческом повороте	№№ 6—12

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Конквест Р.—Жатва скорби (главы из книги)	№№ 1, 4
Томас Х.—Гесс. Рассказ о двух убийствах	№ 4

ПУБЛИКАЦИИ

Дневник Великого князя Константина Николаевича (Вступительная статья Захаровой Л. Г.)	№№ 5, 8, 12
Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов (Предисловие Букова К. И.)	№ 7
Люксембург Р.—Рукопись о русской революции (Вступительная статья Дробкина Я. С.)	№ 2
На роковом пороге (из архивных материалов 1939 года)	№ 3
Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в апреле 1917 года (Вступительная статья Гальпериной Б. Д.)	№ 4
Письма В. Г. Короленко Х. Г. Раковскому (Вступительная статья Чернявского Г. И.)	№ 10
Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции	№№ 2, 5, 6, 9, 12
Судьба Михаила Романова	№ 9
Троцкий Л.—Сталинская школа фальсификаций	№ 1
У истоков Пагуошского движения	№ 1

СООБЩЕНИЯ

Грехов В. Н.—Расправа с руководством комсомола в 1937—1938 годах	№ 11
Кулешов Н. С.—Россия и тибетский кризис начала XX века	№ 11
Поздеева И. В.—Московское	

книгопечатание первой половины XVII века	№ 10
Рабинович М. Г.—Древний центр Москвы	№ 3
Ткаченко П. С.—Восприятие революционными разночинцами идей западно-европейского утопического социализма	№ 11

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Анохин Г. И.—Исландцы	№ 8
Белова Н. К.—Персидский путь «Искры»	№ 5
Виноградов А.—Конец Муссолини	№ 5
Друговская А. Ю.—Цензурой запрещено	№ 4
Ефремова Н. П.—Эмилия Пименова	№ 11
Кудрявцев Г. Г.—Красный стяг над Осмуссааром	№ 3
Кучкин В. А.—О дате основания Московского Данилова монастыря	№ 7
Макаренкова Е. М.—Новые документы о Л. Н. Гартмане	№ 3
Нечаев Г. А.—Необычный перелет Орлова Н. К.—Новое об Обществе военных друзей	№ 10
Панфилов И. Ф.—Вацлав Миллер	№ 8
Писаренко Э. Е.—Арбузный бунт	№ 11
Русанова И. П., Тимощук Б. А.—Во времена Збручского идола	№ 8
Сенин А. С.—Армейское духовенство России в первую мировую войну	№ 10
Скржинская М. В.—Скиф Анахарсис	№ 7
Сластникова Л. А.—Сведения о Китае в первой русской печатной газете	№ 10
Ягодинский Е. А.—Первые советские коменданты Зимнего дворца	№ 4

ИСТОРИОГРАФИЯ

Адо А. В.—Е. М. Кожокин. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции	№ 7
Алеф Г.—А. А. Зимин. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.	№ 7
Бажова А. П.—С. Н. Кайдаш. Сила слабых. Женщины в России (XI—XIX вв.)	№ 3
Баутдинов Г. А.—А. Иванов. Сто лет труда фриулов в России	№ 1
Безрогов В. Г.—Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в.	№ 5
Блуменгау С. Ф.—Ж. Соле. Революция в вопросах	№ 9
Вайну Х.—М. Покшпий. Рождение войны продолжения. История военного сотрудничества Германии и Финляндии в 1940—1941 гг.	№ 4

- Виноградов В. Н.— Г. А. Космач. Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики. Идеология и политика Немецкой демократической партии в 1918—1929 гг. № 8
- Восстановить справедливость № 6
- Голобуцкий В. А.— А. И. Путро. Левобережная Украина в составе Российского государства во второй половине XVIII в. № 4
- Гордон А. В.— А. В. Адо. Крестьяне и Великая Французская революция. Крестьянское движение в 1789—1794 гг. № 4
- Гутнова Е. В.— Н. А. Хачатурян. Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. № 10
- Динкин Д. И.— А. Марш, В. Райен, Моряки. История Национального союза моряков, 1887—1987 гг. № 9
- Ибрагимбейл и Хаджи Мурат — Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля против царизма и местных феодалов № 6
- Калашников Н. И.— А. В. Кива. Национально-освободительное движение: теория и практика № 10
- Каменский А. Б.— Л. П. Белковец. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг № 4
- Кантор Р. Е.— В. Л. Мальков. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии № 4
- Карацуба И. В., Мельникова О. Б.— Д. Л. Рэнсель. Матери нищеты. Брошенные дети в России № 9
- Квирквелия О. Р.— А. С. Уйбо. Теория и историческое познание № 11
- Кобрин В. Б.— Законодательные памятники Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты; Законодательные памятники Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века. Комментарии; Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии № 1
- Ковальский Н. П.— П. К. Гримстед. Архивы и хранилища рукописей в СССР. Украина и Молдавия № 11
- Копанев А. И.— Н. Н. Покровский. Томск 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры № 5
- Куропятник Г. П.— Роберт Аллен. Представления об Америке в России до 1917 г. № 5
- Ларин С. И.— А. Л. Щесняк. Катынь. Исторический фон, факты, документы; Катынь. Список жертв и без вести пропавших; Катынь. Сообщения, воспоминания, публицистика № 7
- Леушин М. А.— Об изучении орденской организации дореволюционной России № 4
- Лубский А. В.— А. П. Пронштейн. Источниковедение в России. Эпоха феодализма № 11
- Любарский Я. Н.— Византийская цивилизация непредубежденным взглядом (три книги А. П. Каждана о Византии) № 3
- Мезин С. А.— О. М. Рапов. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства № 1
- Мигович И. И.— С. Н. Плохий. Папство и Украина: политика римской курии на украинских землях в XVI—XVII веках № 1
- Мионов Б. Н.— Ю. Ю. Какх. «Остзейский путь» перехода от феодализма к капитализму № 8
- Мионов Б. Н., Фроянов И. Я.— Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров. История СССР с древнейших времен до 1861 года № 10
- Новицкая Т. Е.— В. И. Смолярчук. Кони и его окружение № 11
- Носков В. В.— А. И. Уткин. Теодор Рузвельт. Политический портрет № 10
- Поздеева Л. В.— Д. Димблби, Д. Рейнолдс. Отделенные океаном. Отношения между Британией и Америкой в XX столетии № 4
- Покровский Н. Н.— Проблемы истории России в работах Н. Я. Эйдельмана № 8
- Поляков Ю. А.— 1939 год. Уроки истории № 10
- Преображенский А. А.— Г. В. Алферова. Русские города XVI—XVII веков № 7
- Пушкарева Н. Л.— Е. Левина. Секс и общество в мире православных славян. 900—1700 № 7
- Рудельсон К. И., Гармаш В. Н.— П. К. Гримстед. Справочник по изучению архивных документов в СССР № 2
- Святов Г. И.— Стивен Росс. Американские военные планы 1945—1950 № 11
- Сигов Ю. И.— Ж. Баутиста Видал. Бразилия: от зависимого государства до суверенной нации № 11
- Симонова Т. М.— Ю. Хлебовчик. Между диктатом, действительностью и правом на самоопределение. Право на самоопределение и проблема границ в Центральной и Юго-Восточной Европе в период первой мировой войны и после ее окончания № 8
- Сюкова Нобуаки — Изучение истории СССР в Японии № 2
- Современный взгляд на историческую науку № 3
- Стрыканов Н. А.— А. Айрийе. Происхождение второй мировой войны в Азии и на Тихом океане № 1
- Стакло В. А.— Р. Уили. Гитлер и Испания. Роль нацистской Германии в гражданской войне в Испании № 9
- Сунь Чэнму — Ученые Китая изучают историю СССР № 8
- Тюменцев И. О.— М. Перри. Образ Ивана Грозного в русском фольклоре № 3

Хорошкевич А. Л.— В. Б. Кобрин, Иван Грозный	№ 8
Чуркина И. В.— История каринтийских словенцев с 1918 г. до настоящего времени с обзором истории всех словенцев	№ 8
Шацилло К. Ф.— А. Я. Аврех. Царизм накануне свержения	№ 9
Швейцер В. Я.— Л. Н. Бровка. Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры. 1933—1945	№ 4
Шевеленко А. Я.— Собрания фотографий средневековых источников в Европе	№ 7
Шелохаев В. В.— И. М. Пушкарева. Рабочее движение в России в период реакции	№ 9
Шельский А. В.— Э. Бауэр. Тайные сообщения о европейской эмиграции в Лондоне 1852—1861 годов	№ 2
Шмидт Е. А.— Д. А. Авдусия. Основы археологии	№ 5
Юзефович Л. А.— Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII вв.	№ 5
Читательская конференция в Паланге	№ 2
«Круглый стол». Роль православной церкви в истории России	№ 3

ДИСКУССИИ

Еще раз к вопросу о «новом направлении»	№ 6
---	-----

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Бариев Р. Х.— Писать всю правду об истории народов среднего Поволжья	№ 7
Беляцкий А. В.— Преподаватель — преподавателю	№ 11
Вайнмайер К., Павлова Т. А.— Необходимое уточнение	№ 10
Горяинов А. Н.— Еще раз об «академической истории»	№ 1
Есипов В. В.— Был ли Нечаев революционером?	№ 11
Жуковская Ю. З.— О «неистовом Мартемьяне»	№ 3
Зотов Б. И.— «Бесовская песня» Кирилла Туровского?	№ 7
Закс А. Б.— 1929 год: несколько штрихов	№ 6
Золин П. М.— Памятниковедение — наука	№ 3
Иванов Ю. Ф.— К истории одной фальсификации	№ 10
Каменский А. Б.— Были ли Романовы Романовыми?	№ 8
Конасов В. Б., Терещук А. В.— Новый подход к учету безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны	№ 6
Капустян А. Т.— «Дымовское дело»: мнимое и реальное	№ 7
Кип Дж.— Всеобщая история и плюрализм подходов	№ 2

Кравец А. С.— О военно-административной деятельности Э. И. Тотлебена	№ 2
Крикун В. П.— Затерянная записка	№ 5
Минаков А. Ю.— Феномен нечаевщины должен быть переосмыслен	№ 11
Нойборт Л. Е.— Вновь о якобинском терроре	№ 11
Панеях В. М.— О практике издания русского актового материала Об издании научного наследия А. А. Зимина	№ 9
Пикман А. М.— Poleмики просто не было	№ 2
Письмо А. Ротштейна	№ 3
Письмо в редакцию	№ 4
Письмо И. С. Катченковой и А. З. Пухальского по поводу статьи Ю. А. Бера	№ 11
Полвинен Т.— Финляндия в международной политике до «зимней войны»	№ 10
Попов М. Я.— «До народа и пальцем не дотрагивайтесь!»	№ 8
Рапов О. М.— По поводу рецензии С. А. Мезина	№ 10
Реплика	№ 8
Соколов А. Б.— Перестройка школьного исторического образования в Англии	№ 11
Соколов Б. В.— Правда или новая легенда?	№ 3
Троицкий Н. А.— Первоисточник русских данных о потерях Наполеона при Бородине	№ 9
Усыскин Г. С.— Каким будет новое издание сочинений В. И. Ленина?	№ 5
Хохульников К. Н.— О судьбе Донского исторического архива	№ 9
Хэн Ян — Об эстетике нумизматики	№ 10
Читатели предлагают, критикуют, советуют	№№ 1, 2

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

А. Ш.— Этнографическое изучение русского народа	№ 4
Корчагина М. Б.— Совещание историков-германистов	№ 4
Обсуждение школьного учебника по истории СССР	№ 1
Основные выводы и рекомендации Всесоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в.»	№ 1
Р. К.— «Круглый стол» — 500-летие открытия Америки: встреча двух цивилизаций	№ 1
Тихвинский С. Л.— Заседание Бюро МКИН	№ 1

НЕКРОЛОГИ

Бромлей Юлиан Владимирович	№ 9
Галкин Илья Саввич	№ 8

CONTENTS

Articles: **Warren F. Kimball**. "The Family Circle": Roosevelt's Vision of the Postwar World; **B. N. Bilunov, I. I. Leshchilovskaya**. Basic Development Problems of the Cultures of the Slav and Balkan Peoples in the 18th-19th Centuries. The History of Soviet Society: New Approach: **S. V. Leonov**. Soviet Statehood: Ideas and Reality (1917—1920). Essays on the History of the Russian Orthodox Church: **Hieromonk Nikon**. The Century of Baptism. Historical Profiles: **P. P. Bachinsky, D. V. Tabachnik**. Afanasi Petrovich Lyubchenko. Reminiscences: Khrushchev's Memoirs. History and Lives: **General A. Denikin**. Essays on the Troubled Times in Russia; **A. F. Kerensky**. Russia at the Turnpoint of History. Publications: Minutes of the Central Committee of the Party of Constitutional Democrats during the Period of the First Russian Revolution; The Diary of Grand Duke Konstantin Nikolayevich (June-August 1859).

SOMMAIRE

Articles: **Warren F. Kimball**. «Cercle familial»: le monde d'après-guerre vu par Roosevelt; **B. N. Bilounov, I. I. Lechtchilovskaïa**. Les problèmes essentiels de développement de la culture des peuples balkaniques et slaves aux XVIIIe-XIXe siècles. Histoire de la société soviétique dans l'optique nouvelle: **S. V. Léonov**. La structure d'Etat des Soviets: projets et réalité (1917-1920). Précis d'histoire de l'Eglise orthodoxe russe: **Le moine-prêtre Nikon**. Le siècle de baptême. Portraits historiques: **P. P. Batchinski, D. V. Tabatchnik**. Afanassi Pétrovitch Lubtchenko. Mémoires: Les mémoires de Nikita Serguêevitch Khrouchtchev. L'histoire et les destinées: **Le général A. I. Dénikine**. Les aperçus du temps trouble: **A. F. Kerenski**. La Russie dans le tournant historique. Ecrits inédits: Les procès-verbaux du C.C. du parti des démocrates constitutionnels de la période de la première révolution russe; Le journal du grand-duc Konstantin Nikolaévitch (juin-août 1859).

SUMARIO

Artículos: **Warren F. Kimball**. «Seno de la familia»: el mundo de posguerra visto por Roosevelt; **B. N. Bilunov, I. I. Laschilóvskaïa**. Los principales problemas de desarrollo de las culturas de los pueblos eslavos y balcánicos en los siglos XVIII y XIX. Nueva interpretación de la historia de la sociedad soviética: **S. V. Leónov**. El sistema soviético de Estado: las ideas y la realidad (1917—1920). Ensayos de historia de la Iglesia ortodoxa rusa: **Hieromonje Nikon**. Siglo del bautismo. Retratos históricos: **P. P. Bachinski, D. V. Tabáchnik**. Afanasi P. Lúbchenko. Memorias: Memorias de Nikita S. Jruschov. Historia y destinos: **General A. I. Denikin**. Ensayos de los tiempos turbios en Rusia; **A. F. Kerenski**. Rusia en viraje histórico. Publicaciones: Protocolos del CC del partido de los cadetes en el período de la primera revolución rusa; Diario del gran príncipe Konstantín Nikoláevich (junio-agosto de 1859).

Технический редактор З. П. Кузнецова

Сдано в набор 31.10.90.	Подписано к печати 21.11.90.	Формат 70×108 ^{1/16} .
Высокая печать.	Усл. печ. л. 16,80.	Усл. кр.-отт. 17,33.
Тираж 101 000 экз.	Заказ № 3012.	Уч.-изд. л. 19,08.
		Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781 ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**СТРОЙИЗДАТ В 1990 — 1991 гг.
ВЫПУСКАЕТ ПОДПИСНОЕ ИЗДАНИЕ
«РУССКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО»
В 4-х ТОМАХ**

Это издание впервые столь зримо и масштабно, на широком историко-архитектурном материале продемонстрирует замечательные достижения русской градостроительной культуры, познакомит с основными этапами ее развития от X до второй половины XIX вв.

Иллюстрации, занимающие около половины общего объема, дадут наглядное представление об архитектурных ансамблях, структуре и композиции городов, особенностях их застройки. Широко привлечены архивные материалы, иконография, изображения городов современниками. Значительная часть иллюстраций дается в цветном изображении.

Первый том — древнерусское градостроительство X—XV вв.

Второй том — градостроительство Московского государства конца XV—XVII вв.

Третий том — архитектурно-градостроительное развитие вновь основанной российской столицы — Петербурга и ряда других новых городов.

Четвертый том — развитие и реконструкция древней столицы Москвы и многих старых русских городов, перепланированных во второй половине XVIII — первой половине XIX в. на регулярной основе.

Условия подписки:

Ориентировочная стоимость издания 120 руб. При подписке вносится задаток 15 руб., который засчитывается при получении последнего тома.

Подписка принимается книжными магазинами, распространяющими подписные издания.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В 1991 г. Информационно-издательский центр Госкомстата СССР продолжит издание серии «История статистики».

- Выпуск 1.** Моральная статистика (статистика преступности, самоубийств, алкоголизма, наркомании, проституции, бродяжничества и др. социальных аномалий).
- Выпуск 2.** Индексы цен и стоимости жизни (различные подходы к измерению динамики цен и стоимости жизни населения в 20-е годы).
- Выпуск 3.** Бюджетные обследования (методология и практика проведения бюджетных обследований крестьянских хозяйств и городского населения, существовавшие в 20-е годы).
- Выпуск 4.** Конъюнктурные исследования (анализ конъюнктуры рынка, наблюдение за ценами на продукцию промышленности и сельского хозяйства, изучение емкости отраслевых и региональных рынков).

В сборники войдут впервые публикуемые методические материалы, уникальный статистический инструментарий, малоизвестные работы и дискуссии того времени, богатый статистический материал.

Издание ориентировано как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами нашей сегодняшней жизни и подходами к их изучению, существовавшими в 20-е годы.

Стоимость подписки на всю серию — 15 руб. 50 коп. Стоимость подписки на отдельные выпуски — 5 руб. 00 коп.

Заказы с копией квитанции об оплате просим отправлять по адресу: 103450, Москва, ул. Кирова, 39, информцентр Госкомстата СССР, НТИ. Наш расчетный счет № 608605 в Сокольническом отделении ПСБ г. Москвы МФО 201218.

Телефон для справок: 921-99-82.

